

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

**ЖИЗНЬ КАК СОН:
ВСТРЕЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ**

Роман-новеллино

Москва
Академия российской литературы
«Новые Витражи»
2022

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени: Роман-новеллино (двенадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— Москва: «Новые Витражи», 2022.— 383 с., (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-6047770-1-5

Путешествие во времени, преимущественно в неведомое будущее, есть излюбленный литературный прием не только писателей-фантастов, но и сугубых реалистов, более того, приверженцев метода критического реализма. Именно им жанр временных перемещений дает сюжетно-фабульный простор для жизне- и бытописаний актуальной действительности сравнением с бывшим или будущим. Философская основа такого сравнения суть эвфемизм «бритвы Оккама» в варианте: что было, то уже не будет. Вот и наши постоянные персонажи, профессор Скородумов, писатель Бурцев и незабвенный доцент по кафедре ракетостроения Николай Андреевич, решили воспользоваться своими личными машинами времени, иногда пересаживаясь на винтажные советские велосипеды и новомодные китайские электросамокаты. Ими движет не примитивное любопытство — а что нас ждет в будущем? И не понятная ностальгия по прошлому, дескать, Сталина на вас, нынешних, нет! Ведь профессор Скородумов, автор многих научных книг по расчеловечиванию в эпоху империалистической глобализации, разработал и новую теорию встречных путешествий во времени, которые откладываются в голове такого вояжера и в итоге приводят к пониманию извечной истины: жизнь есть сон, благодетельный даже для отдыхающего разума. Но это только в спокойные периоды социальной эволюции человечества. Когда же на него наваливается Великий глобализатор, родной брат Великого инквизитора Ф. М. Достоевского, то «сон разума порождает чудовищ», как у великого мастера кисти. Этих чудищ в их многоликости мы наблюдаем сейчас воочию. И в своих путешествиях, в основном чудаковатых, трое наших героев убеждаются: именно нынешняя «брита Оккама» разрешила эволюцию человека на абсолютно чуждые друг другу половины. Автор книги, дополняя мысли своего персонажа Скородумова, как Данте Вергилия, взял своим проводником в глобалистический ад все предвидевшего Достоевского. Именно Федор Михайлович дает в книге «установки» к новеллам — в форме эпиграфов из своих нетленных произведений.

Иллюстрация на обложке Олеси Янгол (Юрмала, Латвия).

© Яшин Алексей Афанасьевич,
текст, макет книги, 2022

ПРОЛОГ: ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАШИНЕ ВРЕМЕНИ ВО СНЕ И НАЯВУ

Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре.

Ф. М. Достоевский «Бесы»
(монолог Шатова)

♦ Предисловия к книгам пишутся авторами либо от отчаяния, либо от творческого восторга: первое — когда у сочинителя в голове, точнее в правой ее половине, отвечающей за всевозможные художественные творчества, при начале рукописания присутствуют самые туманные соображения о содержании будущего — не всегда бессмертного — творения. Второе же наличествует у хитрованских литераторов, что пишут предисловия уже к сочиненной книге. А зачем пишут? — литературная вроде как традиция. Ну и аминь на том.

Еще о названии оговоримся. Если бы оно звучало «Жизнь есть сон», то следовало и в заголовке книги поставить его в кавычки. Опять же литературная традиция: если название уже ранее, у другого, понятно, писателя было использовано, то в «новодеде» оно закавычивается. А если встречаются исключения, как, например, одинаковые названия «Василий Теркин» у романа Петра Боборыкина и поэмы Александра Твардовского и «У последней черты» Михаила Арцыбашева и Валентина Пикуля, причем более поздние Твардовский и Пикуль свои названия в кавычки не брали, то это скорее от неполного знакомства Александра Трифоновича и Валентина Саввича с очень известными всей России

писателями конца XIX — начала XX веков: автором многих популярных романов Петром Боборыкиным и эпатажным литскандалистом Михаилом Арцыбашевым. Причем первый из них был настолько знаменит, что название романа «Василий Теркин» стало почти что нарицательным, вот, очевидно, и всплыло в памяти Твардовского вне связи с Боборыкиным, к тому времени комиссией Луначарского — Крупской изъятого из «круга чтения» советских трудящихся... Тож и Пикуль на слуху ухватился за название, но, видимо, ему подсказали, поэтому он без самооправдания, начиная со второго издания романа о Григории Распутине, это самое название изменил.

...И чего это мы прицепились к спорным, повторяющимся наименованиям книг? — а к тому, что перу Педро де ла Кальдерона (1600—81), автора ста восьмидесяти (!) драм, принадлежит гениальное произведение — философско-символическая драма «Жизнь есть сон». Кстати, в некоторых изданиях на русском языке переводится и «Жизнь как сон» — потому мы и задумались щепетильно «насчет закавычивания», затем и начали предисловие тоже с чего-то, смахивающего на самооправдание.

Эта пьеса не только самое выдающееся творение Кальдерона, но и не поддающееся до сих пор однозначному толкованию, идейно-сюжетному, как принято именовать в литературоведении. На то и философская символика, что она не вписывается в «уставные» каноны науки о литературе. Так нам в Литературном институте объяснял эту пьесу Кальдерона наш преподаватель, известный специалист по зарубежной, европейской литературе XVI—XVIII веков профессор Артамонов. И если почти четыре века тому назад Кальдерон углядел в жизни сходство со сном — в калейдоскопичности видений в нем, — то что же нам остается, когда сама жизнь стала непрекращающимся сновидением? Однако — к сути.

♦ В советское время, особенно в «золотые» его 60—70-е годы, инженерная работа в НИИ-КБ, а это был многомиллионный класс трудящихся, напоминала что-то среднее между клубом по интересам и местом исполнения своих служебных обязанностей: чертить на ватмане в конструкторском зале, дымить паяльником и смотреть на экран осциллографа в лаборатории, бегать по цехам к технологам и так далее. А в курилках, в укромных углах конструкторских залов и лабораторий хохот от анекдотов про Чапаева, чукчей и «руководителей партии и правительства». Здесь же обмен впечатлениями от прочитанных свежих номеров толстых литературных журналов. Словом, то было время, когда человек утром с охотой шел на работу, а вечером с удовольствием возвращался домой.

Юмор и необходимая сатира не ограничивались анекдотами. Не удержусь от личного воспоминания. Трудовое утро. Мужики только собираются идти на перекур, а девушки-женщины, соседки по конструкторским кульманам и лабораторным столам, еще не до конца обменялись последними сплетнями о сослуживцах и начальниках. Атмосфера ублаженности неспешного начала трудодня. За двадцать минут до одиннадцатичасовой физкультурзарядки в нашу лабораторию вошел, изображая на лице загадочное выражение, Сашка К. (он потом закончит сценарный факультет ВГИК'а — раньше чем я Литинститут, и также опередит меня с вступлением в Союз писателей СССР).

Молча кладет передо мною сегодняшний номер «Правды», тычет пальцем в передовицу: «Внимательно прочитай!» Читаю, не выказывая ни интереса, ни удивления по части успехов со строек коммунизма, запуска новых спутников и всеобщих успехов в труде. Сашка забирает газету и уходит восвояси, но после одиннадцатичасовой зарядки вновь является и

вдругорядь кладет газету передовицей вверх, но уже испещренной подчеркиванием красным карандашом слов и целых предложений. «Читай подряд все выделенное», — заговорщицки шепчет Сашка. Читаю и — о ужас! Геббельс, доктрина Даллеса, фултонская речь Черчилля, речи в сенате «Бешеного Барри» (Голдуотера то есть), гулаговские фантазии Солженицына, что в «слепых» ксерокопиях ходили в те годы по рукам молодых инженеров — это безобидный детский лепет по сравнению с сокращенной блудливой рукой умеренно, по-домашнему, безопасно диссидентствующего Сашки К., будущего сценариста студии военно-документальных фильмов, передовицей центрального печатного органа ЦК КПСС.

Опять-таки: к чему это мы вспомнили золотые советские годы и историю с «сокращенной» передовицей «Правды»? — А к тому, что «мысль изреченная есть ложь» — это из мировой мудрости. В понятийном изложении: мышление человека настолько образно богато и оперирует высшей аналоговой логикой, не укладывающейся в известные научно формализованные каноны, что отображение работы мысли в словах — мысленно, то есть про себя произносимых, изустных или письменных — есть всего лишь нулевое приближение к работе сознания, а уж тем более к творческому подсознательному мышлению... Нам представляется, что примером с передовицей из «Правды» мы наглядно проиллюстрировали таковое положение.

Иллюстрация иллюстрацией, но вывод малоутешительный для человека как субъекта мышления и объекта изложения своих мыслей. И это речь идет о *homo sapiens sapiens* биологическом и творчески мыслящем, каковым он сложился где-то к середине XIX века — перед самым наступлением эпохи империализма. Но вот нынешний обитатель человеиника, уже в достаточной степени расчеловеченный и

умозамещенный, вирусом цифрофрении вплотную подведенный к рубежу, отделяющему человека биологического от биотехнического робота,— и вовсе утрачивает качество творческого мышления, а раз утрачивает, то и излагать-то нечего?! Свершилась в действительности масонская символика: змея, жалящая себя в хвост...

Действительность нынешняя уже превзошла предвидения глобализма в романе «1984» Джорджа Оруэлла с его девизом: «Правда есть ложь». Псевдочеловек нынешний, как субъект и объект одновременно, живет в мире *кажимости*, а такая жизнь есть сон — прежде всего сон разума, как у выдающегося художника в образах его картин... вернее, уже артефактов разума.

♦ «Сон разума порождает чудовищ», а сон его остатков всеобъемлющую кажимость. Этот термин, совсем недавно введенный* в обиход нашим другом и научным коллегой, выдающимся современным ученым, президентом Ноосферной общественной академии наук Александром Ивановичем Субетто, бьет не в бровь, но в глаз существованию — жизнью человеческой ее назвать трудно — нынешнего расчеловеченного обитателя глобализованного, хотя бы пока и не до конца, мира.

Кажимость семантически включает в себя все разнообразие современных терминов лицемерия: политкорректность, толерантность (правильнее — толерастия в ядовито-уничижительном поименовании), общечеловеческие ценности (то есть доллары и евро...), особенные люди или люди с особенностями, бурно возродившийся старинный феминизм и суфра-

* Субетто А. И. Диктатура кажимости на фоне рыночного экоцида основ жизни России и человечества на Земле: Научно-философский очерк / Под ред. В. Т. Пуляева.— СПб: Астерион, 2021.— 28 с.— Прим. авт.

жизнь, ювенальная юстиция, многоликая лояльность, социальная и половая (то есть извращенческая) терпимость, гендерное равноправие, свобода выбора пола и многое другое. Известнейший древнеиудейский врач Маймонид высказал революционное, по отношению к законам иудаизма, положение: *не человек для субботы, но суббота для человека*, хотя бы он имел в виду только допустимость совершения медицинских действий в субботу — шабад. Для нынешней эпохи торжествующей кажимости уже полностью вступило в права сходное утверждение, только инвертированное: *не закон для человека, но человек для закона*. И его частные варианты, например: не знание для мышления, но «голая» информация для уравнивания в незнании, ибо, даже на пару-тройку минут задумавшись, любой самодостаточно мыслящий человек согласится, что в нынешнем мире главенствует не знание, но именно эта «голая», то есть не дающая никаких стимулов к размышлению, информация. Другой частный вариант — это собственно юридический закон (мы же говорим о законе в обобщенном его понимании, как о законе социальной, человеческой эволюции), но здесь и пояснения не нужны...

И римское право, которое сейчас лежит в основе социального мироустройства большинства стран, исключая англоязычные, в которых используется право прецедента, и некоторые азиатские государства с национально-религиозной традицией, понимается широко, юстиция здесь именно частный случай. Существенно здесь обозначить одну из базовых формул широко понимаемого римского права: закон не действует в момент совершения преступления. Кстати говоря, почему-то новые генерации юристов вроде как «впервые об этом слышат», то есть почему-то Великий глобализатор стремится изъять это основание римского права из обихода; но ведь он ничего не

делает зазря, не обдумавши всесторонне. А почему? Ведь это положение, хотя бы и неакцентируемо, что называется «не называя по имени», широко применяется в юстиции: действительно, какой-то закон действует в момент совершения преступления: не убий? не укради? не... и прочее. На этом положении зиждется как действие служителей закона в экстремальных ситуациях, так и право на самозащиту и так далее. Любой квалифицированный юрист с охотой прочтет вам — на ваш заинтересованный вопрос — двухчасовую лекцию...

То же самое, публично замалчиваемое, основание римского права действует во всех аспектах социальной эволюции человека, его социумной организации. Даже Великий инквизитор Ф. М. Достоевского из «Братьев Карамазовых», дальний предок Великого глобализатора, признавал действенность этого основания (перечтите главу пятую второй книги романа и убедитесь в этом). А вот набравшийся эволюционного социального опыта Великий глобализатор отрицает... И есть почему отрицать: опять же кажимость. Замалчивая базовую формулу римского права, Великий глобализатор тем самым создает видимость ее недействия, противоречия истине. А зачем? — Вот таковой представляется разгадка: само явление глобализации — действенности империализма на его высшей и завершающей стадии — есть расширенно понимаемое *преступление* империализма против человечества, хотя бы он сам себя жалит в хвост, по принципу Людовика XIV: *aprus moi le deluge* (после меня хоть потоп). А раз это есть преступление, то естественный эволюционный закон *не действует*. Но это надо всячески скрывать от социума. Хотя бы на сегодняшнем этапе глобализации, когда еще сохраняется качество самодостаточности мышления у определенного круга людей. А раз так, то только кажимость! Ничем не хуже той, что видит посети-

тель нынешнего ресторана, где — по названию — вроде как должны кормить, но ему приносят большую, едва не с тележное колесо, тарелку, в центре которой положена микроскопическая пайка чего-то малосъедобного с громким (в меню) американским названием из нескольких слов...

Грандиозный пример кажимости, что у каждого на виду и слуху (утюг в сеть включишь — и он о том же поет...) — это всемирная кампания оцифровывания, кажимость, когда происходит подмена: естественное по движению научно-технического прогресса — точнее, сейчас «перегрева»! — оцифровывание научных исследований и промышленности *подменяется* оцифровыванием, уже цифрофренией, быта и всей личной жизни человека, что потребно Великому глобализатору для расчеловечивания и превращения человека в биоробота — придатка мегамашины глобализации.

И так во всем; опять же вычеркните из разумной жизни своей — но для пользы познания! — пару часов времени и пройдите по телеканалам. Сами для себя с выводами определитесь... Вот русский человек, веселый по натуре, запоздал с расчеловечиванием, а потому порой, особенно приняв на грудь стакан «очищенной», беззлобно иронизирует над кампанией цифрофрении. Понятно, у нас историческая, с петровских времен, лень, перемеживаемая с административно-бюрократической штурмовщиной: «месячник бдительности», «пятилетка за три года», «всероссийский диктант по русскому языку» и пр. и пр. Оно и понятно. Все к нам идет из Европы: грандиозная европейская наука и культура и робкая русская — за первой три тысячелетия *ровного* становления и развития, включая античность; за второй лишь два, от силы три, века догоняющего пути... Предельно метко сказал Лев Давидович Троцкий, не только ленинский «иудушка», но и блестящий

публицист («Литература и революция», 1922), что Россия есть страна, вечно догоняющая (насчет «перегнать» — это сложно сказать) просвещенную Европу. То есть Россия за последние три десятка лет, но особенно с «всплеском в лихие девяностые», должна была хотя бы внешне, в исторической кажимости, «пройти» путь Европы периода империализма, то есть вековой путь. Отсюда опять же штурмовщина, цифрофрения и — от вечной торопливости не отстать от Европы — кажимость в квадрате. Главное, смех у народа еще не потерян окончательно — значит весело! Одно настораживает: уже вторую пятилетку нет новых анекдотов. А согласно Фрейду, его работе «Остроумие в его отношении к бессознательному», отсутствие анекдотов, как высшей формы остроумия, есть, увы, признак угнетения бессознательного — базиса человеческого мышления, именно *творческого* мышления.

...Еще раз отметим, что для глобализма нет выделенных «партий и правительств», классов и собственно самоидентифицированных социумов. Это как в Евангелии: несть римлянина, несть иудея... Ибо христианство тоже было *единством мира*. Только служило оно обратной глобализму цели: *очеловечиванию*.

♦ Однако не будем углубляться в «технологию» (это слово любому творческому человеку сейчас почти что ненавистным стало...) и методологию действий Великого глобализатора по расчеловечиванию — интересующиеся могут обратиться к нашей книге по этой теме*. А мы вернемся к уже упомянутому:

* Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульского госуниверситета, 2016.— 460 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).— Прим. авт.

«мысль изреченная есть ложь». Федор Михайлович Достоевский очень даже схоже утверждает: «...*По-тому что ведь многие из ощущений наших, в переводе на обыкновенный язык, покажутся совершенно неправдоподобными*» («Скверный анекдот»). И наши коллеги по литературному цеху хорошо знают главенствующую из мук творчества: как передать подсознательно сформировавшийся художественный образ — облечь его в форму романа, повести, поэмы, рассказа и так далее — в словесном выражении наиболее адекватно, с минимальной степенью «лжи», понимаемой обобщенно? Здесь на помощь приходит правильно выбранный жанр и, так сказать, литературная манера. Вряд ли писатель, поэт тем более, делает это осознанно: здесь срабатывает интуиция — чем больше творческий опыт и стаж, тем она действеннее. Вот эта самая творческая интуиция и подсказывает: если подсознательный художественный образ неконкретен, сформировался в некотором абрисном виде, то и словесное его выражение тем адекватнее, чем ближе оно будет к таковому абрису. Наука психолингвистика одобрит нас за такую мысль...

Вот отсюда и частота обращения писателей «всех времен и народов» к таким «абрисным жанрам» на-вроде путешествий во времени, освобождающим от конкретик описаний, композиционных, фабульных и пр. «литературных цепей». Так сказать, полная свобода плавания по воле литературных волн... Понятно, что термин «путешествие во времени» понимается в широком его толковании; просто идефикс «машины времени» как-то возобладали в писательском ремесле. Как, например, американизм «проблема» в современном американо-нижегородском наречии, используемом СМИ, заменивший до двух десятков чисто русских синонимов, возобладали сейчас и в разговорном языке...

Человек по природе ленив; *«досуг нужен человеку, право на лень»* — еще раз вспомним Троцкого (см. указанную выше его книгу). Но лень — мать изобретательства! И обращение писателя к «абрисным жанрам» суть не просто лень конкретизации, композиционной логики и пр., но именно свобода самовыражения. Такие жанры уже преизобиловали в античной литературе, еще больше — в средневековой. Новый импульс им дало европейское Возрождение и Новое время. Отсюда и изобилие всевозможных гофманиан и фаустиад. Русская литература, запоздавшая за европейской на тысячи лет (см. выше), тоже имела всплеск «абрисных жанров», пришедшийся на начало XX века. Назовем, что называется наугад, «Похождение Невзорова, или Ибикус» А. Н. Толстого, «Чудесную жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» классика русского Серебряного века Михаила Кузмина. И на «Огненного ангела» Валерия Брюсова можно указать. И у нас есть опыт написания подобного*. Теперь вот *«Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени»*.

...Опять-таки только гений Ф. М. Достоевского мог столь философски-образно дать определение сверхзадачи — сложности и трудности «перевода на обыкновенный язык» абрисной художественной мысли: *«Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму. И эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность*

* Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях.— Тула: «Гриф и К», 2004.— 481 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).— За эту книгу автор был удостоен литературной премии им. Л. Н. Толстого.— Прим. авт.

ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!» («Хозяйка»).

...Ни прибавить, ни отнять, тем более — ни усомниться. Предельно расхожее: писатель всю свою <творческую> жизнь пишет одну единственную книгу, но в первую очередь это может быть отнесено к Достоевскому.

Путешествие во времени, тем более усложненное — встречное, счастливо объединяет «лень для творчества» и абрисное воплощение «без лжи» творческой же работы подсознания. Примем это за аксиому, то есть нечто, не требующее доказательства. Тем более, что для литературного творчества любое доказательство вторично: оно для школьных уроков литературы и диссертаций по литературоведению. А если это путешествие по времени жизни, представленной сном, то лжи здесь вовсе не место: жизнь не может быть ложью — ложь лишь одна из многих ипостасей человеческого бытия. Гарантом здесь является любовь — антитеза лжи. Но вот что является содержанием сна? — «Что такое юность? — Сон. Что такое любовь? — Содержание сна». — Только ли за юность ответил на этот вопрос в своих «Размышлениях» создатель литературного экзистенциализма Сёрен Аби Кьеркегор — последователь Достоевского? А если любовь во всю жизнь?

♦ В советском кинофильме «Это все о нем» с Евгением Леоновым в главной роли персонаж фильма говорит: «В меня вложили столько информации, что я уже не могу самостоятельно мыслить». Глубоко и пророчески сказано! Вспомнили же эту фразу к тому, что на настоящий момент времени в отечестве нашем (пока здесь Запад с его империализмом-глобализмом нам не указ), где литературный процесс еще теплится — пока не дотлева-

ет, — имеем укрупненно три вида писателей и читателей с их глубокой обратной связью.

К первому условно отнесем таковых с еще советской закалкой, то есть воспитательно и образовательно сформировавшихся в Советском Союзе. Для них характерны: врожденное чувство неприятия частнособственничества, даже если в силу необходимости им и приходится таковой обладать; неутраченное доминирование коллективизма (даже иллюзорного...) над буржуазным индивидуализмом; достаточно высокий образовательный уровень, непременно и литературный; преобладание *лично* приобретенного знания над *сторонне* навязываемой информацией в форме оглуляющего и разорганизующего информационного шума; и главное качество: советский человек целенаправленно воспитывался и образовывался как *творческий конструктор* — в широком понимании последнего слова, а художественная литература в таком процессе воспитания и образования являлась «подстилающим ложем» — мотиватором творческих устремлений. Для примера вспомните романы Даниила Гранина, Вениамина Каверина, Ивана Ефремова, Александра Крона — на их героях воспитывались поколения таких творческих конструкторов во всех отраслях человеческой деятельности.

Ко второму «сословию» участников современного литературного процесса, то есть писателей и читателей, отнесем людей, становление которых пришлось на великий (но — позорный) перелом девяностых годов... сумбур — так кратко охарактеризуем их мышление. Но чтобы далее не повторяться, перейдем к третьей категории, а сумбур второй отнесем к «сердинке-наполовинку» между первой и второй.

Итак, когорта третьих, то есть уже полностью детей новейшего времени... хотя бы старшим поколениям этих «детей» уже за сорок лет. Относительное, хотя и несколько сдерживаемое генофенотипической

традицией, возрождение частнособственнического атавизма, «успешное» умозамещение и цифрофрения — все это переродило бывшего (в отцах своих и дедах) творческого конструктора в *квалифицированного потребителя*. Для литературного процесса это зеро, в лучшем случае — детективное чтиво, не на бумажном, конечно, носителе, «написанное» по компьютерным программам...

Вот в такой, пока еще не растерявшей связи, триединой среде и происходит наше встречное путешествие во времени, а жизнь остается сном, где разум соседствует с умозамещением, И все под неуспынным оком Великого глобализатора с его гибридной кухней расчеловечивания.

♦ Не станем, как то было сделано в «Историке и его Истории» (см. сноску выше), вводить в повествование традиционную для литературной фантастики техническую «машину времени» для путешествия в оном. Потому что мы здесь не фантазируем, а отображаем действующую реальность. Извиняемся за «усилительную» тавтологию. А «машину времени» суть сугубо фантазия, противоречащая законам природы. То есть не существует физико-математического описания действенности такой «машины».

Обычно здесь указывают на уравнение общей теории относительности, именуемое уравнением Эйнштейна-Гильберта. Здесь поясним. Считается — и канонизировано в научной литературе — что по просьбе Эйнштейна, не совсем владевшего математикой, выдающийся же математик Давид Гильберт, взяв за основу разработанную в XIX веке Риманом геометрию искривленных пространств, известное соотношение относительности, динамику системы трех тел Анри Пуанкаре, вывел основное уравнение общей теории относительности, то есть уравнение гравитационного поля. Значит, формирование этой теории есть коллективный (но разнесенный во вре-

мени) труд многих выдающихся ученых XIX—XX веков.

Заметим, что Гильберт сделал это уравнение симметричным, введя для этого чисто формально нулевую космологическую постоянную. Но это было правомерно: в двадцатых годах XX века советский ученый А. А. Фридман доказал, что эта постоянная отлична от нуля... Симметрия же уравнения означает его справедливость как для времени «в будущее», так и для времени «в прошлое». Но выдающийся немецкий математик Курт Гёдель строго логически доказал, что для такого уравнения (симметричного) человек может совершить экскурсию в прошлое и вернуться в настоящее, что есть нонсенс. Это ставит под сомнение окончательность вида уравнения Эйнштейна — Гильберта — Фридмана, ибо для эволюционных процессов справедлива «стрела времени» (термин Ильи Пригожина), но никак не временная симметрия. Таким образом, «машина времени» есть субъект исключительно фантазии. Пресловутый же полет человека со скоростью света с возвращением, то есть путешествие в свершившееся за время полета будущее, также является нонсенсом: с такой скоростью могут двигаться только частицы: фотоны и — пока еще гипотетические — гравитоны.

...Но человеку вовсе и без надобности «машина времени» для встречных путешествий во времени. Таковая «встроена» в каждого из нас и начинает «работать» с самого рождения человека. Признанный основоположник философии русского космизма Н. Ф. Федоров пишет в первом томе своего основного труда «Философия общего дела»: *«Мир дан не на поглядение, не мирозозерцание — цель человека. Человек всегда считал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желаниям. Мифическая стадия развития состоит не в знании только, мифизм есть действие при предположе-*

нии, что мир состоит из совокупности сознающих существ».

Определяющие слова философии Н. Ф. Федорова, неявно присутствующие и в цитированных строках, суть: *память отцов, всеобщее воскрешение и всеединство человеческого сознания*. Даже не будем корректировать для современной терминологии более чем столетней давности язык — и так все предельно ясно: для человека, как субъекта вселенского (а в ином «масштабе» его бы и не существовало!) разума, *прошлое и будущее* лишь условные названия — для выделения *настоящего*, имманентного жизни конкретного человека — тех знаний и опосредованных чувствований (образных и эмоциональных), которые этот конкретный человек воспринимает не своими органами чувств в течение своего жизненного цикла, как отображение реального физического мира, но *памятью отцов* — прошлое, а будущее — в контексте *всеединства человеческого сознания и всеобщего воскрешения*. Таковой контекст, переходя все же на современный нам русский <только без американизмов!> язык, предполагает, что будущее уже заложено алгоритмически в прошлом и настоящем, с каковым оно и составляет всеединство эволюции человека, то есть эволюции знания о сущности Мироздания. А конкретика? — читайте со вниманием Ветхий и Новый заветы, а еще конкретнее — книги Ф. М. Достоевского, который предельно ясно увидел в своем Великом инквизиторе грядущего Великого глобализатора...

Несколько дифференцируем вопрос об «экскурсиях» в прошлое и будущее. Путешествовать в прошлое — занятие совершенно обычное, будничное — навряд ли «прежде и вода была мокрее и сахар слаще». То есть обращение к прошлому суть всегда *сравнительное*, самоконтролирующее для человека. Такое путешествие не то что не страшит человека,

но ностальгически ободряет его, дескать, были времена труднее, но не было подлее (это в «лихие девяностые» так говорили). Теплом и радостями большого семейного (всечеловеческого) дома веет на нас из прошлого... А вот в будущее зачем человеку устремляться? Писателям от фантастики понятно зачем — за «скромными литературными опресноками» (гонорарами), — как писал Н. С. Лесков. А всем остальным? — вроде и вовсе незачем, ибо будущее страшит, хотя бы оно и неизбежно, но ведь неизбежно-то не для конкретного человека, а для всего человечества. — Хитрован человек по природе, всегда отвертится... Другое дело, что и мы используем путешествие во времени из прошлого в настоящее — ведь по логике это тоже путешествие в будущее? — см. известный фильм Гайдая по повести Михаила Булгакова.

♦ Встретиться во времени — это творческая сверхзадача писателя, поскольку на страницах его книги встречаются не одноклассники Петя и Федя после весенних каникул, но два сознания, неважно, двум ли персонажам принадлежащие, но скорее одному и тому же, но разнесенные (сознанием) по линейке нераздельного прошлого — настоящего — будущего. А встреча самоидентифицированных «сознаний» отвечает всем каноническим правилам построения литературного произведения: оригинальная или традиционная фабула, выверенная по этим канонам композиция, зачин — кульминация — развязка и так далее. То есть внутренний диалог таких разнесенных во времени «сознаний», с одной стороны, дает превосходный карт-бланш автору в самовыражении своей творческой цели; с другой же, не позволяет ему «воспарять», чего крайне не уважают читатели, стремящиеся в чтении «шагать в ногу» с сочинителем...

Словом, жизнь как сон и встречное путешествие

во времени — движители настоящего новеллино: без натужных фантазий, прилипчивого оптимизма и утомляющего пессимизма. А там как бог на душу положит.

И еще раз о названии настоящего новеллино. Его можно понимать двояко, в двух различных смыслах, в зависимости от постановки логического ударения: «**Жизнь** как сон» или «Жизнь как **сон**». Первое сомнительно: получается, что человек не живет, а спит на печи, как Илья Муромец в первые тридцать лет своей жизни. Но вот «Жизнь как **сон**» — это почти по Кальдерону: человек живет, творит, радуется жизни, но она, жизнь, сродни живописному сновидению, в котором все есть сплошное путешествие во времени. Так и у нас.

НОВЕЛЛА 1. ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Да-с, мы теперь совершенно утешились, сами собою утешились, Пусть все вокруг нас и теперь еще не очень красиво; зато сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на нас глядя. Теперь уже народ нас совсем за иностранцев считает, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимает,— а ведь это, как хотите, прогресс.

Ф. М. Достоевский «Зимние заметки
о летних впечатлениях»

♦ «Гм-м, вот тебе и государство в государстве», — покачал головой Николай Андреянович, посмотрев на сон грядущий теленовости и узнав, что Сбербанк, который с недавних пор начали по-американски называть сокращенно «сбером», до сих пор не открывает своего отделения в Крыму: чтобы под санкции западные не попасть... вместе с его главой, видным финансовым деятелем. «И не куда ты от этого глобализма не спрячешься, — размышлял уже в накрывающем его сне матерый доцент-ракетчик, — обычная логика и та здесь не работает. Казалось бы, если глобализм, то по определению он и должен стоять над всеми государствами мира, а получается? — Получается, что он рассыпан по всем этим царствам-государствам и бразды своего управления миром держит изнутри? О-хо-хо, — раззевался уже в полусне Николай Андреянович, — скучно все это и грустно...». И перед тем как переключить свою голову на ночное, подсознательное мышления, вспомнил давний советский кинофильм «Немухинские музыканты». Хотя в те славные времена и понятия о глобализации не имели, но вот немухинцы отказались же от всех, по их мнению, излишних достижений

цивилизации, включая автомобили и поезда, — чтобы воздух у них всегда был чистым. Только и можно было до них в сугубо пешем порядке добраться... И — овладел-таки им сон, как обычно сумбурный, что есть сомнительная привилегия умственно трудящихся людей в солидном уже возрасте. И новая изюминка в том сне объявилась: как будто явился там Николай Андреянович не доцентом пенсионного возраста, но школьником-восьмиклассником Николкой Паровозом — по тогдашнему прозванию, явно с героя повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69», что входила в программу внеклассного чтения. Но собственно изюминка охватившего голову Николая Андреяновича сна в том состояла, что главный действующий персонаж его, Николка Паровоз, представился не в своем времени, учеником школы заполярного города — главной базы подводных лодок Северного флота, но волонтаризмом (это как Никиту Сергеевича после отставки окрестили: волонтарист и пробебелист) всемогущего сна перенесенным в нынешнее время глобализации и повсеместных гибридных войн. Словом — этакое встречное путешествие во времени.

Все Николке Паровозу непонятно в нынешней жизни, поэтому Николай Андреянович во сне своем раздвоился на неведающего современного бытия восьмиклассника из давней жизни и его нынешнего, доцента и умудренного опытом: не всезнайку, конечно, но много чего знающего. И потому во сне Николай Андреянович вынужден все время поучать свое давневременное *alter ego* (другое Я — по латыни) — школьника Николку Паровоза, объяснять, что к чему в современном, якобы русском языке, в нравах и обычаях сегодняшнего дня. Но — передаем стенографическую запись того чудного сна.

◆ — Какое-такое *пироженное*? Да за такое пироженное с двумя эн Вера Сергеевна меня бы минут

десять перед классом песочила, мол, в восьмом классе уже, а такую дикость с великим и могучим сотворил! Пирожное — это от того же корня, что и пирог, а что такое пирожен-ное? Вот и получай заслужен-ную двойку! — Это, Николка, какой-то идиот в телеке испоганил слово, а все сразу и подхватили. Как в библии гадаринские свиньи: вожак в пропасть вниз головой — и все стадо за ним. Впрочем, и в твое... в смысле в мое детское время тоже такие гадаринские ляпы имелись: во всех фильмах говорили *командировочный*, а в газетах умильно писали, дескать, богатые *подворья* сейчас у наших колхозников! А того дурни актерские и газетные не возьмут в толк, что в командировку едет командированный, получив в кассе командировочные деньги. Подворье же — это городская усадьба, ставка так сказать, архиерея — епископа, архиепископа или митрополита. Вот в следующем классе будешь «Анну Каренину» по литературе проходить, так прочтешь, что такой-то сановник приехал из Петербурга в Москву, нанес визиты губернатору и предводителю, побывал и на подворье... то есть представился и московскому митрополиту. А у крестьян, колхозников тож — не подворье, что им не по чину, а двор!

<Уже во сне Николай Андреевич, приобняв за плечи своего *alter ego* Николку Паровоза, весело комментировал происходящее на экране стоящего перед ними телевизора.>

♦ — Понимаешь, Николка, ты с корабля на бал попал не то что в иную страну, но в совершенно незнаемый и не предполагаемый тобою мир — как сказочная Алиса в Зазеркалье. Читал? Правильно, это читать надо уже взрослым. Она для них и написана. Сейчас у нас полнейшее обезьянничество с Запада, в особенности с Америки, хотя бы она всегда и сейчас вроде полагается нашим главным врагом. Да еще наряду с обезьянничеством и полное

искажение русского языка, сведение всего его исторического богатства к словарю Элочки Людоедки — сейчас, в смысле в *твое* время, уже начали печатать книги про Остапа Бендера. Вернешься к себе назад — обязательно разыщи и прочитай! — и запомни содержание, ибо когда доживаешь до моих лет, то наяву увидишь повторение бендерианы, так сказать.

Видишь вот на экране чудака среднего чиновного достоинства, как он ме-экает и а-акает, мучается по-русски говорить, а иных слов уже и не знает. Так и сыпет: бизнес, контент, технологии цифровые, проблема и еще с пару десятков казенных словечек. Словом, *ду ю спик американиш — нижненьюгородиш!* Ага, дважды упомянул про генерацию и локацию, хотя от техники далек. Просто вчера по телеящику какой-то министр щегольнул этими сугубо специальными словечками, вот и все чинуши меньшего ранга под козырек взяли. Ну-у, это-то ненадолго; через пару дней уляжется. Перейдут на что-либо новое, впрочем, уже давнее: банкинг, каршинг, паркинг, коворкинг, компьютеринг, инженеринг... все на «инг», по-американски... и прочие охренения. Хрен, Николка, не матерное слово, хрен — это овощ. Во-во, слушай, что дикторша хреначит: «...Как напоминание о встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране — их *саммита*, как бы сейчас сказали». Иной же раз и вовсе чудное: скороговоркой сыплет американскими словами диктор, особенно дикторша, и вдруг споткнется, оговорится: «Как бы это сказать по-русски?» Бабы в силу своей природы очень четко улавливают тенденцию, особенно политическую, например, антисоветчину. Так молодая и бойкая корреспондентша нашего, тулуповского телевидения упорно область именует губернией, районы — округами, то есть калькой, переводом с американского *дистрикт*. А раз и вовсе Ленинградскую

область скороговоркой поименовала Питерской — лишь бы имя Вождя не произносить... Словом, нынешняя фуагра из гусиной печенки. А сторожевики и эсминцы, что ты видишь на рейдах *твоего* Полярного и Североморска, сейчас переименованы по-американски в корветы и фрегаты. Так-то, брат! И хотя тебе рано еще знать про таковых, но сейчас и содержанка называется политично: как имеющая спонсора. Кстати, в России начала двадцатого века, особенно в казенном, умышленном, как его называл Достоевский, Петербурге, таковых именovali «барышнями с поддержкой». Но ведь тогда говорили по-русски!

Николай Андреевич, хотя и был в глубоком послеполуночном сне, не на шутку разошелся, сев на любимого — им и его другом профессором Игорем Васильевичем Скородумовым — конька: о расчеловечивании всего мирового населения в эпоху глобализации и превращении человечества в человеёйник. Николка Паровоз только таращил непонимающе глаза, выхватывая из горячительной речи-лекции доцента совершенно неизвестные им слова и словосочетания, близкие к матросскому околomату (когда командир рядом).

—...Опаскудование по программе. Либерализм головного мозга. Дерьмократия на скотном дворе. Проституция волеизъявления. Цифрофрения как клинический диагноз. Цифраизация — проституция мышления. Мусорный бак с отдельным сбором: «Благие пожелания», «Наивные мысли» и «Отходы пластифицированного сознания». Физиология охранения недомыслия. Каменный гость глобализации. Незванный гость лучше чиновника. Продажная девка масс-медиа. Телевидение как пандемия глобализации. Ферментация подлости. Глупость как панацея от излишнего умствования. Онлайнoвый половой акт через оцифрованное сношение (извини, Николка, за-

рапортовался!) и траханье. Безъязычная логика отсутствующего ума. Умозамещение по накатанной. Глубинометр благих намерений. Экономия на мыслительном эквайринге. Ассоциация тыквоголовых приматов. Биология умственного оскудения. Перманентные стадии расчеловечивания: цифрофрения, умозамещение, отупение, умооскудение — и так деле до степени винтика мегамшины глобализации. Моральная омертвелость. Сухотка творческого разума. Токтоповая пошаговость первоначального накопления. Свобода ущербная как поплевизм (при Николке лектор воздержался от более сильного определения...). Маразмоустремление в суконно-цинковое глобальное будущее. Устремленность в посконно-домотканную остервенелость. Чиновничье омундирование. Поплевизм (Николай Андреянович извинился перед коллегой по сну за повторение) как содержание, символ и цель жизнеутверждения. Чиновник *ad absurdum* как упрощенный ремейк хомо сапиенс. Марадонистый легионер областного футбольного клуба «Русский банан». Кликушествующий интернет для недолайкиных. Хомосапиенское человекоподобие. Недолайкины как «вумственная недотыкомка». Вселайкинская благодурь как движитель цифродебилизации. Глобализм есть олигархическая власть плюс цифрофрения всех масс. Тупиться, тупиться и еще раз тупиться! Девиз глобализаторов: «Пока в массах еще сохраняется память о человеке творческом, важнейшим из зрелищ для них являются сериалы на всех каналах телевидения и эстрада с певичками без голоса и трусов!». В цифрофреническом мире все происходит быстро... и еще быстрее забывается. Тягомотно-тошнотворные сериалы на всех каналах ТВ «бесплатно», что недавно перевели на китайскую цифрофрень...

◆ На самой вдохновенной ноте разошедшийся доцент вдруг поперхнулся во сне — организм, запа-

мятовав, что его хозяин поживает, ненароком активизировал слюнную железу, а та, в полном подчинении командам головного мозга, выбросила в рот тройную дозу слюны ядовитости — подстать содержанию горячительного сна. Истинно гласит народная мудрость: не буди лихо, пока оно тихо. Отчаянно закашлявшись, Николай Андреянович резко проснулся и шепотом выругался на американо-нижегородском, дескать, кешбэк твою элгэбэтемедь! Поуспокоившись, повернулся на другой бок и стал терпеливо дожидаться возвращения занятого сна. А в бодрственном промежутке почему-то вспомнил объявление в самой читаемой в городе и области газете «Толока», случайно прошедшим днем попавшееся ему на глаза: «В крупную развивающуюся компанию требуются заводделом логистики и мерчендайзер». Под объявлением же мелким шрифтом, явно для недоразвитых, значилось пояснение: «Завскладом и грузчик». «Да-а,— протянул мысленно Николай Андреянович,— истинно век живи, век учишься, все одно дураком помрешь...». Ему не терпелось вернуться в интересное сновидение, от души поговорить со своим пятнадцатилетним *alter ego*. Увы, сны вещь тонкая, даже Зигмунд Фрейд не до конца в них разобрался — это тебе не «представители клиринговой компании» (мелким шрифтом: мусорщики и уборщицы), что по телефонному звонку и без предоплаты мигом примчатся,— по вызову не являются. Наоборот, любят подшутковать над наивным человеком. Так и с Николаем Андреяновичем случилось: где-то через четверть часа заснул-таки, но вместо Николки Паровоза встретил... самого себя в его лице — наивного в жизни и чистого душой восьмиклассника популярной школы. Так сказать, обратный визит вежливости во встречном путешествии во времени. *Il faut se devoirasa position* — положение обязывает, как порой любит щегольнуть иностранными присказками,

в данном случае французской, друг его профессор Скородумов. А еще понятнее: алаверды, от нашего стола к вашему.

Но это еще не все, что возобновленный сон сотворил. Если в первой серии Николай Андреянович и Николка Паровоз сосуществовали отдельно: разговаривали, что называется, каждый от себя, от своего времени и уровня развития, то сейчас во сне присутствовал всего лишь один персонаж: Николка, но каждое его слово, каждый шаг и прочее незримо контролировались... Николаем Андреяновичем, вроде как растворенном в пространстве округ Николки. Опять же в какую-то секунду, в самом начале второй серии сна, Николай Андреянович с сожалением вспомнил, что не успел объяснить своему визави сущность нынешнего языкового перерождения народа. А меж тем Николка Паровоз раннемайским весенним днем... здесь требуется пояснение: события во сне, по законам психологии сознательного и бессознательного, происходили в то же время года, в один и тот же день (или ночь — правильнее?), в вечер которого Николай Андреянович погрузился в суматошный свой сон. Но сон, хотя сам и ирреален по определению, учел и сугубую реальность: если начало мая в городе-местожительстве сновидца почти что и лето, да что там почти? — настоящее лето, особенно в эпоху (кем-то корыстно придуманного) глобального потепления, то в Заполярье, на побережье арктического моря, где проживает Николка, хотя уже уверенно светило, даже немного грело солнце, ветерок-свежак приятно щекотал щеки и лоб, но окрестные городу сопки только верхушными пятнами освободились от снега, а в самом городе по ночам он не таял, но днем неуверенно испарялся, а ночью подмораживался, словом, не снег, не лед, а этакий грязноватый хрустяк.

Потому Николка Паровоз, пришедший из шко-

лы, пообедавший, в два часа пополудни сидел на крыльце своего финского домика на одну семью, что на гранитной пологой вершине сопки Старого города, на которой разбросано в неуставном беспорядке с десяток таких же домишек, в совокупности именуемых улицей героического матроса Сивко. Солнце, висевшее уже достаточно приметно над горизонтом, перешло свою высшую точку, успев-таки потеплить заполярный воздух и души обитателей этих гранитных скал. Потому Николка сидел на крыльце в распахнутом пальто, в задвинутой на затылок шапке и занимался сосредоточенным делом: шершебил осколком стекла, а затем полировал наждачной бумагой новое топориче. По военно-морскому закону кто сломал, тот и ремонт задает, а прежнее топориче переломилось именно в его руках, хотя бы и изначально было сучковатым, считай бракованным — на то и магазинный ширпотреб...

Проходивший мимо пятиклассник Вовка из соседнего дома заинтересовался работой старшего школьника. Николка взглянул рассеянно на пацана, усмехнулся снисходительно на уголок красного галстука, выбившегося из-под шарфа, беззлобно шуганул его, а вослед присвистнул и продекламировал шутейно:

*Пионеры юные,
Головы чугунные,
Сами оловянные,
Черти окаянные!*

♦ Солнце уже заметно снизилось над горизонтом, когда Николка завершил свое столярное занятие. Любовно оглядел творение рук собственных, для проверки несколько раз, плотно охватив топориче ладонью левой руки, по все длине его правой рукой продернул туда-суда, затем разогнул ладонь, внима-

тельно осмотрел: ни единого намека даже на крохотную занозу! Так сказать, отдел технического контроля на дому. Однако захолодало. Николка запахнул пальто, сдвинул шапку с затылка на макушку, чуток задумался — и решил: насаживать топор на топориче будет завтра. Все одно, что стальной клин, что вбивается в торец топорича для закрепления в обечайки топора, еще не сточен напильником до остроты с вбиваемого конца.

— Здорово, Колян! — поприветствовал его отмашкой руки Сенька — старший брат пионера Вовки, он же на год и класс старше Николки Паровоза, возвращавшийся из школьного спортзала, с волейбольной тренировки, — экое ловкое топориче соорудил! А знаешь, — подмигнул он Николке с залихватской удалью физкультурного хулигана, — хорошо бы украсить такое топориче надписью выжиганием, а? Как на штучных, по заказу, охотничьих ружьях на ложе всякие рисуночки серебром выкладывают — сканью называется. У дядьки моего петрозаводского такое имеется.

— И-и, что же выжечь на топориче можно? — спросил Николка, чтобы поддержать для вежливости разговор, но настороженно ожидая подвоха от хорошо известного ему по несдержанности языка соседа.

— А вот, например, из новенького, слышал сегодня в школе:

*Мчится поезд на Москву
С тридцатью вагонами.
Любят девки разгружать
Ящики с гондонами.*

Захочетав, Сенька вдругорядь сделал рукой отмашку и заторопился домой: опустошенный уроками и волейболом желудок отчаянно требовал обильной жарчки. Здесь и развеселившийся от услышанной

чапушки своих школьных лет Николай Андреянович поддакнул Сеньке-физкультурнику:

*По порталу мы ходили,
Видели покойника.
У того покойника
Вип-член выше подоконника!*

...И здесь оба они, вещественный, хотя бы и во сне, Николка и виртуальный Николай Андреянович, но оба в одном естестве, поморщились: первый от непристойности грубого физкультурника Сеньки, а другой от паскудства нынешнего американо-нижегородского наречия, уже настолько против воли и неприятия вжившегося, что даже в откровенные чапушки вторгся...

Николка занес готовое топориче в холодные сени дома, положил на полку отгороженной дверью кладовки. Заглянул и в собственно дом проверить: заняты ли домашними заданиями младшие братья-ники. На всякий случай наглядно пригрозил кулаком: «Через час вернусь, проверю. Если что — по сусалам!». И заторопился. В голове с утра держал: начало месяца, вот-вот в продажу свежий номер журнала «Радио» должен поступить: с прошлого года Николка заделался ярым радиолюбителем. Из коробочки с личной заначкой отсчитал двугривенный и пятиалтынный, на ходу выпил полстакана компота, вышел на улицу и, огибая скользкие ледянистые места, спустился со *своей* сопки на главную улицу Старого города с деревянными тротуарами. Киоск «Союзпечатъ» стоял прямо на спуске с сопки и порадовал Николку новым номером журнала. Приметившая постоянного покупателя пожилая киоскерша, протягивая ему вкусно пахнущий типографской краской журнал, одобрительно заметила: «Сегодня с почты всего три «Радио» привезли, так я уж этот, послед-

ний, хотела с виду убрать — для тебя. Ан и сам явился!». Положив на блюдечко за окошком менеты, вежливо сказав «спасибо», Николка двинулся по мосткам тротуара Советской улицы в ее недалекий поворот на губу Кислую, откуда гражданские пассажирские катера ходили по расписанию в Североморск и Мурманск, а также в противоположную сторону Кольского залива — к поселкам и военным «точкам» на выходе в Баренцево море.

На этом повороте, где сгруппировались городские почта, больница — отдельно ее инфекционная часть, библиотека и клуб стройбатовцев, в двухэтажном доме проживал его друг Витька Савченко, девятиклассник, сын стройбатовского же капитана — комроты. О встрече сегодняшней они с Витькой сговорились утром в школе: по их коллекционным увлечениям. В обмен на принесенный Николкой серебряный полтинник с отчеканенным царем Александром Вторым (их у Николки оказалось два одинаковых — летом, в отпускную поездку в калужскую деревню отца, за пустяки выменял у тамошних ребят) Витька отдал ему серебряный же четвертак, но уже с Николаем Вторым, и с десяток кредиток времен Гражданской войны: советских пяти- и десятитысячных — виртуальный Николай Андреянович заухмылялся, вспомнив «лихие девяностые», дескать, все в истории периодически повторяется... то ли еще будет с купюрами лет через десять? — деникинских того же достоинства восемнадцатого года выпуска и с лицевой надписью: «Кредитные билеты размениваются государственным банком на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием государства», а также сторублевку Донского правительствa с изображением древнерусского витязя в кольчуге и островерхом шлеме.

Уловив некоторое сомнение в глазах гостя, понимая, что Николашки Кровавого четвертак против

козырного александровского полтинника требует по совести большей доплаты, Витька доложил к прежним ассигнациям еще две, экономные, как то принято у немцев, по размеру: в сто тысяч марок времен инфляционной Веймарской республики и тоже с немецкими надписями (Николка учил в школе *deutsch*) оккупационный рубль, что германский банк печатал в Империалистическую для отвоеванных у России территорий Польши и Прибалтики. Николка согласен кивнул головой, а здесь и гостеприимная Витькина мать внесла на жостовском подносе два стакана с чаем — в подстаканниках из мельхиора — и тарелочку с печеньем и мармеладками. За чаем Николка с Витькой обсуждали последнюю новость: двое десятиклассников были на позавчерашних субботних школьных танцах уличены дежурной учительницей в несколько нетрезвом виде. «И это безобразие в городке полного сухого закона!» — возмущалась сегодня утром директорша, вызвав к себе для разбора нарушителей. А один из них, сын каперанга и замкомандира второй эскадры подлодок, якобы вместо раскаяния заявил, что всякие эти сухие законы и антиалкогольные кампании противоречат нормам социалистической морали, которые основаны на христианских заповедях. А в качестве подтверждения своих слов заявил, что первое свое чудо Иисус Христос совершил на брачном пиру в Кане Галилейской, превратив воду в вино.

Что ответила на это почти круглому отличнику и явному кандидату на золотую медаль директорша — слухи растеклись к концу первой школьной смены разные и противоречащие друг другу. Родителей вызывать? — так каперанг отец уже второй месяц командиром бригады подлодок Северного флота в Средиземном море «сторожит» авианосцы американского Шестого флота, а мать на пару недель уехала в Ленинград к захворавшей по весне тетке. Знаток

же христианской, она и социалистическая, морали сейчас проживал с бабкой, отцовой матерью, вдовой адмирала. На такую особо не наедешь!

...Поблагодарив Витькину мать за чай и печенье с мармеладками, Николка взял обратный курс на свой дом. По части коллекционных бумажных денег он по-хорошему, без стяжательской подоплеки, завидовал Витьке Савченко. Знал и как эти кредитки, почти целиком заполнившие коробку из-под ботинок, оказались у приятеля. Сам Витька со смехом всем рассказывал, что дед его, теперь уже покойный, в Гражданскую войну, будучи невоеннообязанным по контузии в окопах Империалистической, проживая на хуторе в махновском Гуляй-поле, воспитывал свиней на продажу и, как положено куркульскому хохлу, копил деньги всевозможных правительств и атаманов. И до самой своей смерти хранил их: деньги ведь все же! Теперь вот и Витьке наследством перекечевали...

♦ Домой Никола вернулся почти одновременно с отцом. Тот пришел с работы из Дома офицеров флота, где трудился старшим электриком. Мать же была на полусуточном дежурстве в котельной, в Новом городе, только к полуночи вернется. Поинтересовавшись у старшего насчет топорщица, отец принялся за разогревание ужина — мать в такие дежурства готовила с раннего утра на весь день. Младшие делали вид, что усердно доканчивают домашние задания. Коль скоро они заняли стол в большой комнате, то Николка присел за обеденный на кухне и стал с увлечением листать свежкупленный журнал, вытряхнув из него выменянные у Витьки инфляционные и оккупационные деньги. Отец, поставив кастрюлю со щами и сковороду с жареной треской и картошкой на раскопчегаренную плиту, уселся за противоположный торец стола, искоса следя за плитой. Чай он уже заварил и по флотской привычке пил

перед едой. Закурил трубку — кухня мигом наполнилась медовым ароматом табака «Золотое руно». Повертел в пальцах четвертак, который он именовал полуполтинником, к чему-то сообщил: родился он за три дня до свержения царя Николашки, а крестил его староверческий поп Маркел уже при Временном правительстве. «Вот так-то бывает: не успеешь глаза раскрыть, как власть на дворе переменялась!» Посмеиваясь, бумажные деньги просмотрел на свет: «Хм-м, даже намека на водяные знаки нет. Оно и понятно, по пословице: за неимением простой пишем на гербовой... только наоборот».

Николай Андреевич на миг отъединился во сне от своего *alter ego*, тотчас в голове его вместо мирных и понятных дел Николкиного семейства задурила днем слышанная из телеящика назойливая и паскудная реклама: «Создано в Корее, работает в России» и «Придумано в Китае, делается в России» (это, как сообразил он, об отверточных заводиках по сборке китайских автомашин). Досадливо помотав во сне головой, доцент усилием сонной же воли вернулся на кухню дома на улице имени героического матроса Сивко.

Тем временем и Николка налил стакан чая, положил сахару и кружок лимона и вприкуску продолжил читать в «Радио» заинтересовавшую его статью о распространении ультракоротких волн. Отец попыхивал трубкой, посматривая в окошко на темнеющий день. Николка, уловив неосознанно такую позу отца, не отвлекаясь от чтения, мысленно ухмыльнулся: он прекрасно знал о чем задумался-замечтался отец, дескать, в такую ранневесеннюю погоду хорошо под ужин перцовку пить! О чем еще под вечер может думать, придя с работы, мужик в совершенно «сухой» местности: от Североморска и до берега Баренцева моря! А именно про перцовку Николка не раз изустно слышал от отца. Но более всего Андреян

уважал «старку» ленинградского рóзлива. Не брезговал и московской фабрикации. Но — все это на Большой земле в отпускных поездках. Щи закипели, вибрируя паром крышку кастрюли. Не отстали от них и треска с картошкой. И младшие тут как тут. Уселись вчетвером. Ели молча; Андреян, прожив на Севере четверть века, половину из этих годов прослужив на флоте, включая Финскую кампанию и Отечественную войну от звонка до звонка, понятно дело, ни в черта ни в бога не верил, но староверческое детское воспитание, когда за единое слово за столом получал ложкой по лбу, плюс флотская дисциплина въелись в нем на всю жизнь...

Младшие братишки после ужина смотрели в большой комнате телевизор, Николка же остался на кухонным столом за чтением журнала: в этом номере статьи попались одна интереснее другой, главное — понятным языком написаны! За окном день полностью и безоговорочно сдал позиции вечерней темноте. Окрестные дома засветились окнами, а внизу, под сопкой, улица Советская обозначилась двумя ранжирными шеренгами уличных фонарей. Отец повторно заварил чай, заново набил трубку, за компанию с Николкой раскрыл накануне взятую в библиотеке Дома офицеров книгу — том Вересаева с его медицинскими рассказами, еще дореволюционного издания. Как пояснил он Николке.

«Народ в Древней Руси требовал бюджетных музыкальных инструментов типа гуслей» — опять Николая Андреяновича на миг умчала из уютной кухни дома на улице Сивко вчерашнего дня утренняя передача местного радио (на кухне Николая Андреяновича сохранился с советских времени громковоритель городской радиотрансляции). «Бюджетненькая проститутка» — сгрубил тот досадливо и вернулся на кухню с двумя читателями, явственно во сне своим ощущая медовый запах «Золотого руна»...

хотя бы высокоученый, в том числе в части биологии, профессор Скородумов и утверждал, что во сне запахи не воспроизводятся, поскольку обонятельная луковица, ответственная за обоняние и вкус, расположена в левом полушарии головного мозга, которое само во сне «отдыхает». И если это полушарие обеспечивает вовсе ненужное для сна логическое мышление, то правое, художественно мыслящее, и господствует в сновидениях. Как-то в этом смысле объяснял Игорь Васильевич, разговарившись после распитой с другом Николаем Андреяновичем бутылочки почти что неподдельного армянского коньяка...

Мгновенно перескочив во времени в прошлое на улицу имени матроса Сивко, Николай Андреянович и рассуждение Игоря Васильевича перенес в голову Николки Паровоза, вернее — заключительную часть: это где о неподдельном армянском коньяке. И Николка тут же поправил его: отец более всего уважает, опять же в отпуске на Большой земле, трехзвездочный грузинский. А ранее, до введения Никитой Кукурузником сухого закона во владениях Северного флота и до разрыва дружбы и всяческих отношений Советского Союза с Албанией, всем коньякам Андреян предпочитал албанский «Скандербег». И зачем Никита с Энвером Ходжей горшки побили?

Возвратившийся Николай Андреянович застал все ту же картину: за кухонным столом Николка Паровоз начерно досматривал журнал, Андреян вприхлебку с трубкой пил очередной стакан чая и читал «Записки врача», ребятня в другой комнате смотрела неинтересную для них передачу мурманского телевидения о соцсоревновании между двумя рыболовными флотами: Сельдяным и Траловым, то есть вылавливающим треску; они терпеливо ждали объявленного в программе фильма «Тайна двух океанов» студии «Грузия-фильм».

...Просыпаясь утром, на самой грани сна и наступающей яви, Николай Андреянович в преддверии очередного дня неуютной жизни физически ощутимо затосковал. А в ушах подстать явственно зазвучала мелодия полонеза Огинского — прощание с родиной, которую уже никакой машиной времени в нынешнее бытие не вернешь.

НОВЕЛЛА 2. ГОРОД БЛАГОНРАВНЫХ ДЕЖА ВЮ

Клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы...

То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

♦ Проснулся Николай Андреянович, вопреки ученым разъяснениям профессора Скородумова, с явным ощущением во рту привкуса коньяка «Скандербег», которого, кстати говоря, он ни разу в жизни не пробовал. В самом раннем детстве, когда Никита Хрущев еще не ввел полный сухой закон на Северном флоте и вусмерть не поругался с главным албанским начальником Энвером Ходжей, то есть когда полки винных отделов магазинов были плотно уставлены шкиперскими* коньячными бутылками, не пробовал по понятной причине. И вообще Андреян, обычно после третьей стопки, любил поучать своих детей историческими примерами: «...Вот, допустим, древние греки вообще не пили до тридцати пяти лет!» Итак, славны бубны за горами, не довелось Николаю Андреяновичу вкусить напитка имени великого воина Албании, что в одиннадцать сражениях побеждал неизменно турок. Но что толку-то? — не стало Скандербега, и Албания на пятьсот лет попала под османское владычество, опять же поменяв Христову веру на магометанство...

* Шкиперия (*Sqipëri*) — историческое самоназвание Албании (этнически албанцы есть потомки илиро-фракийцев, искусные мореплаватели; считается, что само слово «шкипер» перешло из самоназвания Албании).

Как бы резонировал Игорь Васильевич, расскажи ему приятель о феномене ощущения привкуса напитка, которого он в жизни не пробовал, мол, ты, дорогой Николай Андреевич, этот привкус *мысленно синтезировал* из совокупности застоявшихся в твоей обонятельной луковице запахов далекого заплывного детства. Отрочества и начала юности тож.

Интересный двухсерийный сон способствовал рассыпанию доцента-ракетчика почти что в благодушном настроении, которого даже не испортили голоса рекламщиков из кухонного динамика, что для звукового фона включила супруга, проснувшаяся раньше и занимавшаяся приготовлением завтрака. «Экономьте на эквайринге!» — вопил тонким педерастическим голосом один. Другой же, подвахтенный, говоря по-флотски, имитируя бостонский или брайтонбичный акцент, убеждал, что подледный (а май на дворе!) дайвинг, а также кайзинг и джипинг — любимые зимние забавы россиян. Современного американо-нижегородского языка Николай Андреевич не понимал, по сообразил: рекламщик, памятуя чисто русскую половицу «готовь сани летом, а телегу зимой», рекомендует именно сейчас, на рубеже весны и лета, покупать со значительной скидкой амуничку под эти самые «инги»... лайкинг и козлайкинг заодно.

Николай Андреевич все еще держал на губах улыбку — отзвук ностальгического сна со взаимными путешествиями во времени, когда реклама закончилась и полился ежеутренний треп сладкой парочки, козла да ярочки. Удивительно, но их постоянные «еры», сменившие рекламные «инги», как-то особо не раздражали воинственного борца за чистоту русского языка. А те заливались... если не соловьями, то уж сороками точно: «...По дорожкам парка мчатся нескончаемой чередой роллеры, самокаты, велосипеды, а безопасность гуляющего ребенка...» Это интервьюируемая родительница, или «рекламщица

под прикрытием», говорила о пользе и необходимости святящихся вещмешков-сидоров, то есть рюкзаков, на гуляющих детях.

Даже некую заинтересованность к пустопорожней болтовне почувствовал, а американизмы с «ингами» и «ерами» почему-то противоестественное удовольствие доставляли ушным раковинам... как профессиональный мат строителей, подумалось Николаю Андреяновичу. Но здесь наваждение сгнуло: доцент резко вскочил с постели, лоб покрылся бисеринками мелкого холодного пота: «Господи! Да что ж это я? Где же моя пресловутая самодостаточность мышления? Мои всегдашние изустные — в любой компании, среде окружения — едва ли не матерные экивоки по части американизации великого и могучего? где они, едрить твою шумахер-ритейлер-кешбэкер фейком об тейбл!»

Ужас, подлинный ужас на минуту-другую заковал Николая Андреяновича в ледяную корку слипшихся мурашек по коже: от пяток ног до макушки (лысеющей, увы) головы. Неужели и он — и ты, Брут, проданся комиссарам глобализма! — гордящийся своей логикой мысли, творческим началом и нонконформизмом к стадному инстинкту современного человечества, гадаринского свиного стада, сдал свои позиции и примирился с ролью винтика в безликой мегамашине челоуейника? О, горе, горе тебе... то есть мне!

...И рассмеялся, опять же вспомнив рассуждения профессора Скородумова, что как средневековый черт, так и нынешний агент глобализма — СМИ, улавливают в свои сети невинные души, пользуясь моментами сна разума, то есть в процессе засыпания и пробуждения, понимаемых расширенно: в первые полчаса-час после сна и вечерним час-полтора уже утомляющего бодрствования через силу. Именно поэтому в это утреннее и поздневечернее время, когда человек ослабляет самоконтроль, телерадио и хитроумно построенные, навязчивые разделы интернета и

забираются в голову и душу расслабленного человека, стремясь закрепить там психолингвистические коды. Так по-ученому пояснял Игорь Васильевич. «Ты, Николай свет Андреяныч, как-нибудь выбери время рано утром и в тот же день от половины десятого до одиннадцати вечером и внимательно послушай-посмотри телящик. Причем для беспристрастия и наблюдения как бы «со стороны» подкрепишь стопкой-другой водочки, а лучше коньячка. Опять же с утра и под поздний вечер», — увлекся научным экспериментом профессор.

Что Николай Андреянович и исполнил, выбрав для опыта свободный от университетских занятий день. Действительно, с утра, особенно радио, поскольку в телевизор в это время только неработающие, давно уже зомбированные пенсионеры немигающими глазами смотрят, особенно агрессивно, громкими голосами дикторов, безэмоционально и кратко — ведь кодирование идет по научно выверенным методикам! — вбивают в головы обывателям сухую информацию. При этом беспрестанно запугивают добрый наш народ штрафами миллионными, эпидемиями, импортными цунами и пр. Как пояснил Игорь Васильевич, такая кодовая подача поневоле откладывается в оперативной памяти. А вот поздним вечером уже телевизор в свои преимущественные права одурманивания вступает. Здесь времени побольше, поэтому на смену утренней сухости и краткости приходит некоторая размеренность, добротная порция эмоций и кинематографической образности. То есть, если утром СМИ «дают» на левое, логическое полушарие головного мозга, то к вечеру переключаются на эмоционально-образное правое. Все по науке психологии и ее многочисленным специализациям по части психозомбирования, формирования и закрепления психопатологии. И здесь, в отличие от утреннего «прицела» на оперативную память, удар

нацелен уже на подсознание, откуда вывести посеянное практически невозможно.

Вот смотрит в половине одиннадцатого вечера Николай Андреевич на экран, а коли это не праздное времяпрепровождение, а научный лабораторный опыт, то и принял для беспристрастности и «взгляда со стороны» (как условный наблюдатель в теории относительности) пару стопок грузинского «Старого Кахети», щелкает кнопками на пульте, скачет по каналам, а там как сговорились! — и ведь действительно сговорились. Картина всюду одна и та же: в съемочном павильоне сооружен некий барьер из никелированных труб, вдоль которого по кругу расставлены от пяти до восьми мужиков предпенсионного или уже запенсионного возрастов. Все они по очереди, но зачастую и все одновременно, как на одесском привозе, говорят громкими, но округло-бархатистыми голосами. По-артистически то есть, образно. Поскольку же стоять столбом, ухватившись за турникетную никелированную трубу (такие же, только вертикальные, в ночных клубах для стриптизерш установлены), диковато смотрится, поэтому мужики, заложив руки в брючные карманы, раскачиваются торсами и седалищами. Кого же они Николаю Андреевичу напоминают? — А-а, человека в последнем изнеможении перед мочеиспусканием, которое отправить что-то мешает. Пожалел наш доцент актеров-политиков. Ведь может и в самом деле, люди-то пожилые, им по малой нужде приспичило, передача долгая, под полтора-два часа, а выйти нельзя! Гоноарары, воленс-неволенс, надо честно отрабатывать...

Вот говорят, говорят они без передышки «оптом и в розницу», черт те о чем балабонят. Народ перед телеящиками — исключая Николая Андреевича, принявшего на грудь пару стопок и «смотрящего со стороны — уставший от трудовдня, носом клюет, но слова округло-баритонные, порой прерываемые мало-

российским тенором актера, играющего приглашенного представителя самостийной и независимой, потому в вышиванке и с оселедцем на голове-тыковке, вливаются в уши и, минуя уже дремлющее активное сознание, оседают зомбирующими слоганами в подсознании...

Эксперимент Николая Андреяновича удался на славу. И полубутылочку «Старого Кахети» допил, чтобы сбросить наваждение научно организованного зомбирования.

Опасливо перекрестившись — чур, чур меня, сатана! — Николай Андреянович очередным, стотысячным китайским предупреждением и торопливым осенением себя староверческим двуперстным крестным знаменем дал зарок более в теляцки не смотреть, а из кухонного репродуктора слушать только прогноз погоды... впрочем, совершенно не беря его на веру. Прямо с постели он решительно направился на кухню с намерением выдернуть, как тот врач Маргулис из песни Высоцкого о Бермудском треугольнике в дурдоме, штепсель громкоговорителя из радиорозетки, но на пару минут отложил приговор дебилизатору: местный диктор нормальным голосом (в провинции педерастов пока не уважают) сообщил радостную весть: во-первых, госдума единогласно проголосовала за возобновление практики вытрезвителей — из уважения к органу законодательной власти диктор даже не подпустил принятую в СМИ обязательную едкую филиппику в адрес советской власти; во-вторых, с внутренней гордостью патриота он напомнил, что первый в Российской империи трезвяк был открыт именно в их славном городе! В голове Николая Андреяновича мигом включилась машина времени: ведь жизнь есть перепутанный сон?!

♦ Как любитель чтения по отечественной истории, Николай Андреянович знал о курьезе Смутного времени, когда короновавшийся на царство Лжедмитрий

почти на месяц сделал их город столицей: здесь спокойно, смутянов нет. Одно его не устроило: местный кремль намного меньше московского — не по чину царскому! Опять же супруга Маринка Мнишек брезгливо морщится: обещал царскую жизнь, а завез в дыру! И поставивший его на престол польский король Сигизмунд, покачивая головой, все пшекал: «Нехорошко, пане Димитриус, мелкопшестко мисто!» — А кому следует отписывают царю Московскому о неудовольстве короля. Допекли-таки супружница с королем: вернулся Лжедмитрий в Москву — на свою скорую погибель. И в этот месяц царства в нашем городе самозванца прибыл туда же на личной машине времени Николай Андреянович.

...Вышел в теплый майский день царь и великий князь Дмитрий Иоаннович из непривычно малого, в сравнении с московским, кремля прогуляться и по делу: посмотреть на прорезывающую невеликий город реку. Не просто полюбопытствовать, но уж очень допекли ближние бояре из числа переехавших с ним за двести верст от Белокаменной: борони бог, но как взбунтуются казаки на Дону да вместе с крымчаками пойдут на Москву, так опосля Муравского шляху, если через засеки пройдут, вот эта самая река и есть единственная заграда от супостата. Так что, государь наш надежда, соблаговоли сам посмотреть и дать повеление северный, прикремлевский берег бревенчатым накатом и насыпанным земляным валом возвысить над водой. А на супротивном низком берегу имеющиеся избенки разметать. Все деревья порубить и ям-ловушек понакопать изобильно.

Вот шествует Дмитрий Иоаннович с боярской свитой и стрелецким охранением, подошел почти к самому берегу, что уже не защищен кремлевскими стенами, дума государственная на лице изображена... как вдруг из боковой, обочь справа, залитой глянцевой глиняной весенней грязью Разбрыкаловский

улучки с нестройным пением матерных частушек на-перерез царскому выходу трое запьянцовских мещан выползли. Но — пьяные-то в стельку, да царя разглядели, хотели земно поклониться, на нетвердых ногах лапотных не удержались и все трое плашмя ухнули в захлюпавшую грязь, до ушей мордами в нее уйдя. Но Дмитрий Иоаннович добр с утра был: Маринка сообщила (соврала стерва! жемчужового ожерелья в подарок захотела) о понесении наследника. «Кто такие и почему с утра пьянющие?» — к воеводе городскому отнесся. «Так в этом приходе седни престольный праздник. Я вот их сейчас в холодную, а впридачу батогами!». — «Нет в тебе, воевода, европейского воспитания, — добродушествует царь, — с кем не бывает? Заботиться о народе следует, ведь спьяну захлебнуться в грязище такой, не дай бог, запросто могут. Вот тебе мой приказ: заведи в городе службу вспомоществования упившимся. Пусть стражники городовые, увидя пьяных, сволакивают их для протрезвления в особую на то камору. Вот, к примеру, в тот домишко, что на углу с Разбрыкаловской стоит. А хозяевам избы, чтобы обидно не стало, платить от казны по копейке с денгой* за каждого постояльца. С него же, по протрезвлении, в казну взыскивать по пятаку с мещан и по гривне с мастеровых. А коли подгулявший по службе или иному занятию находится под чьим-то началом, то отписывать такому начальнику из воеводской канцелярии грамотку: пусть-де поучит плетьми или изустно благонравию и поведению таковых упившихся сверх заведенного порядка».

Закачали бородами ближние бояре: ох, мудр же царь, дай ему бог Мафусаилова веку в царствовании. А воевода мигнул стражникам — те и потащили

* Денга — медная монета достоинством в четверть копейки. — Прим. авт.

заглянцевавшихся от жирной грязи бедолаг в указанную царем-надёжей избу. Именно так, или вроде того как, в нашем городе образовался не то что в России, но и в деликовом мире, первый вытрезвитель. Николай же Андреянович, по тогдашнему простому времени именовавшийся Миколой сыном Андреяшкиным, услышав из уст сомнительного по родословной царя про плети и «телегу» по месту работы, не решился попасть в число первых трех постояльцев, а потому всю исторически колоритную сцену наблюдал со стороны, от стены стоявшей, обочь слева дороги к реке, лавки с лабазом купца Андреяшкина, его тятки в Смутные времена.

Утром следующего дня отец послал Миколку к кожевеннику Игнату Самохвалке — понадобилось по хозяйству с полдюжины саженой длины ремней вершковой* ширины из бычьей кожи. Дом с хозяйственным двором Самохвалки располагался за дальним концом Разбрыкаловки. Возвращаясь по ней же с увязанным пуклом ремней, держась от непролазной уличной грязи домовых заборов с проложенными вдоль них мостками из горбыльных досок, Миколка столкнулся с давешними «царевыми постояльцами». Трезвые и оттого злые, те мимоходом осмотрели парня с грузом и продолжили ранее затеянную свару насчет опохмеленья. «Свинья грязи найдет», — вспомнил Миколка укоризненную пословицу своего отца, тот сам не пренебрегал зеленой** злодейкой по праздничным дням, но подрастающих своих детей угрозой высечь заблаговременно отвращал от пьянства. Первый в мире вытрезвитель не пережил своего

* Обычно считается, что вершок равен 4,445 см. Но это относится к XIX веку; в Смутное время он был чуть поменее, где-то порядка 4,4 см.— Прим. авт.

** В те времена водку очищали от сивушных масел медным купоросом — от этого и зеленый цвет ее.— Прим. авт.

основателя, четвертованного и по сожжению выстреленного из пушки над Москвой-рекой.

◆ Николай Андреевич подкрутил (тотчас вспомнил малоприятный голос из телерекламы: «Под-под-под, подкрути уровень стирки!») мысленно верньер настройки своей машины времени и скакнул аж на триста лет в будущее — от Смутного времени. И попал на заседание городской думы; все в том же, в нашем городе. В мундирчике коллежского асессора представлял он на том заседании свою вторую мужскую гимназию — в повестке дня значился запрос на ремонт протекшей гимназической крыши. Само же краснокирпичное здание учебного заведения располагалось близко к речному берегу, прямо напротив начала Разбрыкаловской улицы. Однако выяснилось, что запрос гимназии перенесен на следующее заседание ввиду срочности рассмотрения проведения мероприятий к близкой годовщине 300-летия царствования Дома Романовых. Разочарованный напрасно потраченным временем, учитель чистописания в первых классах и член партии кадетов, основанной Павлом Николаевичем Милюковым (потому хитрован директор и послал его, что в думе кадеты держали шишку), собрался было покинуть присутствие, но здесь заинтересовался выступлением неперменного члена и гласного думы из почетных граждан, купца первой гильдии Маслобойникова. Вновь вернулся на ранее занятое им место позади рядов кресел для думцев и внимательно выслушал.

— Господа! Мое предложение частное, скорее по линии благонравия жителей, но имеющее отношение к грядущим празднествам по случаю достославной трехсотлетней годовщины нашего царского рода. Город наш сугубо мастеровой — из казенных и хозяйских заводов и фабрик. Это не купцы, даже не мещане, выйдя за ворота после отбытия рабочих уроков, ответственности на себе не чувствуют — и

тотчас по дешевым трактирам и всяким кабацким распивочным. И до ночи гульба до мордобоя, до препровождения квартальными в участок порой. Хорошо сейчас май месяц, упадут пьяные и не замерзнут до протрезвления. А зимой как? — Хоть и пьянь, но души-то православные, опять же работники, особенно на казенных заводах: польза царю и отечеству. Не оставлять же их замерзать до смерти? Вот давеча читал нумер «Биржевых ведомостей»: пишут о призрении всяких убогих, бездомных и опьяневших в благоустроенных государствах. Особоливо хроникер относится к Швеции и Дании с Норвегией. Также похвально отзывается о постановке отрезвительного устройства в нашей Финляндии, где...

— Чухонцы нам не указ! — перебил благодушеествовавшего купца грубиян Кувалдин, лавочник-бакалейщик, проведенный в последние выборы по спискам «Союза русского народа», — еще на Карлу Марксу сошлись! Хотите заботой о пьяницах повторить пятый год, а?

Председательствующий, по партийности октябрист, крупный коннозаводчик, но из старого дворянского рода, с немецким университетским образованием, Коновницын, в своем кругу не преминавший упомянуть о своем предке, генерале — герое Отечественной войны 1812-го года, поморщился от реплики черносотенца-лабазника, призвал колокольчиком к порядку:

— Слушаем вас, уважаемый Прокопий Игнатович, продолжите ваши интереснейшие реляции.

— Гм-м, словом, господа, не грех порой и с границы положительные примеры брать. Чистота в городе и отсутствие чрезмерно пьяных на его улицах, опять же гуманистическая забота о, гм-м, не страдающих порой о своем здоровье, — полагаю, что эту заботу в части приготовления к великому царскому празднику сможет взять на себя градоначальство с

подчиненными ему полицейскими чинами. Опять же, исключая Финляндию, — здесь Маслобойников покосился на грубияна Кувалдина, но тот смолчал по причине укоризненного взгляда на него полицеймейстера, также приглашенного на думское присутствие, — *наш* город станет первым в Российской империи, в котором радением думы и энергическими распоряжениями градоправящей власти будет создан упомянутый выше дом призрения упившихся с их последующим вытрезвлением. Порядок и благонравие должен показать наш город всей остальной России. Благодарствую, господа, за сочувственное выслушивание.

...На следующем заседании городской думы, на котором учитель чистописания в чине коллежского асессора Николай Андреянович доложил-таки о неисправностях здания второй мужской классической гимназии, приняли и утвердительное решение об открытии вытрезвительного приюта. Все сомнения думцев развеяли положительное отношение губернской духовной консистории, поддержанное инославными городскими общинами: магометанско-татарской, еврейской и староверческой, коим Манифестом 17-го октября были дарованы определенные совещательные права в части благонравия и общественного порядка. Главное, сам губернатор граф Доливо-Добровольский положительно отнесся к передовой идее городской думы и порекомендовал Коновницыну склонить его конституционное учреждение к нужному решению.

Даже природный скептик Николай Андреянович, вышедший в образованные люди с чиновным званием по линии народного просвещения из староверов, ни в чем не верящих из деяний власти, умилился, читая через пару месяцев отчет хроникера городской газеты «Правое слово», издаваемой губернским отделением кадетской партии, о работе «первого за

трехсотлетие династии Романовых приюта для опьяневших» (Ажедмитрий, как известно, царствовал в Смутное время, переходное от Рюриков к Романовым, поэтому новатором не мог считаться...). По случайному стечению обстоятельств, игре истории, для приюта городские власти купили у торгового мещанина Стрекопытова его дом в начала Разбрыкаловской улицы, построенный на фундаменте той избы, в которой самозванный царь Дмитрий Иоаннович основал исторически первый в мире отрезвитель. В репортаже хроникера с псевдонимом Грамматиков-Задунайский живописалась обширная, чисто подметенная, светлая горница со спальными местами для страждущих опохмеления, вечерние визиты фельдшера из Ванниковской лечебницы для неотложной помощи, коль скоро такая постояльцам потребуется, восхитительно благодушный и абсолютно трезвый дежурный при приюте городской, а также санитар. Так и повеяло на учителя чистописания атмосферой санатория на минеральных водах: если не Баден-Бадена и Карлсбада, то уж Пятигорска-то точно!

...Скоро сказка сказывается, но открывшаяся истина горько разочаровывает. Так и с гражданским майором, то есть коллежским асессором, Николаем Андреяновичем, увы, случилось. Родной брат его Сергей, не отрекшийся от своего староверческого корня и прихода, потому и стоящего образования не получивший, только поучился в техническом училище, а ныне состоит в казенном заводе мастеровым-лекальщиком. Кстати, его жалованье с выработки было поболее оклада содержания брательника в майорском звании. Несмотря на сословную и образованную разночинность, братья и их семьи поддерживали добрые родственные отношения и взаимную приязнь.

Словом, брат Серега, чуть помладше Николая Андреяновича, в день выдачи жалованья, да еще с наградными премиальными — ведь был Серега не

простым лекальщиком, но в опытной инструментальной мастерской! — с радости и довольства хватил солидную лишку в трактире Филимонова и был на улице, уже на своей, подхвачен городовыми и посажен в пролетку, собиравшую вечером подгулявших людишек для своза в опохмелительное учреждение. Когда не случалось вусмерть лежащих под забором, то в ажитации — не возвращаться же пустыми! обвинит начальство в ненадлежащем исполнении — хватали и самостоятельно передвигающихся, как Серега. Так брат учителя чистописания угодил в новопоставленный трезвяк, как уже окрестил богоугодное заведение неблагодарный мастеровой народ и не склонные к трезвости мещане и надомники*.

В скорую за этим событием пасху, разговляясь у чиновного брата, Серега с возмущением рассказывал о пребывании в опохмелительном приюте:

— ...Еще в сених трезвяка урядник с городовым ледей мне надавали, дескать, не ерепенься, не домой к ужину пришел, а в казенное учреждение; ночь прохрапишь, а поутру выпустим.

— Ну и что там? Правда, как в газетах городских пишут, почти больничный покой для временных, э-э-э, занедуживших, с пристойной обслугой, фельдшерским вспоможением и почти как номера на несколько персон в небольшой уездной гостинице?

— ..., — матерно выразился слесарь-лекальщик, благо остались они на некоторое время сам-двое в комнате: дети, радуясь теплой майской погоде, игрались во дворе дома, а золовки под видом кухонных забот перемывали кости своим мужьям-братьям.

— А все же как? Понятно дело, что хроникеры

* Специфика города, сохранившаяся до самых восьмидесятых советских годов: рабочие, трудившиеся по мелкой сборке на дому, куда им привозили на телегах, затем на автомашинах, наборы исходных деталей и сборочные приспособления — инструмент. — Прим. авт.

навроде Грамматикова-Задунайского с три короба все приукрасят верноподданнически перед городской властью, но велики ли эти короба?

— Короче,— слесарный брат, заглушая мало-приятные воспоминания, хватанул внеурочную стопку,— оплеух для страцаловки в сения надавали, все карманы вывернули в темноте и впихнули в трезвительную помещению, где вдоль стен на рваных и заблеваных тюфяках, соломой набитых, свезенные пьяные работяги и мещанская шваль храпят и во сне кто завывает, а иной в бога-душу-мать высказывается. Ворочался, ворочался, пока заснул. Рано спозаранку утром всех растолкали, переписали, у кого, как у меня, рабочая книжка или иной документ имелись, и вытолкали на улицу взашей. Про деньги с наградными премиальными спросил, так городской пудовый кулачище под самый нос подсунул: «Па-а-гавари у меня! Сам вчера все пропил и растерял! А будешь хамничать, так живо в участок отволоку за оскорбление власти. Пшел вон, пьянь подзаборная!» Заскочил домой, с супружницей объяснился-поцапался, чуток опохмелился — и на завод; уже гудками заливается.

— Да-а, брат ты мой невоздержанный, лишился ни за что, ни про что месячного жалованья. Да еще с наградными премиальными. То-то тебе от жены-то досталось!

— Да жена дело преходящее; поорала пару дней, да отошла: раз «красные шапки» обчистили, то на нет и суда нет. Другое хуже: через несколько дней после трезвяка на заводе дернули меня к начальнику нашей инструментальной мастерской. Он, как казенный инженер в форменном сюртуке с ученым значком, матерно не изъяснялся, но оттого не лучше, когда тебя вежливыми словами кроют. Со стыда можно сгореть. Словом, прислали от полицейской части, в ведении которой трезвиловка, отношение насчет

меня: мол, вы уж там у себя, на казенном императорском заводе, провоспитуйте своего рабочего и... много чего вычитал язвительным голосом начальник, да еще показал мне на листке этом надпись красным карандашом, что проставил после ознакомления, матушки мои! сам командир завода, артиллерийский генерал-майор: «N.N.! Разберитесь со своим подчиненным и накажите лишением воспоследующих наградных премиальных».

...Вторая в истории страны (а первая-то — в мире!) попытка заведения в городе вытрезвительного учреждения, в целях гуманности и заботы о здоровье населения, просуществовала чуть более двух лет: началась Империалистическая, царь издал указ о введении сухого закона по всей империи на период войны. А раз так, рассудили власти нашего, передового в части отрезвления, города, то, рассуждая строго по закону, и отрезвлять-то некого. Все по букве закона; исторический вытрезвитель закрыли в самый разгар боев на Северо-Западном фронте, где тевтоны разбили 2-ю армию генерала Самсонова. Как известно, беда не приходит одна...

♦ Заранее строго запретив себе вспоминать о рекламном «подкрути уровень стирки», Николай Андреянович немного тронул верньер* настройки личной машины времени по часовой стрелке — в сторону недалекого будущего. И... угодил в золотые семидесятые советские годы, совпавшие с ранней его инженерной молодостью. Тогда попадание в вытрезвитель, особенно для тружеников, тем более инженеров оборонных предприятий, то есть имевших «форму допуска к секретным и совсекретным работам и

* Все же поясним уже дважды упоминаемый верньер — это используемый в радио- и измерительной аппаратуре редуктор — замедлитель настройки, например, на нужную частоту, конструктивно исполненный в одном узле — концентрической ручке настройки.— Прим. авт.

документам», приравнялось к семейной катастрофе, крушению карьерных перспектив, иногда влекло за собой пресловутый «запрет на профессию»...

Понятно дело, что здесь имелся в виду не собственно штраф в несколько десятков рублей (но ведь советских, полновесных!), а «телега», то есть сообщение из милицейского участка по месту работы провинившегося во всеми громокипящими последствиями: выговор со служебной линии, обязательное «обсуждение в коллективе» (это-то наименее обидное: в день «обсуждения», после работы, шли избранным «коллективом» в гастрон — обмыть обиду и подержать товарища в горестную для него минуту...), откладывание на неопределенное время получения очередного инженерного звания и соответствующей ему должности, в материальном плане — лишение на сто процентов тринадцатой зарплаты, то есть дополнительного в году месячного оклада, и, само собой разумеется, текущей месячной и квартальной премии. Выливалось это в весьма круглую сумму. Но подлинным ударом поддых являлось перенесение «в зад» очереди на получение квартиры; известно, что в советское время массовое жилье не покупалось, но предоставлялось в порядке очереди работающим их предприятиями. Словом, катастрофа семейная, плюс служебная, плюс трижды-четырежды (по числу взысканий и неполучений) денежно-финансовая.

Понятно дело, в прессе, на радио-телевидении вытрезвительных дел молчаливо особо не касались. Эстрадные смехачи-куплетисты все в анекдотические шутки превращали. Угрюмые писатели «шестидесятники» и «деревенщики» также особо сути дела избегали, ограничиваясь назидательно-воспитательным; этакие «Дети понедельника» и «А по утру они проснулись...» Что-то навроде таких названий и содержания... Не дозволялось изустно и печатно раскрывать трудовому (а нетрудового тогда не имелось) на-

роду секреты полишинеля*. Две главные, совпавшие во времени, причины создали «феномен советского вытрезвителя»; обе они относились к собственно милиции. Во-первых, к золотым семидесятым годам преступность в советском обществе практически исчезла, ибо ликвидировалась ее социальная база. Во-вторых, к этому времени резко сменился состав милиции: на смену рассудительному поколению, где тон задавали рядовые участники войны, составлявшие сержантско-старшинский корпус милиции, пришла молодежь: отслужили в армии, затем полугодовая милицейская школа и — красная фуражка, молодой хамоватый задор и неограниченная власть! Так сформировалась армия щёлоковских башибузуков — сержантов, охальников-подлетов, в итоге подведших своего министра к выстрелу в висок из табельного «макарова». А раз преступников серьезных нет, то чем же еще, тем более для отчетности, заняться миллионам «красных шапок»? — Конечно, «хватать и тащить» (по словам классика) в трезвяки любого встречного-поперечного, даже случайно пошатнувшегося.

...Молодые инженеры, Николай (еще без Андреевича) в их числе, после работы решили «освежиться очищенной» — тогдашняя терминология. Опять же из литературной классики. Вечер летний, пятница — конец трудовой недели — грех после трудодня не принять умеренно. Но где? — В стекляшке-забегаловке духота, да и мало их в рабочем микрорайоне. Затарились в гастрономе, а дальше где для неторопливой беседы пристроиться? — В какой переулок не свернут, всюду группками «красные шапки» рыщут в поисках добычи; вытрезвительные

* Сейчас народ усилиями глобализаторов все более склоняется к малограмотности (в ее широком смысле), поэтому напомним: полишинель. итал. *pulcinello* — от *pulcino*, то есть цыпленок, которого актер театра *commedia dell'arte* как будто напоминает наружностью. — Прим. авт.

воронки снуют туда-сюда... Вроде как пристроились с торца пятиэтажки, напротив глухой забор, народу сюда незачем ходить. По одной, по второй — под плавленные сырки... и вот она, милиция-заступница аж с двух сторон. Словом, «поутру они проснулись» в вытрезвителе, понятно дело, выстроенном все на том же месте, что и его предшественники, получили на руки квитанции для оплаты постоя, хмуро разбрелись по домам. Жить не хочется. Ладно, со временем успокоилось — не без драм дома и на работе.

В конце декабря в главном корпусе Конструкторского бюро вывесили листы-простыни со списками лишенных тринадцатой зарплаты: полностью или частично, в зависимости от состава административного или трудового правонарушения. Надо заметить, что в организации их только-только улеглось возбуждение, связанное с... изобличением в их коллективе шпиона! Не успел он ничего особого на шпионить, просто на выставке в Москве его агенты на чем-то подловили, что-то он лишнее сказал, словом — тягчайшее на оборонном предприятии преступление. Его, конечно, не судили, чтобы имя фирмы не полоскали, а просто запихнули в дурдом. Ведь отчетность!

И вот смотрит Николай в листки-простыни, грустно отмечает свою фамилию: лишить на 100 %. Затем случайно натывается на того самого шпиона: лишить на 50 %! Долго народ потом хохотал: дескать, если в трезвяк попадешь, то сразу ментам рекомендуюсь бельгийским шпионом. А если татарин, то лучше турецким...

♦ В конкретное будущее Николай Андреевич отправил себя подкручиванием верньера, понятно дело, не на год-другой, пока дело с новым возрождением вытрезвителей раскрутится («Русский долго запрягает лошадь в телегу, зато потом быстро скачет», — сказал Отто фон Бисмарк, создатель Второй германской империи), а чуть поболее: лет на

пятьдесят вперед... и ужаснулся полной безысходности.

Некто, к которому виртуально присоединился Николай Андреянович, человек из недалекого прошлого, решил выпить, что в едином глобальном социуме, с одной стороны, не запрещается, с другой же — жестко преследуется. Это называется толерантностью и кажимостью, когда не закон для человека, а человек для закона. Готовился долго и основательно, полгода криптовалюту для неизбежных расходов копил — конечно, в глубочайшей тайне от виртуальной своей супруги... одного с ним пола. В день «икс» купил бутылку виски, название марки которого переводилось с единого мирового языка как «Вредная привычка». С этого момента, как он прекрасно понимал, находится под круглосуточным наблюдением, даже в душе и туалете. Поэтому, ничтоже сумняшеся, выдул из горла прямо у прилавка магазина, закусил батончиком бессмертного «сникерса», а по выходу сдался на руки уже подбегающего ему навстречу младшему менеджеру службы услуг правопорядка. А поутру проснулся в роскошном номере отеля «Все для блага». На рецепшене расписался, конечно, в электронной форме, за услугу, за номер и за «штраф толерантности». Перечислил на нужный счет всю накопленную криптовалюту. Господи, до чего же скучно в этом светлом будущем! Николай Андреянович крутанул верньер и вернулся домой к окончанию последних известий их кухонного репродуктора. С аппетитом приналег на яишенку, посыпанную укропчиком.

Уже не стоит и говорить, что отель-вытрезвитель был построен все на том же месте близ берега реки на углу стародавней Разбрыкаловской, а ныне — то есть в будущем — 6-го Толерастовского авеню...

НОВЕЛЛА 3. НАДОМНИКИ

— Насчет леденцов трудно сообразить,— начал он, усаживаясь подле меня на диване.— Я их купил третьего дня, в пьяном виде, в овощной лавочке,— не знаю для чего. Впрочем, может быть, для того, чтоб поддержать отечественную торговлю и промышленность.

Ф. М. Достоевский
«Униженные и оскорбленные»

Приезжает в столицу иностранец-собственник и привозит с собой крокодила, которого и начинает показывать в Пассаже публике. Мы тотчас же поспешили приветствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще недостает нашему сильному и разнообразному отечеству.

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное
событие или пассаж в Пассаже»

♦ Занимательное свое путешествие во времени с посещением явно или виртуально богоугодных вытрезвительных заведений Николай Андреянович в тот же майский день поведал другу своему профессору Скородумову, приняв его телефонное приглашение зайти после лекций к нему: «Посумерничаем, разок-другой по промилле* выпьем за очередное дежа вю по части вытрезвления, о котором и я по местному радио слышал». Николай Андреянович добро улыбнулся: рыбак рыбака видит издалека — в смысле люди с общими интересами и сходным образом жизни и новости-то из нынешнего информаци-

* На инженерном арго-жаргоне означает пятьдесят граммов, естественно, разлитых по стопкам...

онного шума извлекают одни и те же, злободневные для них, хотя бы по памяти о прошлом.

В отличие от безлошадного доцента, довольствующегося на службе лишь своим столом в общей преподавательской, профессор Скородумов располагал в корпусе биофака небольшим, но уютно, домашнему обставленным собственным кабинетиком, где друзья и встречались по поводу и без оногo... Здесь же повод грандиозный представлялся. Первую стопку потому и подняли под девизом, что-де новое — всегда обязательно хорошо забытое старое. Николай Андреянович предварил рассказ сообщением, что виртуальная личная машина времени, идею которой подсказал и научно обосновал Игорь Васильевич, работает отменно и безотказно. «Главное, — перебил его залихватый смехом визави, — что такая машинерия даром дается, горючки и смазки, расхода электроэнергии не требует. И амортизация не должна беспокоить: пока мозг работает, крути себе верньерчик, как ты говоришь, и лишних мыслей в голову не бери». Слушая же дальше подробный пересказ исторического турне по богоугодным заведениям, Скородумов, живо реагиовавший на новые для него словечки, заинтересовался надомниками, дескать, а это что за класс трудящихся? Игорь Васильевич выслушал разъяснение, а после окончания рассказа приятеля что-то задумался, даже забыл о времени второй стопки, но — спохватился, разлил. Выпили-закусили, а Игорь Васильевич опять думу на лице изобразил.

— Что закручинился, друг мой ситный? Или воспоминания малоприятные связаны с вытрезвительями?

— Да нет, воспоминания как у всех. Чаша сия в нашем поколении миновала лишь сирых, убогих, непьющих, больших начальников и самих, ха-ха-ха! «красных шапок»... да и то с исключениями. Задуму-

мался же о другом; надомники твои, в смысле сами по себе бывшие, а кое-где и сейчас сохранившиеся, подтолкнули к завершению мысли, давно неявно выпестываемой. А вот надомники — предельно удачный образ человека с идефикс творчества. Неважно совсем, имеет ли он способности к нему, или же начисто лишен таковых. Это как кустарь-одиночка с мотором Виктор Михайлович Полесов из Ильфа — Петрова.

— То есть хочешь сказать, что, допустим, Архимед, Леонардо да Винчи, Жюль Верн, Эдисон и... Виктор Михайлович есть одного поля ягоды?

— Получается, что так. Но, разумеется, не в смысле результатов, ведь цыплят принято по осени считать, а по образу жизни, которую организует мышление человека всегда неуспокоенного, всегда ищущего приложение себя, хотя бы и в мечтаниях, к жизни в ее расширенном понимании. Такой человек одновременно изгой своего социума и чудак, и счастливейший из смертных, и неудачник в этой жизни, и мечтатель не хуже социальных утопистов, и обуза для близких, и ... много чего «и». Впрочем, остановимся пока на таком расширенном толковании надомника. Как-нибудь вернемся к этой теме. Раз-з-зливай!

♦ Полагая анализ обобщением опыта прошлого и известного настоящего, Игорь Васильевич высшей формой творческого мышления полагал синтез, ибо он давал возможность предвидеть будущее. Так он представлял себе устройство личной машины времени, уже проверенной в работе его другом Николаем Андреяновичем. О чем они намерялись и беседовали, из какого-то разговора и запало в его недюжинную по части размышлений голову занятное слово «надомники». Дав в том разговоре общее толкование понятию надомничества, присовокупив к нему различие между анализом и синтезом, как базовыми

методологиями любой исследовательской деятельности, профессор Скородумов четко для себя определил: в поисках надомников по жизни и содержанию, причем при езде на личной машине времени («Езда на остров любви», — усмехнулся Скородумов, вспомнив старинного стихотворца Василия Кирилловича Тредиаковского), следует при путешествии в прошлое поворачивать верньер — тож слямзил у приятеля словечко — настройки на время против часовой стрелки, то есть в сферу мышления-анализа, а в будущее — по этой самой стрелке, в область синтеза.

...Досадливо отогнав эту квазинаучную дурь, мол, долгое профессорство, как и профессиональный спорт, делает человека инвалидом: мышления и физического здоровья, соответственно, Игорь Васильевич, выбрав досужее время, обратился в собственное прошлое, в наиболее богатые на встречи с надомниками «лихие девяностые». Профессор закрыл глаза и мысленно сконструировал нечто похожее на пульт машины времени с черной ручкой верньера посередине. Обхватив его большим и указательным пальцами, он осторожно начал поворачивать ручку против часовой стрелки. Почему-то Игорь Васильевич решил, что ручка верньера проворачивается не плавно, а по образу старинного электромеханического шагового искателя, что использовались на телефонных станциях: щелк, щелк — каждый щелчок, явно звучащий в ушах, один год назад — и дощелкался до самого начала этих «лихих». В тот год он защитил диссертацию доктора технических наук и уволился из знаменитого в отечественном, в мировом тоже! военпроме НПО «Меткость», руководимого академиком Гусаковым, поскольку жизни ему, «молодому выскочке», все одно не дали бы, и устроился по проекции добрых знакомых в только что созданный медико-биологический научно-исследовательский ин-

ститут аж первым заместителем директора, то есть замом по науке.

Здание, в котором институту отвели три верхних этажа из пяти, располагалось через неширокий проезд от крупного городского рынка. Как ни странно, но именно соседство с этим общенародным торжищем способствовало дальнейшему тесному знакомству Скородумова с беспокойной семьей — в смысле родственности занятий последних — надомников. Известно, что сумбурное то время, отчаянное и веселое одновременно, лихорадило людей и сподвигало их к тесному междусобойному общению — по части безудержной разговорчивости. Как с утра до полуночи радио и телевидение стрекотало: дескать, измученный семидесятилетним большевистским утеснением народ радостно приветствует наступивший демократизм, открытость и иной консенсус (при этом слово народ обычно ухмылялся: что-то в нем было созвучно непристойности...), отсюда и его жажда взаимного общения и одобрения проводимой... и так далее, под дуду кого следует.

А где наибольшее скопление народа досужего, охочего к выслушиванию всяких небылиц? — Конечно, рынок, то бишь базар, толкучка. Главное, за карманами своими приглядывай: ворья молодого, на приучке, вмиг несчетно объявилось. Для них рынок — школа профессии.

Где же еще как не на базаре надомникам, бесплатным труженикам самоорганизованного мыслительного творчества, благодарных слушателей найти? Да еще приятное с полезным совместить: ведь не бродяги они, семейные, дома жены с малыми либо великовозрастными детками ждут не дождутся, когда папаня вернется с рынка и едова принесет.

Заблагодужествовал наш профессор, перенесясь в те времена, увы, несбывшихся народных надежд, даже и не заметил, как перешел в размышлениях

своих на псевдонародный, даже чуток сюсюкающий язык...

Поначалу, когда коллектив обживался на новоселье, на входе висела вывеска прежних хозяев — строительного конструкторско-исследовательского института, который на исходе «консенсусной переустройки» за ненадобностью распустили. Но вот заменили ее на новую, научную медико-биологическую. Эта-то вывеска с еще не высохшими лаковыми буквицами надписи мигом заворожила спешащих поутру на рынок надомников мысли неумной. Наскоро закупившись харчами по спискам их женушек — известно, творческие люди забывчивы на презренные бытовые мелочи, — ринулись они, радуя о научном и промышленном процветании новодемократической страны, в институтские двери со своими гениальными идеями, открытиями, замыслами и изобретениями, которым бы позавидовал американский Эдисон. Особо мощной оказалась когорта экстрасенсов, парапсихологов и «рамочных» отыскателей природных и иных ресурсов.

♦ Уже попривыкнув выслушивать словоохотливых надомников, Игорь Васильевич, убаюкиваемый их рассудительными, мягкобархатными баритонами, порой терялся: наяву он все это слышит или во сне? Именно тогда он понял великий смысл выражения *жизнь как сон*. И в который раз досадливо вспомнил, что так до сих пор и не дошли его руки, в смысле глаза, напрямую соединенные с мозгом, до пьесы Кальдерона с таинственным названием...

Поначалу, то есть в первые недели-месяцы, как на здании обновили вывеску — со строительной на медико-биологическую, — надомники с утра заполняли приемную директора, рассевшись, аки шумливые воробушки, на диване и стульях, несколько нервирова секретаршу, которая по записной очереди впускала их к шефу. И тот, человек обходительно-воспитан-

ный, интересующийся не только официальной, академической биологией и медициной, но и околонучными веяниями, подолгу беседовал с энтузиастами умственной целеустремленности. Но скоро ему, как архизанятому устройением новопоставленного исследовательского института, поднаскучили несколько однообразные рассказы доморощенных гигантов мысли. Тем более, что длительные их монологи всегда заканчивались удивительно однообразно до монотонности: принять их на службу на должности старших научных сотрудников по нетрадиционным методам диагностики и лечения. Все они, за малым исключением, имели пенсионный возраст. И еще одна удивительная особенность: многие экстрасенсы, парапсихологи и «рамочные» искатели природных ископаемых и вредных для массового здоровья геопатогенных зон в черте города, имели степени кандидатов технических наук. Значительна в среде набежавших на институтскую вывеску надомников была и прослойка отставных майоров и подполковников — почему-то служивших по артиллерии и интендантству...

Будучи, так сказать, обходительным и воспитанным, директор не решился прибегнуть к грубости в отношении соискателей научных должностей, то есть приказать секретарше «не пущать и отваживать», но принял соломонино решение: при появлении изобретателей велосипедов и вечного движения, экстрасенсов и парапсихологов, Вера Леонидовна с самой искренней приветливостью, сочетаемой с огорчительной извинительностью, сообщала: директор очень занят с прибывшим из Москвы академиком *N.*, поэтому, к сожалению, принять столь уважаемого посетителя не может, а рекомендует обратиться к своему первому заместителю, отвечающему в институте за науку, профессору Скородумову, с которым у директора имеется договоренность на сей счет. К тому же, задушевно распевала секретарша, Игорь Васильевич

большой знаток и инициатор внедрения в жизнь, медицинскую и биологическую науку и промышленность новейших достижений в части нетрадиционных подходов к диагностике, лечению и профилактике самых различных заболеваний.

Обрадованный вниманием надомник, слегка погромыхивающий в хозяйственной сумке банками с тушенкой и плитой замороженного до температуры жидкого азота минтая, только что купленными по поручению супруги на ближнем рынке, выходил из приемной в коридор, сворачивал направо и шел к указанной милейшей Верой Леонидовной двери с табличкой зама по науке. Конечно, размышлял по пути посетитель, зам, даже и первый, все же супротив целикового директора вроде как менее серьезно... зато и говорить с ним можно попроще, не выискивая официальных слов; главное, про вакансию старшего научного сотрудника можно будет без обиняков и намеков спросить — и вообще конкретно поузнать про размер зарплаты и регулярность ее выплаты (на дворе начало девяностых, обычные задержки с выплатой кровно заработанных).

♦ Вот именно такой посетитель первым явился к Игорю Васильевичу: плотный, коренастый, в ватинном пальто «гроб с каракулем» (дело случилось зимой), лет шестидесяти. Бесцветное, грубоватое, слегка оплывшее лицо выдавало мастерового-работягу, а налет отстраненной задумчивости — явно надомника. И матерчатую сумку-нищенку держал в пудовом кулачище, но только не с тушенкой и замороженным минтаем, а с чем-то цилиндрическим, по форме напоминающим многолитровую кастрюлю. При движении посетителя, раскачиваясь, она постоянно погромыхивала.

— Я... того, тут кое-что изобрел, — от необычности обстановки забыв поздороваться и представиться, начал тот, сделав пару-тройку шагов от две-

ри и остановившись посредине просторного кабинета: штат института только подбирался, поэтому все отведенные ему три этажа пустовали, каждый из замов и «столона начальников» заселялся в чем-то приглянувшейся ему комнате.

— Так вам, очевидно, к директору следует обратиться,— вяло попробовал отбаяриться Игорь Васильевич, но не тот, девяностых годов, а примчавшийся на машине времени из начала пятой пятилетки воспоследующего века и тысячелетия, миллениума по-американски. Но гость вкратце, путаясь и запинаясь, но в общем-то толково, передал свой разговор с Верой Леонидовной. Игорь Васильевич погасил на губах неуместную при постороннем ухмылку, весело подумав, что-де шефу просители малоодоходных должностей явно наскучили (он уже пару раз за праздничными табльдотами прилюдно жаловался на докучливых изобретателей и экстрасенсов с «рамочниками»...), теперь чаша сия ему перепоручена. Что ж, я начальник — ты дурак и наоборот.

Порекомендовав посетителю снять пальто, указав на угловой одежный шкафчик, и присесть, хозяин на миг задумался, рассеянно окинул затвердевшее от напряженности лицо изобретателя и, вспомнив не забытые все в новом веке и тысячелетии, откуда он прибыл, нравы лихих девяностых, взял быка за рога, предложив для знакомства выпить. Изобретатель заметно оживился, расслабился, убрал каменную настороженность с пролетарского лица. А Игорь Васильевич, еще не успевший опохмелиться (вот они, девяностые!) после вчерашнего празднования дружным коллективом дня рождения главбуха, уже вынимал из кабинетного холодильника бутылочку запотевшей и нехитрую закуску; из хозяйственного шкафчика — стопки и вилки. Выпили-закусили, познакомились по именам-отчества. Изобретатель перешел к делу, высвободив из мешковатой сумки дей-

ствительно угаданную Игорем Васильевичем большую алюминиевую кастрюлю, в каких хозяйки больших семей в три поколения варят недельные щи. Но в любопытной кастрюле матрешечно были установлены еще три кастрюльки последовательно уменьшающихся диаметров, закрепленные в «материнской» посудине на обечайках с распорками до диаметра последней. Игорь Васильевич оценил добротность и слесарную аккуратность конструкции, не преминув догадаться о назначении, все же доктор наук!

— Перегонная установка трехфракционная, если не ошибаюсь? И-и, позвольте поинтересоваться: как ваше, так сказать, изобретение может быть использовано по нашему медико-биологическому профилю? Вы же целенаправленно именно к нам пришли, а, скажем, не на химическое или какое-нибудь пищевое производство?

— Так ведь вот племянка моя, что после медучилища лаборанткой, значит, в эпидемной санитарной станции в Орле, тама сестры моей семейство проживает, работает, так что говорит, мол, дистилляторы эти вовсю применяют,— разговорился, хотя пока и коряво от уличного мороза и ста грамм «разгонной», изобретатель,— вот и вывеску вашу углядел давеча, когда на рынок, что через проезд, шел кой-что по хозяйству прикупить из инструмента и крепежа...

— И решили предложить свое изобретение нам? — сократил хозяин кабинета несколько запутавшуюся речь посетителя.

Получив утвердительный ответ, Игорь Васильевич сразу не нашелся, как отвадить изобретателя, поэтому подошел со стороны:

— На чем испытывали устройство?

И тут же, не дожидаясь ответа замешкавшегося Василия Фомича, как ранее представился посетитель, но зорко отметив невольнo брошенный тем ми-

молетный взгляд на стоявшую обок на столе бутылку, продолжил:

— Так полагаю, что опытное опробование на домашней кухне проводили, к празднику домашнюю тройной очистки готовили?

Здесь Василий Фомич и вовсе оживился, тем более, что Игорь Васильевич гостеприимно разлил по второй. Поговорили о том, о сем, о наступившей демократизации, о разгуле торговли-спекуляции. Одобрив творческую продумку конструкции, ее эффективность, Игорь Васильевич в мягких выражениях, чтобы особо не огорчить творца мысли, все же сообщил: такой принцип конструкции с конца девятнадцатого века используется на нефтеперегонных заводах. А в медицинских, фармакологических и других производствах используются давно промышленно освоенные автоклавные и иные дистилляторы. В лабораториях же есть очень компактные и простые в конструкции перегона установки с трубой Либиха. И объяснил заинтересовавшемуся гостю что это такое. У Василия Фомича загорелись глаза. Расспрашивал, где такую штуковину можно раздобыть.

Расстались они через полчаса дружески. Убрав в шкафчик опустевшие бутылку и закусочную тарелку, стопки и вилки, приободренный беседой с истинным стихийным творцом — «и малое в натуре есть великое в мышлении», — афористически отметил Игорь Васильевич, он прошелся по просторному своему кабинету. Вот именно так, размышлял он, это есть чисто русская особенность: надомничество мысли, пусть слабо организованной, незаадминистрированной... а потому, собственно говоря, и вольной в своем приложении! Это ведь не долларолюбивый Эдисон — архиталантливый изобретатель, но только с оговоренной таксой. И такие русские надомники творчества не то что были в девяностые годы (ведь Игорь Васильевич из предбудущего века и тысячеле-

тия припожаловал, отщелкал на верньере машины времени под тридцать щелк-щелк-щелк!), но именно в это сумасбродное десятилетие, особенно в первые его две трети, когда организованная наука и ранее пестуемая ею техника и все остальные отрасли практической человеческой деятельности единомоментно ухнули в пропасть, надомники творческой жизни воспряли духом, вышли из полутени домашних кухонь, самостройных мастерских в дворовых сарайчиках, отвлекаясь от рутинной работы инженерами и младшими научными сотрудниками в конструкторских бюро, исследовательских институтах, лабораториях. Именно воспряли, полагая, что только сейчас, в пересменке довлеющей административной заорганизованности, смогут они облагодетельствовать свою страну, может и весь мир, выстрадавшими и десятилетиями выношенными великими идеями — все на пользу, на добро вечно пресмыкающемуся перед сильными мира сего человечеству.

«Да, друг мой, Игорь Васильевич, счастливое это русское изобретение — опохмелка, желательно самодвое с гармонично с тобой настроенным собеседником,— размышлял Скородумов, все так же по диагонали меряя шагами своей кабинет,— однако, пора и мне *надомничать*. Ишь, хитрован какой! — решил совместить свободу научного творчества и какую-никакую хлебную должность...» — усмехнулся он из двадцать первого века.

♦ К регулярно набегавшим — по пути на рынок и обратно — изобретателям по медико-биологической части Игорь Васильевич очень скоро выработал подход, сводивший до *minimum minimum* потери его и посетителя время, которое, как с начала девяностых, переняв кальку с американского, говорили, что оно деньги. Понятно дело, что любое время, размерное и безразмерное, все одно ни Скородумову, ни надомникам никаких денег не обещало. Этим

так присказка, для красного словца. Да Игорь Васильевич особого-то подхода не искал, ибо сам был опытным изобретателем высшей квалификации: до поступления на службу в институт последние два года работы в «Меткости» являлся начальником патентной службы. На солидном оборонном предприятии должность эта значимая, мимоходом на это место не попадешь... просто предыдущий начальник Миша Тубиншлак в духе наступившего времени устремился на просторы забурлившего в стране *business'a*, а Игорь Васильевич, недавно защитивший кандидатскую диссертацию, сам известный изобретатель, попал в патентное кресло случайно, по принципу того рака на безрыбье... Словом, изобретателей он щелкал, фигурально, конечно, как белка орешки. И те тотчас переставали лапшу на уши ему вешать, с первых минут общения поняв с кем имеют дело.

Более того, беседы с изобретателями-надомниками скоро стали душевно расслаблять, веселить и даже радовать Игоря Васильевича, ибо стали чем-то навроде школьных перемен; школьники во время их отдыхают от нудных уроков, особенно по математике и литературе, Игорь же Васильевич на эти четверть-половину часа выбрасывал из головы всю безалаберность, неразбериху, полный административный идиотизм, что обычно наваливаются на руководство вновь созданного учреждения в первые год-другой становления.

Ничего нового, полезного для себя Игорь Васильевич, знамо дело, от домодельных эдисонов не узнавал: сам с усам, сам доктор наук и патентный специалист! Однако же физику, химию и биологию в школе, что есть главный источник знаний на всю жизнь, даже если академиком станешь, он хорошо и со вниманием изучал. Но нравилось, прямо-таки душевно захватывало общение как с бесхитростными изобретателями перегонных аппаратов, велотренаже-

ров и озонаторов воздуха по методу профессора А. Л. Чижевского, так и с хитрованами из числа матерых инженеров на пенсии, которые все норовили убедить зама по науке, что лучшей кандидатуры на должность главного инженера или главного же конструктора, чем его визави, руководству института не найти. И для подтверждения своей компетенции поддвигали к Игорю Васильевичу по столешнице пятак дипломов на авторские свидетельства. Учитывая историческую милитаристскую направленность городской промышленности, все эти изобретения касались орудийных откатов, спусковых механизмов пулеметов, способов штамповки ракетных закрылков и пр. Опять же хитрецы били на логику: если он проявил себя изобретателем по военно-технической части (при этом горделиво вздергивал подбородком), то что нам стоит дом построить! неужто не совладеет с новой конструкцией хирургического скальпеля или аэрозольной пшикалки для астматиков? Логика Игорь Васильевич уважал, сам продумывал теорию нового ее раздела — аналогового, но рассуждения просителей о возможном сотрудничестве в рамках штатного расписания института как-то ловко и необидно отклонял.

Редко, но и в гнев впадал, когда проситель должности не ниже главного конструктора вел себя хамовато, дескать, вы *обязаны* развивать передовую медицинскую технику, ее науку и промышленность. И в качестве доказательства своей профпригодности доставал из сумки пустой кожух от лазерной установки — дескать, я ее проектировал, а почему один кожух только принес? а чтобы *у вас здесь* не подсмотрели техническое решение и воспользовались им. Узрев этот кожух, явно на городской свалке металлических отходов (она до начала девяностых еще сохранялась в Косолучье — до массового воровства цветмета на сдачу в пунктах приема) подобранный,

Игорь Васильевич вспыхнул. Именно этот микро-мощный лазер он еще недавно, в «Меткости», патентовал в качестве «товара широкого потребления»! (конверсия!) — для медицинских надобностей. Понятно, наглый проситель должности в числе авторов конструкции не значился. Через свою секретаршу вызвал охранника и велел вывести просителя и более в институт не впускать.

♦ Но вот в беседах с кем Игорь Васильевич полностью душой отдыхал, словно участвуя актером в постановке психологически нарочито запутанных пьес Эжена Ионеско, Августа Стриндберга, Юджина О'Нила, опять же «Жизнь есть сон» Кальдерона (наш герой и литературой не манкировал), так это с теми, вышедшими из подполья и новонародившимися, адептами ранее неизвестного простодушному советскому человеку, что Игорь Васильевич обобщенно называл экстрасенсами. Это как общепринято называть вороньем вкупе всех городских птиц: собственно ворон и воронов, галок и сорок, грачей и наиболее противных из них — голубей. Так и здесь: этот своеобразный класс надомников дробился на экстрасенсов-парапсихологов, то есть теоретиков; экстрасенсов-практиков, конкурентов знахарок и гадалок из цыганок; «рамочников» — искателей геопатогенных зон и полезных ископаемых; исследователей ауры человека с патологией — тож конкурентов, но уже собратьев по ремеслу из разряда сугубых экстрасенсов. Бесконечно дробясь и конкурируя друг с другом, список этот продлевался еще на десяток специализированных позиций. Человек чисто русский, несколько безалаберный в душе, тем не менее Игорь Васильевич в научной своей ипостаси не хуже дисциплинированного немца склонялся к строгой классификации. Это как старинный русский купец из старообрядцев (образ друга Николая Андреяновича тотчас всплыл в голове Скородумова), неизменный

герой Островского, Лескова... да и почти всех наших сочинителей девятнадцатого века: в разгуле громит зеркала в «Яру» и «Славянском базаре», пляшет с цыганками, веером осыпая радужными «катеньками», но в трезвости, в купеческих своих делах суть «государственный стяжатель» — лишней копейки с грошом, не говоря уже о семишнике и алтыне*, мимо пальцев не упустит, все в точности сочтет и оприходует в конторкорректной книге.

Не только изощренная классификация еще совсем недавно предосудительного рода занятий надомников восхищала Игоря Васильевича. Но главное — их беспредельная увлеченность избранным жизненным кредо. Уже в общении с ними Скородумов выделил некоторые, объединяющие их обстоятельства. Как отмеченное странное совпадение: увлеченные психогуманитарии, большинство из них имели степени кандидатов технических наук, но главное, много чего по жизни повидали. Потому-то Игорь Васильевич и получал истинное, без намека на натянутость и интеллигентское лицемерие, удовольствие в беседах с этой категорией надомников.

Если, как говорится, мир тесен, то что говорить о не очень-то великом провинциальном городе! Поэтому замдиректора по науке новосозданного института не очень и удивился, когда на другой же день после визита изобретателя медико-самогонного аппарата из набора алюминиевых кастрюль в кабинет воспитанно-вежливой поступью вошел бывший преподаватель студента местного политеха Скородумова, доцент по курсу надежности радиоэлектронных устройств и систем, да не просто доцент, а носивший звание «лучшего методиста института», лекции кото-

* То есть двух- и трехкопеечные медные монеты; время единой мировой криптовалюты на носу, потому не грех и напомнить уже сейчас подзабытые названия этих монет. — Прим. авт.

рого посещали стопроцентно все студенты — столь великолепно он их преподносил обычно скушающему на занятиях юношеству. Радостно поприветствовали друг друга. Сожалея, что Галик (имя чудное, но был он чистым русаком) Леонидович, как человек абсолютной позитивности, ни капли в рот от рождения не берет, предлагать освежиться с морозца не стал. Сразу выяснилось: доцент на пенсии стал главным городским «рамочником», что тотчас и продемонстрировал, вынув из внутреннего кармана пиджака любовно самолично изготовленную складную рамку из алюминия (отогнал Игорь Васильевич неуместное воспоминание о вчерашних кастрюлях из алюминия...), взял ее в вытянутую правую руку и за считанные минуты по различным маршрутам обследовал весь кабинет, поясняя прихотливое вращение рамки сложным наложением физических и биологических полей в объеме. Прощаясь после обстоятельной беседы, в которой воспоминания давних политеховских лет умело перемежались Галиком Леонидовичем на уникальные возможности рамок, отставной доцент презентовал своему бывшему студенту, кстати отличнику и старосте группы, только что изданную на кровные пенсионные книжку *«Опытное руководство по локациям геопатогенных зон в городских районах плотной застройки»*. Как человек глубоко воспитанный, Галик Леонидович даже и не помышлял «насчет местечка». Пенсий им с супругой хватало, сын служил водителем в милиции, оказавшись малоспособным к наукам, так что экс-доцент был счастлив возможности заниматься научными изысканиями, не отвлекаясь на иные дела.

Из прошедшей через кабинет Игоря Васильевича внушительной когорты экстрасенсов, в широком их определении, в числе которых был и отставной офицер, защитивший диссертацию по танкам, и также кандидат технических наук, отсидевший в лагере че-

тыре года за незаконное занятие целительством, а сейчас издавший книгу воспоминаний *«Экстрасенс за колючей проволокой»*, и дипломированный врач, искавший в институте «крышу» для открытия первой в городе частной лечебницы по фрейдовской психоаналитике... Наконец, пару раз заходил несколько обтекаемый молодой человек — судя по манерам и вопросам, явно стажер-лейтенант из Кленового переулка; так в городе называлась в обиходе «самая компетентная служба». Так просто приходил, для отчетности. Наиболее яркой личностью оказался бывший директор шахты, неизменный кандидат технических наук. А бывший — по причине упразднения в начале девяностых всей угольной отрасли в Мосбассе, то есть подмосковном угольном бассейне, что на территории нашей славной области. Плотный, коренастый, с чисто русским лицом, каковых уже мало на свете и осталось, но вот светло-голубые его глаза светились такой чертовщинкой, что не по себе собеседнику его становилось. Подружившись с Игорем Васильевичем, тот часто наезжал. Про экстрасенсорику и парапсихологию, как оба люди разумные, они почти сразу и позабыли. Бывший шахтер все более красочную и диковинную свою биографию рассказывал. Как в детстве его, круглого деревенского сироту, взял на личное воспитание барон Федор, чей цыганский табор кочевал по их району. Подросши, научившись читать и писать самостоятельно, «купил» аттестат за среднюю школу, отработав два сельхозсезона на личном огороде ее директора. Примерно также получил и диплом выпускника горного факультета местного политеха. То есть вещи в советские шестидесятые-семидесятые годы немыслимые. Но природный стихийный и хваткий ум, воспитанное в таборе барона Федора доскональное знание психики человека, все это позволило ему полтора десятка лет держать шахту передовой в своем уголь-

ном тресте. ...На момент знакомства с Игорем Васильевичем он разрабатывал и на себе опробовал новую практику медитации и лечения пациентов со средней степенью невроза — посредством демонстрации танцев народов мира, с каковой целью он полгода занимался ими в своем районном доме культуры.

Чтобы ученый собеседник не сомневался, хлопнув с профессором пару стопок «для разогрева», экс-директор с полчаса плясал в кабинете Игоря Васильевича, особо налегая на наурскую лезгинку и краковяк...

◆...«Экономически активные россияне, несмотря на третью волну пандемии в Европе и Азии, отправились путешествовать за границу». — Что за черт? а-а-а, сообразил Игорь Васильевич: экономически активные — это принятое в эсмэи политкорректное название прослойки граждан, умеющих зашибить деньгу на спекуляциях, перекупке, взятках по мелочи (с крупными сейчас опасно стало), компьютерном хакерстве, пресловутом предпринимательстве и пр. А к чему эти «экономически активные» привязались? — Значит я, слушая занимательные рассказы воспитанника барона Федора, а затем любуясь лечебной лезгинкой в его исполнении, ненароком задел ручку верньера личной машины времени и попал неведь куда — аж в начало пятой пятилетки воследующего века! Это надо же, ошарашенно размышлял Игорь Васильевич из «лихих девяностых», но, приняв стопку-другую, переродился-перетек в Игоря Васильевича в этой самой пятилетке, где нет уже места надомникам стихийной творческой мысли; табор барона Федора давно осел на окраине областного города и переквалифицировался, перезагрузился — на нынешней американо-нижегородской мове, на розничную торговлю наркотой. «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной тре-

воги», — сфальшивил дважды — по тексту и по мелодии — Игорь Васильевич, расхаживая по своему профессорскому кабинетику-закутку, — нет, надо позвонить Николаю Андреяновичу; питье в одиночку, все одно что цифровое траханье с предохранением от электронных сперматозоидов, говоря на той же мове... или фене?»

НОВЕЛЛА 4. СТАТСКИЙ ГЕНЕРАЛ, ИЛИ СТОП-МАШИНА ВРЕМЕНИ! ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕМ

*Отцы отечества начинаются у нас с чина
тайного советника.*

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя за 1876 год»

*Итак, в будущем, которое сестра прошлого,
я, может быть, снова увижу себя сидящим
здесь, как сейчас, но только глазами того, кем
я буду тогда.*

Джеймс Джойс «Улисс»,
часть II. Эпизод 9

♦ Не дозвонившись до приятеля своего Николая Андреяновича ни по одному из телефонов — служебному, домашнему и мобильному («как все вымерли!»), — профессор биофака Скородумов огорчился: бутылочка приличного — или искусно подделанного подмосковными умельцами? — коньяка откупорена, не в русском характере початую посудину оставлять недопитой до доньшка. Хорошо бы на личной машине времени откатиться годков этак на двадцать-тридцать назад в эпоху, когда только сви-стни и компаньона приятного, по плечу себе, мигом отыщешь. Но вот незадача: хотя молодцам-гаишникам машины времени неподвластны, но в нее, виртуальную, бутылку-то не прихватишь. Ибо она сугубо реальная, сорокоградусная... И тут же рассмеялся, легонько прихлопнув себя по высокоученому лбу: ба-а! Да зачем же по времени в лихие девяностые или золотые советские семидесятые перемещаться? Стоп-машина времени! Ведь достаточно спуститься с третьего этажа, где располагался его скромный каби-

нет, на первый, принадлежащий дружественному их биофаку спортивно-физкультурному факультету. Точнее, все большое хозяйство спортфака, включавшее два солидных физкультурных корпуса, также пару бассейнов, футбольное поле, лыжную базу, учебные аудитории, располагались в различных местах университетского городка, раскинувшегося на территории в два городских квартала. В левом же крыле первого этажа их корпуса, где в советские годы помещалось общежитие горного факультета, в полудесятке скромных комнаток гнездились спортфаковское начальство, то есть деканат с его канцелярскими службами, а также пару столь же небольших помещений занимала лаборатория биомеханики с уклоном по физкультурной физиологии.

Образовалась она недавно и целевым назначением под ее заведующего, математического профессора Владимира Ивановича Маловичко. Тот же получил ее за успешное руководство докторской диссертацией сына крупного деятеля областного масштаба. Зря досужие людишки, явно из зависти, чешут языками об извечной неблагодарности высокого начальства. Просто условия благодарности надо заранее обговаривать, а сама благодарность всенепременно должна быть единократной. И избу рубить по себе. Итак, в одной комнате располагалась собственно лаборатория с ее исполнительским штатом сотрудников: дочь Маловичко и его же зять, а в другой, совсем крохотной, — сам матерый профессор с компьютером, посудным шкафиком и несколькими гостевыми стульями.

Дверь-в-дверь с комнаткой Владимира Ивановича, через коридор напротив, располагался более просторный, но пенальный по конфигурации, кабинет заместителя декана спортфака по учебной работе, тоже Владимира, но только Николаевича, отставного подполковника с артиллерийскими петлицами в бытность, но политработника по должности и мастера

спорта по волейболу, приятеля ректора, который до перехода на руководство университетом являлся деканом физкультурного факультета.

Оба *vis-a-vis* Владимира, профессор и отставной подполковник, представители старой матерой гвардии, ввиду доверительного к ним отношения начальства позволяли себе роскошь служебного времяпрепровождения ностальгически упомянутых девяностых и золотых советских годов. Для творческого — у профессора и служебного — у волейболиста-подполковника вдохновения и общения с многочисленными гостями, что всегда слетаются на широкое русское гостеприимство, обе достопримечательные в университете личности совмещали работу с «злоупотреблением во благо». У замдекана всегда стоял под столом водочный ящик, который по мере опустения заменялся затаренным новым. Профессор же предпочитал коньяк, пакет с несколькими бутылочками которого прятался в уголок комнаты, затененный посудным шкафчиком. Конечно, оба даже близко не жмотничали, своих кровных на святое дело посидеть в хорошей компании не жалели, но имели благодарных почитателей: замдекана из числа именитых в городе спортивных руководителей, а профессор всегда опекал нескольких аспирантов и докторантов. Им-то грех великий обходить вниманием и благодарностью своего учителя и благодетеля. Опять же гости из деликатно воспитанных со своей приходили. Самое существенное, чего никакой немец или иной западник никогда понять не смогут (о, загадочная рашенская душа!): с каждой новой стопкой работоспособность обоих возрастала: профессор сходу решал самые сложные уравнения — дифференциальные и даже интегральные, а замдекана так горячительно наставлял нерадивых в учебе физкультурных студентов, что те сразу брались за ленивый свой ум, а в спортивной части ставили рекорд за рекордом...

Истинно добрый наш народ говорит: пьян да умен, два угодия в нем. Опять же пьяный проспится, дурак никогда.

Игорь Васильевич не манкировал компанейством с обоими, но все же более склонялся к коллеге-профессору, который курил и курящих гостей привечал; опять же их равный ранг и обоюдная широта интересов и знаний располагали к взаимопознавательным беседам. Но и у отставного подполковника имелись свои плюсы: запас свежих анекдотов, обычно армейской грубости содержания, и знакомство с другими его посетителями — из большого спортивного и околоспортивного миров, выпускников прежних лет спортфака, который в девяностые и начале двухтысячных сам гостеприимный хозяин иначе как кузницей бандитов и рэкетиоров не именовал. Всерьез или в шутку армейскую? — понимай как хочешь.

♦ Ревнителям науки психологии доподлинно известно, что характер и умственная предпочтительность человека запросто опытным взглядом оценивается по его походке, но особенно по мнемонике произвольных движений рук. Если наиболее развязна у него, то есть хватается за все что ни попадя, левая рука, значит у владельца ее (наряду, конечно, и с другой...) преимущественно развито правое полушарие головного мозга, ответственное за творческий потенциал. Принадлежа к таковым правополушарным, Игорь Васильевич, свернув в левое крыло первого этажа и идучи по коридору, достигнув противорасположенных дверей в кабинеты подполковника и профессора, совершенно произвольно взялся за ручку *левой* от него двери — к замдекану. Но дверь закрыта на ключ. Судя по слышным через нее веселым голосам и стеклянному звону, у Владимира Николаевича был большой «закрытый» прием, то есть основательно обмывалась кому-то оказанная подполковником «образовательная услуга». Игорь Ва-

сильевич добродушно усмехнулся, памятуя, что добродетельный армеец предосудительных «денежных взносов» не берет, ограничиваясь регулярным пополнением водочных запасов — опять же все для гостей. «Ведь в три горла я ее не жру!» — охотно отвечал Владимир Николаевич иному интересующемуся вчерашним банкетом при закрытых дверях, что обычно гостеприимно приоткрыты.

«Да, видно не судьба, — огорчился Игорь Васильевич, поскольку уже пару-тройку недель не встречался с профессором Маловичко, что обычно выходило почти каждодневно: походя в коридоре первого этажа корпуса, на улице — в студгородке встречными курсами: Игорь Васильевич из дома в пешем порядке на службу, а Владимир Иванович уже из их корпуса на механико-математический факультет, где он сохранил за собой полставки после обретения лаборатории. Иногда и вовсе в «географическом центре», предварительно не сговариваясь, лоб-в-лоб сталкивались в распивочной «Наливай-ка!», куда забегали с удивительно однообразным желанием: хватнуть сотку водовки в середине трудодня...

«И где это он пропадает, куда запропастился уважаемый Владимир Иванович?» — порой в эти недели мелькало по поводу и без того в голове профессора Скородумова. Впрочем, что-то мельком, не придав этому никакого значения, слышал он на днях о командировании завлаба куда-то между Волгой и Уралом. Действительно, как известного специалиста в области прикладной математики, прочниста, то есть занимающегося прочностью и устойчивостью корпусов снарядов, ракет и самолетов (университет, будучи политехом, славился своими военными инженерными направлениями), Владимира Ивановича часто «дергали» оппонировать на диссертационных защитах по всей стране. «Значит, задержался, загулял между Волгой и Уралом, — усмехнулся

Игорь Васильевич,— народ там простой, гостеприимный, всегда рад свежему человеку из центра, новостям околостолничным, скучают они в глухомани, в стороне от бурной жизни... тьфу, тьфу, зарাপортывался! Сейчас всюду жизнь одинакова: бурление девяностых сгинуло, осталось суконно-цинковое администрирование. Задержался значит — ну и бог ему навстречу! Главное, чтобы мед-пиво в рот попадало, а не по усам текло. Тем более, усов Владимир Иванович отродясь не отращивал».

И уже сделав «кру-у-гом!» собрался было в обратный ход по коридору на выход из *левого* крыла, но опять же по мнемонической инерции, раз теперь дверь завлаба оказалась *слева*, машинально взялся *левой* рукой за ручку и надавил на нее. И дверь легко подалась вовнутрь комнаты.

— Заходите, заходите! — послышался мягкий баритон хозяина,— а, драгоценнейший Игорь Васильевич в нашу келью таки пожаловал,— узрел лицо и фигуру коллеги с третьего этажа,— милости просим к нашему шалашу!

Затворив за собою дверь, Игорь Васильевич вступил в задымленную (уже второй год кряду завлаб все собирался заказать в соответствующей службе университета хотя бы примитивную вытяжку) комнатку. Лицом ко входу, за столом с компьютером, початой коньячной бутылкой почему-то треугольной формы в сечении, стопкой и тарелочкой с сиротливой парой бутербродов с сыром, сидел Владимир Иванович, высокий, крупный, истинный выходец из станишников кубанских казаков с их предками-запорожцами, отсюда и его «хохлацкая», как он сам усмехался, фамилия. Как раз при входе в кабинет Скородумова вставил он в губы новую сигарету, а сидевший обочь хозяина его вьетнамский аспирант по-восточному почтительно и уже заученно (завершающий год аспирантуры) поднес зажигалку.

— Присаживайся, герр профессор, закуривай... нет, сначала со свиданьем — хлопнем по рюмахе. Будь добр, Тхой,— мотнул он головой в сторону шкапчика. Аспирант, поприветствовав знакомого ему гостя также по-восточному, привстав, поклонившись головой с улыбкой на губах и подержав протянутую ему руку Игоря Васильевича в обеих своих, повернулся налево и достал с зеркальной полочки вторую стопку, после чего наполнил их коньяком. Сначала, верно машинально, налил по этикету, на две трети, но уловив поощряющий взгляд своего профессора, еще более заулыбался и долил вровень с краями — с мениском, как принято говорить в инженерных кругах.

— С возвращением в родные, так сказать, пенаты.

Едва заметная угрюминка проскочила по лицу Владимира Ивановича, но тост он поддержал охотно и привычно. Не успели приятели закусить экономными половинками бутербродов и прикурить от зажигалки аспиранта Тхой, как в дверь постучали, впрочем, для интеллигентской проформы, поскольку тотчас же дверь отворилась, в комнату вошел хорошо известный Игорю Васильевичу давний друг профессора Маловичко, его коллега с мехмата, того же возраста, что и оба профессора, доцент Олег Сергеевич. Тхой заученно достал с полки шкапчика третью стопку, наполнил «с мениском» две из них, столь ж приученно, не вслушиваясь в объяснение доцента — почему нелегкая, она же сейчас и легкая, занесла его в корпус биофака, который располагался на самом южном окончании студгородка, а родной мехмат на самом же северном, поставил опустевшую посудину в уголок за шкафом, оттуда же из пакета достал новую, той же диковинной треугольной формы в сечении, приученно, совсем по-русски, скрутил крышку и наполнил третью.

— Опять же с возвращением, Владимир Ивано-

вич! Давай внеурочную с приходом Сергеевича, — заулыбался не хуже Тхоя Скородумов, — теперь у нас классика жанра: на троих! — и извиняюще, уловив в своих словах некоторую неловкость, кивнул аспиранту, дескать, без обиды, дорогой...

Допив стопку, Олег Сергеевич, ухмыльнувшись в сторону сиротской тарелочки, поднял с пола свой старорежимный портфель доцента*, уставил его на колени и выставил на стол бутылку без этикетки, а к ней основательный пакет с буханкой еще теплого бородинского хлеба и почти килограммовым кусом любительской колбасы.

— Зашел в магазин за закуской по пути сюда. Вы ведь как москвичи — на еде всегда экономите.

— А в емкости что? — заинтересовался завлаб, хотя и со сниженным энтузиазмом: жидкость в бутылке на просвет слишком прозрачна, без коньячной коричневости, хотя и отдает желтоватым.

— Вот дойдет до нее очередь, так сами оцените. Впрочем, самогоновка, но тройной очистки и настоянная на кориандре. У меня ведь по супружницкой линии родственники деревенские, все умеют делать! Руки из нужного места растут. Что-то вот выпил, чувствую коньячный запах, а почему треугольные бутылки?

— С оптовки сетевой. Там мой бывший студизус, кстати, с большими математическими задатками был, командует экспедиторами и грузчиками. Этот коньячишко под какую-то образцово-показательную проверку попал — конкуренты подослали, не прошел по сертификации... или еще чего-то там, я в этой фене не разбираюсь. Вот и толкают по половинной цене. Мне позвонил и подогнал вчера, по моему

* Еще с царских университетов присказка: чем отличается профессор от приват-доцента? — Профессор носит портфель, а доцент — портфель... — Прим. авт.

приезду, пару ящиков. Для пробы несколько штук принес: похож на настоящий, а дешевле водяры выходит! Должны же быть и небольшие приятности от торгово-воровского якобы капитализма... Война войной, а обед должен быть с запивкой. Меж тем аспирант Тхой снял с верху шкафа разделочную досочку, а с полки его две большие плоские тарелки, и принялся неторопливо, аккуратно, с восточной добросовестностью нарезать хлеб и колбасу, заставляя тарелки ловко построенными бутербродами.

Итак, компания сформирована, материальная база — словно в день прибытия в полк наркомовского обоза, как любил в подобных случаях одобрительно говорить отец Игоря Васильевича, ротный старшина на Втором Белорусском фронте. Из его же фронтовых аллегорий: после артподготовки идет боец в наступление, а после сытного обеда положена ему самокрутка и разговоры с рассуждениями о грядущей мирной жизни...

♦ Но в компании наших друзей на этот раз говорили о жизни не совсем мирной. Поначалу Владимир Иванович как-то обходил вопросы гостей о затянувшейся командировке в областной город между Волгой и Уральскими горами — Камнем по историческому названию. Так, доценту Олегу Сергеевичу, поинтересовавшемуся темой диссертации, которую тот оппонировал, хозяин банкета сначала наполнил ему первому стопку, явно искусственно создавая паузу, а затем перевел разговор на скорую защиту присутствующего здесь вьетнамского аспиранта Тхоя:

— ...Молодец Тхой,— он поощрительно кивнул заулыбавшемуся аспиранту,— не привередничает: дал ему тему по флаттеру несущих крыльев, он под козырек и в лучшем виде модельную задачу сформулировал, свел к системе дифуров и промоделировал. Вот и сегодня принес мне флешку с программой оптимизации модели с ориентацией на изменяющиеся

начальные условия... ну-у, это вам, герр профессор и синьор доцент, скорее всего малоинтересно. Словом, трудяга парень, не чета многим нашим бездельникам. Остался во Вьетнаме еще созидательный тонус социализма! Дай-то им их местный бог — Будда, наверное, — как можно дольше продержаться против козней глобализаторов. Как они держались, сражались и победили америкосов. И заметьте, что уже год с гаком Тхой из-за чертовой пандемии не может на каникулы домой смотаться: дочь у него в конце прошлого года родилась, так только на экране смартфона ее и видит и заочно руководит воспитанием! Действительно, скоро мы все, как утверждает герр профессор Скородумов, перейдем в полную виртуальность. И не без основания, в чем в последний год убеждаемся. Так что, дорогой Игорь Васильевич, ты сподобился Достоевскому. Как гениальный наш Федор Михайлович предрек-таки отечеству нашему несчастливую судьбу на полтора-два десятилетия вперед, так и ты, необидно выражаясь, накукарекал своими высокоучеными теориями нам неизбежное темное будущее, сбывающееся прямо на глазах. Нд-да! Лето пролетит, Тхой, защитишься — и к себе в Ханой, жену с дочерью обнимешь, отдохнешь, затем облачишься в форму и продолжишь трудовые будни на своем аэродроме.

— А разве Тхой военный? — удивился Игорь Васильевич.

— Капитан вьетнамских ВВС, — ответил Тхой, даже сидя приняв уставное «смирно», — в исследовательской летной части около Ханоя. Оттуда и в аспирантуру к вам направление получил.

— И думаешь продолжить служить?

— Думаю. Но скорее всего в гражданские рейды, если устроюсь доцентом в технический институт в Ханое.

— Ну и правильно, — одобрил Владимир Ивано-

вич, — военная карьера она требует стремительности в самые начальные годы службы, а у тебя они на учебу и аспирантуру раздробились. Тем более, что на технических, исследовательских должностях звания медленно набегают. Опять же сугубая дисциплина, командировки и переезды... получается, что в собственной семье вроде как двоюродный муж и отец. А так степень к осени считай что на руках, устроишься в институт, а там лет через пять к нам же прибудешь за докторским дипломом. Потом профессорство, кафедра. Жизнь спокойная и размеренная, дети подрастают, и им легче будет путь направить. Как говорится, в добрый путь, Тхой! Ты ведь к нам учиться-то студентом еще приехал после военного училища? Не ошибаюсь? — сколько-то лет тебя-этак точно, профессор, — заулыбался Тхой, — как по-русски говорится: свежее испеченным лейтенантом...

— Да-а, привык я к тебе, ладно, знаю, что меня не забудешь, связь держать будем: все же какие-то достоинства у чертова глобализма с его цифрофренией — твоя терминология, герр профессор! — имеются хотя бы по части общения. Конечно, и ты, Тхой, будешь добрым словом нас поминать...

— Это уж точно так, Владимир Иванович, почти десять лет в России живу с двухгодичным перерывом перед аспирантурой на службу у себя дома. Привык — второй дом, хотя и в общежитии, а последние три года, в аспирантуре, и в разлуке с женой. Теперь, получается и с дочерью.

С восточной пронизательностью почувствовав, что у гостей есть вопросы к его профессору, что называется, без лишних ушей, Тхой засобирался:

— Так я пойду, Владимир Иванович? Задание по оптимизации модели, по ее разработке, вы мне дали. Постараюсь через пару дней доделать. Больше сегодня я вам не нужен?

Распрощавшись с каждым из собеседников пожатием их руки двумя своими, не снимая с губ улыбки, Тхой вышел из комнаты.

— Да можно было и при нем рассказать, но дело такое вышло... зачем парня смущать нашими русскими чудесами. Опять же авторитет руководителя у них высоко чтится, зачем же сомнения в это богополезное дело вносить. Пусть память о годах в России проведенных останется в его голове и душе чистой и безмятежной. Однако, примем по стопарику и я вам, многоуважаемые, поведаю о моем приключении, о котором любой сочинитель повестей и романов услышав, не пожалел бы выставить бутылек-другой настоящего грузинского, что-то навроде советских времен «Греми» десятилетней выдержки. Так что, герр профессор, ты пока воздержись этот сюжетец пересказывать своему дружку из писателей...

— Это ты имеешь в виду Бурцева, что литературный журнал «Срединная Россия» редактирует? Нет, конечно, писарчуки падки на дармовщину. Я тебя как-нибудь сведу с Андреем Матвеевичем — сами меж собой и сговоритесь. Ладно, ближе к делу, Владимир Иванович. Заинтриговал до высшей меры нетерпения выслушать и, как говорят в кругах служб услуг правопорядка, запротоколировать, подшить в дело номер такой-то и... обмыть опять же. Как говорится, дело мастера боится, не умеешь — не берись. Но вы, мистер профессор, все умеете: чего-чего, но высоким штилем мать природа тебя, друг мой математический, не обделила. По стопке для разгона?

◆ — Дружья мои,— несколько рассеянно начал повествование математический профессор Маловичко,— в детстве слышал от деда своего Никифора, в котором через кубанских предков-казачков еще какая-то крохотная капля крови запорожцев сохранилась, много разных присказок, явно от лихой хортицкой днепровской вольницы идущих. А вот сейчас,

после случившегося со мною приключения, одна из них крепко в голове засела: гулять собрался, держись хаты своей, а на коня сел, так про горилку забудь. Что-то в этом роде дед говорил, только у него похлеще и поскладнее выходило.

Словом, вопреки присказке той, решил приятное с полезным совместить. Командировку выписал с расчетом, чтобы пару дней в Москве провести, а потом на заволжском поезде как раз к защите поспеть на оппонирование докторской диссертации. Оно, конечно, после ликвидации внутренней пассажирской авиации в пределах Европейской России нудновато стало поездами с пересадкой добираться, но опять же совпали эти самые полезное и приятное. Полезное — хороший друг и отменный математик, лет двадцать на разных конференциях и симпозиумах встречаемся, сам он из Питера, попросил прооппонировать на защите его младшего брательника в провинциальном университете. А приятное так аж в квадрате! — Собственно встреча на защите и банкете с этим питерцем, а до того, в Москве и вовсе два дня без перерыва празднества: пригласили меня в Бауманку на солидный юбилей академика Благодеева, величины мировой и крестного отца научной школы, к которой честь имею принадлежать. Вот и получилось, что на коня, то есть на электричку до Москвы, сел трезвый, а на юбилее все сплошь старинные друзья и приятели — так все завертелось, что уже и на поезде опаздывал к защите. Хорошо, там чудом аэропорт гражданский сохранился, так меня в Москве, не хуже того парня из новогоднего фильма, в «анюту двадцать четвертую» загрузили. Словом, в неспешном полете несколько отошел, на защиту успел, захвалил диссертанта... народ в дальней провинции и без того гостеприимный, как уже говорил вам, а потому еще на пару дней задержался. Совсем забыл про поговорку деда Никифора. Ну,

думаю, пора отчаливать: хотя гость-то и званый, но очень гостеприимные хозяева, что русские, что татары — их там в Заволжье много по всем городам. На третий день с почетным эскортом доставили меня в аэропорт, но рейс, как назло, из-за тумана, накрывшего все пространство между Волгой и Уралом, на четыре часа задержали. В общем банкет отзвуками продолжили в аэропорту. Провожаящие постепенно рассеялись, только одного толкового молодого доцента оставили при мне, чтобы с рук на руки передал меня небесным ангелам.

Все же, несмотря на относительную крепость организма с алкоголекрепкими генами кубанцев и запорожцев, развезло меня в этом треклятом аэропорту, причем по нашему математическому правилу доказательства от противного: то есть не столько от пятидневной гульбы, сколько... от ее резкого завершения. Ну-у, разумеется и выпитое в аэропорту явно не на пользу сработало. Главное, мерзкие эти вокзальные стульчики: пластмассовые, скользкие, со складывающимися сиденьями. Только отвалишься на спинку, а причинное место сразу уходит в щель, образовавшуюся между спинкой и накренившимся сиденьем. А чтобы сохранить устойчивость, организм на автомате, которым он своей физиологией в выпившем хорошо человеке поднимает колени на уровень груди, а это, в свою очередь, для равновесия выбрасывает вперед ноги и даже на угол в двадцать-тридцать градусов к полу их поднимает...

— Во! Чувствуется, что наш математик, получив для прокорма лабораторию, отменно постиг теорию и практику биомеханики, — невежливо перебил хозяина Олег Сергеевич.

— А то, — отозвался рассказчик, — не пальцем деланы и не языком шиты! но продолжу, если не наскучило. Да-а, забыл вам сказать, вот Сергеич напомнил, что оппонировал-то как раз в совете по

специальности биомеханики; их университет почти что самый ведущий в стране по этой науке. И доцент мой сопровождающий, тож спец в этом деле, с интересом исследовательским на мои антитрезвые элоквенции смотрит, совет дельный дает: «Вы, Владимир Иванович, для *стойчивости* несколько сместитесь, э-э, корпусом к краю сиденья, спиной ближе к плечам откиньтесь на спинку стула, а ноги распрямите в коленях и вперед себя по полу вытяните». Сделал я так, смотрю, действительно удобно, поблагодарил доцента, дескать, сразу видно по полету скорого будущего доктора наук. Доцент аж зарделся, а меня от такой устойчивости позы в дремоту потянуло, уткнулся подбородком в грудь и на пяток минут в мгновенный сон провалился.

♦Хоть короткий сон случился, но приятный и ободряющий, так сказать дидактический по содержанию. Привиделось, что вышло распоряжение по образовательному министерству, как то принято в этом веке, многословное, канцелярски лихо закрученное, с многочисленными *a la justice* повтором определений, со множеством калек с американского и прямыми американизмами, то есть навроде «дорожной карты» и «контента». Но сон — спасительное в части языка средство: все эти карты и контенты как бы в отдалении, фоном глухо звучали, а сонное подсознание утомленного профессора автоматически переводило содержание распоряжения на обычный великорусский, на котором еще четверть века тому назад у нас письменно и изустно объяснялись. И так, согласно министерскому распоряжению, доводимому до руководства всех государственных вузов (многочисленных, как клопы в теплой избе времен доисторического материализма, частных образовательных лавочек это благоразумно не касалось...), для повышения статуса преподавателей, усиления общеуниверситетской дисциплины «подачей собственного примера», а также возвращением в вузовский обиход лучших

традиций дореволюционной и советской высших школ... Здесь в документе пояснялось: в царевых университетах профессор имел чин действительного статского советника, что соответствовало военному чину генерал-майора, носил мундир. А при Сталине в военные и первые послевоенные годы наиболее выдающиеся профессора, особенно в медицинских и технических институтах, получали прямо звание генерал-майора и на лекциях красовались в военных тулужках с погонами и золочеными пуговицами. Также статские чины имели и царевы доценты, исключая приват-доцентов, не считавшихся состоящими на службе. Отсюда и приват, то есть частный.

Вот с учетом-то этих славных традиций — от царей и Вождя — министерское распоряжение символически, то есть без повышения оклада содержания до военных норм, приравнивало полных, то есть имеющих диплом доктора наук и профессорский аттестат, профессоров к армейским генерал-майорам (доценты и ассистенты тоже к чему-то приравнивались), а для визуального отличия от обычных штатских граждан для них вводится форменный мундир со знаками чинов на петлицах. Но — без погон; это как советские прокуроры. Обосновывался в распоряжении и цвет мундиров: элегантный светло-бежевый с вертикальной прострочкой с шагом в три сантиметра. Того же цвета и фасона форменные фуражки с лаковым козырьком. Объяснялся и выбор такой фактуры: все остальные цвета уже разобраны ранее для многочисленных служб и ведомств. Мелким шрифтом в распоряжении пояснялось: ввиду ограниченности и т.п. вновь вводимые мундиры *строятся* за счет их счастливых обладателей.

...Во все крепчающем сне Владимира Ивановича окатило пряным жаром сауны, куда его водил благодарный защищенный доктор наук вчерашним днем, жаром изведенного счастья: ведь как он мечтал иметься статским генералом! Вовсе не лавролюбив

был профессор, даже с юмором относился ко всяким званиям и должностям, но вот запало ему в голову генеральское именование профессоров при царях и Иосифе Виссарионовиче! Словом, наваждение. С неизъяснимым удовольствием примерял он во сне новенький, с иголочки, прохладный от накрахмаленной подкладки мундир. И уже слышится откуда-то изда-лека: «Честь имею, ваше превосходительство! Извольте ваши ноги подобрать...» — Что за чертовщина?

Почувствовав вежливые, но настойчивые толчки локотком доцента, Владимир Иванович, еще ощущая приятную прохладу мундира, с усилием открыл глаза: перед ним стоял дежурный по залу ожидания сержант: «Гражданин, подберите ноги. Вы мешаете проходу». Владимир Иванович, все еще в прохладном мундире с вертикальной прострочкой, страшно оби-делся: какой-то сержантишка ему замечает! «Я — генерал», — выкрикнул он, подняв голову и повернув ее в медальный профиль в сторону стража порядка. «Извиняюсь, товарищ генерал, но за ваши ноги могут задеть проходящие, споткнуться и упасть!» Только собрался профессор в генеральском чине распушить сержанта, приняв более приличествующую его званию позу, как:

— И тут я потерял со сна равновесие на этом чертовом стульчике, сиденье сзади скользнуло вниз, вытянутые ноги подскочили по законам кинематики вверх и, до сих пор не соображу, правая нога задником ботинка оказалась на погончике малорослого сержанта. Дальше как в тумане: дежурка аэропор-товская, сержант кричит про оскорбление мундира. Здесь и лейтенант, просмотрев паспорт и универси-тетское мое удостоверение, узнав, что я никакой не генерал, а профессоришка из другого вовсе города, начал перечислять статьи уголовного кодекса.

...Спасибо доценту, со мной доехал до отделения, вызвонил через друзей своих адвоката. К вечеру под подписку о невыезде, под ответственность и адрес

все того же доцента выпустили до завтрашнего дня визита к судье — за мерой пресечения. И пошло и поехало. Адвокат, молодой и ловкий татарин, оказался докой в своем деле, уже через неделю все уладил: сто тысяч в равных долях на троих: адвокату, сержанту и — здесь адвокат подмигнул, дескать, на известные издержки. Позвонил жене, успокоил, объяснил ситуацию. Через пару часов перевела требуемое на карточку. А неподделенную тышчонку оформили под штраф за административное нарушение: нахождение в нетрезвом виде в общественном месте — аэровокзале. Еще через тройку дней — судебное присутствие: адвокат технично, не хуже профессора и доцента биомеханики, обрисовал ситуацию со случайным, непредумышленным попаданием ботинка моего на плечо сержанта. Тот тоже подтвердил: все бывает, особенно если человек уставший и заснул в ожидании самолета в неудобной, верткой позиции.

Сдружившийся со мной адвокат Равиль звал на пару деньков отдохнуть у него на даче, развезься, — дача приличная, под загородный коттедж, на высоком берегу реки с роскошным видом на низменное заречье... Чур меня, чур — отказался, но пару дней заигрывал обиду с университетскими.

— Ну и ну, — только и промолвил ошарашенный услышанным доцент Олег Сергеевич, — а говорят еще, что в России генерал не звание, а счастье?

— Это Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович изрек, — поправил герой заволжской эпопеи, — хотя сам был статским генералом, но особого счастья не имел. Вечно его с одной должности в другую губернию переводили. Правда, по извечному правилу русской административной бюрократии: с повышением. Все хорошо, что хорошо кончается, хотя и с ущербом для домашнего бюджета. Опять же пьяный не дурак — проспится...

НОВЕЛЛА 5. ОТКУДА НАСЫПАЛОСЬ, ТУДА ЖЕ И ПРОСЫПАЛОСЬ

Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала. Все больше типами сороковых годов пробиваются, много что пятидесятых. Даже и в исторический-то роман, может, потому ударились, что смысл текущего потеряла.

Ф. М. Достоевский

«Дневник писателя за 1881 год»

*Summa jus summa injuria.**

Из утверждений римского права

◆ Наутро, после увлекательного повествования своего приятеля профессора Маловичко о его завожских приключениях с тамошней Фемидой, профессор тож Игорь Васильевич Скородумов, как не связанный преподавательской дисциплиной, что называется на вольном научном выпасе, решил устроить себе выходной. Благо вчера за россказнями в тесной дружеской компании смешали несертифицированный коньяк с принесенным доцентом Олегом Сергеевичем самогоном. А ведь отец в давние годы юности надоедливо талдычил сыну: «Когда подрастешь и баловаться с бутылочкой начнешь — по надобности или с устатку, — то заповедь первая: не мешай! ни по градусам, ни по цвету».

Месяц май в его свежести и ласкающих запахах разгара весны особенно чувствуешь с самого раннего утра. Игорь Васильевич заварил чаек, закурил на кухне первую за день, самую духмяную сигарету. По-

* Высочайшее право есть высочайшее бесправие (лат.). — Прим. авт.

пробовал послушать радионовости, но в уши все больше идиотская реклама лезла с ее мерзейшими, сюсюкающими словечками: макаронки и сосиски-баварушки, треклятые искаженные пироженные и пелимени... Отключил радиоточку.

Памятуя порой, когда и без нее можно обойтись, отцову заповедь вторую: с утра не опохмеляйся, ибо опохмелка — новая пьянка,— Игорь Васильевич, не дожидаясь пока домашние проснутся, наскоро попил чаю, без особого аппетита съел пару бутербродов с бужениной и сыром и вышел из квартиры. Спускаясь, экономично выключал свет на площадках: явно он сегодня первым шел по подъезду на выход. Такое часто было, соседи в основном пенсионеры и люди непыльных профессий, когда «труба заводская» не зовет ранним утром на труд и подвиг.

Выйдя на улицу и взяв курс на недалний городской парк, Скородумов с сожалением подумал, что сегодня у его друга Николая Андреяновича, доцента с военно-технического факультета их университета, как раз подряд две утренние пары лекций. Проживал доцент-ракетчик с противоположной дому Игоря Васильевича стороны парка, так что обычно они, сговорившись, в парке и встречались, неспешно прогуливались, беседовали. Старинный огромный парк, заложенный еще радением городской думы и санитарной управы в конце позапрошлого века, навевал темы разговоров вечные, умиротворяющие, где грусть уходящего перекликается с оптимизмом будущего... вернее, сейчас все наоборот. Но — кашу маслом не испортишь, то есть основание и содержание жизни непустышной не сообразишь новыми испытаниями, что приносит не только огорчения изменившегося мироустройства, но и неизбывное чувство продолжающегося познания.

...Как-то так размышлял профессор Скородумов.

Утренняя весенняя свежесть, распеваящие, словно оперные тенора и баритоны перед выходом на сцену, свои голоса проснувшиеся с первыми солнечными лучами птицы — все это вкупе заблагодушествовало голову и тело. Даже на некоторое время не то что забыл (не страдал забывчивостью!), но оттеснил в ближнюю кладовку подсознания вчерашнюю досаду, которую последние пять-семь лет остро испытывал, входя в парк. Его, парк с императорским и советским прошлым, о котором Есенин восхищенно писал, что полюбил он его, это лучшее, что есть в городе, в последние годы постигла участь всего ныне нас окружающего, что можно в нескольких словах определить: украшательство под невзыскательный обывательский вкус, кажимость заботы о посетителях и примитивная, голливудская американизация. И все это случилось после выделения городским бюджетом солидных сумм: ведь лицо города! отчетность в порядке, телесъемки впечатляют, народ в восторге.

Как-то получилось, что Игорь Васильевич до этих самых пяти-семи лет пару годков вовсе там не бывал. Вроде как увлекся грандиозной научной идеей, с утра до вечера в своем кабинетике все писал, писал, думал, думал... Даже с другом Николаем Андреевичем сократил посиделки до извинительного минимума. Не до вольнолюбивых прогулок под сенью столетних дубов, елей, тополей и берез, некоторые из которых еще помнили садивших их по призыву и организации городской думы и санитарного ведомства чиновников в мундирах и фуражках с императорским двуглавым орлом, офицеров и солдат гарнизонной службы, гимназистов и реалистов — тоже все в мундирной одежде. Это Скородумов видел в музее парка на старинных фотографиях... Только неомундиренных рабочих казенных заводов, мастеровых, лавочных приказчиков и мещан он не

обнаружил на тех пожелтевших от времени дагерротипах. Усмехался Игорь Васильевич, разглядывая те фотографии. Понятно дело, народ исстари в городе проживает своеобразный — всю Россию заставили хохотать несколько русских писателей, живописавших местные нравы. Казюки они и есть казюки, а глядя на них и все остальные городские обыватели: по характеру истовые поплевицы, на все им наплевать с высокой горы. Работать — пожалуйста, что надо в лучшем виде сгомозим; работать бесплатно, даже вроде как для пользы общества, то есть и себя — нате вам с кисточкой! от бесплатной работы, да еще без магарыча, и конидохнут. Другое дело которые в мундирах и школярских форменках: дума городская порешила, губернатор-граф одобрил, архиерей благословил, начальники, директора, управляющие под козырек: рады стараться, ваше вашество! И все мундирные города на субботник, еще не советский, под царевым орлом.

Прокатившись на личной машине времени туда-сюда в рамках ста с гаком лет, Игорь Васильевич удовлетворенно заухмылялся: от царевых субботников через советские и к нынешним: только по подчиненности, только в «фуражках с кокардами!» Правда, в советское время субботничали все без фуражек; наблюдался восхитительный симбиоз: добровольно-принудительное и искренне сознательное, а над всем этим добродушие, дескать, все для блага человека под руководством партии и правительства, а главное — истинный коллективизм, особенно под окончание сознательного коллективного труда с обязательной обмывкой: бутылек на троих и уже мелкими группками по интересу — кто в парковой пивной «У круга» до темноты засидится, а с широкой душой и вовсе шикают в ближнем ресторане «Дружба»: пошли, мол, подружим!

Но вот двухгодичная трудовая горячка сгинула, а тут еще в голове засели восторженные отзывы сослуживиц, от лаборанток до доцентов: ах! какой наш парк красивый за последние год-два стал, не налюбуйешься... Поэтому в первый раз после затянувшегося трудового подвига шел Игорь Васильевич в недалекий от его дома парк с вековой историей даже заинтересованный.

Увиденное не то что поразило или огорчило его, но повергло в смятение сродни тому, что охватывает человека из категории ныне именуемых несостоятельными, живущего на нищенскую бюджетную зарплату, который за целый год скопил-таки нужную сумму дензнаков для вожаемой поездки в отпуск на юг, где он не бывал с советских времен, не просто для поездки дикарем скопил, но на приличный курорт, бывший «цековский» санаторий. В поездке все мечтал, настраивал себя на атмосферу давнишних впечатлений: солнце, море, очаровательные молодые курортницы, изобилие фруктов, шашлычные на каждом шагу, вино настоящее из массандровских погребов, безмятежных отдых и легкий флирт без медицинских и иных последствий... Но вот приехал, а неустойчивый климат глобального потепления где не надо и похолодания в иных местах вовсе неуместную подлянку подкинул: весь срок путевки дождь ливнем лил, холодное море штормило, вино поддельное, а для флирта возрастом великоват, молодые курортницы нынче в Таиланд, Египет и Турцию *лѣтают*. Не до того, Федя, не до того...

Так и Игорь Васильевич парк почти что не узнал: вместо арочного центрального входа не поймешь что, асфальтовая площадь, забитая машинами, слева на месте снесенного Дома культуры — ямища площадью и глубиной в несколько уменьшенное Черное море: главный торговый армянин города Тофик Нер-

сесян строит самый большой в Европе и Азии аква-парк. В самом парке (без «аква»...) три четверти деревьев вырублены, на их месте свежепосаженные метровые елочки, топольки и березки. Все свободные от растительности пространства закатаны в асфальт, а по их территории разбросаны фанерные избушки под салуны из голливудских вестернов. Сплюнул да и только.

♦ За прошедшие после переустройства парка годы Игорь Васильевич не то что привык к его новому облику, но просто перестал фиксировать это, гулял и посматривал по сторонам отстраненно, мысленно ставя на место дурацких фанерных салунов фактотумы давно прошедшей эпохи. Вот и сегодня, освежая в парковой свежести от еще сохранившихся старых деревьев голову, несколько отуманенную вчерашним компанейством с профессором Маловичко и доцентом Олегом Сергеевичем, Игорь Васильевич все подсмеивался над заволжскими приключениями Владимира Ивановича. Вполне тонкая и таинственная игра подсознания может и связала рассказ завлабаматематика с той воображаемой географической точкой территории парка, где во времена многодесятилетней давности располагалась одна из пивных точек, то есть ларек с окошком для выдачи кружек с пивом. Умеренно, по совести разбавленным, ибо забота о благе народа — рабочий девиз тех лет. Так явно и ясно ностальгическая пивная, торгующая настоящим пивом, а не нынешней ебурлыгой*, представилась

* По советскому ГОСТу тогдашнее натуральное пиво имело цикл изготовления в шестьдесят дней: время брожения сваренного солода. Сегодняшнее, «по мировым стандартам», якобы пиво имеет «коммерческий» шестидневный цикл и есть наскоро сваренный солод (вспомните напиток «солодок» времен горбачевской «борьбы с трезвостью» 80-х гг.), в который добавлены спирт, стабилизатор, ароматизатор, консервант и закачан углекислый газ... — Прим. авт.

профессору, что только усилием воли и резким помахиванием высокоученой головы заставил себя признать, увы, состоявший факт: перед ним оштукатуренная и покрытая крышей сборная строительная секция, где вместо «жигулевского» и «мартовского» в весенние месяцы могут при желании выдать лишь квитанцию о штрафе за нарушение «правил пользования парком». Солидный список таких предсудительных деяний содержится в начертанной уставным шрифтом табличке на наружной стороне пункта охраны правопорядка. «К красным шапкам своей волей идти и в страшном сне не приснится», — пришла в его голову окраинная косолученская присказка. И хотя уже много лет, как все законолюбивые службы мира перешли на унифицированный под американскую бейсболку головной прибор, но хрен редьки не слаще, а потому Игорь Васильевич, мигом вспомнив вчерашнего рассказа одиссею Владимира Ивановича, поспешил отойти от воображаемой географической точки территории парка. Культуры и отдыха тож.

...В беседах последнего времени с Николаем Андреевичем по обозначившейся у них теме машины времени, что у каждого сущего в черепной коробке заключена, если доцент-ракетчик, как практик конструкторской мысли, склонялся к отождествлению этой машины со сновидениями, на худой конец с воспоминаниями своей прошлой жизни наяву, то теоретик биофизической и психологической мысли профессор Скородумов развивал, обычно после третьей стопки, более аргументированную теорию. Согласно ей, во-первых, жизнь человеческая и есть подобие сна, где явь — всего лишь временной срез такого сна, когда подсознательное на известное время суток передает функции мышления оперативному сознанию; во-вторых, если сновидения о прошлом или будущем, равно как и таковые воспоминания или

мечтания (о будущем) наяву, являются лишь конструкциями мышления, то, включая личную машину времени, человек своим сознанием именно в пространстве-времени перемещается в прошлое или в будущее. То есть в этом процессе он не вспоминает-мечтает, но *живет* в таком времени.

Николай Андреянович несмело соглашался, то есть оставался при своем мнении, в то же время из вежливости не огорчая приятеля. Ведь он новую теорию, как два пальца об асфальт, прямо на глазах, расхаживая по диагонали своего кабинета, создает! Очень Николай Андреянович уважал безбрежный полет творческой мысли...

Игорь же Васильевич, отойдя на десяток шагов от географической точки парка, где ранее располагалась пивная, какие с послевоенных лет и до окончания советской власти по всей стране называли «голубыми Дунаями», а ныне пункт охраны правопорядка, вдруг сообразил, почему таковая правопреemptность, да еще в контексте вчерашнего повествования математического профессора Маловичко, не то что заняла его, но даже отогнала прочь из головы все остальные мимолетные мысли. И здесь-то, в точном соответствии с разработанной им теорией, он включил личную машину времени, прокрутив верньер ее настройки влево, в прошлое, отмерив по шкале нужное число лет, и с мгновенной скоростью, точнее мгновенно, отринув всякие научные относительности и якобы наибольшие, допустимые в физике скорости света, переместился всем своим сознанием в золотые советские семидесятые годы — ближе к последней их трети.

♦И уже никакой не заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов, но начинающий инженер, молодой специалист второго года работы Игорь Скородумов, которому даже в горячечном пох-

мельном сне не привиделось его профессорское будущее, в этот злосчастный вечер теплого майского дня оказался все в той же географической точке парка в нескольких шагах от пивной, перед которой шумела возбужденная мужская очередь. ...Но прежде, чтобы без ребусов и недомолвок обойтись, ибо нынешний читатель, воспитанный на интернете, малосообразителен, расскажем об одном увлечении Игоря и нескольких его друзей. Увлечении на грани предосудительного и смехотворного.

Как это ни странно, но опять-таки сакральное совпадение: история такого увлечения началась в Заволжье, там же, где будущий друг Игоря Васильевича профессор Маловичко вообразил себя статским генералом. Совпадение ли? Тем более, что истории эти разделены не только десятилетиями, но случились в разных городах, не совсем уж рядом друг с другом расположенных, но по тем заволжским широким пространствам почти что и рядом. Чтобы и нам не запутаться в прикладной к географии теории относительности, возьмем быка за рога. После четвертого курса группа, старостой которой состоял Игорь, была оправлена на двухмесячную технологическую практику на завод в районном городе на Каме. Крупный тот завод, явно «не по чину» городку, хотя бы с именитым купеческим прошлым, само собой разумеется, возник в годы войны: корпуса сами построили, а станки и специалистов привезли эвакуационными эшелонами из близких к фронту мест.

Поселили их, а также группы из технического института Кирова и медичек из Ижевска, в свежестроенном, но еще не заселенном заводскими общежитиями. Лето, широченная Кама с прекрасными пляжами, очаровательные медички (и свои девушки, что приехали, не хуже), а в соседнем с общежитием гастрономе изобилие уже давно подъеденных в цен-

тре страны баночных кальмаров и превосходного болгарского десертного вина «Тамянка». Пей — гуляй — закусывай не хочу! Стипендия на все лето и заводская зарплата, а главное — народные цены, все это позволяло по вечерам ужинать с приглашенными медичками и своими девушками в двух ресторанах города, один из которых и вовсе сохранился с купеческих времен: весь в зеркалах, как столичный «Яр», впрочем, знакомый им только по книгам русской классики...

А после ресторации коллективные прогулки по поздневечерним благостным улицам старинного городка. — И с песнями, конечно. А навстречу и тоже с песнями на своем языке — татарская молодежь. Известно, что между Волгой и Уралом повсюду расселились татары. И на здешнем заводе их много трудится. Поприветствовали друг друга, распрощались до завтрашнего трудодня. Такое чудесное лето только раз в жизни случается! Так думал Игорь и, конечно же, не ошибся. Но — это все в будущем, которого он не ведает.

Завод и близкое к нему общежитие располагались в старинной части города, застроенной столетней и большей давности домами купцов, ремесленников, торговых мещан. С неописуемым восторгом обнаружили практиканты на деревянных стенах, под скатами крыш различной формы, почерневшие от времени жестяные таблички, извещавшие, что дом защищен от пожара городским «Товариществом взаимного от огня страхования». И дата основания товарищества выбита. Все начала двадцатого и прошлого веков. Реже встречались таблички времен Наполеонова нашествия и восстания декабристов. И в полное восхищение привела табличка с датой окончания царствования Катерины-царицы! «Ну и лесоматериал растет здесь, — восторгался приятель Иго-

ря, по институтскому прозвищу Минька,— по двести с гаком лет дома стоят, не трухлявятся и даже не покривились!»

Воровать грешно, даже если предметы такового действия относятся к эпохе упраздненного царизма, но — азарт личной причастности к событиям далекой истории с всегдашней тягой человека к коллекционированию всяких необычных кунштюков превозносили нормы советской нравственности, которая, как всем грамотным людям известно, воплощенная в «Моральном кодексе строителя коммунизма», есть переписанные из Св. Евангелий заповеди блаженств Нового Завета, то есть Христовой морали. Такие тонкости и религиозную терминологию Игорь знал со слов своей тетки по матери, доцентши пединститута по кафедре обществоведения. Словом, к окончанию практики у Игоря и трех его лучших друзей-однокашников имелось по такой табличке. К сожалению, «екатерининская» была принайтована к фасадной стене дома на углу двух улиц: всегда вечером освещенном и на пути в сторону завода, работавшего (на оборонпром) в три смены, то есть с постоянно проходящим народом. С тем и отбыли в конце августа из гостеприимного города на Каме.

Самое интересное, что слово «табличка» у Игоря и его друзей, по возвращению в родной город, приобрело нарицательный смысл, став объектом шутейского коллекционирования. После дружеских сходов в «стекляшках с подачей» и в парковых и иных пивных непременно и с хохотом отчиняли от заборов всякие мелочные таблички, исполненные на жестянках и пластиковых полосках, навроде: «Осторожно, во дворе злая собака!», «Проход закрыт» и «Прием ведет врач-гомеопат из Москвы». В ближайшие домашние генеральные уборки хозяйки весь этот мусор выносили на помойки. Только жестяные таблички

пожарных товариществ суеверно — ведь от пожаров охраняют! — не трогали.

Мечтой же веселых коллекционеров оставались серьезные таблички в рамках и под стеклом у входов в чем-то знаменательных учреждений навроде старинного, с царевых времен, городского ликероводочного завода, что напротив центрального парка. Но — это уже табу, посягательство на государственную собственность.

◆...В тот злосчастный вечер теплого майского дня Игорь оказался в той географической точке парка рядом с пивной в превосходном настроении. Именно в полдень того дня он и его наставник Володька Болт — кликуха, созвучная первому слогу фамилии — получили расчет за художественно-ремесленную халтуру, которыми они с Болтом подправляли невеликую зарплату молодых инженеров. Сам Болт, постарше Игоря на пяток лет, человек исключительно предприимчивый, хорошо известный в различных городских средах от лабухов и оформителей до комсомольских функционеров и парторгов заводов и учреждений, то есть где, с одной стороны, кипела веселая молодая жизнь с ресторанным завсегдаитством, безотказными девицами, разудалыми загулами, а с другой — у функционеров и парторгов — постоянно требовались оформители всевозможных красных уголков, ленинских комнат, стендов передовиков соцсоревнований и уличных растяжек с обесмертившим дорогого Леонида Ильича лозунгом «Экономика должна быть экономной». У многоталантливого на ремесла Болта не только руки из нужного места росли. Был он великолепным организатором и договорщиком, мастером фото- и киносъемки, оформителем и шрифтовиком, а заочное институтское радиотехническое образование и опыт службы в армии и вовсе делали его незаменимым в

халтурах высокого технического пошиба. А в часы расслабления с льнувшими к нему (все у него росло из нужного места...) девушками-женщинами Болт километрами на полном вдохновении читал хорошо поставленным баритоном белые стихи... то, что сейчас именуют по-американски рэпом. Но немалые, относительно конечно, водившиеся у него деньги в карманах Болта не задерживались: раз в пару-тройку месяцев впадал он в грандиозный запой и все спускал. ... С тем большей энергией после загула он возвращался к халтурам. В специальном конструкторском бюро при заводе, где Игорь и Болт трудились, последнего видели только в дни получения зарплаты. Зато парторги бюро и всего завода души в нем не чаяли: их красные уголки и парткабинеты, внутренняя и наружная наглядная агитация твердо держали передовые места на районных и даже городских смотрах.

Молодого специалиста конструкторского бюро Игоря Скородумова Болт присмотрел в качестве «мальчика краски растирать», узрев в день выдачи зарплаты, когда он появился в КБ, учрежденческую стенгазету, добротню выделанную Игорем, которого по комсомольской разнарядке определили в ответственные за выпуск этого органа «местной печати»: комсорг как-то узнал о тщательно скрываемом молодым специалистом умении рисовать дружеские шаржи, писать короткие заметки-репортажи, главное — навыки столярного ремесла, то есть сколачивать рамы для стенгазеты, обтягивать их холстом, загрунтовывать его. Всему этому Игорь обучился еще в старших школьных классах, где также был ответственным за выпуск стенгазеты: не по своему желанию, конечно, но по причине тайной влюбленности в молоденькую организаторшу (та по школьному штату числилась), только что из пединститута, удивительно

красивую и изумительной стройности. В число ее обязанностей входила и школьная стенная печать. Также стремительно она выскочила замуж за физрука и ушла в беременный отпуск, но дело-то сделано: Игорек при общественном поручении, а стенгазета при нем...

Вот скоро год, как он подмастерьем при Болте: заказов тот намного вперед всегда имеет, платят парторги и прочие ответлица не скупясь, работа по вечерам и в выходные даже в удовольствие. Главное, скупердяйство в старшем товарище отсутствует напрочь: сколько заработали, то и делится пополам. За вычетом представительских и иных непредвиденных расходов.

...А вот сегодня, в субботний выходной день, еще накануне пошабавив недельную халтуру, встретились они в полдень с Болтом у входа... да-да, у входа в райотдел милиции их района! И вошли в него добровольно, сами, без понуканий и сопровождения, прошли коридором первого этажа, остановились напротив двери заместителя начальника по организационно-хозяйственной (что-то в этом роде) части, главное — он же руководитель партячейки райотдела. «Подожди здесь. Менты свидетелей не по своей специальности не любят», — пояснил Болт и вошел в кабинет.

Когда старшой неделю с лишком назад сообщил, что нашел непыльную халтуру: оформить «приемную для граждан» в райотделе, — то Игорь сначала подумал, что Болт с похмелья, не отошел еще, потому и шутки примитивные и непристойные. Милиция и вольные халтурщики? — Ведь это все одно, что сода с кислотой... Но тот, изумительно трезвый и свежий, пояснил предложение: работа левая, на недельку вечеров, стенды собрать и оформить, разместить на них потрeбные для этих непонятливых граж-

дан образцы заполнения бланков, написания заявлений и все остальное. «Ну и самую малость по части художественной оформиловки, про несомненный высокоморальный облик советского мента и прочая туфта, — продолжал глава мероприятия, — главное, при их материалах почти две сотни рубчиков на два же наших рыла. Тебя-то что затревожило?» Игорю же, тотчас после первых слов Болта про халтуру в ментовке, припомнилась слышанная не раз в детстве от бабуси своей Елизаветы Парфеновны странная присказка: «Откуда насыпалось, туда же и просыпалось». Обычно так бабушка Лизавета говорила, получив из рук почтальонши Нади пенсию, разложив ее по нескольким кучкам, бормоча про себя: «Энта в магазин снесется, четвертную Василью (отцу Игоря) в копилку на машину...». И так далее все распределила. «Видишь, Игорек, все взад государству и ворочается: откуда насыпалось, туда же и просыпалось!»

Но — хозяин барин, Болту виднее. Опять же почти сотня за неделю вечеров! Полная месячная зарплата начинающего инженера. Главное, у него и своя копилка имеется — с мечтой охотника (от отца перенял) накопить триста с гаком рублей и купить только что появившуюся в «Охоте — рыболовстве» новинку, мечту всех коллег по увлечению: пятизарядную «тулку» двенадцатого калибра. В копилке той уже сотенка в одиночестве томится, подружек ждет не дождется...

Согласился, конечно, но присказка бабушки Лизаветы порой неприятно свербила в голове.

Работа, действительно, непыльной оказалась. Все ладилось в руках: когда работа в удовольствие, то и руки сами снуют! И на душе тепло и уютно в отделении: вроде все в той же, цвета маренго, форме обитатели, но отношение-то к ним с напарником совсем противоположное: охотно сигаретами угощают,

анекдоты рассказывают, шутят пристойно, словом, на равной с собою ноге держат. Особенно милицмейские женщины из паспортного стола и других служб райотдела: что постарше, так не преминут чайком с бутербродами угостить, а молодая лейтенантша уже с Болтом шушукается. Видать, на лад у них дело пошло: на третий вечер работы тот, подмигнув Игорю и кивком головы адресовав в сторону пробежавшей по коридору и мелькнувшей в проеме растворенной двери лейтенантши, тихо сказал в том смысле, что резвая кобылица, верно застоялась; утром вышел от нее, так даже ноги в коленях подрагивают...

♦ Болт в кабинете у «зама по тылу» не задержался. Все же менты если и не военные люди, но в погонах, то есть причастные к дисциплине. Судя по коньячному запашку, денежный расчет сопровождался и дружеским посошком. Тут же, в коридоре, Болт поделил немятые еще пятерки поровну, вручил компаньону одну из половин и предложил, «по нижегородскому обычаю», обмыть завершение халтуры: «освежиться очищенной, благо и день субботний», в недалеком от райотдела кафе «Спортивное». В гостеприимном околофизкультурном заведении, где весь персонал и большинство посетителей — спортсмены после тренировки (напротив, через площадь, спорткомплекс: стадион, велотрек, теннисные корты, волейбольные и баскетбольные площадки) — короткие знакомцы Болта, засиделись до начала вечера. Оценив число опорожненных графинчиков и другой посуды, прикинув по времени года и месяцам, Игорь сообразил: старшему товарищу пришло время очередного запоя, который только что и стартовал. К их гостеприимному столу уже подсаживались на «рюмку чая» несколько сомнительные личности, явно безденежные и жаждущие. И девица, знавшая Болта, крутилась вокруг, а затем по приглашающей от-

машке банкующего и вовсе присоединилась к отдыхающим оформителям. Пора и ноги делать: попросился, передав Болту свою долю складчины, и был таков. Как говорила бабушка Лизавета: «Не хитро́ дело в кабак зайти, да хитрец поближе к выходу усядется!»

В приятном хмелю, но с уверенностью в шаге, с расслабленностью в голове, но с ясной памятью, Игорь взял курс на домашний очаг. А компас этот указывал кратчайший путь через центральный парк. «Все же у Болта чуйка на халтуру отменно работает,— усмехался про себя Игорь,— знает где сорвать хорошо можно. Кому деньги легко идут, там и подкормиться можно. Опять же бабушка Лизавета, кладезь народной мудрости, со смыслом бы сейчас сказала: «Казенного козла за хвост подержал — можно шубу сшить». Даже тихо рассмеялся. Встречные парень с девицей со смыслом на него посмотрели, усмехнулись.

Под субботний майский вечер парк плотно затаился гуляющим народом. Возле пивной, со всех сторон обступленной мужчинами с пивными кружками, его обогнал в дупель пьяный, дурковатый мужик, что-то несуразное и плоское несший в обеих руках. «Гражданин! Ну-ка остановитесь»,— слышался милицейский голос — ни с каким другим не спутаешь. Хотя и пьяный, но мужик не полным дураком оказался: ловко всунув оторопевшему Игорю свой предмет, сам тотчас затерялся в пивной толпе. Еще не придя в себя от неожиданности произошедшего, он повернул это плоское в руках и вовсе обомлел: это была та самая вывеска у входной двери ликероводочного завода: в рамке, под стеклом. Хмельная расслабленность тормозила соображение, да оно уже и не требовалось: два сержанта в облегченных летних формах и красных фуражках под

руки вели его на выход из парка. Старший патруля, с широкой старшинской лычкой на погонах, поспешал позади. Вывеску он нес подмышкой в левой руке, лицевой стороной обернув к себе. Веселые и дружелюбные по погоде конвоиры радостно смеялись на рассказ пришедшего в себя Игоря о врученной ему вывеске каким-то запьянцовским мужичонкой, явно взявшим ее на память...

Когда страдальца усадили в задний, зарешеченный изнутри отсек воронка и с металлическим грохотом затворили дверцу, ошеломленный быстротой действия Игорь все же отметил про себя: сдавая клиента, патрульный сержант что-то сказал на ухо сидевшему с водилой на переднем сиденье сержанту, кивком головы указывая в сторону решетки. Тот охотно и согласно тоже кивал головой, но не в сторону зарешеченного постояльца, а подтверждающе.

Мигот протрезвевшего Игоря до ночной темноты катали в воронке. Уже и ноги заныли от сиденья на стальном стульчаке, приваренном к полу между внутренней решеткой и задней дверью машины — без ручки изнутри, а его все возили и возили. Словно забыв о нем, красношапочные справляли свою службу, то и дело подсаживая к Игорю новых клиентов — на второй, супротивный стульчак. И возили их: кого в отделение, но чаще в трезвяк. В какой-то момент, задумав предложить сержантам отступное, залез рукой во внутренний карман пиджака и обнаружил... вернее не обнаружил ни единой кредитки. Припомнил, что предыдущий его сосед, выходя в дверь во дворе вытрезвителя, дружески с ним попрощался, обняв понравившегося ему парня-страдальца...

Когда в промежутках между доставкой клиентов Игорь оставался сам-трое с сержантами, те замечали его, соболезнующее качали головами, сочувствовали:

«Да-а, парень, инженер говоришь? Влип ты серьезно: кража госимущества, да еще с особой дерзостью! И главное — лицо предприятия, вывеска! Да-а, статья серьезная, не менее как на пятерик потянет».

Ближе к полуночи совершенно измученный Игорь робко заговорил о штрафе. Сержанты, смена которых заканчивалась, проявили интерес. Несколько огорчило их отсутствие у задержанного денег с собой. Как раз проезжали по Севастопольской улице. Машина притормозила на углу со Строительным переулком. «Вот что, парень, вижу, ты не дурак, опять же инженер. Но и нас пойми: улика-то вот она. Давай так: удостоверение твое у нас останется. Запомнил этот угол? Завтра в шесть вечера стой здесь со ста рублями. Не вздумай нас провести, мол, документик свой потерял, я — не я и кобыла не моя. Тогда точно посадим!»

Выпущенный из воронка Игорь, не чуя ног под собой, как раз по Строительному переулку быстро пошагал в сторону дома. Голова мало что соображала.

...В шесть вечера следующего, воскресного дня Игорь, потративший немало душевных мук, чтобы взять из копилки сотню рублей, стоял на углу Строительного и Севастопольской. Вздрыгнул, узнав *тот самый* воронок, что нарочито медленно проехал мимо него по Севастопольской. Игорь стоял в недоумении, но через пяток минут к нему подошел парень лет семнадцати: «Принес?» — «Да-да,— заторопился Игорь,— вот...» — «Иди за мной». — И парень пошел сначала по Строительному, потом повернул налево, еще через сотню метров направо. «Давай» — и, не оборачиваясь, завел правую руку за спину, раскрыв ладонь. Игорь вложил в нее тонкую пачку пятирублевки и червонцев. Все также не оборачиваясь, парень завел за спину левую руку с удостоверением. После чего, не прощаясь, резко свернул в неприметный узкий проулок.

Игорь, удрученный, побрел в сторону дома. А в ушах явственно звучал воркотливый голосок бабушки Лизаветы: «Вот так-то, внучек, откуда насыпалось, туда же и просыпалось...».

Но здесь донельзя огорченный воспоминанием профессор Игорь Васильевич резко подкрутил вправо ручку верньера машины времени.

НОВЕЛЛА 6. КЕСАРЕВО КЕСАРЮ — И НЕ ШАЛИТЬ!

Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство. И в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства.

Ф. М. Достоевский «Подросток»

Отнеслись намеренно в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньги уметь зашибить.

Ф. М. Достоевский «Бедные люди»

◆ Май-баловень расслабляет преподав универа, как порой и сами они друг друга величают с горьковатым юмором и с подачи студентов с их нынешним собачьим языком, — в предвкушении уже скорого двухмесячного отдохновения: от этих самых студюзов. А вот последним расслабляться рано: экзамены на носу! И все мысли их об этих чертовых экзаменах: в смысле не о подготовке к ним, что запахло, а как изловчиться, подольститься к преподам, поканичить и выклянчить зачетный тройбан, симульнуть разразившейся болезненностью... жаль, сейчас откупиться нельзя: преподав запугали руководства вузов и министерства до невероятия, выработали-таки полный иммунитет к поборам со студентов. Но наши приятели, профессор-биофизик Скородумов и доцент-ракетчик Николай Андреянович, не опекающие родичи своим студентам. Учитесь, мальцы, трудности жизни преодолевать сами, а мы с усами (хотя оба без этого украшения мужчины), особо нас не проведешь! Впрочем, все одно в торговлю пойдете, а ваши дипломы обернутся фикцией. Так что и мы и вы сейчас есть сугубые поплевицы. На все наплевать и здоровье свое беречь.

Такими нелюбезными размышлениями занимался профессор Скородумов. Настроение ему испортило вчерашнее путешествие на личной машине времени в его инженерную молодость и именно в тот майский субботний день, когда безвинно попал в руки молодцов в красных шапках, от которых сумел-таки откупиться месячным окладом.

Сумрачность мыслей все давила и давила. Даже пара стопок коньяка из початой бутылки, что стояла в «обеденном шкафчике» его рабочего кабинета, не действовали. Позвонить что ли другу Николаю Андреяновичу, пригласить, поговорить по душам — глядишь, и настроение подымется? Увы, сегодня у доцента-ракетчика забитый лекциями и семинарскими занятиями день. ...Но на то Игорь Васильевич и дока во многих разделах биологии, в психологии тож: мигом вспомнил любопытный прием, якобы придуманный европейскими корифеями этой науки, но на самом деле давно используемый не только цыганками, но и обычным народом. Сущность же такого приема в фольклоре звучит так: икота-икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого. То есть народ наш безо всяких психологий с их фрустрациями и биохевиризмами до истины дошел.

Присказку эту народ сочинил еще в дотелефонную эпоху, но по преемственности средств общения следует, что и по телефону можно передать икоту Федоту. Но кого им избрать, кого не особенно жалко, кому передать свое сумрачное состояние? Выбор пал на его общего с Николаем Андреяновичем знакомого: Андрея Матвеевича Бурцева, из писателей. А не жалко по той гуманной причине, что Андрей Матвеевич настолько явный поплеivist — профессия литератора обязывает! — что своим воинственным и аргументированным пессимизмом переварит любой нанесенный душевный сумрак. То есть и волки сыты и овцы целы. Такая вот человеколюбивая ситуация

получается. А повод для звонка легче легкого придумать, оба они главные редакторы самими же основанных журналов: Игорь Васильевич редактирует научный с лихим названием «Феномены разума. XXI век», а Бурцев — литературную «Срединную Россию». Тезки по увлечению значит.

Позвонил, изобразив радость в голосе. Поговорили, обменялись новостями о своих изданиях, упрекнули авторов за научную и литературную малограмотность, соответственно. Сам говоря в трубку и слушая жалобы собеседника, Игорь Васильевич, шкодя по-школьному, все время повторял мысленно про Федотову икоту. Она же Якова и всякого. Держа при этом в голове, что икота — это эвфемизм качества «сумрачного состояния души», в смысле головы с правым полушарием головного мозга, ответственным за всякие творчества и переживания. Убедившись, что поначалу веселый голос Бурцева как-то сник, погрустнел, Игорь Васильевич магнетически сжал в кулак левую ладонь, что держал в кармане брюк. Ага, перешла все же икота. И быстренько, даже трусовато свернул короткую беседу на «пожелание успеха литературному журналу в столь непростые для всех и вся времена» и так далее.

Закончив разговор, профессор Скородумов тотчас почувствовал облегчение. А выпив — бог троицу любит! — еще одну стопку коньяка, и вовсе забыл о недавней тяжести на душе и с искренним интересом вернулся к рукописи новой своей книги о методах промывки мозгов людям главарями глобализаторов и их рабочим шестеркам — СМИ во всех их ипостасях: от старинчатого радио до хитро построенных сайтов современного интернета. «Пой песню, пой», — замурлыкал профессор добрую старую песню. Скоренько написал параграф и проставил на листе бумаги заглавие следующего: о превращении человечества в набор винтиков мегамашины глобаль-

ного человеичника, населенного сплошными уродами души и мышления. С точки зрения, конечно, нынешнего, пока еще разумного человека... то есть собственно Игоря Васильевича. Попутно вспомнил, что Достоевский вместо винтиков использовал определение «органный штифтик». И совсем развеселился, тотчас и в унисон со словами Достоевского, припомнив где-то вычитанное высказывание Бальзака (самых книг французского классика он не читал: в молодые годы слишком толстыми представлялись, а в зрелости и без того все понятно...), что, дескать, среди толпы горбатых и писанный красавец-атлет уродом глядится. Что-то в этом роде. Давно он приметил за романистами, что красиво не соврать, истории не рассказать.

♦ С утра добротного теплого майского дня настроение у Андрея Матвеевича Бурцева, главного редактора литературного журнала «Срединная Россия», было подстать. Весело насвистывая, заканчивал он формирование нового номера журнала, точнее, еще раз просматривал стопку распечаток (читать с экрана ему претило), составлявших номер, перед отдачей верстальщику. Работал он дома, в скромной комнатке-кабинетике, предвкушая скорый обед, затем с часок подремать на диванчике по доброй русской привычке интеллигентного вольного художника, а потом? Впрочем, планов громадьи на вечер он не строил: само собой как-то сообразится; может с кем созвонится, погуляют по такой комфортной — не жарко и не холодно — погоде, поговорят о творческом насущном, не обойдут вниманием и скромное заведение «с подачей», ту же университетскую, в смысле в центре студгородка располжившуюся, кафешку с игривым наименованием «*Наливай-ка!*»... А если и не созвонится, либо к вечеру — посмотрел к окну, а на небе тучки появились — дождик закапает, то и это неплохо: посидит пару-тройку часов, что ближе к полуночи,

за рукописью нового романа. Май-баловень, но расслабляться профессиональному сочинителю не следует! *Nulla dies sine linea* — ни дня без строчки, как любил повторять на лекциях в Литинституте, который Андрей Матвеевич заочно окончил еще в советские годы, их любимый преподаватель, читавший им курс фольклора, молодой и веселый Костя Кедров, которого заглаза именовали «Сказкой». Теперь это маститый литературовед и поэт-космист. Стихи его Андрей Матвеевич не раз печатал в своем журнале...

Телефонный звонок от дружественного ему профессора-биофизика Скородумова, сразу после обеда и перед отдохновительным диванчиком, несколько озадачил: зачем звонил, если ничего существенного так и не сказал? Скорее всего, как человек воспитанный, старого интеллигентского толка, вежливо и ненавязчиво напомнил: не надо замыкаться в себе в эти пакостные для мыслящих людей времена. Хотя телефонными звонками подбодрять друг друга. Опять же они с Игорем Васильевичем собратья, оба издают журналы, хотя бы и в различных ипостасях. За такие звонки благодарить следует, что и сделал Андрей Матвеевич в завершении короткой беседы. Но — даже не задумался, положив трубку, и направился к диванчику. И хотя телефонный разговор был безотносительный, а появившиеся было тучки на майском небе скоренько сгинули, не изменив комфортной погоды, но уже через пяток минут Андрей Матвеевич заворочался на обычно покойном послеобеденном лежбище: откуда-то в голову влетела и на доселе покойную душу осела, начала давить некая сумрачность мыслей. Главное, причин для такого изменения настроения абсолютно никаких! Журнал досрочно сформирован, роман успешно сочиняется, пенсия с приработкой (литконсультант заочный, он-лайнкинский, как в их кругу ядовито говорят, в столичном отраслевом издании) пока еще не сожрана

инфляцией... И супруга сегодня делами занялась, не смотрит с утра до темноты бесконечный идиотский сериал о буднях роддома — не раздражает его доносящимися из телеящика воплями младенцев и склоками медперсонала. Чего это на него нашло? Вроде никому с утра дня и неприятностей не пожелал?

Ворочался, ворочался... Обычно легко обволакивающий голову послеобеденный сон и близко не подступает! Чертовщина, наваждение какое-то. Как будто кто сглазил — но кто и зачем? Главное же, сейчас и испытанное народное средство, палочка-выручалочка от всех невзгод и неприятностей, *навых чар* (на то и писатель, чтобы литературно мыслить...), то есть стопка-другая из бутылочки со слезой в холодильнике без дела томится, не поможет: не подействует на организм, пожадничавший за обедом. Борщ сегодня на славу удался, да пяток свежеподжаренных котлет в этот самый организм ввел.

Уже и до ста считал: раз баран, два баран... — не идет сон да и только! И чем эту налетевшую сумрачность мыслей вышибить? Хорошо вспомнил совет бабушки Марфы, что научала некогда, давным давно, в эпоху расцвета диалектического, равно как и исторического, материализма, чем-то разволнованного внука Андрюшу: «А как мысль злая в голову пустую вступит невзначай или по случаю, так ты приляг, одеяльцем ножки-топотушки прикрой и начинай вспоминать что-то хорошее из бывшего: елку новогоднюю, купленное тебе мамой мороженое, как папа в воскресенье (тогда суббота рабочим днем была — поправил сам себя аккуратный Андрей Матвеевич) не в гараж чинить свою машину с соседскими мужиками — с утра до ночи — пошел, а повел тебя в кино на дневной сеанс, а потом в парк на аттракционы пошли... Глядишь, пройдет твоя грусть-тоска, а там и подремлешь часок-другой. И вовсе завеселеет на душе!»

А вспомнив, начал соображаться с темой приятных воспоминаний. Опять незадача — только пако-сти жизненные, как свои, так и на него направленные, в голову приходят. Черт-те что, мысленно брюзжал инженер человеческих душ, скорее клад отыщешь, чем что-то приятное в этой жиз... Стоп! Клад — вот оно! Еще вчера, когда днем, даже отвлекшись от составления номера журнала, с удовольствием посмотрел старый советский фильм «Клад» по московскому телеканалу, что по явному указанию столичных властей заботится о коротающих день-деньской перед телевизором свое тягучее время пенсионерах... так вот, само название и содержание давно забытого им фильма что-то напомнило Андрею Матвеевичу тоже из давным давно прошедшего, но дисциплинированность главного редактора пересилила воспоминания. Оставив их на потом, вернулся он к журналу, который требовал сосредоточенного внимания. Опять же Андрей Матвеевич ставил себе в заслугу, что в нынешнее безалаберное и необязательное время «Срединная Россия» уже второй десяток лет выходит строго по графику: в последний день квартала (журнал выходит в четырех номерах за год).

Клад — вот приятнейшее воспоминание из детских лет... и без того счастливых и беззаботных. Даже с учетом школы и наказаний за легкие шалости. Напал-таки на тему, что способна вытеснить из головы внезапно захомутавшие его *навьи чары* — кем-то наколдованная сумрачность мыслей. И даже слегка хохотнул оживившийся писатель, припомнив недавнюю — заранее по телефону оговоренную — дружескую встречу с тем же профессором Скородумовым и с тож хорошо знакомым доцентом Николаем Андреяновичем. Традиционно встретились в заведении «Наливай-ка!», что как раз в геометрическом центре треугольника, в вершинах которого расставлены дома местожительства дружественной трои-

цы. А хохотнул, припомнив фрагмент состоявшейся беседы: Игорь Васильевич по-профессорски логично и методически выверенно изложил теорию и практику пользования личной машиной времени и принципиальное отличие таковой от обычных воспоминаний о прошлом и мечтаний о будущем.

Вот и решил Андрей Матвеевич, впрочем, несколько дурачась, настроить свою машину («Повернешь верньер настройки мысленной против часовой стрелки на число делений, соответствующих количеству годов, и вернешься в означенное прошлое», — разъяснял профессор Скородумов) на историю с кладом, имевшую место в его школьном детстве.

♦ Но прежде чем отщелкать (ручка не плавно поворачивалась, а дискретами отсчитывала года) на верньере нужный год своего детства, на который нацелился Андрей Матвеевич, вдохновленный кодовым словом *клад*, он присовокупил к нему второе кодовое: издательство. И именно то самое издательство под игриво-подражательным (все под тот самый Запад, конечно) названием «Будденброки»*, где печатался крохотный тираж его «Срединной России». Не менее маленькое это издательство со штатом из бойкой пятидесятилетней хозяйки, хмурого печатника Василия, он же брошюровщик, и из средневозрастной супружеской пары, исполнявшей все остальные работы от подметания полов и выноса на помойку типографского бумажного мусора до ухода за печатной машиной и экспедиторства за расходными материалами, располагалось в двух арендуемых комнатах полуподвала на вид чудаковатого одноэтажного дома в форме квадрата с обширным заасфальтированным двором и входными воротами на стороне, выходящей в тихий переулок Второй парковый. Никакого парка в радиусе нескольких километров не имелось. На-

* Название первого (он же и «нобелевский»!) романа Томаса Манна. — Прим. авт.

звание же было дано бывшему Верхнепавшинскому переулку в двадцатых годах по имени располагавшегося поблизости первого в городе трамвайного депо, то есть трампарка в разговорной речи. Сейчас там располагались голые стены бывшего же трамвайного депо-музея без экспонатов, которые в девяностых коллектив музея, зарегистрировавшись как ООО «Электротрансвинтаж», продал на металлолом китайским заготовителям.

...Кроме подвального издательства, тиражировавшего по оригинал-макетам заказчиков брошюры, книжки в мягкой обложке и журналы, в замкнутом на ворота доме-квадрате размещалось еще с пару десятков всевозможных частных мастерских, оптовых магазинчиков-складов и сомнительных по роду занятий контор-офисов. При диалектическом же материализме, как любил монотонно шутковать литератор Бурцев, все это являлось владением городского автохозяйства дорожно-ремонтной техники. Вот в этом самом Втором парковом переулке, через два дома — по другую сторону дороги — от угла дома-квадрата и проживал в частном доме с садом-огородом, как и весь их переулок, от своего рождения и до окончания исторического факультета местного пединститута (потом женился и ушел в примачи), Андрей Матвеевич... в смысле, тогда без отчества еще.

И сейчас, ворочаясь на ставшем неудобном диванчике, собираясь подкрутить обратно по времени ручку верньера личной машины времени, Андрей — уже заслуженно и давно Матвеевич — вспоминал регулярные поездки на трамвае или троллейбусе (смотря с какой стороны к издательству подходишь) в родные места: сдавать в работу очередной номер своей «Срединной России», а через пару-тройку недель забирать хиловатый тираж отпечатанного журнала на машине своего приятеля, отставного полковника, печатающего в журнале довольно интересные

мемуары о своей пограничной службе. Сам-двое загружали пачки в багажник: отставник с выверенными по-армейски «взял — поднес — уложил», а Андрей Матвеевич несколько расслабленно, все поглядывая искоса на свой дом, виднеющийся через настежь отворенные в рабочий будний день ворота. Теперь в заметно перестроенном родном доме проживали совсем чужие люди: еще в конце восьмидесятых семейство старшей сестры, по сложной родственной разнарядке ставшая владелицей дома с участком почти в центре города, учитывая взросление трех детей, продало-обменяло его на две квартиры любителю индивидуальной жизни без досаждающих подъездных соседей...

И всякий раз, выйдя из ворот дома-квадрата, сдав заказ на очередной номер журнала, либо загружая багажник машины отставного пограничника пачками с отпечатанной «Срединной Россией», матерый литератор, по своей части прошедший огонь, воду и медные (точнее — свинцовые, каковой металл историческим считается типографским) трубы, оптимистично не верящий в черта и пессимистически допускающий существование бога, грустил той светлой грустью, что свойственна только лишь воспоминаниям о безмятежном детстве, плавно переходящем в отрочество и уже неясно чувствующем, что надвигается, не за горами и годами самая волнующая пора жизни, именуемая таинственной и загадочной юностью с ее всепоглощающим содержанием — неведомой еще любовью.

Порой и вовсе, отвернувшись от полковника, смахивал что-то с ресниц, полагая это сентиментальной слезинкой, хотя бы на них попала пылинка-соринка при порыве ветерка со стороны всегда несколько захламленного общего, то есть ничейного, заасфальтированного внутреннего двора квадратного дома, очень похожего на мосфильмовский павильон, в котором

(сейчас, конечно) снимают псевдоисторический сериал с действием в захудалом губернском гостинном дворе.

Однако прервал ностальгические картины Андрей Матвеевич, пора и за верньер браться, унимать уже непонятно откуда взявшуюся безысходную тоскливость.

♦Пятиклассник Андрюха Бурцев учился в первую смену, поэтому, вернувшись из школы и пообедав, дома в прекрасный, необычно жаркий для месяца мая разгар дня не задержался. Тем паче и дело неотложное имелось: по пионерской обязаловке школьная вожатая Нина Тимофеевна, отвечавшая за постоянно действующую выставку ученического творчества, озадачила его: «Надо, Андрюша, обновить макет Ленина в Разливе. Ты парень рукастый, опять же не в квартире проживаешь, а в своем доме, то есть инструмент и мастерское место имеются. Делать тебе центральную часть макета — шалаш. Сходи в нашу музейную комнату, посмотри на прежний макет: как выглядит и из чего сделан шалаш. Срок тебе неделя. Считай ответственным пионерским поручением!»

Вот сегодня Андрюха и принялся за доuku. Исходные материалы, пук соломы и березовые прутики, заранее подготовил: в хозяйственном сарайчике на участке дома мало ли что можно сыскать? Все это перенес на крыльцо дома, где имелись две боковые лавки, из дома принес моток суровых ниток, большую «цыганскую» иглу с широким ушком, очень хорошо берущий клей, получше обычного бээф-два, которым их семейство для всяких хозяйственных нужд обеспечивал Андрюхин дядька, работавший цеховым мастером на заводе — «почтовом ящике». Разложив — с дошкольного детства отец к аккуратности приучил! — все на лавке обок себя, пионер Андрюха принялся за работу.

Второй парковый переулочек раньше выходил на длинную и шумную улицу Красногвардейскую. Но

несколько лет назад ее начали застраивать многоэтажными домами вместо столетних деревянных развалюх. Так и переулочек уперся в шестиподъездный новопостроенный дом, который и отгородил его от шума Красногвардейской. И не очень большое хозяйство особо не шумело: все ремонтно-дорожные машины при деле, заняты по всему городу. Только к вечеру часть их возвращается в свои гаражи. Словом, тихий островок с поселковой частной застройкой почти что в центре города, но закрытый от шума, толкотни, суеты большого областного города. Даже работа экскаватора и бульдозера, с пару недель начавших сносить совсем прохудившийся, давно пустовавший двухэтажный дом рядом с автохозяйством, привыкших к тишине жителей Второго паркового переулка особо не раздражала: дело временное и недолгое. Опять же заброшенный этот дом с провалившейся крышей и съезжающим с кирпичного первого этажа деревянного верха очень беспокоил родителей: опасались за своих ребят, облюбовавших развалину под свои развлечения: от игр в прятки и «наших и немцев» до пристенной стучалки и картежного подкидного. А вдруг деревянное перекрытие бывшего дома купца Мослякова с каменной лавкой и деревянным жилым этажом рухнет? То есть взрослое населения переулка даже обрадовалось сношению мосляковского дома. Уже знали, что на его месте поставят типовой, тоже двухэтажный, дом быта: и полезно для окрестных жителей и опять же стройка недолгая по времени.

Мастеря ленинский шалаш в Разливе (только учась на истфаке пединститута узнает он, и то шепотком от запенсионного профессора, что Владимир Ильич не один в шалаше жил и на пеньке сочинял свои «Апрельские тезисы», но в компании с Зиновьевым), Андрюха временами искоса поглядывал на экскаватор, уже роющий на месте снесенного ку-

печеского дома небольшой котлованчик под ново-стройку. Усмехался порой. Когда с пару лет тому назад последняя семья жильцов съехала — по предписанию жилкомиссии райисполкома — на новую квартиру, а дело это случилось весной, то все лето и сухую часть осени окрестная ребятня, включая и его, пренебрегая родительскими запретами и даже воспитательно-наглядными затрещинами, все обшаривала ободранные комнаты, чердак с тогда еще только провисшей крышей, закоулки обширного подвала, в котором при купце хранились товары для лавки, а при последующих жильцах всякий малонужный хлам. Даже пробовали простукивать кирпичные стены, а подозрительно звонкие места, похожие на пустоты, иной раз и ломиком-фомкой ковыряли. Хитроватый хозяин соседнего домишка под предлогом «все одно участок пустует, посажу-ка я пару соток картохи» даже грядки целую весну копал, беря землю на полный штык... Серьезный окрестный народ хохотал: ладно глупая ребятня наслушалась от своих выживших из ума бабок с дореволюционным происхождением про клад мосляковский, что-де не просто купчишкой третьей гильдии был, но миллионщиком, а ты-то, Егорыч, глубже, глубже бери, ха-ха-ха, на три штыка копай, до первого звяка о горшок с червонцами!

Немного озадачивало кладоискателей разного возраста, что потомки купца Сидора Пафнutyча Мослякова, по естественной старости отдавшего богу душу уже в профессии нэпмана средней руки, проживавшие в уплотненном жильцами отчем доме до его аварийного расселения и трудившиеся — наследственность! — по торговой части (один даже Институт советской торговли, что в Москве на Волоколамском шоссе, закончил и дослужился до должности заврайторга), откровенно посмеивались над рассказаниями о кладе, поясняя в частных разговорах интересующимся: «Что от царевых времен дед наш

накопил, то в восемнадцатом комиссары изъяли под опись, а нэпмановские заначки как пришли, так и ушли. В двадцатые-тридцатые годы сыновья-дочери Сидора Пафнутьича все что можно снесли в торгсин* за жрачку посытнее...

За два года розысков на мосляковском пепелище добыча Андрюхи составила серебряный рублевик с бородатым профилем императора Александра Третьего, медные пятак и копейка уже времен Николая Второго, как пояснил ему по проставленным на монетах годах чеканки отец. Все это было чепухой: медными царскими пятаками все ребята играли в стуколку-орлянку, а серебряные рубли и полтинники тогда водились у всех, кто проживал в районах с частной застройкой. Самая же ценная находка — увесистый латунный, посеребренный знак Нижегородского пехотного полка. Увы, его у Андрюхи скоро стибрили в школе. Остальным ребятам тоже не повезло с кладоискательством.

♦ Сказать, что Андрюха наслаждался, мастеря ленинский шалаш, значит не соблюсти историческую правду. Если сейчас, в начале третьего десятилетия нового века и тысячелетия, слово это в телерекламе по частоте употребления, пожалуй, только пресловутой американской *проблеме* и уступает. Включи телеящик — и потоком польется: наслаждайся путешествиями! наслаждайся свободой выбора (между сосиской в тесте, то есть хотдогом, и гамбургером с беконом)! наслаждайся новой моделью (машины китайской с российской отверточной сборкой)! наслаждайся... и так далее. Во времена Андрюхиного же детства слово это обычно использовалось в грубом

* Торгсины (торговля с иностранцами) — всесоюзная сеть магазинов в губернских и в крупных уездных городах в 20-х — 30-х годах, продававшие товары, преимущественно продовольственные, за золото по его весу: царские монеты, украшения, золотой лом... — Прим. авт.

юморе: дескать, возьми обратно свою (обычно то, что на обмен предлагалось), засунь себе в причинное место и наслаждайся!

...Просто он испытывал удовольствие, какое правильный пацан и должен чувствовать от слаженно идущей работы. Увлечшись, Андрюха даже не обратил внимания: отчего это в разгар рабочего дня замерли экскаватор и бульдозер на мосляковском пепелище, и полная до одури тишина накрыла Второй парковый переулок. И только завершив работу часам к пяти пополудни, поставив собранный шалаш для просушки клея в сарайчик, сообразил: как замолчали днем экскаватор с бульдозером, так и пошабашили. Прислушавшись же в тишине своего оазиса покоя в центре города, уловил, что со стороны бывшего дома купца Мослякова все увереннее набирало громкость хоровое нестройное пение явно подгулявших работяг. «Чего это на стройке,— поинтересовался у младшего пацана Генки, что без дела слонялся по переулку,— почему работу прекратили и песни поют?» На что Генка вполне толково для его семилетнего возраста пояснил, что мужики на стройке днем вырубili свои машины, послали самого молодого в гастроном на Красногвардейской за водкой и закуской. Теперь же, уже вдругорядь спосылав, напились пьяными и песни сейчас кричат про «когда б имел златые горы и реки, полные вина». Чтобы не забивать свою голову ненужным для нее содержанием, Андрюха наскоро съел ломоть хлеба с сыром, запив стаканом чая, и отправился в недалекий отсюда городской Дом пионеров, что помещался в здании бывшей при царе городской думы, на занятия в кружке авиамodelистов.

Домой возвращался хотя и поздно, но еще светло: ведь уже середина мая месяца! Совсем уж недалеко до самого длинного в году дня. Обратный путь избрал покороче, по задворкам, а перед самым

своим Вторым парковым переулком еще немного срезал дорогу — в желудке голодно урчало — мимо начатого строителями котлована на месте мосляковского дома с замершими бульдозером и небольшим по размеру экскаватором, что используются для дорожных работ. Хмыкнул: у ковша его валялись на глиняной земле три пустые водочные бутылки, а на смятой газете остатками необычно обильной закуски подкреплялся здоровенный рыжий кот, знакомый Андрюхе — из дома напротив в их переулке. «Васька, Васька!» — окликнул он кота и спрыгнул в неглубокий, меньше метра еще вырытый котлован, поинтересоваться: что это так аппетитно жрет матерый котяра, тем более домашний, не обижаемый хозяевами по части еды. И еще знал по опыту жизни: работяги под водку закуску съедают подчистую, она горькая, но для аппетита бойкая, как приговаривала его бабушка.

Действительно, без того упитанный рыжий Васька, хотя и без водки, но с чувством и урчанием доедал кусок толсто порезанного тамбовского окорока, что вкусноты неимоверной и стоит три-шестьдесят кило. Да и не всегда его укупишь в магазинах! Около уткнувшегося в землю ковша валялись кирпичные обломки, видно экскаватор разбивал остатки подвальной кладки мосляковского дома. Кирпич древний, буро-коричневый даже в разломе. И еще среди обломков виднелись черепки столь же древней глиняной посуды; впрочем, наружные стенки черепков позеленевшие, с вьевшейся глиной, но внутренне светло-коричневые, почти и не траченные временем. Знать, кувшин или горшок стоял закрытым: вот и зоркий пацанский глаз узрел лежавшую чуть поодаль горловину глиняной посуды с затычкой: плотной умотанной тряпкой, окостеневшей в смоляной пропитке. Еще раз хмыкнув, Андрюха поднял горловину с затычкой, повернул ее нутром к себе, пригляделся и узрел два небольших желтоватых кружочка, явно

прикипевшие к затычке при ее заливке смоляным варом. Пошерстил взглядом вокруг, обнаружил кусок ржавой арматуры и скovyрнул кружочки: он сразу сообразил, что это две золотые десятки — червонцы с портретом царя Николая Второго, Кровавого по народному приговору. Особо он не удивился, а зайдя в свою калитку, завернул в сарайчик, намочил тряпицу, посыпал ее содой и отчистил монеты до зеркального золотого блеска. Дома же положил их в папиросную коробку «Герцеговина Флор», где держал свою маленькую коллекцию монет, включая прежние находки в мосляковском доме: александровский рублевик и медные пятак с копейкой. «Золото молчание любит», — как говорила бабуся, поэтому не стал хвастаться ни дома, тем более в школе и на улице...

♦ Последующие несколько недель тихий их оазис покоя в центре города сотрясала волна пересудов и кривотолков, нарастающих на действительно бывшем событии. Именно маленькой бригаде строителей суждено было овецествить давние слухи о кладе купца Мослякова. Спустя полтора месяца после обретения клада все разъяснилось в зале заседаний районного нарсуда, а жителям Второго паркового переулка и его окрестностей это донесла тамошняя жительница, пожилая учительница Елена Дмитриевна, учившая Андрюхин класс истории древнего мира, со слов своей дочери, избранной на три года народным заседателем в тот самый райнарсуд. Получалось так, что в день мастерения пятиклассником Андрюхой Бурцевым шалаша Ленина в Разливе, ковш экскаватора, разбивая угол кирпичной кладки подвала дома купца Мослякова, вышиб из пустоты этой кладки глиняную посудину, от удара разлетевшуюся множеством осколков, а в глаза экскаваторщику ударил солнечный луч, отразившийся от солидной горки высыпавшихся из разбитой посуды золотых монет. От со-

товарищей утаить было невозможно, экскаваторщик позвал бульдозериста и третьего разнорабочего на правах правщика-землекопа. Четвертый член маленькой бригады, тоже работяга с лопатой и ломом, в этот день отсутствовал: взял отгул по причине юбилейных именин уважаемой им тещи, поскольку проживал в примаках.

Окинули взглядом окрестность рабочей площадки: соглядатаев не нашлось. В кабине экскаватора поделили золотые пятерки, полуимпериалы (семь с половиной рублей) и червонцы по-братски на троих. Пожалев отсутствующего Серегу, выделили и на его долю: от каждого компаньона по монете... тем самым простодушные ребята подписали себе приговор: обиженный несправедливостью тещин любимец на другой же день написал анонимку куда следует. Еще через день всех четверых с обыском забрали с размещением в КПЗ. На суде всем им дали по-божески, включая Серегу (анонимка ему не помогла): ведь взял же принадлежащие по закону государству золотые монеты?), по два года *хими*, с работой по специальности.

Напуганный суровостью закона, Андрюха покался перед родителями. Те взяли с него страшную клятву полного молчания, а червонцы настолько надежно припрятали, что спустя с десятков лет, когда пришло время чинить зубы (вода в городе скверная, зубы к сорока годам начинают крошиться) — со своим золотом к дантисту вне очереди, а в оплату работ остатки благородного металла,— то еле отыскивали. Андрей, уже завершавший учебу в пединституте, с доброй улыбкой посматривал на отца с матерью, щеголяющих золотыми вставными зубами, фиксами по-блатному. Не всеми, конечно, из дарованных природой.

...Настроение Андрея Матвеевича, вернувшегося в суровое нынешнее частнособственническое бытие, заметно улучшилось.

НОВЕЛЛА 7. КАЖИМОСТЬ В ЛИЛЕЙНО- КАРАМЕЛЬНОМ ТУМАНЕ

Мало того: тотчас же обратится он из человека в органный штифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале? Как вы думаете? сосчитаем вероятности,— может это случиться или нет?

Ф. М. Достоевский
«Записки из подполья»

Там где все горбатые, стройность становится уродством.

Оноре де Бальзак
«Человеческая комедия»

◆ Спустия четверть часа после звонка Бурцеву, Игорь Васильевич завершил написание своим горячо любимым паркером очень емкую и удачно сформулированную мысль. Но немного поморщился. Конечно, не давешние «органные штифтики» Достоевского и стройные уродцы Бальзака тому причиной были: и сам почти классик в создаваемой им гнетущей теории о несветлом будущем человечества, он спокойно воспринимал порой тягостные откровения титанов мировой литературы. Нет, как совестливый человек прекраснородушного советского воспитания, он сейчас ставил себе в укор того «Федота на Якова», которым переадресовал свое мрачное состояние души на Андрея Матвеевича Бурцева, почти что друга и человека хорошего во всех отношениях. «Ладно, проехали, исправлюсь,— по-школярски оправдывался Игорь Васильевич,— вот женщины каждодневно в непрерывной болтовне свое плохое настроение перекладывают на своих товарок, особенно близких подружек. И ничего! прекрасно себя ощущают. У них, впрочем,

совершенно иное представление о совести. На то они и женский пол».

Слабо утешившись неудачным сравнением, дескать, *quod licet bovi, non licet Jovi*, по-профессорски щегольнул он латинизмом, мол, что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру. Да еще с сегодняшнего утра в голове засело новое слово *кажимость*. В смысле не то, что для него новое, но и вообще для русского языка. Утром, по пути на службу («профессора и артисты государственных театров не работают, а служат, еще с царских времен так принято», — навязчиво пояснял он младшим коллегам) Игорь Васильевич зашел на почту, где имел абонентский ящик, забрал накопившуюся за пару недель корреспонденцию, в том числе бандероль с новой книгой своего питерского коллеги по научным упреждениям в части будущего человечества. Определяющим словом в ее названии и была новоизобретенная коллегой *кажимость*, то есть принятое сейчас повсемирно и по любому поводу правило выдавать черное за белое и наоборот. Профессор Скородумов восхитился удачно придуманным словом. Как нельзя замечательно оно ассоциировалось с продумываемой Игорем Васильевичем в последнее время словесной формулой *жизнь как сон*. Кажимость эта окончательно заглушила муки его совести «с Федота на Якова». А тут еще позвонил Николай Андреевич: так получилось, что две пары практических занятий для разных групп удалось совместить в одну, то есть уже через час он готов стать перед лицом столь уважаемой и многозначительной персоны... Игорь Васильевич, пропуская мимо ушей словесную дурашливость приятеля, на автомате приоткрыл дверцу «хозяйственной» секции шкафа-стенки, убедился, что коньячная бутылка еще на две трети зовуще-привлекательно наполнена, и дал краткий отбой звонку: «Жду, приходи».

...И все-таки кажимость? А разве не кажимость в лилейно-карамельном тумане, под цвет свежей побелки наружных стен (другого колера в ведении экономного поневоле проректора по АЧХ не нашлось), в самом появлении в их корпусе сразу трех новых диковинных факультетов: биологического, медицинского и физкультурного — и это в недавнем еще сугубо техническом институте с выраженным оборонным профилем образования будущих инженеров? И так по всей бывшей 1/6 части земной суши... теперь, правда, где-то между 1/7 и 1/8, в прежних областных и уездных технических, педагогических и сельскохозяйственных вузах, в одночасье ставших «университетами классического типа».

Вот и наш медфак, в тесном соседстве с биологами и физкультурниками разместившийся в бывшем общежитии некогда славного горно-металлургического факультета... Заполняют его из соотечественников неудачники, не сумевшие взойти в осиянные истории и научным знанием аудитории мединституты и факультеты царской еще и, особенно, сталинской* закладки. А по другую сторону серединки-наполовинки ближневосточные и среднеазиатские студенты, у которых не хватило содержания кошелька и головы для учебы в Европах-Америках, на худой конец в Турции, Южной Корее и Китае... Здесь Игорь Васильевич расхохотался годичной давности происшествия, отмотав верньером машины времени год назад да прибавив еще месяц с небольшим: до окончания прошлого учебного года.

* В Российской империи, как раньше и сейчас во всем мире, врачеванию обучали на медицинских факультетах университетов. В СССР в тридцатых годах, когда потребовалось большое число врачей, образовательная структура изменилась: была создана сеть специализированных мединституты, что и обеспечили мировое качество советской медицины. Нынешние медфакультеты, действительно, образец кажимости... — Прим. авт.

◆ Сказать, что заниматься с иностранцами, не удостоенными учиться в Европах-Америках гиппократову мастерству, мука мученическая — значит хорошо о них подумать. Сам Игорь Васильевич, как заслуженный профессор и вольный стрелок в науке, чести этой избежал, но самое верное представление имел со слов своих коллег-преподавателей. «Препо-дов универа» — на сегодняшнем жаргоне студиязов. И если бывшие *наши* среднеазиаты хотя бы порусски в своих кишлаках и аулах, по старой еще советской, пока неизжитой традиции, обучились сносно говорить и понимать, вообще старались хотя бы на тройки зубрить, чтобы отчитаться за потраченные на них государственные деньги, то ближневосточники, тож на казенном коште, непривычного человека, в смысле преподавателя, в самом прямом смысле за-просто могли свинтить с ума-разума.

...По рассказам, почти что жалобным исповедям (известно, что преподавателя бутербродами с икрой не корми, но дай ему благодарного слушателя!) умудренных жизненным опытом матерых доцентов с медфака, Игорь Васильевич почти что воочию представлял себе образ такого студента. С постоянной заискивающей восточной улыбкой, с непременно частыми поклонами головой, лстящие угрюмо насупленному доценту или безучастной ко всему происходящему молодой ассистентке искренним восхищением их глубочайшим познаниям в науках и талантам лектора-преподавателя... А не дай бог, словесно оппозиционный нынешним демократиями и либеральностям, равно как и общечеловеческим ценностям, то есть долларам и евро, на крайний случай йенам и юаням, пожилой доцент Воробьев упомянет в присутствии Ахмеда или Хуссейна, что он был коммунистом и даже секретарем факультетской (в пединституте) партячейки, как на первом же семинарском зачете Ахмед или Хуссейн, терпеливо выждав, пока

вся группа выклянчит свои баллы, подсядут к «товарищу преподавателю», опасливо оглянутся и заговорщицким шепотком сообщит, что его папа Абдель — коммунист с двадцатилетним стажем, дядя Мохаммед и вовсе член горкома той же славной партии, а кузен Сафар и родной брат Камаль не последние люди в руководстве местного комсомола...

Ухмыльнется доцент Воробьев, еще с советского времени учебы в областном университете марксизм-ленинизма помнящий, что на исторической родине Ахмеда отродясь компартий не водилось, а в Хуссейновом государстве за принадлежность к таковой партии предусмотрена смертная казнь с предварительным отрубанием рук — наверное, чтобы перед казнью не перелистывали страницы «Капитала» в арабском переводе, но ухмыльнется добро, дескать, как же вы мне надоели, черти кучерявые! И поставит Ахмеду или Хуссейну проходные цифры по перенятой обезьяннически у америкосов 100-балльной системе, на прощание попросив передать пламенный интернациональный компривет Абделю, Мохаммеду и Сафару с Камалем. Держитесь, мол, дорогие соратники, боритесь за второе пришествие социализма на нашу планету! У слабого же преподаческого пола Ахмеды с Хуссейнами проходные баллы на зачетах и экзаменах прямо-таки выклянчивали, вытирая имитационные слезы и сопли отчаяния на глазах и под носом. Главное и восхитительное: не природная тугодумность и слабое знание русского языка (исключая великолепно аранжированный мат!) препятствуют нормальной учебе Ахмедов и Хуссейнов, вовсе нет! Просто, как разъяснял профессор Скородумов тому же матерому доценту Воробьеву, надо хоть немного знать образ мышления восточных людей: их своеобразный спортивный подход; дескать, зачем загружать голову зубрежкой, если можно получить исковую оценку артистизмом — прирожденным качест-

вом восточного человека: от слез и соплей до фантазий на коммунистические темы. Кстати, как-то Игорь Васильевич посоветовал доценту Воробьеву представиться своим студентам демократом и либералом западнического типа. На что тот обиделся не в шутку: «Ну-у, Игорь Васильевич, ты еще посоветуй каким-нибудь толерастом отрекомендоваться!»

Опять же Ахмеды и Хуссейны прекрасно знают, что их послали в захудалую русскую провинцию на медные гроши учиться, не питая надежды возвратить их на родину стоящими врачами. На то есть отправленные уже за серьезные деньги в Европы с Америками. А им же, сирым и убогим, сельских здравпунктов вполне хватит, а всего лучше — в медицинские чиновники определиться.

Не так-то глупы Ахмеды с Хуссейнами! В практической жизни намного ловчее и приспособленнее того же доцента Воробьева...

♦ Али-Абдул и Махмет, земляки из города Киркука, что где-то километров на триста пятьдесят севернее Багдада, учились на медицинском факультете провинциального русского города. Попали они сюда, а не в другой из числа известных российских медицинских вузов, тем более не в европейский университет, по причине безденежья своих отцов: у Али-Абдула мелкий муниципальный чиновник, а отец Махмета содержит на киркукском базаре галантерейную лавочку. Но все же у малоудачных папаш нашлись родственники поважнее, тем более, что отец Али-Абдула и сам близок к городской власти, и устроили — мусульманин единоверцу всегда брат! — учебу вчерашних школьников за казенный счет в далекой России, в университете с небольшой оплатой. Но попали они в этот университет в различное время, с учетом разницы в возрасте: Али-Абдул старше Махмета на пять лет. В Киркуке они и слышать друг о друге не слышали, но когда в русский

университет прибыл на учебу Махмет, то по праву землячества пятикурсник Али-Абдул стал опекать младшего товарища: поселил в своей общежитской комнате, а по вечерам дождливой русской осени и снежной зимы, когда на улицах темнело в четыре часа пополудни, наставлял Махмета всем тонкостям здешней жизни и особенно учебы, давая самые полные описания характеров, привычек, слабостей и послаблений, пристрастий, степени лопухости всех преподавателей и работников деканата. В лицах и жестах показывал как верно определить текущее настроение их, чтобы не попасть под горячую руку, а в другой раз воспользоваться их расслабленностью. Особо обращал внимание на предосудительные черты характера: доцент Воробьев не дурак втихую выпить; свежееиспеченный кандидат Егорушкин по женским делам не прочь приударить; профессорша Семенихина предельно принципиальна, не вздумай на их, неверных, восьмимартовский женский день даже с единым цветочком к ней сунуться — она и это взяткой считает, на зачете первом же порвет! Сейчас, мол, Махмет, у неверных со взятками борются, особо показательно с мелкими, преподскими. Так что, увы, на жалость налегай... правда, слышал намеки насчет одной секретарши деканатской, но ты себе в лоб вбей накрепко: зачем деньги, тем более государственные, как у нас с тобой, тратить! Пойми, как бы они не измывались над нами, но в итоге до диплома доведут: ведь на наши, то есть казенные, деньги они и зарплаты свои нищенские получают! Над ними их деканат, а еще выше ректорат — по головке не погладят, если под отчисление начнут нас подводить. Главное для нас — вытерпеть шесть лет, когда с нами как с недоумками обращаются, а потом, после диплома, исхитриться ординатуру пройти, а затем все для нас как сон дурной сгинет. Терпи, нукер, ханом станешь!

...Прошло три года. Когда за окнами в густой полуночной тьме даже священный лунный полумесяц густо застилало разыгравшейся снежной метелью, а все крепнувший январский мороз прямо на глазах ударами измороси покрывал наружные оконные стекла, в общежитии для иностранцев, где не было пьющих и шумящих непотребно гяурских студентов, устанавливалась от охватившего чужой этот мир мороза тишина, Али-Абдул с Махметом (третий жилец комнаты с выпускного курса недавно женился на русской и переехал в ее квартиру) в последний на сегодняшний день раз заваривали чай, попиwali его с рахат-лукумом, предавались успокоительным на сон грядущий мечтам о будущем, когда сначала Али-Абдул, а через пять лет и Махмет, окончив университет, вернутся в родной Киркук. Отец по телефону все сообщает Али-Абдулу, оканчивающему в этом году ординатуру, что почти договорился в своем муниципалитете, в медицинском его департаменте, где свел полезные знакомства, о местечке для него по части санитарной инспекции. Уточнял: место крохотное по должности, малоденежное, но перспективное. В этой инспекции народ пожилой собрался, скученный в своем кругу, а новый директор департамента, с европейским образованием, приобщившийся к тамошнему либерализму и новациям, все грозит эту шайку-лейку разогнать, набрать энергичную молодежь и так далее. Вот Али-Абдул и побежит стайером по ступеням карьерной лестницы! Года быстро идут, а там и Махмет с дипломом прибудет в Киркук, так Али-Абдул своему однокашнику по университету и сам начальную ступеньку этой лестницы подставит...

Священным Кораном зависть к ближнему для правоверного является пороком. Поэтому, когда у Али-Абдула и Махмета заходил в зимних вечерних беседах разговор о третьем киркукце на медфакульт-

тете, которого Махмет и вовсе не застал здесь, а Али-Абдул приехал сюда, когда Омар уже на третий курс перешел, то вовсе не зависть водила их языками, но уважительное восхищение. Хотя чему восхищаться... у отца Омара, поначалу скромного банковского клерка, дела как-то быстро пошли в гору, сейчас и вовсе стал в Киркуке управляющим провинциальным тамошним филиалом солидного столичного банка. Словом, Омар самые трудные в медицинском образовании первые три курса здесь выстрадал, а затем для получения солидного диплома перебрался в Москву в сеченовский медуниверситет, где оплата для иностранцев не под силу таким как Али-Абдул и Махмет. Став обладателем такого диплома, ординатуру Омар проходил уже в Сеуле. Поскольку — обстановка требует! — дурака валять Омар бросил уже в Сеченовке, то сейчас уже второй год работает нейрохирургом в Стамбуле, в госпитале под американской медицинской опекой. Не завидовали ему Али-Абдул с Махметом, но одобряли с исламским фанатизмом: у каждого свой путь... как и свои деньги.

♦ Лето в год окончания Али-Абдулом ординатуры, соответственно, и затянувшегося его пребывания в России, выдалось умеренно жарким по здешним погодным меркам. Вроде и прижились здесь, а все одно, как говорят русские, в гостях хорошо, а дома лучше. Тем более, что по уверениям отца должность ему в санитарной инспекции медицинского департамента в Киркуке стопроцентно — и именно под него — обеспечена. Как гласит арабская народная мудрость, прощаясь с местом проживания навсегда и перебираясь в другие (в данном случае возвращаясь в родные), заberi с собой все то лучшее, что узнал и приобрел, а оставь за порогом прощания все то невольное или вольное предосудительное, что повисло на тебе в прежнем проживании. Отряхни ноги у

порога — и русская присказка вторит здесь: не вноси налипшую грязь в свое жилище.

Али-Абдул, по его размышлению, согласно этой арабской народной мудрости (дальний родственник его отца учительствовал в медресе), должен был оставить в России свой праведный и неправедный порою гнев, раздражительность и все обиды нелегкой медицинской учебы в чужой стране, а вернуться в родной Киркук очищенным и вдохновленным для умеренной, но устойчивой в своем движении карьеры. И пусть ничто даже в самых беспокойных сновидениях не напоминает ему о многолетних унижениях, заискиваниях, выклянчивании этих злосчастных баллов, придуманных американскими шакалами и перенятыми у них русскими... в общем-то людьми пристойными и незлобивыми, но вот университетские преподаватели? Конечно, они выполняют свою работу, оправдывая обидно малое, почти что смехотворное жалованье. Но, как говорят те же гнусные америкосы, это их, русских, проблемы. А про себя они всегда говорят *ноу проблем*. Главное, что крайним здесь оказывался всегда он, мирный и незлобивый Али-Абдул из Киркука. Ну не даются ему с первого налету эти сложные медицинские и биологические науки, в особенности физиология, что вел у них доцент Воробьев; патологическая опять же физиология, излагаемая принципиальной профессоршей Семенхиной; фармакология, с молодой наглостью читаемая свежеиспеченным кандидатом наук Егорушкиным. Но самый подлинный ужас, как сатанинский джин Альбаксирак, выпущенный из кувшина после тысячелетнего его заключения ангелами света и добра, наводил на студентов навроде слабого тройбаниста Али-Абдула преподаватель биохимии доцент Юлдашев. Вроде как и фамилия, судя по звучанию, от правоверных предков происходит, но ни на какую лесть, упраснивания, даже скупые мужские слезы не

идет Юрий Никифорович. А сам предмет? — О, аллах, да разве может нормальный человек эту многоэтажную в формулах химию с приставкой *био* понять и запомнить до экзамена? А главное, зачем она, например, ему, будущему врачу санитарной управы, нужна? О горе мне, горе, простому парню из Киркука, хотя бы и с определенной хитрецей и несколько себе на уме...

Все шесть лет учебы и последующие два года ординатуры, в которую чудом и попал-то: как выяснилось, опять отец его в медицинском департаменте Киркука подсутился, через посольство в Москве попросили выпускника с ординатурой подготовить... Что-то в этом роде, мол, нужен нам специалист с полной медицинской подготовкой образовательной. Спасибо, конечно, и на этом, но в многолетних своих размышлениях пришел Али-Абдул к твердому мнению: потому так требовательны и придирчивы медицинские преподы к нему и его слабоуспешным собратьям, что обидно им, многоумным, себе цену знающим, за смехотворно мизерные оклады, в пересчете на доллары двести пятьдесят — триста в месяц для доцентов и чуть побольше для профессоров, втолковывать восточным иностранцам со слабым знанием русского языка (кроме великолепно ангажированного мата!) научные истины. По-человечески ему это понятно, но почему крайним, стрелочником, как говорят русские, назначено быть Али-Абдулу? Есть у них образовательное министерство — вот пусть в него и стучатся с требованиями повышения зарплаты!

...Один день остался у Али-Абдула, послезавтра утренней электричкой в Москву, а потом самолетом через Турцию, из-за пандемии и неоконченной войны рядышком, домой. Но как скинуть с себя груз обид от унижений. А как русские это делают? — За долгие годы учебы Али-Абдул невольно стал все

свои действия и поступки равнять на русские нравы и обычаи... И припомнился ему заслуженный профессор Скородумов. Хотя он не за их факультетом числится, а по биофаку состоит, но на старших курсах пару раз в учебный год читал и у медиков — по просьбе деканата — лекции на малопонятные темы: что-то про воздействие электромагнитных полей на органы человека, дескать, должны вы, будущие эскулапы, много чего знать — глядишь и пригодится... Зато студентам нравились уместные к делу медицинские анекдоты, что рассказывал профессор: для лучшего запоминания материала, как он пояснял. Еще и народными пословицами лекции свои пересыпал. Тоже, мол, для пользы дела. Например, ведет речь о телепатическом внушении, так и присказку народную вставит: икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого — и р-раз! своя икота прошла, а на собеседника перешла. Вот вам, юноши знаний алчущие, и пример телепатии!

Дальше все просто в голове Али-Абдула сложилось: завтра с утра отслеживать окрест их учебного корпуса особо памятных преподав, Воробьева и Семенихину, Егорушкина и особенно джина Юлдашева, улучать моменты без свидетелей и всячески их отборным матом поливать. Вот он всю тяжесть многолетних унижений и перекинет с себя на обидчиков, освободит голову и сердце от тяжести непосильной. Пусть теперь они испытают, что пришлось так долго терпеть ему. Словом, перебросить как с того Федота на Якова. А для пущей убедительности и надежности все эти сцены заснять и выложить в интернет, чтобы все в России и в мире увидели, как Али-Абдул отомстил обидчикам! Его-то голыми руками не возьмешь, как те же русские говорят. Верного Махмета уговаривать не пришлось: «Я послезавтра домой уезжаю, а тебя в кадрах, понятно дело, не будет. Будешь со стороны, из-за угла какого-нибудь

снимать на смарт, чтобы преподы, с которыми воспитательные беседы проведу, тебя не приметили. А через день после моего убытия все в инте выложишь. За мной не пропадет!».

На сомнение Махмета — а не будут ли рассерженные преподы бить их? — Али-Абдул успокоил, как хорошо изучивший университетские порядки: во-первых, он, Али-Абдул, высок ростом и крепок, а Воробьев стар, Егорушкин хлипковат, а Юлдашев в быту трусоват; во-вторых, все преподы прекрасно знают: за рукоприкладство, даже в сторону обидчика, они тотчас вылетят из университета с волчьим билетом...

♦ Али-Абдул верно понимал, что профессор Скородумов к медфакультету не приписан. Но кабинет ему выделили на территории одной из медицинских кафедр. Опять же общительный характер Игоря Васильевича, галантное поведение с женским персоналом, неистощимые анекдоты и «по полпромилле» под праздники с мужским персоналом, главное — полное его отвращение к доносительству по мелочам, что есть стиль вузовской жизни, все это сделало профессора Скородумова «присяжным поверенным» для всех, кто хотел высказаться и излить (заодно и налить...) обиженную кем-то душу — обычно начальством. Поэтому Игорь Васильевич вовсе не удивился, когда через день после завершения переходных курсовых и государственных экзаменов, вручения дипломов и ординаторских свидетельств на медфакультете, когда коридоры корпуса опустели, только преподаватели сновали между кафедрами всех трех факультетов к деканатам, приводя в бюрократический порядок ведомости, отчетности и прочие бумаги, в сладостном нетерпении ожидая скорого своего двухмесячного отпуска... словом, утром такого расслабленного по дисциплине дня в окончании июня

месяца в приоткрывшуюся дверь скородумовского кабинета заглянула сначала перекошенная гневом голова, а затем и вовсе в комнату невежливо влетел доцент Воробьев. Пока он, справляясь с непривычным для его десятилетиями выдержанного в университетских буднях и бурях характера волнением, что-то маловразумительно мычал и — без мата — чертыхался, Игорь Васильевич, пораженный увиденным, открыл заветный шкафчик, налил из известной бутылки две стопки, одну из которых протянул почти не пьющему пожилому доценту. Тот машинально выпил, присел на указанный хозяином стул и с полминуты отходил от своей взбудораженности. Розовые пятна гнева на щеках и лбу сникли, пальцы рук перестали выпясывать на коленях. Еще через минуту он смог внятно говорить.

Заметив, что Игорь Васильевич прислушивается через не до конца затворенную доцентом входную дверь к неестественно громким и возбужденным голосам из коридора, причем явно солировали Семенихина, Егорушкин и особенно Юлдашев, Михаил Ермолаевич, кивнув головой на дверь, начал со слов: «Не я один. Там в коридоре наши совещаются, кто в такую же, как и я, ситуацию попал. Думаем что делать. Может, Игорь Васильевич, что нам подскажешь?»

...Вспомнив, что он непьющий, доцент Воробьев отказался от второй стопки и рассказал о произошедшем с ним, Семенихиной, Егорушкиным и особенно Юлдашевым вчерашним днем. И отчего сегодня с утра, встретившись на медфакультете, все они, как выяснилось, стали жертвами чудовищного хулиганства. Оттого и столь взволнованным до неприличия он и «ворвался в кабинет уважаемого профессора».

Получалось, что вчера, ближе к двенадцати, Ми-

хаил Ермолаевич в своей преподавательской подбил все бумажные бабки по экзаменационным ведомостям, заполнил бланочный годовой отчет, а затем вышел из здания и направился в соседний главный корпус — сдать в учебный отдел эти ведомости. Каким-то сверхъестественным, волчьим чутьем, что не редкость у матерых преподавателей, почувствовал: кто-то за ним следит. Подумал, ерунда, усталость от суматошности учебного года.

Сдав ведомости, вышел из корпуса и взял курс на остановку, намереваясь сесть на пригородный автобус и уже через двадцать минут выйти из него у своего личного дома в подгороднем поселке. Путь до остановки, как обычно, спрямил проулком меж хозяйственных дворов непонятной принадлежности. Место обычно безлюдное, тем более доцент Воробьев удивился, лоб-в-лоб столкнувшись с Али-Абдулом, нынешним выпускником-ординатором. Памятен ему этот Али по второму курсу! А уж как самому Али-Абдулу памятен этот визгливый препод, что едва до умственного расстройства и душевного иступления не довел робкого еще второкурсника, заставив-таки вызубрить главное пугало курса нормальной физиологии: роспись цикла Кребса, явно неверного из европейцев.

Не успел Михаил Ермолаевич буркнуть безразличное «здравствуйте», как набычившийся Али-Абдул заступил ему дорогу, обложил невероятно витиеватым матом, а затем, словно по заранее написанному и вызубренному тексту, стал укорять преподавателя в унижении незащитных студентов, без того чувствующих себя неуютно в чужой стране, издевательства над их плохим знанием русского языка, недисциплинированности и злостном уклонении от учебных занятий. Во время монолога Али-Абдула поначалу смятенный доцент Воробьев все же приме-

тил: в левой руке тот держал старинный кнопочный мобильник, что студенты используют в качестве диктофона для подготовки звуковых шпаргалок, а за ближним углом проулочного забора вроде как его прошлогодний второкурсник Махмет, маскируясь, снимает задушевную встречу наставника и его ученика на смартфон. Под финиш еще раз обложив Воробьева многосложным матом (без акцента!), Али-Абдул развернулся и исчез за тем же углом проулочного забора.

...Добравшись до своего пригородного уютного дома, Михаил Еромолаевич только к вечеру немного успокоился. Настолько диким, даже в мыслях неугадываемым, хамски-непристойным явился сегодняшний налет Али-Абдула, как иного объяснения, что переучившийся иностранец свихнулся, он не находил. Это его, как преподавателя медицинского факультета, даже успокоило: помешательство есть болезнь, а на больных не обижаются, а только жалеют и помогают в преодолении недуга. Поэтому повторно не заволновался, когда в одиннадцать часов, перед самым отходом ко сну, позвонила дочь из Вологды, где проживала со своей семьей и работала врачом по семейной профессии. Обычно она звонила по-женски поболтать с матерью на сон грядущий, но сейчас начала с сообщения: по соцсетям интернета показывают его озвученную беседу с арабским студентом. «Не студентом, а выпускным ординатором», — механически поправил Михаил Еромолаевич и успокоил взволнованную дочь, что-де переучился парень, во временное исступление пришел, припомнил ему злосчастный цикл Кребса... Отдал телефон супруге, а сам спокойно, по выработанному жизненному режиму, заснул. Снилось приятное: с нового учебного года зарплату преподавателям удвоили, а для обучающихся ближневосточных и среднеазиатских студентов выдают молоко за профвредность.

Но утром, войдя в свой корпус, нашел тем смятение чувств и эмоций: такие же монологи вчера, в течение дня, подбирая укромные места встреч, Али-Абдул с ассистирующим ему Махметом произнес в адрес профессорши Семенихиной, молодого кандидата наук Егорушкина и особенно Юлдашева. Хотя бы тот и был потомком правоверных. И все записи встреч гуляют по интернету.

Выслушав Воробьева, задумчиво выпив еще стопку, Игорь Васильевич дал дельный совет: всем обиженным написать коллективную жалобу и передать ее в первый отдел университета — с намеком на национальную рознь и терроризм. Копию в деканат факультета иностранных учащихся.

...Забегая вперед самого себя в машине времени, Игорь Васильевич убедился в правильности своего совета. Первый отдел в лице отставного полковника известно какой службы связался с посольством исторической родины Али-Абдула и Махмета. В тот же день по телефонам, а через неделю и официальными письмами на посольских бланках, секретарь посольства принес извинения лично каждому: Воробьеву и Семенихиной, Егорушкину и особенно Юлдашеву. Также сообщили: у прибывшего на родину Али-Абдула отобрали и сдали в архив диплом и ординаторское свидетельство, лишили пожизненно права на медицинскую практику, а главное — начислили огромный штраф в размере оплаты за весь срок обучения несчастного. Махмета же посольство рекомендовало отчислить из университета и отправить его за свой счет на историческую родину.

Весь прошедший год среди студентов медфакультета в ходу была присказка: Абдул сам себя надул! Махмета пожалели за молодостью и неразумностью, оставили. Теперь он лучший по успеваемости среди студентов-иностранцев. Исключая трудолюбивых и ответственных вьетнамцев.

◆ Когда прибыл запыхавшийся (а вдруг приятель без него коньяк допьет со случайным гостем? — шаловливая мыслишка) от ходьбы Николай Андреянович, то застал профессора расслабленно улыбающегося. Тот же напомнил прошлогоднюю историю с Абдулло́й и Махметом, хорошо знакомую и доценту-ракетчику. Освежившись с устатка трудового дня, закусывая стопку «Старого Кахети» бутербродом с бужениной — ох, грешен Игорь Васильевич по части гурманства, естественно, в раскладе негустого жалования, — Николай Андреянович алаверды припомнил схожую историю: не в смысле преступления и наказания арабского студента, но по содержанию их учебных занятий в далеком советском прошлом. Под вторую (первая со свиданьем, вторая — разгонная по ямщицкому счету) стопку и рассказ гостя состоялся.

Тридцатилетний инженер-конструктор знаменитого в оружейном мире НПО «Меткость», возглавляемого (и созданного) академиком Гусаковым, был командирован в близкую столицу в еще более знаменитую Бауманку. Дело плевое: тамошняя кафедра ракетостроения подрядилась у «Меткости» на разработку по тематике отдела, где работал Николай Андреянович; вот и понадобилось ему одним днем сгонять в Москву, уточнить по чертежам посадочные размеры под нужный блок. Уже в два часа пополудни освободился. Выйдя из проходной Бауманки, прислушался к пожеланиям желудка, пожалел, что не пообедал, просто забыл это сделать в дешевой и просто замечательной студенческой столовой, но... уже миновал проходные, временный пропуск сдан. Зная эти места, вспомнил: менее чем в полукилометре имеется городская, то есть не приписанная к организациям, столовая. Тоже вполне приличная. Приходилось раньше там бывать.

Обедая, обратил внимание: публика наполовину студенческая, рядом несколько корпусов общежитий, а вторая половина — разный люд из окрестных мест: магазинные продавцы, служащие небольших учреждений и прочие. Заинтересовался сценой за соседним столиком, где сидели пара ребят явно студенческого вида и постарше их смугловатый мужчина в какой-то «обезличенной» военной форме. Тотчас вспомнил: рядом военная академия, а случайный мужик, говоривший с акцентом, скорее всего курсант-иностранец, вроде как араб, из этой академии.

— ...Мустафа требует, чтобы курсовая была готова к следующей среде! — наставительно говорил курсант, адресуясь к студентам.

— Будет, будет ему к среде. Вот поднажмем с Серегой сегодня-завтра и в воскресенье, а в понедельник-вторник и пошабашим. Чего-нибудь принес от Мустафы? А, Селим?

— Да, как договорились. — Посланец милитаризованного Мустафы, явно в своей армии старше чинном Селима, снял с плеча ремень спортивной сумки, поставил ее на колени и выложил пару блоков сигарет «Винстон», пакет с чем-то мягким, наверное, с джинсами, и еще что-то небольшое в цветастой фирменной упаковке. Студенты-поденщики, бдительно поводя головами вправо-влево, засовывали принесенное Селимом в свои наплечные холщовые сумки-нищенки.

— Так смотрите! Мустафа велел к среде, — еще раз наставительно сказал Селим, встав из-за стола и с армейской выправкой направившись к выходу из столовой.

Выпили по стопке, помолчали.

— Мд-а-а, — сказал Игорь Васильевич, — зато они пляшут хорошо.

— Кто? — не врубился Николай Андреянович.

— Помнишь, по телеящику у нас показывали, как при Саддаме Хусейне ихние вояки все плясали и плясали, размахивая «калашами», грозили америкосам. А потом в считанные дни им и сдались. Даже Мустафы и Селимы с академическим образованием. Все, дорогой мой Николай Андреянович, есть кажимость в лилейно-карамельном тумане. Давно уже мир им окутан.

НОВЕЛЛА 8. МУХОСЛОНОПРЕВРАЩЕНИЕ; НИЧТО НЕ НОВО ПОД ЛУНОЙ

Как вдруг вчера, в половине пятого пополудни, в магазин иностранца-собственника является некто необычайной толщины и в нетрезвом виде, платит за вход и тотчас же, безо всякого предувещения, лезет в пасть крокодила, который, разумеется, принужден был проглотить его, хотя бы из чувства самосохранения, чтоб не подавиться... В Европе давно уже преследуют судом обращающихся негуманно с домашними животными (выд. нами.— А. Я.). Но, несмотря на европейское осуждение, на европейские тротуары, на европейскую постройку домов, нам еще долго не отстать от заветных наших предрассудков.

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное
событие или пассаж в Пассаже»

Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...

Ф. М. Достоевский
«Ряд статей о русской литературе»,
1861

♦ Всякий пространно, то есть разносторонне, образованный человек — обычно это застывший в сознательном возрасте в советские времена — знает, что Федор Михайлович Достоевский более своих гениальных романов и повестей гордился введением в русский язык нового слова: *стушеваться*. Профессор Скородумов их изобрел сразу несколько: умозамещение, цифрофрения (от цифра + шизофрения), олигархер, бизнесментер и еще одно на базе того же бизнеса, но с приставкой, что в сочетании с корне-

вым словом делает новообразование неудобным для печати... что-то навроде «объегорить».

Непонятно к чему этим похвастался Игорь Васильевич в ту самую встречу с давним приятелем доцентом Николаем Андреяновичем, когда они вспомнили прошлогоднюю скандальную историю с иностранными студентами медфакультета Али-Абдулом и Махметом — под девизом кажимости в лилейно-карамельном тумане. И что эта кажимость к языку почтенного профессора приклеилась?

— А знаешь, Андреяныч, телевизионщики, хотя и не дураки вовсе навроде Абдулы с Махметом, но стараются друг друга перецеголять в этой пресловутой кажимости! На сегодняшний день вершиной ее полагаю рядовой сюжет в нынешних сериалах: здоровенный наш мужичище на кухне завтракает, то есть пьет вместо водки джапанскую сакэ из плоских чашечек и закусывает палочками чем-то тоже японским из блюдечек и магазинных коробочек. Поясняет к тому времени проснувшейся подружке — в домашнем кимоно, но с тамбовской наружностью, — что торопится на работу свою вахтерскую: «Надо-ть, Маня-ся, денюжки нам копить пошустрее: вынь да положь, но если сем годом не слётаем в Японию, то от тоски по джапанской культуре, оббить ее медь, сака с сушей в глотку не полезут!

— Да-да, герр профессор, про сушу ты в самую точку попал. Как хороший наводчик одним птурсом* танк, что за лесом стоит, подобьет. Или твой бизнесментер сходу партию гнилых бананов всучит...

— Эт-та почему бизнесментер мой? Да с какой стати я, заслуженный, советской закалки еще, профессор, буду кумовство водить со всякой торгово-воровской шелупонью!

* От ПТУРС — противотанковый управляемый реактивный снаряд (военн.).— Прим. авт.

— Ну-ну, чего к слову придираешься... тем более самым же придуманному. Кстати, Васильич, а я тоже новое слово изобрел: *мухослонопревращение*. А, каково?

— Нд-а-а, по существу нынешнего бытия, конечно. Хотя и затянуто-мудровато. Чувствуется рука, в смысле голова, матерого ракетчика. Ну-ка подбрось примерчик?

— Пожалуйста; была школа, стала сейчас гимназия; пэтэу чудесным образом превратился в пушкинский лицей, а техникум в англо-американский колледж. Уже и говорить нечего о нашем универе «классического типа», что поболее полувека после своего основания в первую сталинскую пятилетку города именовали институтом. И полнейшая дискредитация армии, когда военные училища переименовали в институты, а академии в университеты! То есть овеществленная мания общественного величия.

— Добавь сюда, Андреяныч, нынешнюю практику эсмэишников именовать учащихся техни... тьфу! То есть колледжей по-американски, ни много ни мало студентами: из мухи в слоны!

Игорь Васильевич налил приятелю вторую стопку, а себе энскую, как говорят военные, считая с утра; с неодобрением отметил, что бутылка «Старого Кахети» стерильно пуста, чокнулся: «Бум здравы в безалкогольную эпоху!»

— Знаешь, Андреяныч, мы вот с тобой попохатываем, словечки новые изобретаем, а положение-то в мире невеселое. Скоро и поговорить дружески во все диким будет казаться. В нынешнюю эпоху глобального цифрового одиночества, — по-профессорски осанисто начал Игорь Васильевич, — остается лишь безответно разговаривать только с собакой или котом, но... лучше с котом. Даже если Жучка с предельным вниманием слушает тебя, преданно глядя *tête-à-tête* в глаза, поворачиваясь то правым, то ле-

вым ухом... это потому с ушами, что если человек воспринимает пространство только глазами, то у собак и, пардон, у женщин еще осталось звуковое пространственное восприятие. ...Но все равно она, то есть Жучка, думает только об одном: хорошо бы ей внеурочно, допайком, дали пожрать. Женщина же в подобной ситуации тоже об одном думает: как бы половчее намекнуть, что пальцев у нее на руках десять, а колечек и перстней почти вполтину меньше... А вот кот Васька спокойно сидит этакой детской копилкой, прикрыв свои фотоаппаратные — это как у старинчатых фотиков щелевые затворы объективов — глаза, вроде как и слушает, но размышляет о своем. Если, конечно, вообще думает, хотя... Джулиан Хаксли, выдающийся авторитет в биологии поведения, говорил, что высшие млекопитающие тоже мыслят, но лишь человек знает, что он мыслит. Что-то в этом роде изрек. Главное, кот — наилучший в живом мире слушатель: не встревает в монолог собеседника. А с мухослонозамещением у тебя хорошо получилось: как у того твоего наводчика, что лупит птурсами по танкам за лесом! Дед мой по материнской линии уважал после пятой стопки очищенной одну каторжанскую песню запевать, или играть, как он по-старорусски говорил: «Там залесью, там залесью, там разбойнички шумят. Нет, нет, не пойду, лучше дома я помру». Нам еще пока рановато, потому давай-ка двинем по домам — к ужину!

♦ В тот день выдалось, правда двухдневное лишь, помешательство на всех теле- и радиоканалах: без конца дикторы, именитые телеведущие, штатные «ведущие политологи» репетировали* технические термины *генерация* и *локация*. Видимо некий шут-

* Во флоте репетировать — означает повторять, дублировать для исключения ошибок приема, команду.— Прим. авт.

ник от СМИ запустил их (может с похмелья? Но сейчас с этим строго по всей вертикали..., горизонтали и диагонали тож) с самых раннеутренних известий. Остальные по принципу тусовки: Васька ввернул новое словечко, Петька повторил — подхватили диковинку, так и понеслось. К вечеру уже и нештатные гости на телерадиоволне, интервьюируемые бабки, мелкие торговцы и лавочники, «сотрудники» всевозможных силовых и безпогонных служб и ведомств, случайно уловленные уличные прохожие, с непривычки тщательно выговаривая, заталдычиали про генерацию и локацию. Понимали: так надо говорить, коль скоро даже включенный в сеть утюг по-китайски мяукает про *генерасию и локасию*... Правда, к концу следующего дня все прекратилось: то ли команду от кого надо дали, а скорее всего эти радиотехнические термины затмила некая старушка с милитаризованного канала многократно затем повторенной на телерадио фразой: «Учение Христа подрывало финансовые потоки в израильские синагоги». Хорошо Нетаньяху не смотрит российские телеканалы! — Без того забот хватает... Выборы!

...Вот чтобы не слушать про постоянно повторяемые генерацию и локацию, прибыв домой после дружеской беседы с профессором Скородумовым, Николай Андреевич ностальгический советский радиотрансляционный динамик на кухне во время ужина не включал, а затем и вовсе велел супруге громкость телеящика до пьяно-пьяно (тихо-тихо — по-итальянски) прикрутить и ушел в другую комнату: предварительно с устатку, пары стопок у Игоря Васильевича и ужина вздремнуть, фарисейски уложив на живот раскрытый для чтения (тоже мне книжник библейский!) томик русской классики.

Видно в окрестной природе, как то часто бывает в погодно неустойчивом мае-баловне между цветением черемухи и сирени, что-то к вечеру меняться на-

чало: давление или влажность, на что очень падки сонной дремой метеозависимые люди. Хотя и крепкой, плотной конституции был Николай Андреянович, но по возрасту на изменения атмосферные полагалось уже внимание обращать. А дрема эта полусонная ранним вечером такая сладко-расслабляющая, что только о приятном и думается неторопко. А что приятнее ностальгических воспоминаний юности и ранней молодости? Но одно дело *просто* вспоминать, порой досадливо касаясь малоприятного — со стороны взрослой разумности, копаться в закоулках, коридорчиках и погребках подсознательной памяти, а совсем иное — прокатиться *туда* на личной машине времени: это уже не воспоминание, но повторение нужного отрезка времени беззаботности. Словом, плотник супротив столяра (на животе Николая Андреяновича лежал томик Чехова).

Опять же не оставляла мелкая гордость — сам высокоученый двойной профессор Скородумов одобрил! — по причине введения им в великий и могучий нового слова: мухослонопревращение. Игорь Васильевич, знаток и в части литературы, даже добавил, что сам Франц Кафка таким смысловым сложносочиненным словом бы не побрезговал. А сумасшедшего этого классика немецкоязычной литературы Николай Андреянович зауважал, как-то прочитав его рассказ про исправительную колонию с детальным, не хуже инженерного чертежа, описанием машины для медленного и мучительного исправления заблудших с летальным, как сейчас в вечной моде у телевизионщиков, исходом.

Одобренный очно профессором Скоордумовым и заочно, через него же, классиком литературы Кафкой, Николай Андреянович уже на грани яви и освежающего ранневечернего сна мысленно представил в объеме (в *3D*, как эсэмишники принудили весь народ говорить, — от английского *three dimensional*,

то есть объемного по-русски) ручку верньера личной машины времени и, отщелкивая по годам, повернул ее в прошлое, то есть против часовой стрелки, на количество лет, отделяющих его нынешнее житие от времени бытования все в том же городе, но уже в другом царстве-государстве, молодого специалиста, инженера Николая, еще без обязательного для него отчества. В его тогдашние года именем с отчеством называли только в зарплатной ведомости, в паспорте и, не дай, конечно бог, во всяких судебных бумагах... Последними словами, которые прошелестел уже сонным языком Николай Андреянович, отправляющийся в путешествие, были: «...Не забыть бы, не спутать корневые слова: мухо-слоно-превращение... будь проклята генерация с локацией, родители дегенерации и...» Здесь он заснул.

♦ *Вот мчится тройка почтовая*

Вдоль по дороге столбовой.

И колокольчик, дар Валдая,

Звенит уныло под дугой...

— вроде как отдаленно, из замкнутого пространства вырвавшись в прореху, донеслось до Николая, молодого специалиста, только начавшего второй год своей инженерной работы в Специальном конструкторском бюро при одном из крупных оборонных заводов, коими богат старинный город. Шел же он гуляючи, ввиду замечательной январской погоды с легким морозцем, безветренной, с пушным редким снегопадом, в седьмом часу вечера. Вместо того, чтобы по выходу из заводских проходных перейти улицу, сесть в нужный номер трамвая, что неспешно проехав три городских района из пяти высадит его рядом с домом, Николай, все ради той же прекрасной погоды, решил первый из районов, в самом центре города и многолюдный даже в зимний вечерний час, отшагать в пешем порядке. Опять же путь выбрал наискосок, пролегающий по нешироким улицам

мимо исторических зданий и сооружений. Ямщицкую же песню, несколько неверно в словах и фальшиво по нотной грамоте исполняемую умеренно пьяным голосом, он услышал, проходя правой стороной улицы, что пролегла вдоль стен древнего провинциального кремля, которые и составляли левую сторону.

Солирующее пение, как оказалось, выливалось из растворенного окошка — вместе с табачным дымом из проветриваемой комнаты — двухэтажного, старой постройки дома, что, как и соседние с ним, когда-то составлял хозяйство городского монастыря. Только одно это песенное окошко светилось на фоне темного фасада. Явно под учреждением здание, в которое вела входная дверь с утопленным вовнутрь высоким крыльцом. Сбоку от двери на фасаде присутствовала скромная табличка: в рамке под стеклом на синем фоне. Сколько раз Николай проходил мимо этого дома, но все как-то ленился прочесть содержание таблички. Но сейчас, заинтригованный неуставным пением, хотя и миновал ее, но вернулся на пяток метров и прочел: «Областная станция юных техников». В самом же верху таблички более мелкими буквами значилось длинное сложносочиненное (еще не отошедший от стремительной езды на машине времени Николай Андреянович мигом вспомнил свой новодел: мухослонопревращение...) название опекающего детско-творческую станцию учреждения областной власти. Прочитать ее Николай не сумел: как раз идущий снег совсем распушился и зачастил, затеняя без того неуверенный свет фонаря с ближнего уличного столба. «А-а, да бог с ним», — подумал Николай и еще раз прошел мимо одиноко светящегося окна: задумчивая песня о нелегкой трудовой жизни работников царского наркомпочтеля* на полу-

* Наркомпочтель — Народный комиссариат почт и телеграфа; в советской системе наркоматов — предшественник Министерства связи СССР. — Прим. авт.

слове стихла. Четко и звонко с многократными пере-
ливами чокнулись несколько стаканов. Уже поднато-
ревший в инженерных буднях и праздниках, Нико-
лай усмехнулся: «Педагоги, интеллигенты, пример
должны подавать, а они вместо тонкой посуды из
граненых, как цеховые работяги, стаканов водяру
глушат!»

Пройдя веселый дом и следующий за ним, тож
двухэтажный, но со стенами из неоштукатуренного
темно-красного, как в старые времена делали, кир-
пича, с молочным магазинчиком в углу первого эта-
жа, Николай пересек Кленовый переулок с близко
расположенным в его тупике хозяйством... но уже не
бывшего монастыря, а ныне действующих областных
«компетентных органов». То ли оздоровительная
прогулка по историческому центру старинного горо-
да, а может и пахнувший на него из давешней фор-
точки запах из тех, что «хочется закусить», но
желудок молодого специалиста заворчал. Ускорил
шаг, миновал по исторической улице, бывшей Пят-
ницкой, где в революционном семнадцатом году раз-
мещался в доме с молочным магазином клуб «Земля
и Воля» губкома партии левых эсеров (интернацио-
налистов), такой же этажности бывший дом купца
Кошелева Пуда Ермилыча с керосиновой пожаро-
опасной лавкой, а после роскошнейшей усадьбы с
фасадным внутренним двором, отгороженным от тро-
туара фигурным литым забором между выступами
правого и левого флигелей, в которой сейчас распо-
лагался корпус пединститута, перебежал в неполо-
женном месте Советскую улицу и удачно сел в авто-
бус, что намного скорее трамвая довез почти к до-
машнему порогу. О «Земле и Воле» и соседнем вла-
дении купца Пуда Ермиловича он знал от однокурс-
ницы Ленки, проживавшей на втором этаже дома с
молочным магазином.

Хотя и не уикэндный день, но многие из авто-

бусных пассажиров находились под веселым, умеренным хмельком: как работяги, так и по виду из инженерной прослойки. «Утром на работу с удовольствием, вечером домой с радостью», — где-то слышал. Может из какого фильма? Самое интересное, дед Ленки, ныне здравствующий пенсионер из бухгалтерских работников, в том славном семнадцатом и проживал в гимназическом возрасте в этом доме и являлся секретарем секции учащихся губкома эсеров-интернационалистов. Правда, после революции записался в ВКП(б). Много чего любопытного о нравах их исторической улицы рассказала Ленка во время неспешных прогулок-проводов по полудню после занятий в институте и даже позже у нее дома — до возвращения с работы родителей... Но как-то и она ничего не говорила о соседнем доме с детско-юношеским учреждением: вроде дом этот есть, стоит с конца девятнадцатого века, но ничего занимательного в нем нет, мол, что-то околоцерковное там размещалось.

...На пятом курсе Ленка скоренько выскочила замуж за соседа из дома бывшего купца Кошелева — тож Кошелева и внука Пуда Ермильча. Исторический генеалогический круг замкнулся: потомки купца и эсеровского комсомольца породнились.

♦ На следующий день в курилке, плотно заполненной инженерной братией, не пожелавшей участвовать в одиннадцатичасовой физкультурной зарядке («Пушай бабы, которые помоложе, задами своими вертят, жир стряхивают, чтобы мужики ихние налево не поглядывали», — как говорил Иван Иванович, старший и опытнейший в реалиях жизни инженер заводского конструкторского бюро), Николай, выслушав свежие анекдоты о руководителях партии и правительства и из серии входившей в моду «чапаевских», в свою очередь со смехом поведал о веселой

обитатели юных техников. Некурящий, но справлявший в это время малую нужду в ряду открытых писсуаров Вовка Сеницын, однокашник Николая, с одного потока, но с другой специальности, не отвлекаясь от естественного занятия, внимательно выслушал рассказ Николая, с которым со студенческих лет необязательно прятельствовал. Но ни словом в части услышанного не обмолвился.

В обед в заводской столовой, из двух имевшихся, что ближе к корпусу конструкторского бюро, Вовка Сеницын вроде как случайно — нашел свободное место — подсел со своим подносом за столик к Николаю, уже съевшему винегрет с мелко порезанной селедочкой и васаи, что раз в пятнадцать лет дает в дальневосточных морях невиданный приплод, и подвигавшему к себе тарелку с борщом.

Вовка, в неполные двадцать пять лет своей округлостью, короткой прической «канадка» и совершенно немодными круглыми очками — молодая копия киношного бухгалтера, дождался, пока Николай утолит борщом голод, затем спросил своим характерным высоким голосом с этакой булькающей смешинкой:

— А правда не узнал вчерашнего певца... что про почтовую тройку-то?

И только сейчас, мысленно восстановив мелодику голоса в слуховой части своей памяти, Николай удивился:

— Ты что ли солировал за форточкой?

— Ну да, хо-хо-хо; вчера в *сюте* нашем богоугодном день выдачи зарплаты отмечали. Я в хоре генеральском под контр-тенора пою. Голоса не имею, как сам мог отметить еще с институтских посиделок и поездок в колхоз, но по настоянию матери исправно ходил на занятия в детскую музыкальную школу. Поэтому умею на пианино побренчать, слова и ме-

лодию многих песен знаю. За это генерал меня полагает запевалой...

— Постой, постой, о чем ты? Какой генерал в *сюте* этом, какой-то такой генеральский хор и вообще как там оказался?

— Вечно ты, Коль, торопишься, хотя бы и потомок старообрядцев и военных моряков. Опять же слушаешь невнимательно: ведь пару раз говорил между делом, что подрабатываю на станции юных техников, *сюте* то есть, а ты ноль внимания!

— Что-то помнится, но ты правильно говоришь: между делом. Но сейчас у нас с тобой нет вроде никаких дел, так расскажи с чувством, с толком, с расстановкой, а?

— Да-а, еще из старообрядцев...

— Дались тебе старообрядцы! Кстати, правильно — староверы, а по-церковному *нашему*: ревнители древлеправославного исповедания.

— Вот-вот, так однополчанин бати моего, а после войны и сослуживец (Вовкин отец служил по интендантской части, сейчас отставной полковник и по снабжению в горкомхозе начальствует — это Николай хорошо знал), тоже из *ваших*. Так когда они у нас дома собираются на праздник водки с коньяком попить и боевые подвиги повспоминать, так Степан Наканорыч всегда отца оговаривает: выпьем, мол, закусим от пуза, тогда и фронтовые будни вспомним и песни наши споем, а Вовка твой нам на пианино подыграет. Во время же питья и еды не приучен балясы точить: дед мой за трапезой за единое слово ложкой меня по лбу! А ты все за борщом и мясом с овощами (фирменное блюдо от заводского шеф-повара) говорить порываешься. Кстати, у меня к тебе и встречное предложение имеется. Так что давай после отбойного звонка зайдём в «стекляшку», что на Красногвардейской, рядом совсем, там и поговорим обстоятельно.

Посещение после окончания трудового дня «стекляшки», то есть типового кафе-закусочной со сплошь стеклянными стенами с трех сторон зала со столиками, с лирическим названием «Ромашка», все расставило по своим местам — в части недоуменных вопросов Николая. И встречное предложение Вовки Синецына было принято: уже на следующей неделе по рекомендации Вовки, еще со второго курса института ведущего в сюте на половинной ставке кружок выпиливания лобзиком и деревянного макетирования (сам это название придумал), а в школьные годы активиста-кружковца сюта, Николай был принят полуставочником на руководство кружком ракетно-космического моделирования. Наименование это они сочинили сами, а директор станции, заглаза именуемый генералом (впрочем, тот не возражал и против очного поименования), одобрил.

◆Николаю и в страшном сне не приснилось бы, что он станет детским педагогом, да еще по части технического творчества, если бы, коротая вечерок в стекляшке «Ромашка», Вовка Синецын своим рассказом о сюте не возбудил в нем чрезвычайного любопытства. Известно, что во всякой любви первостепенно присутствует эгоизм, зато любопытство почти всегда бескорыстно. Это к тому, что ставка руководителя кружка в этом богоугодном заведении составляла сиротские семьдесят пять рублей, а уж в половине ее даже молодой специалист особой корысти не видел. Опять же давно ставшее притчей по языщех, что женское любопытство по своему содержанию является игровым времяпрепровождением, а мужское есть простейшая, не требующая напряжения мысли, форма познания...

И чем дальше рассказывал Вовка под скромный ординарный портвешок, что подавали в стекляшке под вкуснейшие, с пылу-жару сосиски, запеченные в

тесте, о чудесных порядках и нравах диковинного учреждения, что располагалось напротив средневекового кремля, в трехстах метрах от областной «конторы», через пару небольших домиков от светоча педагогической мысли — корпуса пединститута, а со стороны двора и вовсе вблизи от облоно и облисполкома (только что до обкома нашей партии следовало проехать по проспекту на автобусе или троллейбусе пару остановок), тем в больший восторг приходил Николай. Даже присовокупил к опустевшей портвейновой, *партейной*, как народ говорит, бутылке две сотни болгарского коньяка «плиски», дороговатого с нарпитовской наценкой для начинающих инженеров — за счет угощающей стороны, что хозяйственно скуповатый Вовка положительно одобрил. Получив принципиальное согласие приятеля занять вакантную должность («Генерал сам просил меня подыскать надежного парня,— пояснил Вовка,— чтобы эту полуставку при бухгалтерской ревизии от наробраза не ликвидировали»), Вовка перешел к конкретике.

— Учреждение *наше*, да-да, теперь не только мое, но и твое! есть сплошная фикция. И возглавляет ее фигура уникальная. Причем настолько фантастическая, что даже батя мой, всех чертей до их подноготной в городе знающий, только головой крутит и руки разводит, когда речь о генерале заходит. Я как-то одному полужнакомому корреспонденту — из молодых, начинающих — нашего областного «Юного ленинца» о нем рассказал, так тот, все собирающийся в Литературный институт поступать, аж подпрыгнул на ровном месте: я, мол, о нем если не роман, но повестуху листов на десять авторских напишу!

— Написал?

— Нет, к сожалению, попался на фарцовке ико-

нами. Хорошо в родне прокурорские имелись, отделился парой лет «химии». Скоро выйдет. Может и напишет, хотя ему жизнь надо заново выстраивать, не до того пока.

— Так все же директор тво... в смысле, наш с тобой вскорости, взаправду что-ли генерал?

— Его самоличная версии такая: после пехотного военного училища служил в НКВД. Действительно, показывал мне раз в сильном подпитии удостоверение, подписанное самим Менжинским. По причине ветхости книжицы («Тридцать лет в нагрудном кармане кителя, с такой подписью! вместе с партбилетом носил» — с гордостью сказал тогда генерал) начальные должность и звание не рассмотрел: что-то о старшем уполномоченном. В войну, по его словам, что-то и где-то защищал, а в конце сороковых получил большую звезду на погоны с «зигзагами», как у них по форме полагалось, на Лубянке кабинет и три комнаты с подчиненными в званиях от капитанов до полковников имел. После смерти Вождя, расстрела Берии и хрущевской образцово-показательной чистки «лубяных рядов» едва под трибунал за прежние грехи не попал. Отделался списанием в штафирки без пенсии (сейчас обычную гражданскую оформил) и высылкой из столицы, чтобы никому глаза не мозолил: ни уцелевшему на Лубянке начальству, ни обиженным им (или ими?) гражданам с громкими именами. Словом, за сто первый километр на выбор. Выбрал наш город, откуда родом и малолетством был. Поскольку народный девиз насчет суммы и тюрьмы и голубым погонам не чужд, то для прокорма и протезировали ему сиротскую должность директора сюта, которую генерал и справляет уже без малого два десятка лет. Трогать его, старого лесу кочергу, никто не хочет: во-первых, место крайне неprestижное и малоденжное, словом, пенсионное;

во-вторых, с приходом во власть Леонида Ильича всякие обсуждения в прессе и на радио-телевидении культа личности как-то быстренько занулились, а с ними и детей непослушных на ночь глядя перестали родители энкавэдешниками в голубых погонах пугать. А ведь бывших чекистов не бывает? — Так размышляли чуткие насчет «носу по ветру» городские и областные руководители наробраза, оставляя под сукном даже прямые доносы на сютковского генерала, «занимающегося злостным очковтирательством, полностью развалившего детское техническое творчество, превратившего вверенное ему внешкольное образовательное учреждение в свою вотчину, набравшего на должности руководителей кружков родственников и педагогов с сомнительными репутациями, с которыми все рабочее время пьянствует, имеет секретаршей похожую на цыганку женщину...» и так далее...

— Так в чем твоя, а теперь, значит, и моя работа состоит? — прервал разговорившегося после «плиски» приятеля Николай.

— Работы, как таковой, хо-хо-хо, и не будет: одно квалифицированное очковтирательство, но — с полной серьезностью мины лица. Впрочем, как оформим тебя, я и введу в курс дела. Да, вот еще что, единственный вид творчества, правда, не детского, за которым генерал строго следит — это хор сотрудников, что по табельным дням, то есть вечером, после получения зарплаты, по субботним уикэндам и предпраздничным дням поет песни за столом в директорском кабинете... ну-у, это ты вчера со стороны улицы слышал. Все роли в хоре строго расписаны. Я, как уже говорил, под контр-тенора козлетоном пою и запевалой подсказываю остальным слова народных песен. Ты, как помню по поездкам в колхоз, хотя и нетвердо эти слова знаешь, но после

пятой-шестой стопок замечательно басом с нарочитой густотой тянешь. А у нас в хоре как раз на баса никто не тянет. Баритон и тот сомнительный. Значит две вакансии в сюте сразу закроешь: руководителя кружка по ракетному моделированию и врио Шаляпина в генеральском хоре. Допиваем и — по домам. В понедельник зайду на станцию и с генералом насчет тебя поговорю. За тебя и нас с тобой!

♦ В среду следующей недели после работы Вовка Синицын повел приятеля на смотрины. Еще накануне он порекомендовал Николаю запастись проставкой: «Генерал пьет только водку. Может согласиться на коньяк, но это будет выглядеть вызывающим: не по нашим зарплатам. На закуску уважает сало с мясной прослойкой. Можно и копченую грудинку. Колбасу — навроде полтавской или краковской. Хлеб — свежий рижский. Утром захвати все это с собой, сдай в заводскую камеру хранения».

Вечер вторника Николай посвятил сбору проставки. Полкило сала нужной кондиции взял из домашних запасов, круг же краковской купил в попутном продуктовом кооперативном — дорого, но в обычные гастрономы если колбасу и завозят, то только вареную и с двухчасовыми очередями. Все же решив соригинальничать перед генералом, вместо «столичной» или «экстры» купить новинку. В прошлом году, к осени, молдавский винпром, памятуя, что молдаване есть народ романской группы, почти родственники французам, освоил производство сорокаградусных «кальвадоса» и его национального варианта «бельцанки». В стахановском темпе организовав выбраживание яблок и выгонку из полученной бражки яблочной же водки, молдвинпром к началу текущего года завалил новинкой прилавки всей страны. Бутылку такого кальвадоса с французским пронон-

сом он и взял. На случай добавки и четвертинку обычной водки прикупил.

...По дороге Вовка кратко, по толково объяснил специфику заведения:

— В действительности работают только два кружка для девчонок: мягкой игрушки и модного сейчас вязания макраме. Ими и отчитываются на всяких городских выставках и слетах юных талантов. Ведут эти кружки две женщины среднего возраста, когда-то учительствовавшие в начальных классах, а теперь пристроились в спокойном месте. Понятно дело, работают за свою скромную зарплату, где-то еще подрабатывают; приходят, занимаются с девочками знакомых родительниц по часам и уходят. Как тени, с остальным веселым коллективом не общаются. А коллектив этот состоит из пары школьных учителей труда — им законом можно совмещать на полную ставку, двух непонятных прохиндеев по виду и поведению, один числится завхозом, другой аж организатором кружковой работы. Еще имеется дальний родственник генерала — за ним числится кружок токарно-фрезерного дела. Кличка — Племянник. Время от времени в дни выдачи зарплаты появляются пьяные Юрок и пожилой Виктор Степанович — у них какие-то таинственные отношения с генералом. Я не вникал, да и тебе не советую. ...И мы с тобой теперь на пару!

— Но все же этот коллектив что-то должен делать? Хотя бы для отчетности, комиссий каких-либо?

— Вот отчетностью и занимаются. И ты займешься. Главный документ — журнал со списком кружковцев; у нас они условно мальчиками именуются. Так сказать, мертвые души. Хотя где-то и существуют. Мне их ФИО знакомый учитель из школы дает. С тобой поделюсь для журнала. И, ко-

нечно, раз в месяц в этом журнале будешь отмечать посещаемость и темы занятий. Рабочими днями определим тебе понедельник, среду и субботу — как положено полуставочнику.

Да, чуть не забыл главное: в день получки, перед застольем, все, кроме женщин, конечно, поочередно заходят к генералу и отдают пошину: кто пять, а кто и десять рублей. С тебя, как новобранца, червонец. И когда будешь отдавать, то точно десять рублей из кармана вынимай, а не все что получил: генерал тотчас еще сверх пятерку выхватит! А всякие комиссии, проверки и прочее — в голову не бери. Это дело генерала, дипломатическое. Не зря же наше богоугодное заведение в годовых отчетах по внешкольному воспитанию ниже третьей строки не занимает! На сабантуях один генерал ораторствует: слушай с пониманием, не встревай, даже когда начнет рассказывать, как он во время войны входит в ресторан (?), ему там генералы козыряют, а на улице полубатальон личной охраны все окрестные улицы перекрывает. Или про охочих баб, которые ему и сейчас по сторублевке за свидание накоротке отчитывают... Ну вот и пришли.

С осанистым хозяином заведения, смахивающим на парторга крупного завода, Николай разговаривал почтительно, с пониманием. Закуску тот одобрил, но поначалу возмутился видом напитка бледно-красного цвета: «Да не пью я всякие вина эти! Однажды ими отравился... когда девять бутылок* выпил...». И только цифра 40 % об. на этикетке его успокоила.

* Почему-то сакральное число «девять», когда речь заходит о происшествиях в пьяном виде. У нас в Литинституте в разговорах о трагической гибели очень известного в то время драматурга, утонувшего в сибирской реке, тоже фигурировали девять бутылок портвейна, выпитого им перед купанием... - Прим. авт.

* * *

В тот поздний уже вечер немногие прохожие по улице, супротивной кремлевским стенам, с удивлением слышали из форточки дома с единственным светящимся окном песню про одинокий дуб-бедняжку, что стоит среди долины ровная, мощно выводимую густым молодым басом.

НОВЕЛЛА 9. «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ», ИЛИ БЮДЖЕТНЕНЬКИЕ СОСИСКИ «БАВАРУШКИ»

— Владимир!..— шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели...

Новый, ужасный брак был свершен! ...Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей.

— А что, душенька, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? — сказал он, потрепав жену по щеке.

Ф. М. Достоевский «Бедные люди»

Что хочешь, говорю, Фома, все для тебя сделаю. Вот ты велел мне сбрить бакенбарды, потому что в них мало патриотизма,— я сбрил, поморщился, а сбрил.

Ф. М. Достоевский

«Село Степанчиково и его обитатели»

◆ Резкий, казенный по интонации звонок домашнего телефона, от которого люди уже и отвыкать начали со своими мяукающими, поющими и клавишно стучащими смартфонами, внезапно возвратил Николая Андреяновича из путешествия на личной машине времени в восторженно-авантюрные годы ранней молодости в нынешние будни-непонятки. Это когда суконно-цинковое администрирование, почище Николая Палкина эпохи, как-то гибридно сочетается с откровенно издевательской дурашливостью. Навроде рекламных бюджетненьких сосисок «Баварушки». Последние — скрытый плевок в душу народа. Навроде того придурка из девяностых годов, которого до сих пор эсэмэшники поминают: дескать, зачем наши деды-прадеды немцам сразу не сдались? — теперь бы попивали от пуза баварское пиво... А бюд-

жетненькие? — бюджетно, значит дешево, то есть и бюджет у нашего государства такой нищенский. Расширительно же: бюджетненькая жизнь, бюджетненькие мысли... Но как это на злобу дня!

Ранневечерний сон, совмещенный с путешествием в страну развитого социализма (реального — заметим), был короток: сумерки только разворачивали свои темно-синие крылья. Взял трубку и услышал хорошо знакомый голос своего давнего знакомого и приятеля Андрея Матвеевича Бурцева, главного редактора провинциального литературного журнала «Срединная Россия».

— Слушай, Андреяныч, извини за вечернее беспокойство, но у меня докука как раз по твоей специальности. Выручай!

— Давай, Матвейч, без долгих предисловий. Не потенциальному меценату на издание своего журнала звонишь, ха-ха-ха!

— Твоими бы устами да мед пить. Это я про мифических меценатов, они же спонсоры на нынешнем американо-нижегородском. Словом, редактируя сейчас для журнала статью некоего чудака: что-то насчет величайшей аферы прошлого века — о полетах америкосов на Луну. И закавыка у меня: пишет автор о Вернере фон Брауне, создателе ракеты «Сатурн-V», на которой вроде как и летали, а начинает с его работы на фюрера. И именует ракету «Фау-2» стратегической. Я-то гуманитарий, но сомнение возникло. Что ты скажешь, матерый ракетчик?

— А скажу, что твой чудака забыл принцип: не умеешь, не берись. Так что правь смело: эта «фау» по принятой классификации относится к ракетам оперативно-тактическим.

— Все, дорогой доцент, спасибо. Что такой веселый в голосе?

— Да вот на личной машине времени съездил в золотые советские семидесятые годы и посетил стан-

цию юных техников. Помнишь, как-то тебе и Васильевичу в «Наливай-ке» рассказывал?

— Ха-ха-ха, про генерала? Как же, уникальный персонаж. Значит, работает успешно машина-то времени имени профессора Скородумова?

— Замечательно функционирует, говоря *нашим* инженерным языком.

— Ладно, спасибо за разъяснение насчет ракеты. Отбой! Надеюсь на скорую встречу в не менее веселом, чем твой *сют*, заведении с гордым названием «Наливай-ка!»

♦ «Мир посетить в минуты роковые»*, — на некий романсовый мотив напевал Андрей Матвеевич, завершая после звонка Николаю Андреяновичу правку материала о Вернере фон Брауне и его ракетах. Мрачные же эти строки любимого поэта-философа вызвало окончание статьи: чудаковатый, но пронизательный автор предрекал, что нынешний ракетный гений Илон Маск с его сумасбродностью таких дел натворит, что прямолинейный немец фон Браун юным пионером-ленинцем по сравнению с ним окажется.

В отличии от приятеля Николая Андреяновича, Бурцев, не обращая внимания (назови хоть горшком, только в печь не ставь!) на беспрестанно сыпавшиеся из всего говорящего и показывающего в этот день доселе чисто технические словечки *генерация* и *локация*, посмотрел телевизионные местные вести. Все же привычка журналиста! Хотя бы и вдумчивого писателя. Тем более следует быть в курсе жизни родного города. Даже если они в официозе умело повернуты с ног на голову. Но и посмеяться, развеяться можно. Выслушал выступление, что-то навроде репортажного блиц-интервью телекорреспондентши с

* Измененная Максимилианом Волошиным в его программном стихотворении «Дом поэта» строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон». — Прим. авт.

пухловатым молодым не то мелким чиновником, а может по депутатской или какой общественной линии? Ловкач этот, из молодых да ранних, судя по мордастому лицу и по паскудненькой улыбочке, с азартом рассказывал об организации общепольного общественного движения — проекта «Моя открыточка города» с целью «развеять унылость и тоску городских окраин, однообразно застроенных большевиками серыми пятиэтажками», как определил мордастый назначение таковой акции с солидным (для распила?) бюджетным финансированием. То есть предлагалось в окраинных, рабочих и «спальных» кварталах периодически, раз в неделю-другую, «организовать раздачу промоутерами-активистами местному населению веселых открыток с пристойным юмором, а в перспективе разрешить молодым художникам (здесь интервьюируемый произнес непонятное Бурцеву импортное словечко) расписывать открыточными сюжетами торцевые стены пятиэтажек-хрущевок».

С интересом начинающего препаратора, рассматривающего содержание вспоротой лягушки, Андрей Матвеевич ожидал продолжения психиатрического интервью, но его прервала реклама бюджетненьких сосисок «Баварушки»... но здесь, закончив дела на кухне, вошла в гостиную супруга и молча переключила местные вести на любимый канал сериалов-мелодрам. Не огорчившись, наш писатель и редактор вышел на балкон покурить в свежей теплоте майских сумерек.

Сидя в ветхом креслице, вынесенном с наступлением весны на принципиально незастекленный балкон, Андрей Матвеевич не менее осознанно (забыв, что принципиальным на голову кирпич падает!) нарушал недавно принятый облдумой закон о запрете курения на балконах. И мысли его произвольно склонялись к соотнесению только что виденного на

экране телятника мордастого открыточника и краткого сообщения друга Андреяныча о путешествии на машине времени в сладостные времена наивного разгильдяйства, что и есть лучший отдых души и тела человека. Тем более, занятого конкретным серьезным делом. Тем же инженерным в военпроме, как у молодого Николая Андреяновича. И сам он в те годы не баклуши бил. Но ведь и отдыхал же в этом самом наивном разгильдяйстве?

Но вот как связать нынешнего открыточника со станцией юных техников времен их с Андреянычем ранней молодости? И вспомнились, вроде как ни к чему? строки дремучего древнего поэта елизаветинских времен Василия Кирилловича Тредиаковского, автора достопамятной в русской поэзии поэмы «Езда в* остров любви», которые в студенческие годы учебы в пединституте, дабы поразить воображение понравившейся ему девушки Саши с филологического, он зазубрил:

*Желает человек блаженства непреложно.
Ему — высокий чин, и сила там, и честь;
Тот счастье себе в богатстве чая ложно,
Приумножает все, обилие что есть.*

Саша сказала «мило», но тотчас перевела разговор на животрепещущую тему: в городе, недалеко от их «педа», открыли новый ресторан «Отдых», в котором «...уже почти все наши девочки из группы побывали со своими парнями; вот любопытно было бы посмотреть: а правда, что там официантами одни мужчины?..» В «Отдых» Андрей, тогда без Матвеевича, подругу сводил после ближайшего получения стипендии, а «милый» стих с неловкой рифмой начальной русской поэзии силлабо-тонического стихо-

* Не «на остров», а именно архаично «в остров». — Прим. авт.

сложения так отпечатался в молодой, незагруженной памяти (опять же тот день чтения стихов был для них первым овеществлением вспыхнувшей страсти, что заставило помнить до единого слова все сопутствующее...), что и сейчас посреди ночи разбуди — процитирует. Если, конечно, накануне не посетил основательно с приятелем Андреянычем и профессором Скородумовым заведение «Наливай-ка!»

Связав же воедино нынешнего ловкача-открыточника, воспоминания Николая Андреяновича о «работе» на генеральской юнно-технической станции и свои собственные с поэмой «Езда в остров любви» родоначальника русской поэзии Тредиаковского, который с Ломоносовым оспаривал этот почетный титул, Андрей Матвеевич заулыбался и защелкал против часовой стрелки ручкой верньера личной машины времени.

♦ Андрей Бурцев третий год после окончания местного пединститута трудился в школе учителем истории в шестых и седьмых классах. На весенних каникулах почувствовал полную свободу: в школу поутру собираться не надо, а жена, тоже учительница, уехала на неделю в соседний областной город погостить у тетки, сестры матери, где компанию ей составила двоюродная сестра, одноклассница, с которой росли вместе и даже в школе за одной партой все десять лет сидели. А в этот соседний город перевели по служебной линии ее отца. Так что не то на неделю, а было бы время и намного побольше нашлось у кузин чем заняться, в основном языками: обе недавно замужем. Обе и училки, а воспоминания детства и школьных лет вообще тема неисчерпаемая. Потому и Андрея не уговаривала поехать с ней, лишь для вежливой проформы пригласила: дескать, только со скучной миной будет мешаться под ногами...

Тесть с тещей — проживали они с ними — днями на работе, вечером у телевизора. К тому же

прекрасно понимали: зятя еще налево не тянет, с женой молодая страсть не унялась, поэтому пусть парень, вежливо-почтительный и благонамеренный, сам недельку расслабится, отдохнет. А тесть, добродушный флегматик с умеренным брюшком, хитроватый подкаблучник, хотя и воевал, орден и медали боевые имеет, порой подмигивал зятю, рекомендовал, пользуясь свободой, слегка расслабиться с друзьями-приятелями: «Главное, Андрюха, тещу не серди, возвращайся домой не позже чем через час после «Спокойной ночи, малыши», а если с мальчишника-сабантуя идешь, то для запаха карамельку пожуй и от позднего ужина не отказывайся! Бабы этим самым поздним проверяют: сильно пьян или умеренно, если ест с аппетитом».

На третий день каникул и второй после отъезда молодой супруги Андрея еще с утра по телефону позвали на именины, в смысле день рождения, однокашника, бывшего старостой их группы все годы учебы. Собирались в три пополудни у новорожденного... а там как получится по нижегородскому обычаю — с переменой мест празднования. Пару часов провел в школе; каникулы-то для учащихся, а их всех умеренно мурыжат; то бабенка из роно набегит с глупыми вопросами, напирая на слово *методика*, пристанет (а сама стреляет глазками, видно мужика себе приискивает), или директриса, когда в плохом настроении — муженек у нее порой сильно зашибает, начинает у молодых учителей успеваемостью подопечных интересоваться. Но сегодня Андрей стоящим делом занимался: делал ревизию наглядному материалу по своему предмету, то есть подновлял плакаты с историческими таблицами и датами, изображениями свирепых рыцарей и ликов геройских русских князей. Взяв ремонтный материал у трудовика Степана Савельича, заменял треснувшие плакатные планки, обновлял бечевки, подклеивал на-

дорванные края. Работа, когда она в удовольствие, всегда найдется. Ирина-музыкалка, то есть учительница пения в младших классах, ранее стремившаяся окрутить видного парня, только окончившего *пед*, прослышав о временном холостяковании Андрея, зашла в кабинет истории, для проверки повертела с пяток минут бердами в короткой юбочке (ведь каникулы, можно и не в официальной униформе появляться в школе!), разочарованно махнула рукой и вышла, необиженно напевая «парней так много холостых...». Андрей на нее и внимания не потратил: начало третьего, пора шабашить.

Дома у старосты, именно *дома*, а не в квартире, ибо жил Виталий в родительском частном почти что особняке — отец главный инженер крупного завода, собрались с десятков одноклассников, кандидатка в супруги имениннику, пара друзей детства и юности с их «частной» улицы. А четверть часа спустя после разгонного тоста пришла, извинившись за опоздание, не очень дальняя, но и не ближняя то ли родственница, а может и свойственница Виталия, на несколько лет постарше его, а значит и всех собравшихся, хорошо всеми знаемая Наталья Молчанова. Она, выпускница философского факультета МГУ, работала по своей специальности в пединституте. На втором курсе, когда проходят философию, Наталье по ее молодости и еще отсутствию ученой степени лекций читать не доверяли, но практические занятия и семинары она у их группы вела. По причине незлобивого характера, приобретенного за годы учебы столичного либерализма, а главное родства со старостой, держала себя со студентами на равных. Теперь же и вовсе на *ты* общалась. Намеревавшую связать себя семейными узами только после защиты кандидатской диссертации, Наталью охотно зазывал Виталий к своим гостеприимным родителям на домашние празднества. И доселе Андрей пару раз встречался с

бывшей преподавательницей-ассистенткой, бывая у Виталия, с которым приятельствовал и после окончания пединститута.

После третьего тоста Наталья, сидевшая рядом с Андреем, поинтересовалась его работой в школе, семейными делами, продолжает ли свои литературные занятия (на истфаке он был редактором факультетской стенгазеты и по мелочи печатался в институтской многотиражке «За педагогические кадры»), не раздражает ли устоявшаяся монотонная жизнь? Тот вроде как в вежливую шутку отвечал, мол, монотонность иногда и замечается, но вот выручают дружеские общения навряд ли сегодняшнего. Но Наталья явно имела некую цель, затеявая разговор «с уклоном». Долго не томила:

— Знаешь, в тебе чувствуется этакая литераторская жилка, а для будущего писателя ли, журналиста самое главное, если и не основное, кроме таланта конечно, — смолodu узнать все стороны реальной жизни, набраться этого самого жизненного опыта, все позитивные и негативные тоже стороны бытия изучить. Работа в школе много, конечно, дает в этом плане, но несколько однобоко. Я это к тому говорю, что буквально на днях, явно по «спущенной сверху» директиве, при нашем обкоме комсомола постановили организовать совет молодых ученых и специалистов. Уже оргкомитет собрался, меня от института, дескать, ты молодая и энергичная, опять же для защиты диссертации прямая польза выйдет, туда двинули. А в оргкомитете и вовсе назначили руководителем секции идейно-политического воспитания! Ни много, ни мало — говорят, ты философ, вот тебе и карты в руки. Понимаю твой скепсис по части комсомола, но там другой мир изнутри, что закрыт от внешнего взгляда, увидишь. Словом, давай в мою секцию заместителем. Ведь это почти что внештатный член обкома... Ну-у, по меньшей мере внештатный инст-

руктор. Очень даже и в школьной твоей карьере поможет. Соглашайся! Общественники зарплаты не получают, потому и спроса с тебя не будет, а *gonoris causa** несомненна. И не только *gonoris*, но и какие-то льготы полагаются, летний лагерь на Оке для комсомольского актива. Опять же не забывай — комсомол, начиная с уровня обкома, серьезная государственная сила! Все в жизни пригодится, а в сочинительстве тем более...

Почувствовав по рассеянному блужданию глаз собеседника, что тот явно — даже не в трех рюмках дело — не может ухватить суть предложения, главное — почему именно на него пал выбор? Наталья высказалась конкретнее.

— Мы все тут не первый день и не первый год знакомы, опять же с Виталькой, твоим приятелем, мы с детства вместе росли... Это к тому, что я не карьеристка, даже и не помышляю по всяким ступеням комсомольско-партийным карабкаться. А здесь сошлось все кстати: любопытно тот самый мир, о котором только что говоришь, изнури посмотреть, а заодно и о своем каком-никаком росте должностном в институте позаботиться. Понимаешь ведь, что кафедра наша философская по определению относится к партийно-политическим... кстати, на название секции, надеюсь, *нашей* с тобой, что-де она по части идейно-политического воспитания, особо не заостряйся. Может и не совсем удачно ее так второпях поименовали, но смысл прозрачен и конкретен: это где-то посредине между *твоей* историей и *моей* философией, но в приложении к конкретике нашей жизни, в которой, как бы кто не усмехался диссидентски, идеи советизма и социализма-коммунизма делают свое творческое дело. Получится — не получится, но мировое болото крепко встряхнули. Вроде

* Почести для (лат.).— Прим. авт.

так что-то персонаж «Поднятой целины» говорил? Если не ошибаюсь?

А почему тебя «за советскую власть агитирую»? — Уже говорила, что пригодится — и немало! — если серьезно за литературу возьмешься. И свой интерес имею: всякий коллектив, тем более в лице заместителя, его руководитель собирает из людей не то что знакомых, хотя и это свою положительную сторону имеет, но... как бы это логически четко сказать? — да, именно так: из людей, схожих по мировоззрению, как бы напыщенно это не звучало, которые тебя ничем не огорчат, и которых ты не возымеешь желания обидеть недоверием.

Колеблющийся в выборе правильного решения человек подобен тополиной пушинке, оторвавшейся от материнской ветки: достаточно легкого ветерка, чтобы ее понесло в нужном (ей ли?) направлении. Так и здесь случилось: дунул ветерок в сторону реки Оки. Удивительно, но коренной житель этих мест, области, с запада и севера обтекаемой самой русской из рек, Андрей так ни разу и не побывал на ее берегах. А тут целиковый лагерь комсомольских активистов замаячил на горизонте? Поблагодарил расцветшую от удовольствия правильно сделанного выбора Наталью за доверие и согласился.

♦ Через пару недель по звонку Натальи Андрей явился в комсомольский обком, что размещался в дворе флигеле обкома же партии на проспекте Ленина. Для этого ему потребовалось перенести свои уроки. Обычно хлопотное это дело, ведь здесь затрагиваются интересы других учителей, тем более капризных по всякому делу учительниц, на сей раз решилось удивительно просто, как только он изложил директрисе суть дела и пышно представился «заместителем руководителя секции идейно-политического воспитания совета молодых ученых и специалистов обкома комсомола» — для солидности

опустив предлог *при* перед обкомом. Матерая, как и все школьные директорши во все времена, Светлана Евгеньевна с полминуты смотрела на Андрея немигающими прозрачными глазами, как-то с новой стороны открывая для себя молодого учителя, доселе ни с какой стороны себя не выделявшего из коллектива. «Хорошо, Андрей Матвеевич, дело серьезное и полезное. Идите. Я сама с Мариной Михайловной (это завуч школьный) решу вопрос с переносом.

В небольшом, для внутренних деловых заседаний, зале собрались десятка два человек. Как сказала Наталья, — это расширенный актив, в основном руководство секций и уже определившиеся члены их. «Всего планируется привлечь порядка полусотни-шестидесяти человек по всем секциям», — полупешотом, наклонившись к уху Андрея, пояснила Наталья, пока народ, в возрасте до предела комсомольского, наполнял комнату, рассаживался, рассматривал друг друга, кто-то и отдаленных знакомых находил, шумно и радостно приветствовал. А Наталья продолжала вводить своего зама и подопечного в курс дела: «По научным, техническим и производственным секциям их будут наполнять председателями первичек, то есть советов молодых ученых и специалистов на предприятиях и в организациях. Для нашей же специфики, думаю, поступим так: двух я уже наметила из нашего института, одну с философии и грамотного парня с *твоего* исторического, ты его не знаешь. Еще пару прощупываю в политехе на общественных кафедрах. Ты же для утвержденной численности секции еще двух-трех подыщи, например, из наших выпускников, которых хорошо знаешь... а там сам смотри!»

В этот момент в боковую дверь со стороны президиумного стола вошел грузноватый, хотя по лицу всего лет тридцати пяти, уверенно держащийся обкомовец. Таковым он представился притихшему залу:

третий секретарь обкома комсомола, то есть ответственный за оргполитработу, по имени-отчеству такой-то. Как ни слабоват был Андрей в сложной психологической науке чтения характеров и образа жизни по самой что ни на есть верхоглядной внешности, но сразу сообразил по манере входа в зал к людям ему неизвестным манере держаться, фигуре и лицу, по первым словам, что обкомовец типичный «хрен со вкусом». Так его отец, много чего повидавший в жизни, оттого к ней философски-проницательно и относившийся, всего двумя словами со связкой-предлогом определял целый ворох качеств человека. Этот ворох Андрей затруднялся сам себе изъяснить в конкретных речевых терминах и определениях. Как обычно, выручало присущее ему, явно по материнской линии, рисование образа. Так и сейчас, не отрывая взгляда от представившегося залу Юрия Николаевича, он живописно изобразил в убыстренной мультипликационной калейдоскопичности знаковые кадры. Вот отчитался обкомовец, перемеживая небрежно прочитанную инструкцию, спущенную «сверху», со своими домоткаными (родом из деревенских — по складу лица и фигуры видно) вставками, по порученному скучному делу и ушел в свой кабинет, уже на пороге зала начисто освободив голову от только что сказанного. Поскольку «первый» еще с полудня ушел на «партийную половину», где будут заседать до темноты — главный в области «первый» только что вернулся из Москвы, где на Старой площади обсуждалась подготовка к ближнему пленуму ЦК КПСС, есть о чем поговорить! а «второй» по районам третий день мотается, то Юрий Николаевич, не опасаясь конфуза, наконец-то исполнил томившее его с раннего утра желание: снять остатки похмелья от вчерашних вечерних, до полуночи, посиделок парой стопок коньяка. Вошла секретарша Людочка, положила на край стола вторую за день поч-

ту, уже разобрannую ею по степени важности. Она, даже учув запашок от шефа и понимая сегодняшнее затишье в обкоме по причине отсутствия главных персон, и не пробовала крутить полушариями аппетитного задика, установленного на точеных ножках, и выставлять свой третий номер соблазнительного фасона «аэродром» в профиль и анфас: хорошо знала железное обкомовское табу, что-де не гуляй где живешь и не живи где гуляешь.

Наскоро просмотрев помеченные Людочкой красным два письма, номер их «Юного ленинца» и кое-что по текущим делам из внутренней почты, он зевнул, одобрительно посмотрев на настенные часы, маленькая, но в то же время и самая главная, стрелка которых решительно перешагнула цифру шесть. Вся прелесть такого тихого дня в обезглавленном (до его ранга, конечно!) обкоме в том, что уже сейчас можно встать из-за стола, уложить в объемистый портфель накопившиеся в кабинетном холодильнике деликатесы из столовского буфета (как основательный и расчетливый деревенский хозяин, официально положенный обкомовский «заказ» он относил домой), туда же пару бутылочек из заветного шкафчика кабинетной же «стенки» — дружественные презенты, и покинуть учреждение. Да, еще заботливый звонок из кабинета супруге: «Дорогая! Срочно командировали в район — Серега (второй секретарь) затребовал, что-то у него не выходит... да-да, с утра домой загляну, Тамарочке (дочери) не забудь вместо меня на ночь сказку прочесть. Целую, дорогулька!» — И был таков, а выходя Людочке: «Еще здесь? А ну-у марш домой, ха-ха-ха! Мне-то еще долго до родного порога: Сергей Тимофеевич просил подъехать». Людочка понимающе кивнула хорошенькой головкой. Чуть поморщился: персональная «волга» по чину не положена, только служебная на двоих с Серегой, но тот укатил на ней по районам мотать-

ся. Ничего, зашел в общий для обоих обкомов гараж и уже через пяток минут выехал на разгонных «жигулях».

...Пребывание сластолюбивого, по-крестьянски крепкого и безудержного во всех делах Юрия Николаевича с раннего вечера до раннего же утра («Солдатский подъем в шесть ноль-ноль», — пошутил он спозаранку) у своей нынешней «законной подруги», недавно разведшейся с неумехой мужем, опять же неумехой во всем, комсоргшей городского швейного объединения, «кровь с молоком» подстать нашему комсомольскому вождю, Андрей для краткости перечисления обозначил латинскими формульными словами (латынь он для самообразования учил, записавшись на юридические курсы при своем институте): *adulterium, concubinatum, ammercium sexuelle**.

Создав в голове образ третьего секретаря, Андрей дальше уже и не вдумывался в тугие по мысли и произношению слова крестьянского потомка Юрия Николаевича. В памяти его так и остался живописный маслом портрет в стиле поздних голландцев (комсоргша-швейница рисовалась если не по мотивам Рубенса или русских классиков живописи прошлого века, но и не европейской манекенщицей); да еще запомнился эпизод, когда оратор, отступив от инструктивного письма «сверху», решил разнообразить казенную инициативу наглядностью, а именно: подошел к закрепленной на стене карте области, интеллигентно, как учили в ВПШ на комсомольском отделении, взял в руку школьную указку, начал по-солдатски (пуля дура, штык молодец!) тыкать ею в кружочки на карте, обозначающие райцентры области, комментируя эти действия: «...Вот, значит, сей-

* Прелюбодеяние, внебрачное сожительство (конкубинат), половое общение (половая связь) (лат.). — Прим. авт.

час мы создаем здесь штаб совета молодых ученых и специалистов, а в него будут входить наши опорные группы в городах: вот здесь, и тут, и там. Представьте, я приблизил указку к названию города — и как бы загорелся огонек на карте, потом другой, третий — и вот вся эта карта расцвечена огоньками. Так инициатива партии и комсомольского цеха у нас в области приобретает зримые черты действующей организации, что в решениях предыдущего пленума нашей партии будет способствовать...»

Далее Андрей, плохо переносивший партийную терминологию, не вслушивался. Кстати (или нехстати?) вспомнились рассуждения Сашки Овцовского, давнего приятеля и умеренного просоветского диссидента*: «...Что бы и кто бы там не говорил, но партийные функционеры до районного, а в провинции и до областного масштабов есть люди большей частью честные и на совесть работающие на пользу страны и народа. Но вот нынешний комсомол навсегда ушел от Павки Корчагина и стал миной замедленного действия. И если суждено — не дай бог, конечно! — рухнуть советской власти под нажимом мирового империализма, то комсомольские деятели первыми ринутся в стихию частнособственности».

«Понял, Андрей, куда мы попали?» — спросила Наталья по выходу из здания комсомольского обкома. — «Понял, но до конца не осознал», — «Будь оптимистом и да воздастся тебе. Главное, подбери пару-тройку ребят», — напомнила Наталья, уже вхо-

* Диссидентство в СССР в семидесятые (золотые для советской власти) — первую половину восьмидесятых годов имело несколько оттенков; наиболее активными являлись диссиденты-западники, что в девяностые годы стали отъявленными «либералами головного мозга». Просоветские же диссиденты придерживались лозунга двадцатых годов: «Советская власть, но без коммунистов»... — Прим. авт.

дящая в роль профессиональной вузовской преподавательницы.

◆ Сбылась мечта идиота; так рассуждал Андрей, в самом начале удивительно жаркого сентября месяца наступившего учебного года, подписывая у Светланы Евгеньевны командировочное удостоверение — по отношению из обкома комсомола — на десять дней пребывания в ОШКА, то есть областной школе комсомольского актива, что в санаторно-курортной зоне на Оке. Орду комсомольских активистов привезли большим экскурсионным автобусом в вечерней темноте. Идейно-политическая секция пришла без Натальи, у нее на это время случились дела в МГУ, где она числилась на филфаке по заочной аспирантуре. Так что по старшинству званий Андрей возглавлял свой небольшой коллектив, в том числе и трех законтрактованных им давних знакомцев различного рода занятий, но явно молодых и специалистов. Еще до поездки знал Андрей по рассказам — на редких заседаниях совета — от опытных комсомольских организаторов, что школа расположена на вдающемся в Оку мысе, когда-то отделенном от берега узкой протокой, то есть условном острове. Но при бурном строительстве окрест санаториев и заводских домов отдыха протока ликвидировалась, на название острова сохранилось. «Езда в остров любви, — усмехнулся Андрей, вспомнив поэму родоначальника русской поэзии Тредиаковского, — но почему любви? Наверное, как бы сказал диссидент Сашка Овцовский, любви к партии и правительству.

Наскоро расселив новоприбывших в еще летних просторных палатках с деревянными полами, из расчета на четырех постояльцев, с приличными кроватями, тумбочками, столом в центре, не хуже гостиничного номера. Еще при высадке из автобуса объявили: по причине позднего времени на довольствие в столовой соседнего санатория, в пяти минутах ходьбы,

их поставят с завтрашнего утра, а сегодня же совмещение приятного с полезным: первое неформальное заседание, знакомство друг с другом и легкая закуска из, конечно же, захваченных вами, уважаемые коллеги, «тормозков». «Очень легкая», — со смыслом и улыбкой акцентировала рыжеволосая и фигуристая обкомовская инструкторша. Кстати, третий секретарь Юрий Николаевич, опекающий совет, тоже отсутствовал: еще не возвратился из сочинского отпуска. Уважал бархатный сезон.

Главное, оно же зимняя штаб-квартира, здание о двух этажах и совершенно парижской мансардой, хорошо знакомой Андрею по французским фильмам, куда распорядительницей было велено всем явиться через четверть часа, на первом этаже имело два поместительных зала: один с тремя рядами столов для заседаний, второй с П-образно расставленной мебелью — для «круглых столов», где и рассадили «советчиков» — уже слагался свой сленг. На нем же поименованная *великолепная семерка* обкомовцев обоего пола, как скоро выяснилось, инструкторов из различных секторов и отделов комсомольского обкома, заняли места в основании «круглого стола». Ввиду позднего времени обкомовцы ограничились прочувствованным поздравлением с началом работы совета в его сформированном составе, призвали познакомиться за дружеским ужином из привезенных запасов поочередным вставанием и кратким представлением: имя и фамилия, место работы и должность, название секции совета. Что и было исполнено в последующие полтора часа. Десертные тарелки, вилки, а главное стаканы тонкого стекла из подсобки принесли двое добровольцев под руководством давешней распорядительницы. Когда очередь дошла до Андрея, он уже чувствовал себя в приятной расслабленности тела и души, каковая наступает на новом месте даже после двухчасовой поездки на автобусе и

после двух же стаканов ординарного портвешка и еще по мелочи из более существенных напитков.

Спалось в ту ночь Андрею с тремя своими подопечными по линии идейно-политического воспитания в четвертой по счету от главного здания с французской мансардой палатке как в школьном детстве в летние каникулы в пионерлагере. А точнее, в третью смену бархатного сезона.

Опохмелившись в ларьке у ближнего санатория замечательным крепленным вином «маргаритер» из числа напитков, что не уставал осваивать и заваливать прилавки 1/6 части земной суши молдавский винпром, позавтракав «от обкома» в том же санатории, к десяти часам народ по расписанию собрался уже в заседательном зале. Поскольку на первом общем заседании (во все остальные дни, кроме последнего итогового, занятия полагались пленарными, по секциям и без контроля обкомовцев, потому и проводились по сдружившимся палаткам...) отчитывались о проделанной с момента создания совета работе руководители секций, то *врио* идейно-политической Андрей крупно оконфузился. Слабо владел таковой терминологией, нес какую-то околесицу, даже не пробуя вникать в существо произносимых слов со слабой связкой их в предложениях. Особо досаждал привязавшийся к нему прохиндейского вида комсомольский секретарь с какого-то завода: «...А вот конкретные примеры новых подходов в идейном воспитании приведите!» Выручил председательствующий обкомовский инструктор с несколько помятым лицом, торопился завершить заседание: «Достаточно, товарищ Бурцев, доработаете вопросы на пленарных заседаниях, но регламент, увы, требует перехода к выступлению руководителя следующей секции».

Остальные девять дней пребывания на «острове любви» остались в памяти Андрея возвращением в лучшие времена своего студенчества, то есть месяч-

ная поездка (курс молодого бойца) в колхоз их группы в сентябрьском начале первого курса и такой же длительности пребывание на летней историко-археологической практике в Херсонской области вблизи Скадовска на черноморском берегу напротив островка Джарылгач. Совет подобрался симметричным: половина на половину обоего, молодого и чувствующего пульс лучезарной жизни, пола. Девиз «война и колхоз все спишут» золотых семидесятых годов дополнился на острове любви пребыванием в курортной комсомольской школе. Мужские и женские палатки продуманно чередовались. Как-то и сдружение по принципу соседства наладилось у них с пятой палаткой, в которой расположились три девушки; почему-то четвертой кровати там не оказалось, — из секции промышленной индустрии с ее начальницей Верой, мощно-красивой, как мысленно окрестил ее Андрей, председательницей совета молодых и так далее с металлургического завода. Когда на второй день сдружения Андрей вошел ближе к ночи в свою палатку, то ему посоветовали свет не включать, а один из двух смешливых девичьих голосов порекомендовал пройти в соседнюю палатку: «Верочке одной, наверное, страшно».

В последнюю ночь, но уже под утро, комсомольских каникул, ужасаясь своей и Вериной страсти, Андрей пришел к сакраментальному выводу: любая новая связь — суть новый медовый месяц... здесь неделя. И она шепнула: «Закончились каникулы мимолетного счастья. В городе, если встретимся на улице или в обкоме, будем здороваться и со смыслом улыбаться!» И Андрей Матвеевич заулыбался добро и трогательно-чувствительно, развернув машину времени от блаженств острова любви своей молодости и направив ее сверхсветовой полет в свои суконно-цинковые и посконно-домотканные будни.

НОВЕЛЛА 10. МАТЬ ТЕРЕЗА НАШЕГО ОКОЛОТКА... И ОТЕЦ ТЕРЕЗИЙ

Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.

Ф. М. Достоевский
«Преступление и наказание»

Я даже думаю, что самое лучшее определение человека — это: существо на двух ногах и неблагоприятное.

Ф. М. Достоевский
«Записки из подполья»

♦ Истина, что мир очень даже тесен, зауядна и сакраментальна. А раз так, то не намного он широк и во встречах путешествиях во времени. Так и сейчас, все еще добро и трогательно-чувствительно улыбаясь после путешествия на остров любви, что по правому берегу Оки, Андрей Матвеевич поднялся с ветхого балконного креслица, прошел на кухню, достал из холодильника початую заветную бутылочку, выкушал с чувством стопку, закусил любимым супругою сыром пармезан, что бульбаши-белорусы научились делать для России в години встречах продуктовых санкций...

Выпил-то за воспоминания молодости в золотые советские годы, когда в стране вроде как «секса не было», но зато царилa самая свободная в подлунном мире любовьность и любвеобильность, в положенное время переходившие и в собственно любовь. Проще говоря, ребята тогда были здоровы телом и душой, а девушки ответны на приятные чувства, денег не

брали и сами не требовали. И все без обид и сцен: подлинное блаженство молодого тела и неиспорченной перипетиями жизненных будней души.

Опять же, вводя в организм стопку охлажденной, мысленно посвятил ее той далекой и мощно-красивой Вере... кстати, до сей поры раз-другой в год случайно встречаются они в уличной сутолоке и улыбаются друг другу со смыслом. Годы здесь ни при чем. Перебрасываются парой-тройкой слов. А когда наркомовская доза, растекшись теплом по организму, приятно освежила и строй мыслей, то припомнилось: чем-то парень из той давешней шестой палатки, из секции работников научно-исследовательских организаций, с которым тогда и словом-то единым не обменялся (какое слово, когда волею случая у них с Верой почти «собственная» палатка!), чем-то неуловимо напоминает нынешнего знакомого и приятеля профессора Скородумова? Может мерещится, как бывает в давней памяти?

И чем тот самый черт не шутит? Ведь мир-то тесен в пространстве и времени, как гласит теория относительности... Дай-ка проверю; время хотя и вечернее, но самое телефонное для пустяшных, не деловых разговоров. И позвонил профессору:

— Игорь Васильевич! Извини за неурочный звонок. Глупый вопрос тебе задам, уж не прогневайся: тебе такая аббревиатура ОШКА о чем-нибудь говорит? Это из семидесятых годов реалии.

— А как же! Довелось там побывать: меня как-то пытались затащить в некий совет молодых ученых со специалистами при комсомольском обкоме. Вот на дармовщину на неделю с лишком и съездил на Оку винца попить, с девушками о поэзии поговорить... А ты к чему интересуешься?

— Значит не померещилось. В том-то и дело, что и я там был, даже от имени идейно-политической секции выступал и оконфузился. Не помнишь такого?

— Знаешь, я кроме первого вечера общего знакомства в главный корпус и не заходил; в нашей палатке компашка развеселая образовалась. И с девушками нашей же секции, название запомнил, очень даже сдружились. Опять же удачно деньгами запаслись, «маргаритер» — помнишь это высшее достижение советского виноделия? — лился если не рекой Окой, то уж родником неиссякаемым точно. Слушай, Матвейч, как же мир-то тесен? Ведь порой и мне, когда с тобой и Андреянычем в «Наливайке» встречаемся, что-то неуловимо знакомое чудится, хотя... в *ошке* той мы с тобой не знакомились, я тогда как раз на спор с кем-то на полгода бороду отрастил... это ведь Андреяныч по своему условному старообрядчеству постоянно в ней щеголяет. Да и ты, само собой, только в абрисе того прежнего комсомолиста напоминать должен, да?

— Ага, тогда усы отрастил. Ладно, вспомним все в подробностях при встрече: как своя своих не познаша на расстоянии. Видишь ли, пришлось на машине времени вспять попутешествовать, чтобы узнать о первом условном знакомстве... нет, скорее знайстве. Было такое слово в старом русском языке. Однако, век живи, что и тебе желаю, и век удивляйся!

...Игорь Васильевич положил трубку домашнего телефона, несколько рассеянно усмехнулся: чего только в жизни этой не бывает? А что не познаша друг друга, так не удивительно: ведь с писателем Бурцевым не так уж и давно судьба их свела, и далеко не всегда в совершенно взрослом человеке разглядишь когда-то почти случайно и мимоходом увиденного молодца на середине третьего десятка жизненных лет. Но вот, не знакомя их друг с другом, судьба-таки свела их в молодые годы, а впоследствии схожими они в чем-то оказались? И сколько он помнит, а некоторых и до сих пор при случайной уличной встрече приветствует, вообще-то люди при-

личные тогда на берегу Оки собрались — даже под эгидой комсомольского обкома, функционеры которого в девяностые годы во все тяжкие мигом бросились по линии частнособственничества и карьерного роста — служить новой власти, вроде как полярной прежней. Действительно, в человеке с рождения каким-то законом природы, о котором еще у Достоевского, помнится, Раскольников говорил Порфирию Петровичу, рассуждая о людях «обыкновенных» и «необыкновенных», нечто отличительное заложено.

Согласно действенности такого закона, все люди-человеки на Земле ему подчиняются: от титанов мысли и апостолов морали и нравственности до клинических идиотов и всяческих неблагодарных тварей. Словом, от матери Терезы, хотя бы русского человека смущает ее католичество и малопонятное происхождение, до этой самой двуногой неблагодарной твари. Хотя... здесь Игорь Васильевич с воспитанной профессорской снисходительностью подобрел... конечно, дурак-то вовсе и не виноват, что мать-природа его таковым жить на свете определила! Но вот явная неблагодарность, да обычно с элементом ничем не объяснимой агрессии? — это уже следствие не рождения, генофенотипики по-ученому, но прямого воспитания... или отсутствия такового. Но к чему это многомудрый профессор Скородумов прямо от приятности телефонного разговора с писателем Бурцевым, живо всколыхнувшего его душу воспоминаниями о золотой поре ранней молодости, повел свои размышления к новокатолической святой матери Терезе, да еще в соотношении с людьми характера неблагодарного? — да потому, что вспомнил свежее, на днях имевшее место быть происшествие со своей супругой.

♦ Вернувшись с обычной утренней прогулки, сопровождаемой с заходом в магазин по хозяйственным мелким делам, в основном расхожим на день текущий продуктовым, его жена с обычным женским

словоохотливым возбуждением рассказала о неловком инциденте в их дворе — два пятиэтажных дома с подъездными дверями друг напротив друга с общим двором — с ее участием.

...Огибая торец соседнего дома, асфальтовая площадка перед которым заставлена, не хуже килек в консервной банке, машинами жильцов, чтобы выйти на дворовый тротуар, она наступила на что-то жесткое и верткое. Посмотрела под ноги: на кольцевой связке пара автомобильных ключей и блокировочный охранный брелок. Растяпа выронил их прямо у машины, едва выйдя из нее и захлопнув дверцу, поскольку ключи лежали почти под левым передним колесом. Понятно, в наше неблагодарное и вообще подозрительное время, да еще эпидемия по второму году разгон набирает, здравомыслящий человек, в смысле мужик, сплюнул бы и прошел мимо, не дотрагиваясь до находки. И ни малейшего совестного укора, что-де нехороший человек, найдя рядом с машиной ключи и охранный отмычку, тотчас угонит ее и — прощай, моя ласточка, загорюет прежний хозяин автосредства. Того гляди, запьет вчерную, работу офисного менеджера потеряет, поскандалит с молодой своей женой, а ныне кобылы эти алчные и расчетливые только за деньги, квартиру и машину замуж выходят, уйдет к более удачливому, запретив с дочуркой видеться. Еще больше запьет — месяцами, бывшая оттяпает через суд квартиру, а его выселит в комнату затхлой коммуналки подгородного поселка при станции «Подземгаз»*, население которого после закрытия поселкообразующего предпри-

* Это сейчас американцы гонят подземный газ из сланцев, но у нас это пройденный этап. В пятидесятые годы, когда еще не были освоены месторождения Таймыра и Саматлора, вся центральная Европейская Россия с огромными залежами бурого угля покрывалась такими станциями «Подземгаз», что и снабжали топливом окрестные города и веси...— Прим. авт.

ятия сплошь превратилось в воров, мелких бандитов и хронических алкоголиков... словом, через пару лет только безымянный могильный холмик на заброшенном сельском кладбище будет напоминать о бывшем... Хватит! Ишь куда понесло с несвоевременным добролюбием! Никто эту китайскую хреновину из пластмассы на четырех колесах местной отверточной сборки не угонит, даже если впридачу к ней дать комплект зимней резины и пачку дензнаков с видами города Ярославля... если же с дальневосточными новостройками, то возьмет. Но без машины. Кому охота угонять эти самые машины — и себе хлопотно, и никому они не нужны. Пресытились.

Так подумает нормальный мужик, в лучшем случае пнув в дополнение к плевку носком ботинка связку ключей. Но вот женщина русская, особенно в среднестаршем возрасте, никак не изживет в себе комплекс албанской матери Терезы, как бы ее не убеждали с утра до вечера телевизионные сериалы в обратном: твоя, мол, хата с краю и ничего ты не знаешь о современной морали и нравственности, а раз к *новациям* приучаться не хочешь, так и проходи мимо. Без тебя кому надо разберутся! — братки, *сотрудники* или *неравнодушные* граждане за вознаграждение от пострадавшего.

Так поступила и навек испорченная благодушным совковым воспитанием, ввевшимся как ржа в железо, супруга Игоря Васильевича. Она подняла ключи с принайтованной к ним сигнальной штуковиной, даже тщательно смахнула с них песчаную грязь и растерянно огляделась окрест. А вокруг ни души живой, только рядами и враскорячку одиночками машины небогатого по достатку пятиэтажного (без дурацких башенок и привратниц-консьержек в подъездах) дома: в основном пластмасса отверточной сборки и подержанный хлам заграничного перегона из прежних веселых лет. Она уже настроилась подойти к ближ-

ней подъездной двери и начать по домофону опрашивать жильцов о владельце машины с потерянными ключами, но на ее везение и нравственные мучения дверь распахнулась, вышел визуально знакомый, как все друг друга отличают по лицу в общем дворе двух четырехподъездных пятиэтажек. — И направился к одной из неподалеку поставленных машин. Что-то напевая по причине еще не испорченного дневными неурядицами теплого, недождливого утра, просигналил своим брелоком, открыл дверцу, достал ветошку и принялся хозяйственно смахивать со стекла осевшую ночную пыль.

Машина у певуна не очень-то казистая, давней паромной японской перегонки праворулевая «тойота», но ведь и не отверточная «шанхайка»! Зато цифры номера почти бластные: три семерки. Сакральное число, как бы ни преминул сказать Игорь Васильевич и привести доходчивый пример: фильмы с этим числом: «Семь самураев», голливудская «Великолепная семерка» (с будущим американским президентом) и наша «Семеро смелых» — Классика кинематографа: цифра одинаковая, но *color local* у каждого фильма свой, неподражаемый.

...Но мы отвлеклись на профессора Скородумова, а что же супруга с ее находкой?

— Послушайте, — обратилась она к владельцу подержанной «японки», — я вот здесь, у колеса этой машины, ключи с брелоком автомобильным нашла. Случайно не знаете — чья она?

— Чего ж, соседка, ты ведь из того дома? знакомое лицо, конечно, знаю: Вадька из третьего подъезда. Вот растяпа! Сейчас позвоню.

Разговорчивый весельчак достал из кармана мобильник и пару минут держал его у уха. Наконец Вадька отозвался, а супруга Скородумова еще некоторое время слушала, как звонивший пытается втолковать Вадьке суть дела.

— С ночного дежурства он, — пояснил, положив телефон обратно в карман, — плохо с утра соображает. Сейчас прибудет.

Супруга профессора, как железо той же ржой, зараженная советской стеснительностью в бытовых делах, меж тем размышляла: вот сейчас прибежит запыхавшийся от волнения Вадька, которого сначала в холод бросило от сообщения соседа из первого подъезда, что-де ключи от машины потерял (а он тотчас бросится ощупывать, выворачивать карманы — ан действительно нет ключей!), но тут же жаркое тепло счастливого осознания благополучного исхода — ключи найдены, машина в целости! — заставило щеки заполыхать румянцем. В полном восторге он из квартиры, через две ступени на третью отсчитывает подъездные пролеты со своего этажа, как неведомую пушинку распахнет с откидом массивную, железными листами, оббитую — от лихих налетчиков, упокоившихся еще в девяностые, дверь и побежит, побежит по дворовому тротуару к торцу дома, не сводя счастливых глаз со своей ласточки, на бегу же вспомнит услышанные по телефону слова Витька из первого подъезда, что ключи-то нашла женщина, проживающая в доме напротив. А вспомнив, тотчас же начнет лихорадочно перебирать в голове, подыскивать слова благодарности и предложения необходимого в таких случаях презента: само собой коробочка приличных конфет, а супругу благодетельницы бутылочку из «Красного & белого», что в доме напротив. Может и еще что прибавить?

...От таких предполагаемых мыслей Вадьки из третьего подъезда совсем неловко стало профессорской супруге.

— Все образумилось, может я пойду домой, а ключи вы передадите?

— Да что за церемонии, соседка! А вот и Вадька идет.

Действительно, из неспешно полуотворившейся двери третьего подъезда боком вытолкнулся мужик лет тридцати пяти, мордастый, ранее ее не знаемый, одетый в домашнюю спортивную китайскую дешевку, и неспешно, позевывая и почесываясь, побрел в сторону машин и ожидавших его Витька и женщины. Подошел, молча и не глядя на лицо взял ключи, хмуро и невнимательно взглянул на свою машину, кивнул Витьку, что-то неразборчиво пробормотал, развернулся и пошел в обрат.

— ...А что ты возмущаешься? — сказал Игорь Васильевич, выслушав супругу, — скажи спасибо, что не обвинили тебя в чем угодно, вплоть до попытки угона или вымогательства. Вот все сериалы идиотские смотришь, а там ведь здоровое зерно: смотрите да на ус мотайте; вроде и дикая жизнь пошла, но другой нет и не будет! Потом, сейчас эпидемия, а ты всякую дрянь с земли поднимаешь, без маски с незнакомыми людьми разговариваешь. Роспотребнадзора на вас, человеколюбцев, нет!

♦ Разумеется, огорчительными этими словами, с изрядной долей профессорской назидательности, Игорь Васильевич всего лишь по принципу «клин клином вышибают» добродушно увещевал супругу в части бдительности, без которой нынче даже с самыми добрыми и благонравными намерениями можно попасть впросак: не то что с оргвыводами, как когда-то в забываемые времена говорили, но и с самыми реальными неприятностями. И на законы особо уповать не следует; нынешняя юстиция перешла на ветхозаветное правило: не закон для человека, но человек для закона. Последнее, сложное для восприятия алогичным женским разумом, Игорь Васильевич растолковал житейским примером:

— Вот взять самый обычный винегрет, что человек съедает перед супом, одновременно закусывая им обеденную рюмку водки. Как и все диетические

блюда, винегрет придумали немцы. И закон в этой части таков: винегрет обязательно должен содержать мелко порезанную малосольную селедочку бочкового, но ни в коем случае не пряного! посола. И такой законный винегрет для человека служит укреплению его организма. Но вот, если, как ты, благоверная, порой грешишь, забывая эту селедочку добавлять, дескать, и так с голоду и обеденной рюмки схавает за милую душу, то это уже *человек для закона*: хочи с селедкой винегрет сделаю, а проще и без нее обойтись. Это как у ветхозаветных иудеев: человек для субботы и — нишкни! Нравится тебе ничего по субботам не делать или не нравится, но — ты для субботы, то есть для закона.

...Вспомнив сейчас же за приятным телефонным разговором с писателем Бурцевым давешнее приключение супруги, Игорь Васильевич с досадой подумал, что и сам тем же *миром* мазан: не раз и не два в жизни своей попадал в неловкие положения из-за воспитанной интеллигентской благорасположенности к людям. Если рыбак рыбака видит издалека, а дурак дурака не обидит, то над человеком душеполезного нрава и поведения только ленивый не поизгаляется. Отчего несправедливость такая? И в минуты тягостных раздумий, говоря тургеневскими словами, пришел еще в молодые годы Игорь Васильевич к внешне неожиданному, но в правоте своей и к ожидаемому выводу: человек есть существо социальное, коллективное, даже в периоды полного господства частнособственничества. А раз так, то инстинктивно не терпит кого-либо или чего-либо, выделяющегося из среднестатистического, усредненного в коллективе поведения, нрава или содержания головы, что и нашло свое отражение в фольклоре: выше головы не прыгнешь, всяк сверчок знай свой шесток, лучше синица в руках, чем журавль в небе. И не только не терпит наш добрый рядовой человек выскочек, но норовит подкузьмить такового, подножку подставить

и откровенно поиздеваться. А раз так, то выходит, что добросердечные люди у нас в редкость, портят выражение морды лица коллективного и подлежат всяческому неуставному (ибо в уставе-то писанном добронравие всячески приветствуется!) порицанию.

Вот и случай с супругой все о том же свидетельствует. Но как ее порицать за неуместную доброту душевную, если сам... Но ведь простое воспоминание даже самых характерных происшествий лишает их пестрой расцветки и тонкости душевных переживаний, надежд и огорчений. И непроизвольно нащупал профессор Скородумов ручку верньера личной машины времени. Только путешествие в обратное время возвращает эти расцветки и тонкости.

♦ Уже несколько лет как не молодой специалист Игорь Скородумов, но еще и не заматеревший инженер. В пятничный вечер, предвкушая два выходных дня, как и обещал заранее — и жену предупредил, что вернется домой поздно, — прямо от своей служебной проходной на девятом номере трамвая через весь раскидистый город поехал на косолученскую окраину к родителям: накануне прибыл отслуживший срочную в оренбургских степях, на полигоне около Капустина Яра, младший брат. Семейное торжество. Рассчитывал за час-полтора до полуночи распрощаться и двинуть в обратную сторону, в смысле не к «проходной заводской», но до центра все на том же девятом номере, а далее вверх по проспекту на троллейбусе в свою сторону, но... человек полагает, а бог располагает. Частный дом родительский, как и вообще любой отдельный дом с садом-огородом, не казенная квартира, и располагает сам собой и своей отгороженностью от внешнего мира к широкому гулеванию. Ближе к двенадцати, сообразив, что вовсе не к чему в ночной темноте, дожидаясь дежурного трамвая, а по проспекту и вовсе в пешем порядке придется добираться, совершать путь через весь город, тем более завтра выходная суббота, Игорь под-

дался уговорам остаться. Конечно, предупредив жену, благо будка телефонного автомата через дорогу на углу пятиэтажки с продуктовым магазином.

Дойдя в наступившей ночной свежести до будки в полном безлюдье окраинной улицы, открыл скрипучую металлическую дверь, вошел в ее кубатурную тесноту, достал из кармана двушку и почти наугад — на улице темень, окна дома с магазином чернеют, свет от редких фонарей вдоль дороги внутрь будки не приникает — вставил в монетную щель сверху и, по-кошачьи напрягая зрение, набрал номер. Супруга незлобиво упрекнула, но согласилась с практически доводами: тащиться через весь ночной город при замершем до утра транспорте, а такси на этой окраине без дела не появляются... Словом, получил отпущение невеликих грехов и дал честное пионерское (из комсомола по возрасту выбыл) завтра с утра быть-стать дома. У телефона-автомата сегодня случился «день открытых дверей», то есть с нужным номером соединил, а двушку «съесть» не захотел. Усмехнувшись, Игорь протянул руку за монетой (двушек всегда не хватает в нужное время!), ухватил ее плоскость подушечкой большого пальца правой руки и потащил вверх из монетоприемника. Вытащил, но что-то легкое задел тыльной стороной ладони. Заинтересовавшись, пощупал уже в захват: какая-то маленькая книжица. Взял ее, вышел из будки и в свете от дорожного фонаря рассмотрел паспорт. Понятное дело, иной растяпа, собираясь звонить из автомата, вытащит что-либо из кармана: паспорт, заводской пропуск, пачку папирос или сигарет, положит вроде на секунду-другую сверху на коробку телефона, еще в этом кармане покопается, найдет-таки двухкопеечник, вставит в монетную щель, а затем так увлечется, особенно если это женщина или подвыпивший мужик, что, повесив трубку, так и выйдет из будки, забыв выложенное из кармана. Так и здесь случилось, тем более время ночное, в будке темень. И

Игорь оказался по ночному же безлюдью первым кто воспользовался автоматом вслед за растяпой.

Покачав укоризненно головой, положил находку в карман и двинулся в сторону близкого родительского дома. А там по причине хмельного состояния и радостно встретивших его домочадцев, да еще поспел к *нолитым* стопкам, про паспорт и забыл. С утра, торопясь исполнить честное пионерское, да с небольшого недомогания (не стал даже дожидаться опохмелительного завтрака, о чем во выходе из дома очень даже пожалел...), и вовсе про найденный паспорт не вспомнил. Перейдя дорогу, на траверсе той же телефонной будки остановился рассмотреть вчерашнюю находку: на фотографии мужик лет тридцати или чуть поболее с каким-то неуловимо характерным лицом: напряженные скулы, явно темноватый оттенок кожи и очень короткая, как бывает через пару-тройку месяцев после стрижки-нулевки прическа. Взгляд упал на дату выдачи документа — столько же месяцев назад — и все стало на свои места: освободился мужик совсем недавно «от хозяина», с кичи по чистой в родной дом вернулся! Что любопытно — в паспорт вложена свернутая вдвое четвертушка бумаги документного синего цвета. Развернул — и в пот (с похмелья ведь!) ударило: справка о заводском кредите на пятьсот рублей! Такие бумаги хорошо ему известны, сам год назад такую же брал в своей бухгалтерии на хозяйственную покупку. Идешь с ней и паспортом в нужный магазин, берешь штучный товар солидной стоимости, а потом в той же своей бухгалтерии у тебя несколько месяцев по частям из зарплаты вычитают.*

...Вот и мужик, отбыв свое, петиционно испра-

* Ни в коей мере не ассоциировать с современными ростовщическими кредитами от банков и полубандитских «микрокредитных организаций». Тот советский кредит выдавался беспроцентным... — Прим. авт.

вившись трудом (исправленному верить!), устроился токарем на завод и взял на образование новой честной жизни кредит на полтысячи рублей. Все сходилось яснее ясного.

♦ И как всякого русского, вечно мятущегося (кто виноват? что делать? — в данном случае) интеллигента в первом поколении, именно в первом, ибо в последующих накапливается этакая душевная паскудинка, ущербность, Игоря начала будоражить мысль: как вернуть оба ценных документа хозяину? Ведь он сейчас места себе не находит, как бы на что-нибудь необдуманное не решился с горя... Вспомнил, что недлинный путь от родительского дома к трамвайной остановке лежит мимо поставленных замкнутым прямоугольником домов-пятиэтажек, общежитий большого строительного треста. Как и положено для таких мест, в подъезде одного из них находится милицейский пункт. Для соблюдения порядка в этом месте, обильном общежитской холостой молодежи обоего пола. Опять же, как положено, на стене дома возле входа в подъезд с милицейской дежуркой, что-то навроде специализированного участкового, висит почти как обычный почтовый ящик, но вместо надписи «почта» трафаретом красным по голубому оттиснуто: «Для найденных документов». Восхитительно все это: нашел чужое, голову не ломай как вернуть владельцу, а просто в щель ящика опусти. Как письмо или новогоднюю открытку с текстом: «Поздравляю! Жив-здоров, нос в табаке, жду перевода до востребования». Наверняка наши власти с благоустроенной Европы собезьянничали...

Поравнявшись с ящиком, Игорь уже нащупал в кармане паспорт с пятисотрублевой* кредитной справ-

* По нынешнему курсу доллара и прежнему курсу советского рубля это составляет 60 тысяч нынешних рублей, а вообще-то по реальной покупательной стоимости и вовсе 100 тысяч... Если не больше.— Прим. авт.

кой, но именно эта справка заставила задуматься и избежать неосторожного шага к голубому ящичку. Само по себе засветить в милиции лишь паспорт (без справки) недавнего зэка — достаточная неприятность для владельца-растеряхи. И без того на карандаше у своего участкового, теперь и в сводки разные попадет: душу всю вымотают; хорошо если для плана! но вот «найдут» паспорт в нужное время и в нужном месте?

...Русский народ генофенотипически, то есть во многих коленах родства своего, с недоверием относится к стражам закона: как при великих князьях, царях и императорах, так и ныне при генсеках (кроме Сталина — тогда порядок и закон один для всех был). А сейчас, когда в одночасье сержантское сословие, которое собственно и соприкасается с народом (офицеры те по отделениям отчеты пишут, а к вечеру водку пьют), переродилось в наглых, хамоватых армейских дембелей, и вовсе простой люд начал избегать встречаться с милицейскими. Даже на улице завидев красную фуражку, обычный человек, никаких грехов на себе не несущий, старается вроде как по делу на другую сторону дороги перейти или переждать в проулке. На городских же окраинах, навряд ли косолюченской, населенной в первом или втором поколениях деревенскими выходцами и просто случайным народом, завербованным на металлургический завод, то есть людьми своеобразными, еще не омещавшимися нравом, и вовсе «лягавый» классовым врагом полагается. Все это, как данное и воспитанное косолученской юностью и ранней молодостью, пролетело в голове Игоря, тотчас отдернувшего руку из кармана с паспортом, когда он поравнялся с голубым ящичком для найденных чужих документов. Но, все более горячил себя Игорь, ладно паспорт, рано или поздно, пусть даже с мытарствами, но хозяину все же вернут. Но перед пятисотрублевой (без малого полугодовой

оклад свежее испеченного рядового милицейской службы!) справкой и осторожный старший сержант, раз в сутки проверяющий содержание — у них нет сумок с защелками как у собирателей обычной почты — ящика, очень даже сможет не устоять. Тем более, что и паспорт, данные которого вписаны в справку, тут же. Далее дело сообразительности: личность на фото в документе ничем не выразительная, из числа примелькавшихся в косолученской местности, где из раб-ботяг если не каждый второй, но третий-четвертый успел к тридцати с небольшим годам побывать в лаг-заке за хулиганку или мелкую, обычно по куражу за компанию, кражу. Так что из своих окраинных роди-чей, знакомцев или опекаемых по милицейской части совсем не трудно подобрать фотодвойника. Да и в магазине не станут присматриваться к обычному ра-ботяге — не руководители ведь партии и правитель-ства к ним захаживают!

Глядишь, без особенных хлопот и исполнитель на тройку дней пьянки заработал, и в квартире или в своем домике сержанта, а может старшины, красует-ся новомодная чешская стенка, что-либо иное из ме-белей на зависть родичам и соседям. Ненужный уже паспорт в точно такой же голубой ящик подкинет — на противоположной стороне города, а еще лучше с оказией в райцентре другой области: ящики такие по разверстке сверху по всей стране повешали. Расте-ряха же полгода или год скорбно получает по та-бельным дням уменьшенную на распределенную по месяцам кредита зарплату. Ему, запуганному зоной и неприятностями с потерей паспорта, и в голову не придет в ту же ментуру с заявой идти — и в страш-ном сне не приснится! Чур меня, чур, соколы в фу-ражках, погонах и перепоясанные портупьями поверх недавно введенной в их обиход молодецкой формы обмундирования загадочного цвета «маренго». Вме-сто неприятзательных прежних волосистых вохров-

ских шинелёй жандармского темно-синего цвета. А новый фасон фуражек с лихо заломленной тульей с позолоченной кокардой приводит в восторг неприятельных окраинных девиц на выданье. Шпанистые же поселковые ребята за глаза именовали теперь ментов за их фуражки гестаповцами. Впрочем, в своей среде молодым рядовым и сержантам (выслужившим лычки в армии) такое сравнение даже льстило.

♦ Еще у злополучной телефонной будки листая паспорт, Игорь прочитал в штампе прописки адрес владельца. Сейчас же, человеколюбиво решив завезти находку растяпистому владельцу паспорта и кредитной справки, сообразил: означенный дом примерно посредине пути на девятом номере трамвая, немного не доезжая до моста через реку, делившую просторно раскинувшийся город на две примерно равные части: по два с половиной района из пяти имевшихся. И от остановки, как он прикинул по номеру дома, идти совсем пустяк.

С этим твердым решением дошел до трамвайной линии, сел в подбежавший чешский вагон, что только начали в городе вытеснять старинные усть-катавские с деревянными сиденьями, как садово-парковые лавки со спинками, набранные из плашек. Приняв решение, то есть освободив голову от сомнений, Игорь тотчас заместил свободное место серого вещества сразу двумя докуками. Первой было сожаление, что зря не дождался завтрака в родительском доме: от вчерашнего заметно томило в теле и покалывало в голове. Словом, как мать в таких случаях говорит, с утра был пригож, к обеду нехорош. Иногда обед заменяла вечером... Главное, в кармане только малозвончатая мелочь, по пути домой не на что освежиться. Пожалел, что вчера таким купеческим жестом выкинул на общий пир назначенный червонец. Что касается второй, то обычное интеллигентническое: неудобно будет видеть счастливое

лицо хозяина утерянных документов, его преувеличенные благодарения, едва ли не поклоны в пояс... как будто Игорь какой подвиг в пользу растяпы совершил! Всего-то, подумаешь! нашел чужой паспорт с вложенной в него кредитной справкой... но ведь не на миллион! — нашел и как честный, воспитанный человек вернул законному владельцу. Но разве объяснишь все это явно простоватым (раз в тюрьме их сын или муж сидел) людям, добрым в душе и эмоциональным в выражении своих искренних чувств? Нет, конечно, приятно людям добро делать, но конфузливо выслушивать их чрезмерные благодарения. Еще, чего доброго, вздумают денежно вознаграждать, четвертной билет, ну-у, пятидесятирублевку, стыдливо скашивая глаза, совать ему в руки.

Но вот в этот матримониальный момент рассуждений в голове Игоря обе докуки объединились и пришли к компромиссу, необходимому для обеих сторон: конечно же, хозяева, как люди истинно русские и простые в выражении своих чувств, когда пройдет первый восторг, поуспокоятся. Поймут, что неожиданный, но столь приятный их гость — человек интеллигентный и совестливый, явно откажется от какой-либо вещественной благодарности, упаси бог о деньгах вообще упоминать! то, расчувствовавшись, таки вынесут в прихожую (Игорь категорически откажется от многократных предложений пройти в гостиную, расположиться, выпить с дороги чаю) явно заветную бутылку трехзвездочного армянского коньяка, именно *заветную* для простой рабочей семьи, привыкшей обходиться в праздники водкой и самогоновкой, многие года (судя по несколько выцветшей и замахрившейся по краям наклейке) бережно хранившуюся в дальнем углу кладовки, предназначенную для какого-либо экстраординарного торжества навроде рождения первого внука, получения трудягой-хозяином большой семьи трудовой медали, даже ордена, круглой свадебной го-

довщины старших в семье... Но Игоря в данном случае устроила бы и бутылочка беленькой, обычной «московской». Даренному коню... и так сойдет!

..Но вот и нужная остановка на самом крутом повороте — дальше рельсы спускаются с горки в сторону моста через реку, он же совмещенный с виадуком над железнодорожными путями. Спускаясь от остановки под другую сторону горки, Игорь тотчас обнаружил по крупно написанному на угловой стене номеру нужный дом, отыскал подъезд, поднялся на третий этаж и нажал кнопку звонка. Дверь отворилась только после третьего нажатия с пятисекундными паузами между ними. Вход в полуотворенную дверь заступила баба лет шестьдесят, толстая и неопрятно даже для домашности одетая. Выражение одутловатого лица (так Игорю и хотелось про себя поименовать его мордой) не предвещало любезного приема.

— Чего надоть? — злобно спросила хозяйка, глядя на нежданного посетителя одновременно искося и исподлобья.

Справившись с замешательством, Игорь осведомился о владельце паспорта, назвав по имени-отчеству и фамилии.

— Нету его, — обрезала баба.

— А когда будет?

— Тебе-то на что знать? Когда надо, тогда и будет, — и отступила от порога внутрь квартиры, явно намереваясь захлопнуть дверь.

Воспитанности Игоря обычно не хватало на откровенное хамство в его сторону. Поэтому несколько раздраженным голосом кратко пояснил, что вчера ближе к полуночи на телефонном аппарате в автомате, что в Косолучье, нашел паспорт с пропиской в этой квартире, а в нем кредитную справку на пятьсот рублей. И вынул из кармана паспорт, который хозяйка очень ловко и грубо выхватила, открыла на

первой странице, проверила и справку, после чего напористо стала наседать:

— А чего он делал в Косолучье? С тобой что-ли пил, и кто ты таков, чтобы чужие паспорта брать?

Игорь, стараясь на последнем пределе удерживать спокойствие, еще раз повторил объяснение. Отметил: за спиной хозяйки, видимый с лестничной площадки в проеме двери, появился парень, по возрасту подросток, но уже оперившийся, явно шпанистый и с похмелья, по лицу скорее всего младший брат владельца паспорта. Он понимающе ухмылялся и даже пробовал в треть левого глаза подмигивать пришедшему.

— Так как он попал в Косолучье-то? И куда ты его дел — со вчерашнего утра не видели!

Бабища, распаляясь все более, намеревалась переступить порог и наступать на визитера. Лицо ее багровело, руки уперлись в боки... Поняв, что добром для него беседа не завершится, Игорь махнул рукой, мол, изыди ведьма (но промолчал), и спешно спустился по лестнице к выходу из подъезда.

Проклиная все на свете, всех сволочных баб, бывших тюремных сидельцев и их братьевников, а более всего свою псевдоинтеллигентскую воспитанность и наносную чувствительность и благонаравие, пошагал он в горку к трамвайной остановке. Как бы в дополнение ко всем неприятностям, и «девятка» подкатила растрепанная временем усть-катавская, что порядочно пообломала ему бока своими ребристыми садово-парковыми скамейками на трамвайных остановках и троганьях в дальнейший путь.

НОВЕЛЛА 11. ЖИВАЯ ПАМЯТЬ, ИЛИ У БОЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НЕ ПРОСЯТ

*В русском человеке дерзости его ученого
языка — почти нет пределов.*

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя», 1873

*Он сам создавал себе систему; она выжи-
валась в нем годами, и в душе его мало-помалу
восставал еще темный, неясный, но как-то
дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в
новую, просветленную форму, и эта форма
просилась из души его, терзая эту душу; он
еще робко чувствовал оригинальность, истину
и самобытность ее: творчество уже сказыва-
лось силам его; оно формировалось и крепло.
Но срок воплощения и создания был еще далек,
может быть очень далек, может быть совсем
невозможен!*

Ф. М. Достоевский
«Хозяйка»

♦ Вернувшись обратным маршрутом, но не косо-
лученского трамвая «девятки» («Шел трамвай девя-
тый номер...» — из фольклора), а личной машиной
времени в теплый майский вечер самой что ни на
есть нынешней реальности с ее мировыми эпидемия-
ми, западной толерастией и отечественной любовью
к футболу, в котором даже команды, набранные из
иностранцев, терпят «фиаску за фиаской». Но при
всем настороженном отношении к сугубой реально-
сти... которая с футболом из иностранцев, и мало-
терпимом телевидении, все же вечерними известиями
Игорь Васильевич не манкировал. Чтобы не огор-
чать супругу, без того обиженную в недавнем про-
исшествии с автомобильными ключами, упорно смот-
ревшую мелодраму на специально под этот жанр от-

веденном телеканале, перешел он на кухню и включил старинный, еще с советских времен трансляционный громкоговоритель, но — включил на уютную малую громкость. Благо ожидание ежечасных новостей (к окончанию дня — уже «старостей»), их вдумчивое выслушивание и обдумывание можно гармонично сочетать с последним на дню чаепитием.

Вот и новости озвучили. Что характерно, даже эсмэишники щадят нервы людские: вечером стараются избегать американизмов, тем более новые не внедрять. Понимают, что за трудовень человек утомился от назойливой пестроты унылой жизни, какая-то толика душевного расслабления ему потребна. Поэтому всю «тяжесть» искажения русского языка, перевода его в рамки американо-нижегородской мовы, радиотелевизионщики переносят на утро. В том числе по рекомендации психологов, обученных в столичных и провинциальных «универсах» по американским же учебникам: то есть на свежую утреннюю голову внедрение импортных жаргонных слов гораздо продуктивнее по результатам. Вот и в сегодняшних утренних передачах по радио, что невольно прослушал Игорь Васильевич — для словесного фона — за завтраком, опять ввели новый американизм: «...После хрущевских разоблачений потребовался, как бы сейчас сказали, *ребрендинг* советских успехов...» А вот вечером — кр-расота! Почти на добром старом языке излагают про всяческие успехи в труде и обороне... так что только усилием воли заставлял себя профессор Скородумов верить, что это не про советское время речь идет. Навьи чары, одним словом, как говорил поздний классик русской литературы.

А про успехи в чем надо Игорь Васильевич к тому внимательно в вечерних новостях-старостях прослушал, что сообщили: впервые в стране прове-

дена линия *фотонной* спецсвязи между Москвой и Северной столицей, сообщения по которой в принципе не могут быть перехвачены и расшифрованы. Не-которое недоумение вызвало пояснение диктора: линию эту смонтировали и используют не какие-то специальные ведомства, но... ОАО Российские железные дороги (?!). Ни много, ни мало, то есть частная по определению компания. Может что вечные путаники эсмэишники не так поняли? Вот и сейчас в следующем сообщении диктор кнесет Израиля за-просто дважды назвал *ксенетом*... Хотя... в тех же Штатах сейчас всю космонавтику перехватила сугубо частная компания Илона Маска. Город же на Неве Игорь Васильевич в разговорах и в мыслях всегда именовал обтекаемо, но вовсе не из-за коммунистических пережитков, а по другой, более основательной причине. Почему-то 100 %-но считается, что Петр Первый так назвал основанный им город в честь себя. Но нет, первый русский император скромнее был, а поименовал в память своего святого по святцам: Христова апостола Петра. То ли агентура римского папы хитроумно подсказала это царю, а может и он сам, не шибко грамотный — университетов он не кончал, он их основывал! — не задумался, что новую российскую столицу — самой большой православной страны в мире — называет в честь апостола Петра, являющегося основателем католицизма!*

* Скорее всего, эту несурзность понимали Александр I и Николай II, когда в 1812 (но ненадолго и не официально) и в 1914 гг. переименовывали город в Петроград — уже именно в честь Петра Первого! А «взрывы народного патриотизма» они использовали как подходящий повод... В начале 1990-х гг. по инициативе достопамятного ярого демократа в пиджаке в мелкую клетку, бывшего жителя Бухары, снова появился «город Св. Петра». Иезуиты? Да, но только морально-нравственные. — Прим. авт.

ник Князя Апостолов», а таковым именуется апостол Петр, и символично крупнейший католический храм мира — в Ватикане — назван собором Святого Петра. Итак, по нерегулярной образованности Петра Первого, а скорее всего по злокозненной подсказке папских агентов-иезуитов, случился великий парадокс, крайне обидный для России и злопыхательно-усмешливый для Запада: самое крупное и истинно православное государство, «Третий Рим, а четвертому не бывать!» обрело столицу, названную в честь основателя и главного святого покровителя католицизма — оно же главнейший религиозно-идейный и геополитический враг России и русского православия... Очень тонко, но в корень мыслил Игорь Васильевич.

А вот сообщение о фотонной спецсвязи привлекло его внимание по еще более серьезным причинам, нежели переименованный уставшим к вечеру диктором всероссийского радио в ксенет израильский кнессет; даже не поименованная Петром Первым в честь апостола католицизма новая столица.

Чтобы связать в замкнутый узел современность и живую память, благо время ночное на носу, Игорь Васильевич, укладываясь для сна грядущего, снова настроил личную машину времени на далекое прошлое, даже позже по времени только что предпринятого путешествия в косолученскую историю с найденным паспортом с вложенной в него кредитной справкой на пятьсот полновесных советских рублей. А именно: в годы студенчества, учебы в местном политехе.

♦Игорь Скородумов еще со школьных лет увлекался радиолюбительством, к которому тогда тянулись все ребята. В те же годы появились и транзисторные триоды и диоды размером с ноготь мизинца. Мечтой и сбывающимся желанием каждого стало

собрать-спаять карманный радиоприемник. Схемы же приемников брали из журнала «Радио», за номерами которого в дни их поступления в киоски «Союзпечати» выстраивались очереди: далеко не всем доставались вкусно пахнувшие типографской краской журналы. Где-то в далеком мурманском Заполярье школьник Николай (будущий Николай Андреевич то бишь) от корки до корки, в смысле обложки, прочитывал очередной номер «Радио», а школьник же Игорь в своем среднерусском областном городе паял триоды, конденсаторы и резисторы по схемам из этого же номера...

Но уже проявлялся в старшекласснике Игоре познавательный характер, не ограничивался он паянием приемников, особенно внимательно читал в журнале статьи по особенностям распространения радиоволн различных диапазонов: от длинных волн до ультракоротких*, все более входящих в обиход — от городских радиовещательных станций и телевидения до армейских раций. Так что Игорь запросто, с физическими обоснованиями, мог объяснить сверстникам, почему радиосвязь на длинных волнах самая устойчивая, на средних — тоже устойчивая, но на несколько меньших расстояниях, на ультракоротких — в пределах лишь обычной области, но четкая. Поскольку всех интересовал диапазон коротких волн, на которых вели вещание на русском языке «вражеские голоса» навроде «Голоса Америки», «*Deutsche Welle*»

* По существовавшему в СССР ГОСТу, который, кстати говоря, никто и не отменял, все связанные радиоволны строго подразделяются на диапазоны с названиями-аббревиатурами. Так ультракороткие волны — УКВ. В новейшее время эсэмэшники обезьяннически заменили аббревиатуру УКВ на американское FM (от *frequens modulation*, то есть «частотная модуляция»), что есть идиотизм: радиоволны в диапазоне объединяет длина волны, но не вид модуляции... - Прим. авт.

из ФРГ, ставшие в шестидесятые годы враждебными радиостанции Китая и Албании — с непременным исполнением «Интернационала» в начале передачи, то здесь Игорь «с ученым видом знатока» все расставлял по полочкам: «...Гм-м, связь на коротких волнах может осуществляться на самые большие расстояния, даже обогнув земной шар. Потому что эти волны многократно переотражаются от земной, лучше водной, поверхности и верхних, ионосферных слоев атмосферы. Это, например, как плоский камешек вровень с поверхности воды запускаешь: раз от воды отскочил, чуть поднялся, снова воды коснулся и опять подскочил. Здесь все зависит от формы плоского камешка и умелого броска. А дальность и качество распространения переотражающихся коротких волн во многом определяются спокойствием или, наоборот, беспокойством ионосферного отражающего слоя атмосферы. Потому и называется так, что состоит из заряженных ионов, что-то навряде распределенного электрического заряда. Потому и радиоволны от него отражаются назад в сторону земли; как физичка наша любит повторять: минус к плюсу притягиваются, а минус с минусом отталкиваются, навряде как Егоров с Митиным — оба лодыри и двоечники, но постоянно враждуют друг с другом. И чего им-то, непутевым, делить? ...Так вот, ионосфера постоянно бузит, как Егоров с Митиным, все в ней ежесекундно меняется в зарядовой части: попадет на такой волнующийся участок волна «Голоса Америки» и — пропала на минуту-другую твоя Америка, замер сигнал в твоём приемнике. А зоны замирания радиоволн из-за плохого переотражения по-специальному радиинному федингами называются. И не путайте эти естественные природные фединги с работой глушилки вражеских голосов, что у нас в городе на крыше заводского дома культуры «Серп и

молот» установлена: фединг — это замирание передачи до нулевой слышимости, то есть неслышимости, а глушилка на частоте передачи, наоборот, мощью давит, тарахтит как мотоцикл «ижак» или макака-«ковровец», с которых косолученская и приреченская шпана специально снимают глушители и по ночам гоняют, будят целые кварталы...»

Завершив обстоятельное объяснение, Игорь с напускным равнодушием брал папиросу «Герцеговина Флор» или новомодную болгарскую сигарету из услужливо протянутого знатоку радиосвязи портсигара или пачки, если лекция случалась вдали школы или своих домов с бдительными по части воспитания подрастающего поколения доносчицами из числа дворовых старух на подъездных лавочках.

Пожилая физичка, почему-то часто сообщавшая, что она закончила университет в сибирском городе Якутске, ставила Игоря в пример всему классу, особенно рекомендуя брать с него пример «камчадалам» и Митину. А сам Игорь, тонко улавливающий всевозможные сопоставления и тщательно обдумывающий их, сразу подмечал некий потаенный смысл в речи физички: ведь Камчатка, которая настоящая, географическая, а не школьно-разговорная «камчатка» — задние парты для двоечников и лентяев, есть близкая соседка Якутии? И на что этим хотела намекнуть Елизавета Трифоновна? Но разгадать смысл этого сакрального сопоставления школьник, хотя бы и старший, Игорь Скородумов так и не смог. С тем и школу окончил.

♦ Постоянно, от номера к номеру ежемесячному, читая «Радио», со временем Игорь стал обращать внимание не только на содержание статей с описанием конструкций и принципов работы всевозможных радиотехнических штуквин — от приемников и передатчиков до управляемых моделей, всевозможных

сигнализаций и электронных часов с будильниками, но и на фамилии авторов. Сообразил, что некоторые из них прочно «прописались» в журнале, каждый по избранной им специализации. Так по весьма занимающей его теме конструкций антенн и особенностей радиосвязи на различных длинах волн в каждом втором-третьем номере, а то и вовсе в двух подряд, печатались статьи за подписью *Инженер К. П. Сухарченко, г. Ленинград*. И статьи-то дельные, без излишних умствований; если конструкцию антенны описывает, то все с точностью до размера болта с гайкой объяснит; а про распространение радиоволн так убедительно и простыми словами объясняет, как будто сам эту волну с ладони в руки в полет по мировому эфиру пускает, как голубя почтового, и зоркими глазами прослеживает ее путь, поправляя мыслью где надо, чтобы не заблудилась в горных ущельях или не потонула в Атлантическом океане, направленная в сторону цитадели мирового империализма с московской радиостанции имени Коминтерна, понятно дело, с призывом советских пионеров не угнетать их чернокожих сверстников в штате Алабама...

И совсем зауважал ленинградского инженера, когда сообразил: все типы телевизионных антенн, что безлиственным лесом покрывали крыши всех домов в городе... разработаны и описаны в «Радио» тем же Сухарченкой! Поэтому когда в доме появился новый телевизор взамен старого с экраном чуть поболее тетрадного листка, то соорудить новую антенну взамен прежней примитивной дипольной отец поручил Игорю, как почти состоявшемуся радисту. А тот выбрал входившую в массовый обиход «бубновочку» конструкции Сухарченки, подробно описанную в старом еще номере «Радио».

Игорь сходил на неохраняемую — кому железа-

ки нужны! кособученскую свалку цветмета, где нередко увидеть и битый истребитель, что на задворках железнодорожной станции Рязско-Рязанской линии, проходившей по окраине их города, отыскал пук отрезков алюминиевых труб подходящей длины и диаметра, а через пару дней уже с помощью отца установил на коньке крыши их собственного дома в Кособучье новенькую антенну. Телевизор с ней показывал чисто, без «мушек» и мельканий. Кстати, варганя антенну по описанию в «Радио», Игорь усовершенствовал способ крепления труб, «рефлекторной и директорных», как их в статье называл Сухарченко, о чем не преминул, волнуясь (ведь впервые в жизни в журнал писал!), сообщить письмом на адрес редакции. ...И похолодел от душевного восторга, когда через пару месяцев в свежем номере журнала в рубрике «Наши рекомендации», что на предпоследней странице, прочитал, что *«Наш читатель И. В. Скородумов предлагает усовершенствовать узлы крепления в антенне К. П. Сухарченко, что показано на приводимой схеме. Конструктур широко известной антенны К. П. Сухарченко, ознакомившись с предложением И. В. Скородумова, одобрил его»*. И приводился чертежики крепления, вычерченный Игорем в письме в редакцию.

На первом курсе института Игорь послал в «Радио» уже самостоятельную статью, хотя и небольшую, со схемой и конструкцией переключателя елочных гирлянд «бегущая волна», не только придуманного им, но и изготовленного самолично и по своей инициативе, на которую его по-женски умело подтолкнула первая его институтская подруга Оксана. Мать ее заведовала детским садиком; то есть вопрос с инициативой спорный. Статью напечатали в предновогоднем номере «Радио», а Игорь впервые познал... нет, с Оксаной они как-то вмиг охладели

друг к другу, а познал радиоизобретатель затагивающую страсть к публикациям. С одной стороны, без вина хмелит пусть крохотная, в рамках своих друзей и институтских однокашников, но известность человека, чьи статьи читает вся страна, ведь популярнейшее «Радио» выходит трехсоттысячным тиражом! Это тебе не фунт изюма... А с другой — и вовсе материально ощутимая приятность, когда почтальонша принесла на дом первый в жизни *гонорар*, аж пятьдесят шесть рублей — это ведь полторы студенческие стипендии! Уже и не два, но намного поболее фунтов изюма...

И еще пару его статей напечатали на разные темы. Сплошная приятность, особенно с приходом на дом почтальонши, но на втором курсе Игорь задумался: почин почином, но пора количество качеством подправлять (курс марксистско-ленинской философии с ее законами диалектики как раз на второй год институтского обучения приходится). И, вспомнив доброе к нему отношение ленинградского инженера К. П. Сухарченко, явно ответственного в редакции «Радио» за антенны и распространение радиоволн в мировом эфире, главное — имя и фамилия Игоря уже знакома редакции, решил исполнить давно лелеемое желание: написать и послать в журнал основательную статью об особенностях распространения ультракоротких волн, их связанных достоинствах и явных, увы, недостатках. К делу подошел основательно, уже имея за плечами изученные по институтской программе математику, физику, теоретические основы электротехники и много чего другого — все из ближнего к радиотехнике ареала.

В институтской же библиотеке пару дней не отходил от предметного и именного каталогов, пересматривая сотни карточек библиографических описаний. Нужные названия переписывал, а на третий

день явился домой с двумя авоськами (мать утром любопытствовала: зачем они ему понадобились?), в каждой из них по десятку солидной толщины книг. Через месяц чтения — все вечера ему отдавал — мысли в голове приобрели дисциплинированную стройность. Особо ценные сведения Игорь почерпнул из книги пятьдесят второго года издания, принадлежащей перу знаменитого академика давних лет Михаила Васильевича Шулейкина, автора трудов по теории и практике распространения радиоволн вдоль земной поверхности и в ионосфере (без упоминания о «вражеских голосах»...) с учетом воздействия магнитного поля Земли. И об антеннах академик обстоятельно все написал.

Статья получилась основательной, но определенная ее поучительность, явно от чтения академических книг, несколько смущала автора: ведь «Радио», хотя и серьезный журнал, но все же на широкий круг читателей рассчитан, значит популярный? С сомнением отправил, а через некоторое время и вовсе возгордился: из редакции пришло письмо-уведомление, что-де статья одобрена редакцией, признана «полезной и информативной», будет напечатана в ближайшем номере. Втихомолку гордясь собой — не говори гоп, пока не перепрыгнул! — Игорь меркантильно, даже несколько стыдясь своих мыслей, прикидывал, по аналогии с размером и оплатой предыдущих небольших статей, но умножая их на повышающий коэффициент, грядущий гонорар. Солидно выходило!

...Но следующий номер «Радио» вышел без его Ф.И.О., зато через пару недель из редакции пришло письмо, в котором сообщалось, что при повторном рассмотрении его статьи, рецензент Кирилл Петрович Сухарченко печатать не рекомендовал по причине «научообразности стиля написания и приведения в статье давно известных фактов и положений».

◆ Совместив положенные человеку законодательно восемь часов сна с путешествием в школьные и студенческие времена, Игорь Васильевич с ностальгическим всепрощением вспомнил, что после того огорчительного письма из редакции «Радио» печататься там, конечно, продолжил. Но темы статей нарочито подбирал не касающиеся антенн и распространения радиоволн, а фамилию именитого инженера-изобретателя усилием и тренировкой мышления начисто выкинул из головы — своего рода предание личной анафеме. Даже когда по жизни пару раз пришлось общаться с людьми по имени Кирилл Петрович, кстати, оказавшимися вполне добропорядочными, ему приходилось сдерживать раздражение... Дескать, попа и в роготке видно, как бы по этому поводу сказала покойная бабуса...

Спросонья, да еще вспомнив немислимой давности историю с отвергнутой статьей, Игорь Васильевич пошел на кухню ставить чайник, по еще большей давности привычке включил кухонный динамик, с первых же слов диктора передразнил его ядовито: «Ишь, мастер цифрового доения коров про улучшайтинг всего на свете с утра пораньше забормотал... Пелевина с Сорокиным на тебя нет! Обули бы в свои фэнтази, как балтийские братишки, перепоясанные пулеметными лентами, в семнадцатом буржуев питерских в деревянные бушлаты переодели». Сбившись со стройности мысли, Игорь Васильевич перестал обращать свой слух в сторону динамика.

Предвкушая первый стакан крепко заваренного, почти настоящего, по крайней мере не явно из подмосковной березы выделанного, цейлонского под первую же, самую вкусную за грядущий день, сигарету, профессор Скородумов протянул ру... Но здесь пугающе, как это воспринимается тишайшим ранним утром, зазвонил городской телефон. Недоумевая дис-

диссонирующему, неуместному в половине седьмого часа звонку, взял трубку и услышал голос, который сразу успокоил:

— Игорь Васильевич! Звиняй за раннюю побудку, но к тебе сегодня нагрянет из Москвы Кирилла Петрович Сухарченко, мой однокашник по военной инженерной академии связи, что в Питере и имени Буденного. Мы с ним ее окончили, когда ты, скорее всего, в первом классе чистописание осваивал. Да наверняка слышал эту фамилию: все гражданские и военные антенны в стране и в трети стран мира за последние пятьдесят лет его рук, в смысле головы, дело...

От такого совпадения ночного путешествия на машине времени и упоминания фамилии-табу его давнишним знакомым, даже другом и приятелем, отчасти и учителем в научной части, всероссийски известным ученым-радиотехником Георгием Ивановичем Никоновым из подмосковного Фрязино, спину Игоря Васильевича укололо мелкоточечными мурашками.

— Как же, дорогой Георгий Иванович, имею честь быть знакомым, но — заочно и в предальных временах, когда чистописанием уже овладел, но институт еще не закончил. А какая судьба его к нам в город направила — и именно ко мне?

— А ты разве не получал от меня бандероль с его книжкой? Я ее недели две-три назад отправлял. Там же еще пару номеров своего журнала, кстати, где ты замом главного редактора, то есть меня, значишься, приложил...

Здесь Игорь Васильевич мигом вспомнил про свою оплошность: да, в начале прошлой недели получил он бандероль от профессора и академика Никонова. У себя в кабинете распаковал ее, увидел свежие номера журнала, под ними угадывалась брошюра небольшой толщины... в этот момент зазвонил

телефон: на проводе председатель их диссертационного совета — срочный сбор, назревает скандалчик с одной неудачной защитой, давайте, Игорь Васильевич, немедленно прибывайте в главный корпус! Прибыл, но перед выходом дисциплинированно положил присланную стопочку на свободное место одной из книжных полок. Как правило, принцип «подальше положишь, поближе возьмешь» у людей аккуратных часто срабатывает наоборот. Словом, руки до присланного так и не дошли. Однако марку надо держать:

— Да-да, Георгий Иванович, получил в исправности. С брошюрой, то есть книгой, Сухорученки ознакомился. И что он от меня сейчас хочет?

— Гм-м, вот память на склоне лет начала подводить... а разве я не приложил к книжке его записку: просит наш антенщик дать отзыв. Книга-то скандальная, вот он и собирает авторитетные рецензии. Я тебя ему и рекомендовал. Так как? Конечно, зафантазировался он слишком, но — у больного здоровья не просят, приободри старинушку!

Ложь во спасение — это по-христиански:

— Конечно, Георгий Иванович, и книжку и записку вашу прочитал... только вот отзыв еще не успел оформить...

— А и не надо, на словах с ним и побеседуете. Как узнал, где проживаешь, так и обрадовался... словом, он из кубанских казачков, а они, стервецы по женской части: до девяносто лет с этим полом хороводятся. Так он пару раз в месяц на своем джипе, даром что полковник в отставке, гоняет из Москвы к вам играть в лаут-теннис со знакомой дамочкой лет на тридцать его помлаже. Вот и совместит сегодня приятное с полезным: ракеткой помашет на корте, а прежде к тебе заедет. Твой номер он знает, а ты запиши его мобильник: созвонитесь с ним, бу-

дешь в городе указывать дорогу к твоему университету. Потом мне расскажешь. Будьмо! — распрощался он с Игорем Васильевичем на своем таганрогском (родом оттуда был) диалекте.

Сократив утреннюю чайную церемонию до минимума, профессор Скородумов заспешил из дома в свой университетский корпус. Сложные чувства владели им на недолгом пути.

♦ Конечно, сам факт развертывающейся живой памяти поразил обычно внешне спокойного и внутренне воздержанного профессора Скородумова. Все в жизни заикливается, думал он, прошлое замыкается на настоящее, а оно вытягивает все знаемое из прошлого. Как в бессюжетном сне. И рассмеялся, спугнув невольным смехом парочку шедших навстречу студенток-первокурсниц (шел он для скорости напрямки, через студгородок); те приняли смех солидного явно «препода» на свой счет и испуганно забегали глазенками по своей одежке: все ли в порядке? А Игорь Васильевич еще вдобавок и легонько хлопнул себя по лбу тыльной стороной ладони: так ведь жизнь и есть такой вот замысловатый, сложно переплетенный из картинок прошлого, настоящего и мыслительного будущего сон! Тоже мне эврику открыл... Вроде как до старческого маразма еще далеко, да и не собирается он встраиваться в ряды этой почетной когорты...

Вот встречные студентки, что засуетились от того смешка, явно полагают его за солидного и почтенного годами препода — с начала взгорья годов жизни даже не очень высокая вершина кажется Эльбрусом! — а ведь достопамятный, вдруг выплывший из глубин прошлого века, столь достопамятный ему Кирилл Петрович Сухарченко никак не менее чем на полтора десятка лет постарше будет, а вишь — ездит из Москвы с завидной регулярностью в теннис

играть с молодой молочно-восковой спелости; небось познакомился где-нибудь на черноморском курорте! Ведь полковник в отставке, значит положен ему ежегодный ордер на отдых по военно-медицинскому ведомству.

...О чудачествах же умеренно зажавшихся москвичей, навроде теннисных поездок в соседний областной город, Игорь Васильевич не по наслышке знает, не по единичному примеру со знатным антенщиком. Так прошедшей зимой встретился он на улице, а сам только что вышел после прогулки по освежающему морозцу из центрального городского парка, с Жоркой Дрогачевым, с которым в бесконечно давние времена начинал трудовую деятельность после окончания (тот и другой одного года выпуска) политеха в конструкторском бюро при оборонном заводе (других в городе тогда и не водилось, а сейчас и те заглохли...). После трехлетней обязаловки-отработки молодым специалистом Жорка, также и музыкант, тотчас покинул оборонпром и ушел в лабухи, сначала ресторанные, а затем и вовсе стал коммерческим директором вокально-инструментального ансамбля, приписанного к местной филармонии. Пару-тройку раз в последующие годы Игорь, еще не Васильевич, встречал Жорку в Крыму и на кавказском побережье: он отдыхал дикарем, а Жорка со своим ансамблем концертировал, рубил деньги с благодарной и расслабленной курортной публики.

С тех пор не встречались. Слышал Скородумов от некогда общих знакомцев, что Жорка высоко взлетел: сначала в родном городе при авторитетекавказце, знатном смотрящем, состоял, затем переехал в столицу, быстро занял серьезные позиции в «Газпроме»... понятно дело, не олигархические, но в управленческом плане, что тоже не понюшка табаку, но на ящик с гаванами тянет! Это, конечно, сравне-

ние Игоря Васильевича; Жорка не курил. И вот случайная встреча через годы и десятилетия. Бывший газпромовец теперь, по пенсионному возрасту, проживает в подмосковном санатории для элиты этого славного ОАО, имеет при нем квартиру, числится в заместителях директора и передает свой благоприобретенный опыт продвинутой газовой молодежи в форме ненавязчивых наставлений на проводимых семинарах. «Все по американскому опыту», — усмехнулся Жорка. На предложение обрадованного неожиданной встречей профессора пройти чуть дальше в сторону гостеприимного заведения «Наливай-ка!» Жорка отказался: «Мне к вечеру нужно в свой санаторий вернуться. Только здесь и остается времени постричься». Из пояснений следовало: раз в два-три месяца знатный газпромовец приезжает одним-двумя днями в родной город стричься у знакомой почтенной парикмахерши, которой единственной и доверяет свою несedeющую курчавую голову еще с советских времен... На том и расстались, обменявшись визитками с номерами телефонов. Истинно, чудны дела твои господни!

Удивив вахтершу столь ранним приходом заслуженного профессора, Игорь Васильевич вошел в свой кабинет, отыскал книжку Сухарченко и, не отвлекаясь ни на что иное, за пару часов с небольшим прочитал внимательно все ее сто двадцать страниц. Читал быстро, не задумываясь, но вникал в суть. Суть же прочитанного привела его в полный восторг. На что он в девяностые годы, когда печатать разрешали все: от гадательных сонников и полусонников до описания конструкций аппаратов для воскрешения египетский мумий («использованы материалы и технологии американского и бывшего советского космического приборостроения», — значилось в аннотации к книге объемом в 980 страниц...), — ознакомился с

уймой книг, испещренных десятиэтажными формулами и сложнейшими иллюстрациями-чертежами, в которых запросто решались все научные загадки, накопленные человечеством, та же теорема Ферма, гипотеза Гольдбаха*, единая и общая теория поля и так далее до доказательства существования параллельных миров и множественности вселенных, но предложенная Кириллом Петровичем Сухарченко новая теория электромагнитных волн отметала напрочь в анналы «мировых научных заблуждений» все доселе имевшие место труды классиков электромагнетизма. Без ложной скромности Кирилл Петрович (и даже зауживал от такой смелости профессор Скородумов своего давнего обидчика!) поставил в начале аннотации к книге: *«Ошибки в понимании природы радиоволн, инициированные Д. Максвеллом, Д. Пойнтингом, Г. Герцем, не могли существовать вечно. По мере накопления экспериментальных фактов они должны были быть обнаружены. 50 лет профессиональной работы над антеннами (генерацией и поглощением радиоволн) предоставили такую возможность — натолкнуться на несоответствие теории вопроса его экспериментальному проявлению»*.

...Читая книжку Сухарченко, Игорь Васильевич порой терял чувство реальности: во сне ли он находится, наяву ли читает? Ему, не только профессору и двойному доктору наук, но в инженерные годы разрабатывавшему аппаратуру, работающую с электромагнитными полями, было дико читать, что, согласно доводам реформатора в области фундаментальной науки, вся эта компания светил науки, как-то Пуанкаре, Минковский, Эйнштейн (еще с полу-

* Несмотря на простоту формулировки: сумма двух простых чисел всегда является четным числом, — выверенного доказательства этой гипотезы нет до сих пор... — Прим. авт.

тора десятка имен мигом всплыли в памяти Скородумова), глубоко заблуждалась, ибо скорость электромагнитной волны в ее фронте не равняется константе скорости света. Но совершенно потрясло Игоря Васильевича безапелляционное утверждение Кирилла Петровича, что распространение радиоволны не есть колебательный процесс, как тому в школе учат, но есть процесс *наступательный*! Особо Сухарченко обидел (посмертно) иностранца Пойнтинга и русского профессора Умова, заявив, что энергии в виде вектора Умова — Пойнтинга в природе нет и быть не может, дескать, баста! В завершении своей стабдцатистраничной книги автор резюмировал: в природе нет электромагнитной энергии, существующей самостоятельно, постоянной Планка не существует; фотон в понимании Эйнштейна и Фейнмана суть бред, а есть введенный им, Сухарченко, поток фотонов в виде лучистой энергии. И все — возражения не принимаются. Еще в книжке содержалось обращение Кирилла Петровича к министру образования и науки страны, требующее законодательно отменить всю прежнюю физику электромагнетизма и ввести новую, которая в его, Сухарченко К. П., трактовке. Понятно, почему в утреннем телефонном разговоре Георгий Иванович из Фрязино употребил народную присказку: у больного здоровья не просят.

♦ Хотя молодцеватый для своих без малого восьмидесяти лет гипермодернист радиотехнической науки Сухарченко явно уступал в водительском мастерстве иноземцу Шумахеру, или как там его? что плохо кончил, а его джип все же не гоночный болид итальянской ручной сборки, но двести километров от Белокаменной до нашего города он прогнал за пару часов. И буквально в ту минуту, когда Игорь Васильевич, дочитав последнюю страницу книжки, в полном изумлении вымолвил: «Б-а-а! Ну, батенька,

и силен ты!» — мобильник его подал голос новатора науки, уверенный в себе баритон: «Профессор Скородумов? Это Сухарченко. Вас Георгий Иванович должен был предупредить. Я уже в центре вашего города. Как мне до вас добраться? Сообщите улицу и номер дома, я город знаю, не раз здесь бывал, по адресу и доеду». Игорь Васильевич пояснил, сообщил и номер комнаты своего кабинета, дескать, вахтершу предупрежу, она вас в корпус пропустит.

Через полчаса в дверь его кабинета вошел Кирилл Петрович. Для своего возраста гляделся он великолепно: осанистый, плотный, высокий безо всякой сутулости и кособокости. Лицом и прической — никаких лысин и залысин! — он явственно напомнил Скородумову голливудского актера, не конкретно кого, но именно типичного тамошнего на ампула улыбочивого крестного отца или миллионера на покое в окружении счастливых внуков. Игорь Васильевич мысленно присвистнул. Да-а, такому молодцу не долго партнерш для тенниса искать! Истинно полковник.

Представились друг другу, оба сославшись на профессора Никонова. От чайка гость не отказался, а что покрепче Скородумов, конечно, не предложил: за рулем ведь. Опять же теннис через часок-другой. Перешли к делу; правда, завязывая разговор, Игорь Васильевич шутливо напомнил о некогда, немислимо давно по времени, отвергнутой Сухарченко статье о распространении ультракоротких волн. «Значит, не все в ней верно было», — серьезно ответил тот. И Игорь Васильевич подстать гостю посерьезнел. В беседе он корректно указывал на определенную категоричность суждений «уважаемого автора весьма интересной трактовки сущности электромагнетизма, который, несмотря на такой мощный ареопаг выдающихся физиков...» и так далее. Сухарченко же

напирал на свой полувековой опыт разработки антенн, «которые уже десятки лет используются едва ли не в половине стран мира и нареканий не вызывают!» Оять же Игорь Васильевич, осторожничая в подборе слов, заметил, что той же телевизионной антенне, что виднеется в окно его кабинета с крыши соседнего дома, вроде как безразлично кто прав в теории: Кирилл Петрович Сухарченко или Максвелл с Герцем... с Аликом Эйнштейном тож. Главное, ее трубчатый вибратор, рефлектор и директоры рассчитаны строго по длине волны работы телецентра, поэтому антенна и принимает сигнал. И нет ей никакого дела до структуры фотона. «Разве Александр Степанович Попов и его конкурент Гульельмо Маркони ломали стулья по части правоты или ошибочности теорий Герца и Максвелла? А радиосвязь опытным путем открыли и ввели в обиход человечества...»

Игорь Васильевич, учитывая военную косточку гостя, правильно выбрал манеру изложения, так что Кириллу Петровичу очень понравилось образное мышление провинциального профессора, в речи которого вроде как на равных звучали имена Сухарченко и основоположников теории и практики электромагнетизма. Прощаясь после почти часовой беседы («Извиняюсь, интересно с вами было говорить, однако Катерина Львовна уже заждалась меня на кортах»), Кирилл Петрович охотно согласился довезти до профессора Никонова десяток экземпляров свежего номера журнала «Феномены разума. XXI век», редактируемого Скородумовым, крепко, по-военному пожал ему руку, сказав на прощанье: «Вы, Игорь Васильевич, приятный и квалифицированный собеседник. Некоторые ваши слова и мысли мне пригодятся для дальнейшего обтачивания моей теории, а в остальном... время покажет: кто прав и прав более, а чьи ошибки вошли в классическую физику и подле-

жат исправлению». С тем и ушел. С полминуты через оставленную гостем полуоткрытую дверь Игорь Васильевич слышал гвардейски четкие, маршевые шаги ниспровергателя авторитетов. Тем более, что здание корпуса еще «сталинской» постройки, с деревянными балками-перекрытиями полов: и в балетных туфельках пройдешь — шаги отпечатываются звуковыми волнами... не электромагнитными.

НОВЕЛЛА 12. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ГОРОДЕ N.

«С своей стороны, мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу недостает нашему сильному и разнообразному отечеству. Вслед за сим первым крокодилом, исчезнувшим в недрах петербургского гастронома, вероятно, не пройдет и года, как навезут их к нам сотнями».

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное
событие или пассаж в Пассаже»

«Почему это, я заметил,— шепнул мне раз тогда Степан Трофимович,— почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»

Ф. М. Достоевский «Бесы»

◆Игорь Васильевич уважительно попрощался со столичным гостем, даже за пяток минут до окончания беседы отловил в коридоре пробежавшего мимо двери его кабинета студента, которому велел взять стопку передаваемых через Кирилла Петровича журналов и ждать в коридоре же выхода гостя, которого и сопроводить до его машины. Визит знаменитого антенщика и одновременно ниспровергателя всех законов классического и квантового электромагнетизма оставил по себе двойственное впечатление. Что-то навроде рекламного «лайфа с драйвом, или умственного выкаблучивания», как съерничал мысленно Игорь Васильевич. Опять же всплыла та юношеская обида, когда Кирилл Петрович «зарубил» статью начинающего студента Игоря Скородумова. И вот

теперь, спустя столько десятков лет, впервые они встретились: течение жизни замкнуло большой круг.

В некотором рассеянии посмотрел на лежащую на столе книжку Сухарченко, на титульном листе которой автор четверть часа назад надписал умеренно лестное посвящение профессору Скородумову: «Уважаемому Игорю Васильевичу от автора в знак взаимного нашего понимания того факта, что наука не может стоять на месте, но только постоянно двигаться — как электромагнитная волна». Эк подкузьмил про волну-то! Но ведь антенны-то его конструкции прекрасно работают даже не на $1/6$ части земной суши, но где-то ближе к $1/3$! И это есть непреложный факт. Истинно, порой практика и опекающая ее теория в сложных взаимоотношениях состоят, как... здесь Игорь Васильевич задумался и припечатал: как двоюродные родственники, то есть вроде как и кровь в артериях и венах бежит наполовину родная, но порой это и единственное, что сближает их. В католической Европе и вовсе кузенные браки церковь признает: получается, что и вовсе не родственники?

Вообще-то, продолжал размышлять на заданную им самому себе тему профессор Скородумов, расхаживая по диагонали своего скромного кабинета, полнейшая свобода книгопечатания, объявленная в начале девяностых годов, особенно научного... и тем более наукоподобного, уточнил Игорь Васильевич, кроме начальной эйфории, имело серьезное следствие, а именно полную утрату понятия авторитета в науке. Саму же науку такая свобода свела в глазах людей интересующихся к абсолютному нулю. Это как нуль градусника по Кельвину: полное и всеобщее замерзание. И совершенно кстати вспомнилось где-то и когда-то читанное мнение Льва Толстого, что именно изобретение книгопечатания стало причиной и источником всеобщего невежества. И как Иудуш-

ка Троцкий поправил Толстого, что-де не невежества, но вот всеобщего дилетантизма — это точно!

Действительно, не было бы вседозволенности книгопечатания (или денег бы у автора не нашлось на типографию), так высокоталантливый инженер-практик Кирилл Петрович Сухарченко и продолжал, как то делал это уже полсотни лет, изобретать новые, все более совершенные антенны. Тем более, только что все телевизоры в стране перевели на оцифрованный телесигнал, обрадовав китайцев гигантским заказом на соответствующее радиоэлектронное оборудование. Сухарченке подсуетиться с модернизированными «под цифру» антеннами сам бог велел, но... свобода книгопечатания переключила заслуженного инженера в звании полковника в отставке на сугубую теорию. И если в практике антенной был он корифей высшего класса, то в теории выступил как гипермодернист с такими несуразно высокими претензиями, что воспринимается сугубым дилетантом.

Итак, прав Лев Николаевич — с существенной поправкой Льва Давидовича. Хотя Толстой был автором «Войны и мира», а Троцкий — позорного Брестского мира с немцами. То есть Лев Толстой сочетал в себе лучшие качества теоретика-литератора и практика Крымской войны, а Иудушка Троцкий — чистый теоретик, а практик в делах войны неважнецкий. А вот у Сухарченко — все наоборот.

Игорь Васильевич и сам давно на подозрении у «академистов», то есть имеющих академические звания официальных же академий и их многочисленных коллег по исследовательским институтам. Но поскольку он выдвигал теории, не выходящие за рамки действия самых основополагающих законов, то формально к нему придраться было невозможно. В то же время новизна теорий провинциального профессора раздражала научных сановников, которые и без того в новейшее время обижены: не хватило извест-

ности или национальности, чтобы уехать в закордонные университеты с окладами в твердой валюте. Но выход здесь давно апробирован: делать вид, что такого профессора И. В. Скородумова, его многочисленных книг и журнальных публикаций вроде как в подлунном мире и не существует. На том и аминь.

♦ С другой, почти что зазеркальной стороны, размышлял Игорь Васильевич, приняв по наступлении адмиральского часа (в вузах обед, как священнодействие, строго начинается в двенадцать ноль-ноль) стопку коньяка, графомания, особенно научная, тем полезна, что трансформирует в безобидную сторону извечное человеческое качество неумной накопительной жадности. Припомнил, что Достоевский язвительно происхождение частнособственничества вел от сентиментальности. Быть может и так. Да еще создателей различных всемирных и единых, окончательных и пр. теорий, опровергателей всех законов физики, как у того же сегодняшнего визитера Сухарченко, во многом подстегивает естественная зависть к Европе, к ее ученым, давшим свои громкие имена всем теориям и открытиям на свете. Не вина России, что она моложе Европы на пару тысячелетий, поэтому и в науку пришла к шапочному разбору. Но все же привычка во всем равняться на «острый галльский ум и сумрачный германский гений», радуясь даже косточке с барского стола («туда жемчуг привез индеец, поддельны вина европеец»), именно не устраивает реформаторов всех научных основ. Вот откуда берутся у нас Кириллы Петровичи Сухарченки!

И вторая, абсолютно несуетная, польза от нынешних изобретателей велосипедов: на фоне всеобщей, глобальной цифрофрении с ее компьютерным мышлением (стакан с водой — чтобы пить, без воды — если пить не захочу), немногие сохраняют основу творчества: мышление аналоговое, то есть умственное оперирование не сухими цифрами, но

живыми, динамичными образами. И среди этих немногих наибольшая образность именно у ниспровергателей! Тот же Сухарченко образно представляет себе, как овеществленная электромагнитная волна, почти пальцами рук ощущаемый тугой поток фотонов набегает на металлические трубки его знаменитой телевизионной антенны «бубновочки», что еще недавно заполняла крыши городских и сельских домов. Это ли не творческое аналоговое мышление!

...В своих работах, особенно если таковые рассчитаны на «облегченную от больших знаний» читательскую аудиторию, профессор Скородумов обычно прибегал к понятийным примерам. Допустим, слышит или при чтении попадает слово геликон, обычно не совсем понятное по смыслу тем же «облегченным». И что мы видим? А то, что аналогово мыслящий человек на этом самом геликоне в контексте читаемого или слышимого не задумается. Интуитивно и контекстуально и так понятно: что-то античное, связанное с музыкой, искусством. Иной попутно — но опять же не задумываясь и не отвлекаясь от текста — припомнит из <советских, конечно> школьных уроков литературы неточные стихи русского классика, что-де в юртах не сыщешь геликона, а к кому-то, вроде как к зырянам, кто-то, возможно сам Пушкин, не придет. То есть аналоговое мышление схватывает функциональную основу языка, а понимая ее, вовсе не надо задумываться о семантике отдельных слов.

Для компьютерно же мыслящего современного цифрофренника, наоборот, характерна функциональная безграмотность: он не в состоянии составить из слышимого набора слов образ, но каждое непонятное ему единичное слово ставит в тупик, как тот же геликон (тем более за плечами нет советской школы...). И лезет бедняга в интернет за разъяснением каждого второго слова в предложении или фразе. И уже нет в голове даже намек, топографического аб-

риса на смысл услышанного или прочитанного — конечно на экране! Словом, как уже второй год щеголяют новым словечком эсмэишники: Минцифра. То есть уже и на оцифровывание мышления человека свое министерство нашлось... И это не только стыдливо, политкорректно так сказать, не скрывается, но прямо выпячивается, раз так целиковое верховное ведомство образцово-показательно нарекли! На том пока и алилуйя.

Опять-таки эту самую «цифру» во всех ее ипостасях собезьянничали с Запада. И несказанно обрадовались ей, как тот репортеришка желтой питерской газетенки в любимейшем Игоре Васильевичем рассказе (по объему почти что роману...) Достоевского, что восхищался привозом в Россию живого крокодила — родоначальника новой отрасли промышленности, которой так не хватает нашему гордому своим величием отечеству.

Других бы смутила задача: что делать с цифрой в России? Понятно, на Западе-Востоке она повсеместно внедрена в промышленность, настоящую, не крокодиловую. У нас же с кончиной советской власти вся промышленность, усеченная до наперсточного объема, пилит-строгает, рубит-точит, штампует-долбит и пр. исключительно на импортном оборудовании и обслуживающих его техпроцессах, в которые изобретательным Западом эта самая цифра изначально внедрена и застолблена. Что же касается всякой компьютерной дряни для ширпотреба, мерзопакостных гаджиков (от слова «гад», только через «э» — прононс; вроде как злобствует произнося — это со слов Макара Нагульного из «Поднятой целины»...), то их стопроцентно штампуют в мастерской мира — в Китае по технологиям из Кремниевой долины, что в Калифорнии, USA.

...И призадумались оцифрователи доселе вроде как лапотной России: крокодила-то, то есть идею всеобщего оцифровывания, из Европы-Америки при-

везли в родные пенаты, но куда ее воткнуть-то, если все импортное (а своего давно уж нет) оборудование и пр. уже изначально пересекает таможенную границу, которая на условном замке, со своей цифрой? И от Запада отставать нельзя, засмеют: мол, сиволы еще без цифры маются! Но наши власти далеко не лыком шиты: с девяностых годов шелковыми нитками их лондонские костюмчики стоимостью в пятизначные цифры долларов-евро простроены. А изворотливости обучены в оксфордах-кембриджах. Для почину и застолбления цифры специальное министерство учредили. Потом и вовсе придумали как с цифрой обойтись: из ненужного крокодила сделать ее павой — царицей бывшей 1/6 части земной суши. Раз «так получилось» (любимая оговорка в последние тридцать лет), что все в стране сеет, пашет, рубит, строгают и пр. на оцифрованном уже импорте, то, во-первых, следует словесно народ к цифре приучить. Отсюда и волнующая телепрограмма «В гостях у цифры», а в новостях со строек капиталистической пятилетки так и замелькало: от «цифрового доения коров» до «цифровой нефтедобычи». Даже дисциплиной и традициями связанные военные, явно с подачи телекорреспондентов, запинаясь, заговорили в интервью про «цифровые танки» и прочие воображаемые монстры.

Итак, полдела сделано: цифра пущена в словесный обиход и накрепко засела в головах оробевшего народа: что-то еще нам партия и правительство уготовить собираются?

Но ведь словами перед тем же Западом не отчитаешься... на то оно и слово, чтобы в правое (у левой в левое) ухо влетать, а в левое (у левой наоборот) вылетать. Стали думать-рядить: а что во вторых-то? И придумали на равных паях два гиганта современной мысли и дела — административный ресурс и банковско-олигархический капитал: перевести все делопроизводство для народа... не на латин-

ский алфавит, как в знаменитом романе одесских классиков, но — на цифру! И ресурс донельзя доволен: будет чем не один год отчитываться перед кем надо о бурной деятельности по всеобщему оцифровыванию (как сто лет назад по всеобщему обучению народа грамотности) всего населения, включая пенсионеров. А банкиры-ростовщики и вовсе от радости до потолка своих высоченных офисов-дворцов подпрыгнули: цифра — это перевод всех денежных дел с народом, а его пока в стране еще достаточно, и курочка по зернышку клюет — на безналичный расчет по пластиковым карточкам. Ведь известно, что каждый рублишко в дензнаках в кармане у человека — это прямой плевок в лицо банкиру-ростовщнику: с этого завалищего рублевика он не сможет получить свой нехилый процент с того же человека с монетой в кармане, дав ему же кредит-заем! А когда все идет по карточкам, то считай все деньги населения в его, ростовщика, бессрочном пользовании. Для полных же дурачков и лиц переимчивого на все новое женского пола — песни народностей про кешбэк. И вот уже каждое второе слово в телерекламе про этот кешбэк (...итить его медь, как добавляет редкий в наше время думающий человек), а на экране телятника задастая и грудастая красотка «кровь с коньяком» уже отплясывает с малопристойными телодвижениями и визгливо кричит под «камаринского» про восхитительный кешбэк...

Словом, все довольны: вертикаль администрирования при деле, отчитывается, не краснея, об успехах всеобщей цифраизации. Банкиры-ростовщики заметно начали теснить старинных Ротшильдов, Карнеги и Лебов в верхних строках лауреатов списка журнала «Форбс». Женщины мигом забыли про бумажные деньги, что ранее хранили под стопкой постельного белья в платяных шкафах, нынче щегольски расплачиваются в супер- и иных маркетах карточками, а с недавних времен прикладывая экран смартфона к циф-

роприемнику на кассе. Жалуются друг дружке: «Вчера зашла в магазинчик в нашем квартале, купила кой-чего, а у них, оказывается, все по старинке... представляешь, Верунчик, каменный век, эти... как их, бумажные деньги требуют! Больше туда ни ногой...» Особенно довольны профессиональные воры новейших генераций: не фомкой магазины и сберкассы подламывать, но пощелкал на компе шахтерский трудодень (шесть часов) — и обеспечил себе безбедную месячную жизнь. Да и сам народ трудовой особых неудобств от «всеобщей цифраизации и компьютеризации» не испытывает. Он у нас со времен татаро-монгольского ига, или, как сейчас политкорректно принято говорить, монголо-татарского, либо же и во все монгольского (Монголия далеко и по степному укладу живет...), хронический поплеivist: на все бы ему плевать. Дескать, в истории своей татарщину ордынскую и крымскую перетерпели, первое Смутное время — которое в начале семнадцатого века, и второе — в конце двадцатого, переждали-пересидели, поляков со шведами, французов с немцами отвадили... что ж мы: неужто на цифири так и повиснем, как вялящая вобла к пиву, что хозяйственными бельевыми прищепками прищиплена к бельевой же веревке? Нас голой цифрой не возьмешь — все пройдет как сон даже в непонятной нынешней жизни.

Вот те на, рассмеялся Игорь Васильевич, всего-то со стопки коньяка на такое вдохновение подвигло! Чудны дела твои, господни... Крокодилы в Пассаже у Достоевского, образность мышления у изобретателей велосипедов, цифрофрения вместо полезного технического использования систем и машин с дискретной методикой управления... Нет, такие оригинальные визитеры, как Сухарченко, явно не подлежат упоминанию ближе к ночи. Равно как и цифрофрения в медицине и образовании — об этом уже в народе легенды и песни частушечные слагаются... Словом, все получается по-нашенски, российски кондо-

вому, административно суконно-цинковому: не цифра для человека, но человек для цифры!

Опять же Федор Михайлович лишь самый чуток с крокодилом наши славные времена предчувствовал. Здесь-то Игорь Васильевич расхохотался, сам-один находясь в своем кабинете. Подсматривай кто из любознательных студентов, правдивее будет — студенток курносых, они самые любопытные, в замочную скважину, решили бы и на весь корпус разнесли, от вахты до деканата: профессор Скородумов теоретико-экспериментально доказал свою новую теорию о пользе регулярного потребления раствора $C_2H_5OH + H_2O$ + сивушные масла, то есть самогона классического, на безбумажную, цифровую обработку информации, а от радости открытия сошел с ума и хохочет в одиночку... На самом же деле, как утверждает Игорь Васильевич, потребление спиртного стимулирует именно аналоговое, то есть творческое мышление. Расхохотался же, вспомнив крокодила нашего классика литературы — и тут же, приняв вторую стопку и закусив шпротинкой из откупоренной банки в холодильнике, заученным вращательным движением трех пальцев правой руки слегка крутанул ручку верньера личной машины времени против часовой стрелки и мгновенно, отрицая, как давешний гость Кирилла Петрович Сухарченко, конечность скорости света, перенесся в веселые девятые годы. ...Таких годов разрядки многострадальному русскому народу мать-история посылает не чаще одного-двух раз в столетие: то же Смутное время с его самозванцами и семибоярщиной, разинский и пугачевский бунты, Наполеоново нашествие и манифест царя-освободителя. А в веке двадцатом оба таковые пришлось на последствия перемены режима: начальные двадцатые и лихие девяностые.

И мы последуем вослед за путешественником. Глядя со стороны, вроде как курносая студентка в замочную скважину.

♦ Профессор Скородумов в свои сорок с небольшим лет — заместитель по науке, то есть первый зам директора научно-исследовательского института, в только что преобразованном в духе времени в «классический университет» бывшем политехе с военно-техническим уклоном по совместительству преподавал на двух факультетах. Но главное — являлся председателем тоже двух диссертационных советов при университете. Заседания же таковых после защиты традиционно завершаются банкетами — за счет обретшего вождественную научную степень: кандидата или целикового доктора.

...В тот поздневесенний день на защиту своего дальнего родственника-свойственника по линии супруги пожаловал сам ректор Коршунов. Обычно в неформальной обстановке, на тех же диссертационных банкетах, почтеннейший Альфред Борисович со смехом объяснял свое импортное имя, покорооче знакомясь с иногородними участниками заседания:

— Да я ведь конца двадцатых годов уроженец! А тогда страна наша, как сами хорошо знаете из истории, дружилась только с Германией, а там сплошные митинги с красными знаменами, все сплошь коммунисты и социалисты по улицам Берлина и Гамбурга, Мюнхена тож, тысячные отряды шагают под марши Эйслера и Вагнера-внука: спартаковцы — смелые бойцы Тельмана, штурмовики Рема, коминтерновцы и троцкисты... И все в своих военизированных мундирах по немецкой склонности к дисциплинированному порядку. И в нашей стране именовались новорожденные сплошь немецкими именами, а рабфаковцы и вовсе в спартаковских гимнастерках с портупьями и в военизированных картузах на занятия после трудового дня торопились. Вот у нас перед довоенным еще третьим корпусом буквально на днях — по требованию демократической общественности, так сказать — снесли две фигуры, парня и девушку, в таких вот юнгштурмовских одеждах...

А на банкете, после принятых поздравлений защитившегося, его научного руководителя (и за Игоря Васильевича, председателя совета, рюмки подняли), все внимание верноподданнически сосредоточилось на неспешном рассказе ректора, только-только вернувшегося из Америки, куда ездил изучать опыт тамошней организации учебных и иных процессов — за счет дальновидной приглашающей стороны, то есть фонда Сороса. Альфред Борисович в полном восхищении обменивался заокеанскими впечатлениями.

— ...Повезли нас в маленький штат Нью-Гэмпшир, что на крайнем северо-востоке близ канадской границы. У них такие порядки, что маленьких, специализированных вузов не имеется, зато в каждом штате огромный университет с полусотней, а то и поболее тысячей студентов. И такая пестрота! Не поймешь сначала, куда попал: негры, что у них афроамериканцами зовутся, индусы, китайцев много, латиноамериканцы, арабы, турки. Все это прорежено ихними янки с европейскими лицами... Вроде все как вперемежку, шумят, галдят, на лужайках кампуса в бейсбол битами, как в наших сериалах, но только не по лицам, а по мячикам лупят. Но присмотришься: чувствуется общий порядок, этакая американская свобода в поведении, но чуть дело касается чего конкретного, той же учебы, экзаменов, так из суматохи этой и вырисовывается четкость и организация.

А учеба навроде нашей заочной, только по компьютерной сети! — нам еще далеко до этого, но уже пора задуматься. В кампусах же, что у нас пока студгородками называются, чистота, порядок, лужайки между корпусами с аккуратно подстриженной травой. Душа отдыхает! И всякие смешные постаментики с фигурками сов, ящериц бесхвостых и прочих зверушек поверх: простенько и со вкусом! Все напоминает студентам о науке, учебе и экзаменах. А у нас... — ректор обреченно махнул рукой, — никакого тебе веселого разнообразия. Все серое, не ре-

монтированное с совет... в смысле с прежних времен. Все заросло, а из памятников только и есть Ленин из крашенного папье-маше да снесенные уже юнгштурмовцы. Нет, надо нам подтягиваться за заграницей! Опять же, обратил внимание: университетский патриотизм у них в чести. Издают ежегодно справочные книги по научным своим достижениям. А если их бейсбольная команда в десятку победителей среди университетов американских войдет, так ликование не один-два дня длится. Надо, надо, коллеги, подтягиваться. Вот наша партия и пра... наше руководство постоянно призывает: сделаем науку и образование достойной наших смелых реформ, динамичности, размаху и устремлению которых изумляется весь мир. Вот за это и предлагаю тост! (В «лихие девяностые» тогдашние партия и правительство к кирке толерантны были).

♦ В последующую пару месяцев Игорь Васильевич с веселым изумлением отмечал бурную деятельность микроскопического строительства на территории студгородка, своими сорока с лишком учебными корпусами, общежитиями, хозяйственными постройками занимавшим не один квартал по обе стороны главного городского проспекта. То в одном месте перед корпусом с дорическими колоннами еще сталинской, довоенной постройки, то на лужайке между университетскими производственными мастерскими и бывшей солидной столовой, ныне спешно переоборудованной в совершенно пустующий корпус, пышно названный «инновационным», и даже в глухом дворе меж нескольких университетских зданий, видел Скородумов группки работяг в три-четыре слабо опохмеленные персоны в замасляных комбинезонах, что-то копающих с помощью ломов, штыковых и шахтерских лопат. Затерханный грузовичок, сразу заставлявший вспомнить кадры военной кинохроники с полуторками, подвозящими боезапас из ближнего тыла, к окончанию лопатного нулевого цикла доставлял

обрезки бетонных столбов, которые с умеренными матерками работяги сгружали через откинутый борт кузова. Подносили ведра с цементным раствором, а на носилках горки щебня и битых кирпичей. Бурная эта деятельность скоро перестала интересовать Игоря Васильевича: примелькались хмурые работяги (в те годы задержка и без того скоротечно съедаемой гайдаровской инфляцией зарплаты на два-три месяца обычное явление), сосредоточенный десятник, или как там их называют? — наблюдатель за игривой новостройкой, искусственно бодрый, с подкузьминками, наигранно веселый смотрящий от ректората, бывший парторг... Стал он выбирать путь, минуя вырытые ямы, сваленные с грузовичка бетонные столбики, неряшливо сброшенные с носилок гравий и кирпичные обломки. А в начале наступившего учебного года наблюдал он издали на месте новостроек университетское начальство с согнанными на мероприятие студентами и преподавателями. Заинтересовался, начал спустя день-другой после торжественных сборищ выбирать путь мимо свершившихся новостроек. Исполнил же ректор свою «американскую мечту»! Перед сталинским корпусом с дорическими колоннами на бетонном столбе сидит бронзовая безхвостая ящерица: дескать, пошел пересдавать экзамен, по-студенчески «хвост», на пути потрогал ящерицу — а хвоста-то нет! Прямо как в кампусе университета штата Нью-Гэмпшир...

Между претенциозным «инновационным» корпусом с единственной живой душой — охранником и производственными мастерскими уселась на бетонной тумбочке сова — тоже из бетона (бронзы на всех не хватило!), символ бывшего знания. А в глухом дворе между корпусами обосновалась тож на бетонном столбе и вовсе неведомая зверушка, чем-то схожая с бурундуком. Очевидно, символ американского накопительства под девизами: мек моней и ничего личного, только бизнес.

...Правда, уже через неделю бронзовую ящерицу-безхвостку выломали глухой ночью и сдали в цветмет, откуда смекалистые торговцы за приличный выкуп вернули земноводное университету. Зверя накрепко принайтовали к бетонному столбу, а на фронтоне сталинского корпуса установили редкостную еще камеру видеонаблюдения за бронзовым гадом. На бетонные сову и бурундука не покушались — не металл ведь! Для коллекционеров же слишком аляповато исполнены.

Но вот Альфред Борисович одну американскую свою мечту как раз и исполнил. Зато с другой, которая книга с прославлением университетских ученых достижений, ба-а-льшой конфуз случился.

♦ «Самотеком только вода в нужном направлении течет», — любил приговаривать фольклорно-многомудрый в служебных ситуациях Альфред Борисович, вчитываясь в очередную пространную инструкцию, спущенную с минобразовских верхов. И никогда не торопился спускать ее ниже по университетской «лестнице» для исполнения, а клал под «сукно» — отлежаться. И все до самонаименьшей мелочи держал под неослабевающим контролем. Потому уж под два десятка лет и держался в ректорском кресле, пережив смену строя в отечестве, трех генсеков и двух президентов: единственного советского и первого новороссийского. А вот тут впервые в жизни сплосхвал, явно от деловой торопливости, которой инфицировался за неделю пребывания в стране нынешнего, уже для всего мира, Старшего брата. Правда, как-то упустил из виду, что тамошняя деловая активность предполагает дисциплинированную соподчиненность и разумность в исполнении порученного. Словом, оторвался от родных корней впавшей в разухабистое русское вольнодумие девяностых годов, забывшей об исконной железной прямоте вертикали власти: от первых московских великих князей до предпоследнего советского генсека Константина

Устиновича Черненко, Кучера по-народному, аббревиатурно так сказать.

История же раскрутилась следующая. Вослед установки в студгородке памятников мелкотравчатым зверушкам обмолвился Альфред Борисович на ректорском понедельничном совещании о подготовке и издании книги, отражающей успехи университета на научном поприще, например, по типу энциклопедии с персоналиями университетских ученых, их фотографии, списками основных трудов. Здесь, от усердия даже некомильфо не выдержав приличествующей паузы после слов ректора, встрял Васюков, бывший вузовский комсомольский секретарь, а сейчас помощник Коршунова по оргвопросам, сообщивший, что областная библиотека, поддержанная областной же администрацией, уже поставила в план изданий на этот год таковую справочную книгу «Современные ученые города N.»:

— Полагаю, Альфред Борисович, хотя книга и будет по всем ученым города и области, но тем впечатлительнее на этом фоне будут представлены наши достижения как ведущего вуза региона. И нам забот меньше: дадим материалы, а библиотека пусть готовит и издает.

— Ну вот и хорошо. Сэкономим, ха-ха, так сказать на редактировании, верстке, корректуре и — особенно — на печатании тиража. Вот обладминистрация и профинансирует. Спасибо, Михаил Егорович, за оперативность. Надеюсь, не откажетесь курировать от нас это мероприятие?

— С удовольствием, Альфред Борисович...

(Ректор тонко усмехнулся, но не по причине верноподданничества бывшего комсорга, а расслышав шепоток либеральничающего декана военно-технического факультета: «Доносчику и первый кнут»).

...Уже через пару дней разгонная от ректората девушка Настя, хотя бы и была во второй молодости и шести пудов веса, занесла профессору Скородумо-

ву листок с библиотечной инструкцией по составлению персоналии для справочника. Игорь Васильевич скоренько сочинил требуемое, но отметил особо пункт инструкции об общем числе опубликованных научных трудов. А почему отметил? — что-то подсказала интуиция каверзное в наличии этого пункта. Ладно профессор Скородумов, но как Альфред-то Борисович с его воспитанной двумя режимами сверхинтуицией просмотрел этот сомнительный пункт в составленной рядовой библиотечной работницей, слабо разбирающейся в высоком административном политесе, инструкции? Опять-таки приобретенный в Америке широкий взгляд на вещи, не позволяющий улавливать соринку в чужом глазу... Да, господа-товарищи, ихним либерализмом русскую душу никак не сдобришь. То ли дело наш отечественный приварок, да чтобы поверх слой топленого масла в палец толщиной!

Ближе к бывшим ноябрьским праздникам как-то мимоходом, не обратив внимание, Игорь Васильевич услышал, что справочник-энциклопедия отпечатана и поэкземплярно скоро будет роздана включенным в него «вумственным» сотрудникам университета. Прошла неделя, другая, но никто это издание в глаза не видел. Профессор Скородумов, сам участник двух десятков научных энциклопедий из разных европейских стран и Америки, и думать забыл о «самопальном» справочнике, как ему в своем деканате вручили экземпляр. Внешний вид он одобрил: добротный твердый переплет, хорошего качества, явно финская бумага, даже верхний обрез блока книги запульверизован под цвет переплета книги. Странноватым только показались форзацы, причем оба: на развороте лицевой и обратной корок переплета. Почему странным? — слишком толстая, навроде ватманской, бумага наклеена, а присмотрелся: наклеена-то она явно на первичный форзац из более тонкой

типографской бумаги. Усмехнулся: все и везде разучились делать, типографии туда же...

На следующий день заскочил его докторант из вузовских доцентов, мужик сорокалетний и тонкий знаток университетских нравов. Тщательно притворив за собою дверь и даже повернув ключ в замке, он достал из щегольского портфеля такую же энциклопедию, многозначительно кивнул профессору и раскрыл книгу сначала на верхнем форзаце, затем на обратном: тот и другой в полный разворот, калейдоскопически, как шахматная доска, заполнены квадратами с фотографиями и подписями: ФИО, ученая степень и звание и — вот Игорь-то Васильевич проинтуичил! — общее число опубликованных научных работ. Причем квадратики эти размещались слева направо, а по рядом сверху вниз, с продолжением на заднем форзаце, строго по убыванию чисел этих самых работ. Полностью лишенные в своем книжном отъединении от реального мира административного чутья, библиотекари даже для убедительности пронумеровали квадратики с фотками от единицы до сотни — столько они выделили губернских ученых, достойных для выноса на форзацы книги... И уже без изумления отметил: под номером «один» с фото сурово посматривал его декан, активно публиковавшийся; вторым с усмешкой скептицизма значился он сам, профессор Скородумов. Их ректор Альфред Борисович значился... семьдесят восьмым (соавтором он обычно выступал), а ректорша второго вуза города, педуниверситета — где-то ближе к девятому десятку.

— ...Вот увидел это безобразие Коршунов на сигнальном экземпляре и...

— Можешь не пояснять. Сам-то где такой раритет отхватил?

— Да у меня студент в этой типографии подрабатывает: сразу смекнул и мне украденный экземпляр презентовал. Хитрован! Ведь сессия на носу...

НОВЕЛЛА 13. «НЕ НУЖЕН МНЕ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ». ИЛИ ТУНИССКИЙ?

И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя победить в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «проставить», — завоевание Кавказа например.

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя», 1876

Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными.

Ф. М. Достоевский
«Дневник писателя», 1877

♦ Вернувшись мгновенно, коль скоро изобретатель всех советских антенн Кирилла Петрович Сухарченко доказал, что есть скорости больше световой, из путешествия в лихие и веселые девяностые в суровую суконно-цинковую реальность профессор Скородумов тотчас был потревожен телефонным звонком городского аппарата. К таким звонкам Игорь Васильевич относился заранее доброжелательно, ибо все пакостное и хлопотное, нарушающее мирное и размеренное течение жизненного времени, исходило от звонков на гэджике-мобиле. Действительно, звонил давнишний знакомый Андрей Матвеевич Бурцев, писатель и главный редактор литературного журнала «Срединная Россия». Поскольку Бурцев печатал тираж журнала в той же типографии, что и Игорь Васильевич свой научный «Фено-

мены разума. XXI век», то в числе их общих докук и стачек были вечные распри с типографией, порывившей регулярно поднимать цены. С одной стороны, оба главреда понимали типографщиков: курс рубля к доллару-евро постоянно падает, а все оборудование печатное и расходные материалы импортные. Свои только рабочие руки. Но с другой — своя рубашка ближе к телу, и так для благого дела нередко из своего кармана платят...

Вот и сейчас Бурцев предварял визит коллеги в типографию с заказом тиража нового номера: «...Ты, Васильич, имей в виду: опять Авдеева про бумагу и краску, в смысле про порошки печатные, талдычит; дескать, опять поставщики-оптовики цены накрутили... Давай условимся: больше пяти процентов накидки к предыдущей стоимости тиражей не соглашаться. Как говорится, пролетарии умственного труда, соединившись, победят!»

Игорь Васильевич с доводами коллеги по увлечению (а как иначе сейчас назвать прихоть издавать журналы?) согласился. А коль скоро речь зашла о книгопечатании, то и рассказал анекдот из жизни — про давнюю библиотечную энциклопедию, столь обидевшую тогдашнего ректора университета Коршунова. Бурцев вежливо посмеялся, но видно (в телефонную трубку — слышно) по всему было, что претензии типографов превалируют в его голове, поэтому ответил философически, мол, живем как во сне, с вечера водку пьем, а утром коньяком опохмеляемся. На этом распрощался, положил трубку.

Игорь Васильевич несколько озадачился алко-гольной метафорой собеседника, но сделал скидку на творческую, писательскую натуру Андрея Матвеевича. Однако утренний визит московского гостя несколько выбил из рабочей колеи, пора к распорядку дня дисциплинированно возвращаться. Но тот же Бурцев озадачил философской присказкой: вот засе-

ла в голове многотумной и никак их нее вылететь не может. Допустим, была бы теорема, что доказательств требует, а тут пустяк совершенный? Выручила личная машина времени, уже автономно от приказов владельца головы научившаяся сама порой включаться. И здесь перенесла на короткое время в студенческую пору: третий курс, день недели — среда, когда по расписанию девицы их факультета отдыхают, а у ребят с утра до вечера «военка», занятия на военной кафедре. И не просто занятия, а сдача экзамена по очередной военной дисциплине. Принимает подполковник Красненко, мужик душевный. По передаваемой из поколения в поколение традиции, накануне группа экзаменующихся, по-военному курсантский взвод, скидывается на пару бутылок водки «Экстра», которые перед приходом экзаменатора ставятся под преподавательский стол в уголок внутренних его стенок, откуда впоследствии они переключиваются в портфель того же подполковника Красненко.

Так и поступили. По стойке смирно вскочили при появлении экзаменатора, но... что-то новое исходило от Красненко: торжествующая улыбка, осанка такая вальяжная внове... ба-а! так на погонах третья звезда добавилась! И поприветствовали взводным хором: «Здравия желаем, товарищ полковник!» Тот снисходительной отмашкой усадил курсантов. По тому как Красненко несколько охлюпкой сел на стул, даже самые непонятливые сообразили, что пару-тройку предыдущих дней отец-командир обмывал «папаху» — полковничье звание. А Красненко наметанным острым взглядом бывшего артиллериста, переученного на ракетчика, брошенным под столешницу, отметил непорядок и поманил к себе пальцем комвзвода — старосту группы. Когда тот подошел к столу преподавателя и наклонил голову, ориентируясь на жест Красненко, то услышал наставительный полусшепот: «Полковник ведь». При этом Красненко

ладонью левой руки похлопал по правому погону. Мигом поумневший староста со словами «разрешите ненадолго отлучиться, товарищ полковник?» вышел из классной комнаты. Вернулся он в самый разгар экзамена, держа в руке матерчатую сумку, с которой проделал некоторые манипуляции, нагнувшись под столешницу преподавательского стола, на время которой Красненко встал со стула и прошелся по комнате, разминая занудевшие от сиденья ноги.

Староста же, усевшись на свое место, шепотком пустил по взводу команду: «Скинуться на две грузинского трехзвездочного, а «экстрой» сдачу экзамена обмоем».

...Ностальгически заулыбавшись, Игорь Васильевич усилием воли заставил себя вернуться-таки к текущим делам.

♦ Андрей Матвеевич, договорившись с профессором Скородумовым о совместной стачке против типографии с ее растущими ценами на печатание, положил телефонную трубку и довольно заурчал на мотив старинной тухмановской песенки про вагантов: «...Если не сведут с ума римляне и греки, написавшие тома для библиотеки». Тут же ухмыльнулся: ох как правы были эти самые развеселые бурши и ваганты из средневековых европейских университетов, какие же мощные провидцы? — за сотни лет предвидели, что в начале двадцать первого века литераторы навроде его самого, Бурцева, многопрофильные ученые типа только что беседовавшего с ним по телефону профессора Скородумова, будут сочинять свои книги и издавать свои журналы исключительно *для библиотеки!* История, как и сама человеческая жизнь, есть повторение замкнутых циклов. Как тот же сон: с какой мыслью засыпаешь, с той же, только расцвеченной замысловатым сюжетом, и просыпаясь. Истинно, жизнь как сон. Также и с книгами для библиотеки. Если в средневековых университетах

книги, особенно до изобретения их печатания ювелиром из немецкого Майнца Иоганном Геннсфляйшем Гуттенбергом, стоили дорого и были не по карману студиям (на пиво бы наскрести, вино вообще в счастье: «Эй, трактирщик старина, дай-ка доброго вина! И крамбамбули* стакан. Доннер-веттер, кто не пьян!»). Имели книги только библиотеки университетов, которыми студенты и пользовались: умные регулярно, праздные гуляки перед экзаменами. В наше время автору самиздатские книги (тиражи до ста экземпляров) более некуда девать, как разносить по библиотекам, где они и пылятся годами и десятилетиями, будучи нетронутыми и невостребованными. Народ давно уже не читает, а студиям к книгам испытывают стойкое отвращение, чтение их полагают лоховским занятием. Если и придет им в голову блажь что-то впихнуть в голову-бестолковку к экзамену, то по экрану гаджика послушавленным указательным пальцем поводит... где стандартные ответы на лапидарные вопросы, что задает скушающий препод, а чаще листок с тестами кладет на стол.

Что же получается? — сочинение и издание книг сегодня во всем мире есть разновидность самоудовлетворения, то есть некоего интеллектуального, творческого онанизма, грубовато выражаясь? Более того, поскольку литературный, научный процесс творчества требует огромных затрат умственной и питающей ее физической энергии, тех самых христианских мук творчества, зачастую нервного, опять же физического, истощения, то по определению это уже не юношеский, естественный онанизм, но самый настоящий умственный садо-мазохизм, что уже под неласковой опекой психиатрической медицины, от одного воспо-

* Крамбамбули — данцигский ликер (киршвассер) большой крепости. Но у немецких буршей на их жаргоне так именовался любой крепкий напиток.— Прим. авт.

минания о которой так и отдает ощутимо запахом несвежих халатов здоровенных санитаров с пудовыми кулачищами...

А в европах-америках, япониях-китаях что за картина? Да та же самая. Опять же славны бубны за горами, чего нам все за бугор смотреть! Дескать, «не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна».

Стоп-п! — остановил свои вялые, разбросанные мысли Андрей Матвеевич; какая связь между турецким берегом и Африкой! Если, конечно, не иметь в виду десятки миллионов наших сограждан, особенно из числа «экономически активных», каким эвфемизмом наши эсмэишники приторно-слащаво именую удачливых спекулянтов-перекупщиков, которые ежегодно устремляются чартерными самолетами американской фабрикации на побережья Средиземного и Красного морей, вывозя за тот же год из страны под триллион рублей! ...и привозя новые вирусные штаммы. Вот и получается, что кто-то ляжки под южным солнцем греет, а величественные стройки современных капиталистических пятилеток оплачивают загнанные в угол курильщики — со стоимостью пачки дерьмовых сигарет за сотню-полторы-две...

Но это про нынешнюю Турцию и Африку. На время же сочинения ностальгической и патриотической песни про «берег турецкий» самолетов с тремя посадочными местами не существовало, а баре с барынями ездили в немецкий Карлсбад проигрывать в рулетку остатки денег от заложенных и проданных в казну или купцам имений. В Африку же наведывались за впечатлениями и взнуздыванием своей музыки исключительно поэты, как тот же Гумилев. Да еще гусар Булахович с сотоварищи служили военными советниками при армии абиссинского негуса (императора) Менелика II и помогли ему в 1896 году при Амба-Алаге и Адуде наголову разбить

итальянский экспедиционный корпус генерала Баратьери и сделать Эфиопию независимой державой.

То есть на рубеже тех веков Российская империя имела свой интерес в северной и северо-восточной Африке, зорко присматриваясь к Абиссинии и Тунису, особенно к средиземноморскому берегу последнего — под возможную базу для военных кораблей Черноморского флота, стесненного в своей акватории, да еще с турецким контролем над узенькими проливами. Потому литератор, историк по образованию, Бурцев и придерживался известной точки зрения, что изначально слова песни звучали как *«не нужен нам берег тунисский, вся Африка нам не нужна»*. Здесь все на своих местах стоит, соподчиненно и логично. А когда в народной передаче непонятный берег тунисский превратился в почти осязаемый (с Турцией-то четырнадцать войн сломали!) берег турецкий, то логика эта просела: ни к селу, ни к городу оказалась эта Африка... Потому и настаивают нынешние слова песни человека логически и вдумчиво мыслящего.

♦ С этими расхожими песнями, особенно если дело касается иностранщины, где русский человек не приветствуется, и вовсе бардак. Так полагал Андрей Матвеевич — и вовсе не без основания, исходя не только лишь из великорусской посконно-домотканной, лапотной горделивости: мы, мол, вас всех шапками закидаем! А композиторы наши в двадцатые годы ловчили всю по части примеривания европейских шапок. Один гимн юных пионеров-ленинцев чего стоит? Это где *«взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры дети рабочих»*. Слова-то свои, посконные, а вот музыку ловкие наши культуртрегеры прямо взяли из *«Фауста»* Шарля Гуно. Ни много, ни мало! А именно из *«Песни солдат»* со словами: *«Башни с зубцами нам покоритесь, гордые девы нам отдадитесь»*. Все же марши этих годов музыкой спи-

саны с нотных партитур немецких композиторов, того же внука Вагнера, — непревзойденных мастеров военной музыки, от звуков которой ноги сами маршируют в коробках по-батальонно: «Марш авиаторов» и опять же для пионеров: «Вперед продвигались отряды спартаковцев смелых бойцов». В последней и слова *ins deutsche* перевели. А с какой разухабистой немецкой песенки взят лейтмотив авиационного гимна, так в наше политкорректное время и вымолвить-то страшно... Макчикен острый тебе в пасть и кешбэком по фейсу, выражаясь на современном нижегородско-американском. Сейчас вообще опасно думать, тем более на бумаге оставлять следы всяческих дум, выходящих за пределы пожрать-попить, купить-продать, трахнуть безопасным сексом. Господь с ними, с тварями дрожащими, говоря словами Федора Михайловича.

Но все же о песнях: исключая годы Великой Отечественной, что-то до обидного мало отложилось в нашей песенной культуре о победах русского оружия. И где та же песенная благодарность освобожденной нами от туретчины славянской Европы? Включая румынов и молдаван, отчасти и греков с албанцами. Ладно ляхи, здесь Пушкин все расставил в «Клеветникам России» по местам о извечном споре славян между собою. Опять же почти полтора столетия их нахождения в составе русской империи: бесконечные восстания, цари половину Сибири ссыльными польскими панам (они, а не крестьяне бунтовали) заселили. Пепел Клааса в крови их покая и посейчас не дает, хотя бы Генералиссимус и отдал им после войны всю немецкую Прибалтику, Данциг и Померанию. И чехи, славянские немцы по определению Карла Маркса, понятны. Но южные-то славяне? Даже Сербия сейчас с сомнением посматривает на ослабевшую Россию: ведь не решились «братушки» вступить за них, когда америкосы за-

брасывали Белград сотнями «томагавков»? Не та была Россия, чтобы вступить...

Проникновенно прав Достоевский: нельзя нам с Европой воевать — все одно себе во вред выйдет. От Петровых побед над шведами остались нам сейчас Питер и Ленинградская область. Да еще Иосиф Виссарионович дважды державной рукой отобрал у финнов Карельский перешеек, Выборгский район Ленобласти. Он же вернул Восточную Пруссию, некогда уже завоеванную Петровой дочерью Елизаветой, что другой Петр, с клиническими наклонностями, на другой же день после ее кончины вернул разгромленному русскими, французами и австрияками Фридриху... почему-то оставшемуся в истории Великим?

Но вот же, понимая всю бесполезность своих побед в Европе, русские раз за разом наступали на одни и те же грабли. Наиболее разумно поступили Петр и русские царицы восемнадцатого века, ограничившись в Европе Польшей. А с турками та же Европа позволяла воевать... за себя. Но вот Александр Первый («властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, над нами царствовал тогда», — грубовато, но метко и по сути) не послушал самых умных своих придворных, дипломатов и военачальников, того же Кутузова: выгнать Наполеона за западные свои границы — сюда снова он уже не сунется! — и пусть хоть до скончания веков французы, англичане и немцы с австрийцами друг друга дубасят. Так нет, прогнал русскую армию через всю Европу, захотелось щегольнуть въездом в Париж на белом коне! всю работу за англичан, пруссаков и австрийков добровольно на Россию взвалил... Ничего не получив за это на Венском конгрессе (Финляндию Наполеон в Тильзите отдал), вдобавок взвалили на русских позорную роль жандарма Европы: спасти лоскутную Австрийскую империю, тех же мадьяр нещадно лупить, создав у них навсегда образ

врага. Так и старуха Изергиль у Горького упрекает: за что, мол, венгров-то били? Да еще в Крымскую войну вся Европа, даже макаронники из Сардинского королевства, отомстила России за тот въезд русского императора на белом коне в Париж, унизив ее до такой степени, что «рыцарь самодержавия» Николай Первый от вселенского позора застрелился.

Вроде как по-человечески доброе дело сделал Александр Второй, двойной освободитель: русских крестьян и балканских славян, но чем эти славяне в дальнейшем вольно или невольно России отплатили? В Первую мировую из-за них втянули нас в бойню. Во Вторую же на стороне Гитлера все они были-стали, исключая сербскую партизанскую армию Иосипа Броз Тито... кстати, хорвата.

Самыми разумными по части Европы за всю русскую историю оказались большевики Ленин с Троцким, скорее даже Троцкий с Лениным: плюнули в рожу Антанте, втянувшей-то Россию в войну лишь в качестве пушечного мяса. Правильно поступили: все равно даже при исполнении «войны до победного конца» хрен бы получили обещанные «проливы и кресты над Софией»!

Соотечественник (не называйте меня грузином, я — русский, говорил Сталин) героя 1812-го года Багратиона, Иосиф Виссарионович до последнего момента не давал «англичанке» втянуть страну в новую мировую бойню, но опять, как в предыдущую войну, хитромудрая Европа столкнула лбами Россию и Германию, воспользовавшись определенной неадекватностью бесноватого фюрера. Сталин и руководимый им советский народ извлекал максимум возможного, сломав в жесточайшей войне хребет Третьему Рейху и создав вместо бывшего «санитарного кордона» стран-лимитрофов мировую систему социализма. Но он одержал победу в Европе! Она этого не простила и вместе с Америкой в конце прошлого

века жестоко отомстила, уничтожив Советский Союз и соцсистему.

...Нет, нельзя нам побеждать в Европе, а «братья-славяне», бывшие турецкоподданные, трижды отрекутся от нас, еще не успеет петух утренний пропеть. Как в Христовом Евангелии.

♦ Обидевшись за Россию, за русских, за самого себя, Андрей Матвеевич, кстати вспомнивший недавний свой телефонный звонок профессору Скородумову — изобретателю личной машины времени, тотчас и вскочил в нее... даже и не в машину, а так, в подсобный самокат с аккумулятором и электродвижкой, которыми китайский сычуанский велосипедный завод в последние полгода-год стахановскими темпами наводнил наше отечество на все его десять часовых поясов (вроде как сколько-то лет назад их пробовали уложить в семь штук — но сейчас вроде замяли?). Кстати, совсем недавно два дня подряд всю страну держали на взводе: в телерадионостях от рассвета до заката с тревожной скорбью в голосе дикторы новостных сообщений обсуждали состояние здоровья мэра одного южного города, вроде как курортного, что, имея за плечами полтинник с лишним жизненного опыта (явно на пользу ему не пошедшего), разогнался на таком вот пионерском самокате до скорости шестидесяти километров в час, врезался в бетонный столб. На третьи сутки почтенный самокатчик выпал из новостной ленты описаний побед, скорбей и тревог текущей российской жизни. На всероссийское сочувствие чиновный самокатчик не взошел.

...Литератор Бурцев даже постарше трагического главы курортного городка, возможно поумнее и осторожнее, поэтому, оставив базовую личную машину времени в виртуальном гараже, подобный электросамокат гнал осторожно, с исторической оглядкой, поначалу не отдаляясь особо годами от исходной вре-

менной точки — того майского дня третьего года пандемической напасти на наш грешный земной мир.

Неча на зеркало пенять, коль рожа крива. Русский народ не прочь погордиться своими изобретениями навроде велосипедных и покрасоваться на людях иноземных красной поярковой шапкой и кафтаном с соболями (сейчас выделки чжэнхуанской фабрики пластмассового текстиля), но он же и не станет отрицать своей всегдашней, от Гостомысла и Рюриков, глуповатости: всегдашней готовности, в угоду все тем же чужеземцам, поплевать на свое прошлое. Не то, что Иван, родства не помнящий, но как-то легко он это делает, не задумываясь. А потом искренне изумляется: чего это на нас, расейских, в Европе свысока, с этакой паскудной усмешкой поглядывают? Братья-славяне тож нами брезгуют (если только в данный момент мы не освобождаем их от султана или фюрера). А за всякий праведно завоеванный нами клочок исконной — как они полагают — европейской земли непременно злопамятно отомстят. Хотя бы через сто лет.

И жизнь нас ничему не учит: дескать, не играй с чужеземью в поддавки, не подмахивай (это словечко Исаича Солженицына) им, когда тебя об этом не просят, не угодничай... Вот прошел на бывшей 1/6 части земной суши пресловутый парад суверенитетов, разрушили великую советскую родину... Казалось бы, запишись от стыда в дачном своем сортире и лей слезы горькие: что имеем, то не ценим, потерявши... Ан нет, безо всякого стыда и сожаления, но народ сам по себе конечно, а эсмэишники, четвертая власть, в лихие девяностые распоясавшаяся, коль скоро первым трем своих забот хватало по разрушению и распродаже оптом и в розницу советского наследия, вот и начали нагло, нахально и скалозубо подмахивать — и даже не Европе с Америкой, как победившим хозяевам, а обретшим самостоятельность осколкам бывшей

советской империи. Заодно, что самое подлое дело, и за бывшую российскую империю «расписываясь». И с тех самостоятельных времен по сегодняшний день все в том же ключе длится. Началось же все с трансформации наименований «освободившихся от России» царств-государств и их столиц. Забыли (а эсэмэшники и отродясь не знали), что есть в филологии такой научный подраздел как ономастика — наука о именах собственных. То есть как устоялись в русском языке исторически названия стран, городов, местностей и морей-окианов, то так тому и во веки веков быть-стать!

Даже слабоумному либералу головного мозга не придет в голову верноподданнически подмахнуть Западу и потребовать исправлений в русской речи: именовать почтенные забугорные страны их самоназваниями. Норвегию кликать Норгей, Швейцарию, учитывая ее три госязыка, так и вовсе тремя именами: Швитцдерландом, Зюссией и Швицем. Само собой *Deutschland, Deutschland über alles!* Опять же «ащо Польша не сгинела» («но дала уже душок», как распевали бойцы Первой конной, наступая в двадцатом году на Варшаву). А там как горох из дырявого мешка посыплется: Бельгиум и Бёльге (там тоже два языка), Франсе и Энгланд, Шкуипна (то есть Шкиперия — Албания), Итали и Мадьярорсцаг — Венгрия... Даже обидно станет тому головномозговому либерасту, что самоназвания тех же Португалии, Сербии, Чехии, Словении и Болгарии лишь малым отличаются от обычных их русских наименований.

Но вот каким умом головного мозга подмахивали те, кто ввел в практику (не народа конечно, тот на все это плевать хотел, как прежде называет) русской радиотелевизионной речи лимитрофно-горделивый Таллинн (причем дикторши акцентированно даже дробь зубную отбивают: нnn...), Алма-Ату (отец яблок, как учили нас в школе) переименовал в Алматы,

Башкирию в Башкортостан, Киргизию и киргизов, соответственно, в Кыргызстан и кыргызов: послушайте, как в телятнике самые высокие чиновные люди трудолюбиво и отчетливо эти «ы» выговаривают? — Заслушаешься. Опять же Молдова и Ашгабад... Грузию и столицу Армении не решились в Георгию и Эребуни в современной русской речи трансформировать, зато подмахнули Шушкевичу: Минск в Менск переименовали! Правда, ненадолго: Батяка взял власть в свои руки и Менск отменил.

А вот с Украиной, в смысле «в Украину» вместо на «Украину» и вовсе детективная история. Помнил Андрей Матвеевич одного из гряды самостийно-незалежных президентов-гетманов — Ющенко. Бесцветно он и кратко правил, а если и запомнился у нас в стране, то по скандалу: как-то раз поутру показали его в российских теленовостях с выщербленным лицом, пошедшим странными пятнами, что у малых детей при диатезе случается. А окружение того Ющенко на весь мир верещит: отравили, дескать, злыдни-москали радиоактивно-химическим снадобьем нашего президента-надёжу! Не слишком ли вольготно чувствуют себя в назалежно-самостийной агенты Кремля, спецслужбисты разстроившегося кегебэ? Правда, через день-другой диатезные пятна прошли, а на российском телеканале самостийный репортер проговорился: намедни, перед выщерблением кожи лица, Ющенко поужинал салом с раками: слабосочетаемый, по ученому мнению диетологов, харч. Вот и повело — даже без вспомочи агентов Кремля...

Этот сюжет запомнился. Но только очень наблюдательно-наметливые люди, к которым по своей литераторской профессии относился и Андрей Матвеевич, помнит второй «выход на сцену» этого соседского президента. А именно: как-то в новостном выпуске центрального нашего телевидения проскочило высказывание Ющенко, что-де обычная грамма-

тическая форма «поехал на Украину», «вернулся с Украины» является оскорбительной для всякого *цирого украинца*, ибо москали в нее подспудно вкладывают пренебрежения к великому и самостийно-незалежному государству. В чем состоит это пренебрежение, незадавшаяся жертва происков российских спецслужб не пояснил. Но добрый и отзывчивый наш народ тотчас смекнул: явно налицо грамматическая ассоциация с обыденным дружеским обменом приветствиями навроде: «Здорово, Иван! Как твой бизнес-спекулянтис?» — «А пошел ты, Федор, ...!»

Народ похотел и тотчас про «на» и «в» Украину напрочь забыл. Но то народ наш — от сохи, от токарного станка, которого даже зубодробительной лаской сам Петр Первый импортному политесу, по-нынешнему политкорректности и толерастии, не смог обучить. Но эсмэишники вмиг переняли, подмахнули. Чудны дела твои, вседержитель: прямые законы в стране со времен первых киевских князей и поныне не выполняются, а стоило киевскому же Ющенко, опять с вечера американский бигмак с самостийной начинкой из сала и раков стрескавшего, мимолетно, наобум что-то сказать про грамматику поездок *на* — с Украины, тотчас все переполошились: с того самого дня, совершенно без каких-либо директивных указок «сверху», без пояснений-разъяснений, вся печать, радио, телевидение, интернет (как источник слабоумия и умозамещения) — все скопом перешли на «поехал в Украину», «приехал из Украины». И все тут! И доселе так: с самых высоких политтрибун, из уст заядлых чиновных патриотов и даже академиков по линии филологии и других грамматических наук — только «в» и «из».

...Народ-то по-прежнему разговляет по-русски: «на» и «с», ему недосуг задумываться, а вот грамматическим академикам, тож профессорам и доцентам (что с портфелями), исключая тех, кто купил по

дешевке эти звания и степени в лихие девяностые, пристало знать хотя бы курс русского языка по программе школы второй ступени, то есть неполного среднего образования. Нормы русского языка в написании предлогов ориентируются на этимологию (значение) корня следующего за предлогом слова. Искусственное, введенное только в девятнадцатом веке националистами (австро-венгерской ориентации) самоназвание Украина вместо исторической Малороссии, корнем имеет слово «край», «крайний» — в русском языке, а в малороссийском то же самое, но в форме «у край», то есть по-русски «с краю».

Ведь русский человек не скажет: «Я пошел в край села»? Правильно, он «пошел на край села». Отсюда и грамматическая форма «поехал на Украину»; соответственно и «вернулся с Украины». А вот на малороссийском наречии как Ющенко говорят: в Украину и из Украины. Но почему он решил переучить нас на свою мову, и почему у нас все тотчас послушались, переучились, исключая собственно народ? — Вот в этом и вопрос и его разгадка: почему нас нигде не уважают? — потому что любим дураками себя выставлять на всемирную потеху.

◆ Известно, что на дураках, особенно из разряда льстиво (сейчас политкорректно) подмахивающих, черти воду возят. Если ему Таллин-н-н..., то он тамошних русских в третий сорт определит и так далее. Подмахивающих нигде не уважают. Припомнил самокатчик по времени Андрей Матвеевич, как лихо те же Достоевский и Николай Семенович Лесков, особенно последний в рассказе «Колыванский муж» (Колывань, Ревель, соответственно, старое русское, потом немецкое название все того же Таллин-н-н...), показали хамское отношение остзейских баронов к имперской нации — русским. Сейчас вот с угодливостью приветствуют американизацию бывшего великого и могучего. Буквально на днях в словарь Вино-

градова, что есть академический, официальный корпус русского языка, внесли свыше шестисот таких американизмов! Каково это воспринимать литератору Бурцеву, который, случайно услышав из радиоточки или из телеящика волапук навроде «интерактивная мультимедийная платформа», в бешенстве машинально ищет правой рукой (чтобы метче и сильнее) что-либо потяжелее — запустить в источник звука...

Зарулил свой китайский аккумуляторный самокат Андрей Матвеевич в Болгарию в момент взрывания мавзолея Георгия Димитрова: взорвали неудачно, здание просто осело на один угол. Тоже ничего делать не умеют. А немного дальше по годам увидел Бурцев себя студентом-заочником Литинститута, как их в весеннюю сессию сняли с занятий и отправили изображать восторженных жителей столицы, приветствующих проезд открытой «чайки» со стоящими Леонидом Ильичем и Тодором Живковым: «Советский Союз и Болгария — вместе навеки!» А на телеэкранах болгарин Бедрос Киркоров с шестнадцатилетним своим сыном, двухметровым Филиппом, пели в унисон известную песню: «Стоит над горою Алеша, в Болгарии русский солдат».

Совсем же недавно, в последний предэпидемический год, телевизионщики (ух и язвы же они! под шумок и кукиш всем покажут...), заговорили о подготовке казахскими либералами, ориентирующимися на турецкий «Великий Туран», перехода с русского алфавита на латинский, то есть с кириллицы на латиницу, причем верховодит этой кампанией дочь бесменного руководителя страны, правда, уже бывшего. И под конец короткого репортажа вставили кадры старой съемки: юная казашка, та самая дочь, тоненьким голоском поет по-русски: «С чего начинается родина...» Ведь могут, черти телевизионные, когда захотят! ...Но с латинизацией вроде как (или пока?) не срослось: спустя полгода, то же телевиде-

ние со значением в голосе диктора сообщило: власти выразили той дочери признательность за хорошую работу, от которой ее освободили...

Восток не Европа, с которой нам воевать нельзя, невыгодно и не балканские и иные славяне, что, как апостол Петр от Христа, трижды от нас отрекутся, не успеет и петух пропеть. Восток — дело тонкое, определил наших среднеазиатов персонаж популярного кинофильма. И дела там стараются делать втихомолку, за высоким дувалом своих стран, в космическом ускорении перескочивших из феодализма в советский социализм и далее, не включая тормозов, из «социализма с феодальной спецификой» аж сразу в олигархическую команду, впрочем, с еще большей «феодальной спецификой» — и под протекторатом, если Россия не сумеет удержать, Турции или Китая.

Вот получает Андрей Матвеевич письмо из Семипалатинска — переписка у него давняя с тамошним музеем Достоевского (после каторги в солдатах там отбывал), а в обратном адресе вместо названия чисто русского, казаками основанного Семипалатинска значится город Семей, что уже с казахским прононсом звучит. Поинтересовался: оказывается, втихомолку уже половину городов с русскими названиями «перемовляли» на казахский лад...

Вот по части сноса памятников на «окраинах великой империи» — Ленину, Ермаку, русским генералам-«кавказцам», тем более в Европе, то здесь истинно: неча на зеркало пенять. Самим примера давать не надо: раз в тридцать-сорок лет по привычке у себя монументы сносить!

...Хмурый слез с запывившегося самоката с разряженными аккумуляторами литератор Бурцев.

НОВЕЛЛА 14. ГАДАРИНСКИЕ ЛИБЕРАСТЫ, ИЛИ ТОТАЛЬНОЕ УМОЗАМЕЩЕНИЕ

Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть р у с с к и й (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А. Я.) либерал, а есть н е р у с с к и й либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую.

Ф. М. Достоевский «Идиот»
(высказывание Евгения Павловича)

Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят.

Ф. М. Достоевский «Бесы»
(Петр Верховенский излагает
Николаю Ставрогину учение Шигалева)

♦ «Я б в мерчендайзеры пошел, пусть меня не учат», — рассеянно пропел на новорусский рэп-мотив литератор Бурцев, вернувшись на самокате времени из недалекого годами путешествия в прошлое. Пропел — и задумался: имел он смутное представление о содержании нынешней профессии мерчендайзера... что-то по мелкоторговой части, но не в кон-

торе офисной штаны протирать перед компьютером, или как там нынешние штуковины с экраном и клавиатурой называют? а что-то и потяжелее руками брать-носить. Это Андрей Матвеевич вывел из случайно прочитанных объявлений в обрывках местных газет, когда подстилал их на кухонную разделочную доску: уважал он селедку пряного бочечного посола и разделявал ее любовно самолично, не доверяя супруге. А прочел, что на должность со сложным импортным названием требуются именно молодые парни. Знать не девки, которым погрузочно-разгрузочные работы не поручишь... а поручишь — хлопот потом не оберешься. Начнут, что случись, права качать. И хотя в частнособственнической стихии прав, как говорится, граф, хотя бы он и не вписан в родословные книги, а права остальных сомнительны, но как-то тушуются торговые и офисные хозяйчики перед женским напором: своего рода атавизм советской эпохи, когда эти самые хозяйчики занимались мелкой фарцой или начинали трудовую карьеру инструкторами комсомольских райкомов, а матери или бабки нынешних молодых запросто могли через женсоветы, профкомы и парткомы мужику-леваку нервы так попортить, что мигом переключался бедолага от увлечений женским полом на тихое кухонное злоупотребление злодейкой с зеленой наклейкой. Такой магометанский колер имела поллитровка «московской» за два-восемьдесят семь. Мету злоупотребления мигом ставшему подкаблучником мужику директивно устанавливала подобрешая супруга, исходя из решения алгебраического уравнения с тремя переменными: стоимость водки, минимально-достаточное здоровье супруга и какой-никакой толк в постели («С потаскушек своих, небось, часами не слезал, а здесь все норовишь побыстрей отделаться и захрапеть!»).

...Атавизм атавизмом, он же артефакт советской жизни, но вот учиться, окромя как в обязательной

средней школе, мерчендайзеру только во вред: дорого для родичей, хлопотно пять лет самому рефераты, контрольные и курсовые «из инта» распечатывать; наконец, диплом у поступающего в эти самые «дайзеры» не спрашивают. То есть «пусть меня не учат». Опять же для головы прямая польза: пустотность ее проще будет набивать полезными для реальной жизни вещами из того же инта, но с более веселых сайтов. Правда, в школе учителя еще на книги и телевизор ссылались, как на источник заполнения пустотелости головы, но перед телеящиком круглые, почитай, сутки бабуля сидит, мелодрамы смотрит, временами впадая в сон, а немногие имевшиеся в доме книги в недавний ремонт родняки вынесли на помойку, мол, пыль от них, да и не модно сейчас эти штуковины в квартире держать. И не нужны они в сегодняшней жизни. Уголовный кодекс в интернете, если понадобится, почитаешь, а в зону попадешь (от тюрьмы да от сумы не отказывайся!), так в библиотеке КВЧ* возьмешь самую читаемую в узилище книгу, а старшие товарищи по бараку или камере проэкзаменуют.

О вреде излишнего, то есть сверх умения читать по складам, грифелем на аспидной доске буквыцы выводить и считать до ста, образования еще полковник Скалозуб в бессмертной комедии (язвительной до костей!) Грибоедова изрек, что-де в университетах юношество упражняется в безверье и расколе. Увы, в нашу цифрофреническую эпоху умозамещения** юношество в столь высоких материях уже не упражняется; как все годы школьный учебы оно готовится к сдаче ЕГЭ, так и в «новороситетах» (вроде как крестьянка у Некрасова так говорит?) с пер-

* Культурно-воспитательная часть в учреждениях, опекаемых УФСИН.— Прим. авт.

** Оба термина наши, итак, дважды гордимся...— Прим. авт.

вого курса студюзусы устремлением имеют не знания в голову привлечь, но только диплом получить. «Цель оправдывает средства», — исповедуют они великолепный девиз создателя ордена иезуитов, первого его генерала Игнацио Лойолы. Впрочем, не подозревая о столь престижном авторстве, вопрос же о средствах переадресуя озабоченным непосильными тратами из скудного семейного бюджета родителям.

...Страшен сон, да милостив бог — вот и заветная книжица диплома в руках, а дальше? Кого папаши-мамаши, если в среднеответственных чинах состоят, пристроят. Кому не на кого надеяться, да еще не без остатков ума в голове, глядишь, в серьезную промышленность, что местами сохранилась с советских лет, потянутся. Но массы свежедипломных устремятся в торговлю с длинной чередой перекупщиков, ритейлеров на современном политкорректном новоязе. Словом, «синьоре, компраде ми флоре» (из итальянской оперы: «Синьоры, купите мои цветы»), а нынче под рекламными слоганами: «Чикен макнаген по рублю за штуку», или почище: «Пульмени — прокачаны как надо!»

Мужик сед, да не черт у него ум съел; народ морщится, но не успеет оглянуться, как от постоянного повторения (изобретение доктора Геббельса) и голову тебе прокачают от избытка ненужных мыслей, а уровень ее содержания *подкрутят* до минимума содержания — по полковнику Скалозубу.

♦ Либерализм в ученье — прямая дорога к рыночным прилавкам и именно на ту его сторону, где китайчатый товар разложен. А все потому, что русского либерализма и в заводе в отечестве нашем не наблюдалось. Все завозное, все импортное, рассуждал Андрей Матвеевич, отвязавшись от приставшего словечка, обозначающего малопонятную нынешнюю профессию. Но глобалистский либерализм, точнее либерастия, то есть болезненное состояние

ума, наступает по всем фронтам, делая ставку на молодые головы, которые на 9/10 пусты. Особенно при нынешнем ущербном воспитании и образовании. Что с ними мировая, то есть империалистическая, финансово-олигархическая, закулиса глобализма творит, то они не в силах понять и осознать.

Припомнил он, что в шестидесятые годы, когда по всему западному миру, особенно во Франции с ее более чем полуторовековыми революционными традициями, прокатилась волна молодежных бунтов с выраженной антиимпериалистической направленностью, символом этой революционности стала майка с портретом Че Гевары в знаменитом его берете. Это был стихийный протест, вряд ли санкционированный «Кремлем», тем более — его мировыми противниками.

Все повернулось на сто восемьдесят градусов в нынешнюю эпоху глобализма — «последнего решительного», увы, запрограммировано выигрышного, боя империализма, который он дает в гибридно-информационной униформе всему миру. И диспозиция, целеуказание этого боя суть полное расчеловечивание населения земли, превращение его в аналогов библейских гадаринских свиней, что за своим вожакom бездумно бросаются в пропасть умозамещения, в состояние «рабства равных» — припомнил литератор Бурцев слова Достоевского.

Отсюда и странная символика современной молодежи. Странная на взгляд самодостаточно мыслящего человека, ибо таковой зрит в корень. Для всех остальных, включая самих носителей этой символики, это просто мода. Нелепая, навязчивая, но — мировая мода. Вот началась развязанная Западом (в Америке — ее Востоком, где расположены Вашингтон и банки Нью-Йорка...) очередная гибридная война на Ближнем Востоке. Одновременно с ней госпереворот на Украине, опять же Крым, Донбасс...

А европейская молодежь, временно пустив на само-тек всякие толерастические — это которые под стягами с радугой всех цветов спектра, как однажды *Жак-звонарь городской сломал фонарь* — в школе заучивали эти цвета в последовательности длин его электромагнитных волн — заботы, уже явно с пода-чи кукловодов объявила игиловских басмачей борца-ми с мировым империализмом, а малороссийских са-мостийников тоже «наше дело правое (правый сек-тор)» — противостоящими тоталитаризму России, опять-таки свернувшей в сторону от завоеванной бы-ло демократии. И баста! Улицы европейских городов мигом заполнились молодежью, местной и многими миллионами «интуристов» из Северной Африки и с Ближнего Востока, прибывших на дармовые харчи, как инкубаторские куры в единой форме головных волосяных приборов. Это специфическая борода под «игиловца, смелого бойца», то есть заросшие кадык и щеки при выбритом фасе подбородка. А прическа с явным намеком на хохлацкий оселедец: стриженные над ушами виски и гребень с зачесом направо или налево: у кого какие политические убе-ждения.

Самое поразительное — такие же символы охва-тили и Россию, несущую на себе всю тяжесть войны в Сирии с игиловцами и проклинаемую Киевом на всех мировых перекрестках. Во всех губернских го-родах, не говоря уже о столицах, в более-менее крупных районных, мигом пооткрывались парикма-херские мужские салоны с вывеской «*Barben shop*» и изображением головы молодца в игиловской бородаке и с хохлацким оселедцем. Первый такой в их городе, потеснив в арендуемом помещении ставший малоак-туальным интим-салон с резиновыми бабами-под-стилками и пластиковыми членами (подрастающее поколение перешло на более доступный интернет-онанизм), открылся на территории университетского

студгородка, прямо напротив корпуса факультета, имеющего отношение к биологии. И обнаружил-то этот новомодный «шоп» Андрей Матвеевич как раз направляясь в этот корпус навестить своего приятеля профессора Скородумова.

Сущее барбеншоповское наваждение охватило страну, в которой игиловцы официально запрещены законом, а отечество своеобразных головных приборов в новостных сводках уже далеко не первый год, хотя и иносказательно, но с прозрачными намеками именуется нашим главным супостатом и американской марионеткой в новой холодной войне. Добро бы слабоумное студенчество и падкие на модные новации офисные манагеры вмиг по городам и весям страны защеголяли в оных бороденках и оселедцах! Господь и с телеящиками, на экранах которых в рекламе сразу под десяток таких ряженных-стриженных, одноййцевых инкубаторских отплясывают, доказывая сценическими вывертами преимущества одного бренда над другим — хотя бы оба китайской фабрикации... Но нет, бери выше! В телеинтервью бритые виски и заросшие кадыки появились даже у тех, кому они не положены по казенному патриотическому статусу: у представителей всевозможных фронтов, гвардий, юнармий (эти пока без бородок) и ополчений. А если носители оных не старше тридцатитридцати пяти лет, то в модном растительном прикиде интервьюируются и некоторые партийцы уже при должности: от жириновцев до зюгановцев. И все сугубые патриоты! Литератор Бурцев раз чуть с табуретки не упал — от восторга, а не от принятых перед этим «ста граммов на грудь», — увидев на телеэкране новоизбранного губернатора-выдвиженца с бритыми висками. Правда, без нижнелицевой растительности: этому рангу чиновников бороды административным дресс-кодом категорически воспрещены. Опять же пример нехороший: был один, из ки-

один, из киноактеров и эстрадных смехачей, с такой, но русской лопатой, не игиловской! растительностью в губернаторском чине, но плохо кончил — по автодорожной части.

Андрей Матвеевич, отогнав от головы навязчивые мысли об игиловско-хохлацкой растительности на молодых головах и не совсем молодой, даже губернаторского достоинства, вышел на балкон. Уже начавший накаливать среднеградусную атмосферу жарким дыханием далеких пустынь (не обязательно игиловских; есть еще нубийские, бывшие родные среднеазиатские, наконец, пустыня Негёв в ныне дружественной земле обетованной...) месяц май предвещал жаркие летние месяцы. «Аномально жаркое лето», — как зловеще пугали добрый наш народ телерадиодикторы, особенно дикторши, по своей бабьей зловредности: день прожит зря, если кому не напакостила! Как у мужиков: если от зари до зари пару рюмах не ввел в организм. У каждого свое на уме.

А про грядущую жару, уже предвещаемую необычно жарким финалом обычно ласкового мая, вспомнил Андрей Матвеевич по сложной ассоциации, не первый день наблюдая с балкона своего четвертого этажа за девицами старшешкольного возраста. Избави бог вас подумать, что почтенный писатель и главный редактор литературного журнала имел склонность к педофилии! Во-первых, если быть точным в части логики, то старшие школьницы уже девицы на выданье, давно к детскому сословию не относятся, как правило, уже ведут умеренную половую жизнь. Так что пресловутая, скорее всего нагнетаемая телевизионщиками (о чем еще сериалы снимать?), педофилия здесь ни при чем. Во-вторых и субъективно главных, литератор Бурцев, ощущая себя полноправным мужиком, даже иногда налево похаживающим по части умеренно молодых поэтесс, что печатались в его «Срединной России», справед-

ливо полагал, памятуя древнеримскую присказку про Юпитера и быка (*Jovi et bovi* по-латыни), что каждому возрасту свои сладости. Нынешние же юные девицы и вовсе не сладости по своему обобщенному пакостному характеру и беспредельной наглости и жадности, но самые ядовито-горькие кулинарные специи, что используются в восточных кухнях. «Скорее на парковую гипсовую «Девушку с веслом» встанет, чем на этих малолетних стервоз, так и зыряющих глазками за кандидатами в папики!» — горячился Андрей Матвеевич в заведении «Наиливай-ка!» в обычной тройственной компании с профессором Скородумовым и доцентом-ракетчиком Николаем Андреевичем, коль скоро тембр беседы после третьей стопки сворачивал на скромные мужские радости... помимо разливаемого из горластой посуды, конечно.

Нет, в отношении старшеклассниц, особенно из всего женского сословия обезьянничавших по части моды, иное заинтриговало наблюдательного по жизни и роду занятий писателя Бурцева. Опять же на тезах и антитезах, говоря философским сленгом. Если длаящаяся уже второй год мировая эпидемия как-то ослабила всеобщее увлечение прическами под игольников и хохлов, тем более, что первых разбили, а вторые прискучили всему «цивилизованному миру» жалобами на происки москалей и попрошайничеством, то с тем большим интересом, познавательным в своей основе, обратил внимание Андрей Матвеевич, что, невзирая на жаркую погоду и вообще время года, традиционно располагающее к легким, цветастым женским одеяниям, в один миг все старшеклассницы обрядились в стандартные, из Китая конечно, платья аспидно-черного цвета, с глухими воротами и рукавами. Правда, юбочно расклешенными и на десять сантиметров повыше коленок. Впрочем, размышлял он недолго, по накатанной придя к верному решению: раз игольников расколошматили, то в мировую

моду для несмышленишей и вошли эти глухие черные платища фасона «траур жен игиловцев». Что и подтвердилось по косвенным намекам телеведущих и интернетовскому шуму. Сам Андрей Матвеевич им брезговал, но молодые авторы его журнала подтвердили: да, мол, мода на траур по борцам с мировым империализмом. Писатель Бурцев, доискавшись до истины, благодушно успокоился: дескать, хоть горшком кого назови, только в печь не ставь!

♦ «Куда бы смотаться на китайском самокате, а лучше на добротной полноприводной личной машине времени?» — размышлял Андрей Матвеевич, решив загадку о черных летних одеяниях старшеклассниц. Но ведь это такая мелочь, рыбная мелюзга — отгадка очередной политизированной моды для несовершеннолетних полудевственниц! — На фоне всяких грозных пандемий загадочного происхождения и еще более непонятного назначения. Опять-таки кровные братаны разбитых игиловцев афганские басмачи-талибановцы оживились: америкосы уходят и бразды власти им передают с явным намеком столкнуть их на таджикской границе с нашими солдатушками-ребятушками... Зажмурил на миг глаза, инстинктивно отпрянув от ошалело влетевшего в открытую форточку майского шмеля, и тотчас промелькнула картина воображения: с пологого альпийского взгорья близ Кандагара идут в наступление побатальонными коробками талибановцы в своих живописных, времен халифата, халатах, на ногах ичиги с загнутыми вверх носками, на бородатых рожах лица семирамидские чалмы. И не в пешем порядке спускаются они с альпийских лугов, но на аккумуляторных китайских самокатах, левыми руками ухватив рули, а в правых на боевой изготовке тож чьей-то импортной выработки «калаши» в десантном варианте исполнения.

Открыл инстинктивно зажмурившиеся глаза, опасливо посмотрел на опомнившегося шмеля, выле-

тающего на улицу через ту же форточку, и ухмыльнулся: вот ведь в какой ассоциации басмачи-моджахеды на электросамокатах привиделись! Возвращался Андрей Матвеевич после хлопотных своих издательских дел, держа курс на родной дом, но, проходя мимо биологического университетского корпуса, не преминул на полчасика заглянуть к приятелю своему профессору Скородумову, что в том корпусе сталинской архитектуры резидентствует. Поговорили чуток о наболевшем, погоревали, что который уже год анекдоты из обихода напрочь исчезли, по рюмахе «со свиданьем» махнули. Вышел он от приятеля, перешел дорогу, что вдоль фасада биологического корпуса, и пошел тихой дорожкой через студгородок — напрямую к своему дому. А в первом же доме через дорогу от корпуса, тож сталинской постройки (тогда города застраивали по ландшафтным генпланам, а не точечно — вразнотык, как сейчас варганят...), центральная городская библиотека имени величайшего классика русской литературы, он же зеркало русской революции; весь первый этаж занимает.

По обычаю своему, проходя мимо библиотеки, Андрей Матвеевич рассеянно поглядел на ближнее к входной двери окно, на внутренней стороне стекла которого регулярно вывешивались, в смысле липкой лентой прищипливались, листки с месячными планами библиотечных мероприятий, объявления о встречах с местными писателями и прочее. Он и сам раз другой в год выступает по тематике своей «Срединной России» перед скромным собранием слушателей, обычно пожилых женщин из числа открывших в себе поэтический дар стихосложения после того, как дети оперились в жизни, а внуки закончили курс начальной школы... На сей раз его заинтригованное внимание привлекло странное для учреждения культуры столь высокого ранга игривое объявление:

*Зачекинься в нашей библиотеке и получи приз!
Запостись в нашей библиотеке и размести свой пост
в VВ или Telegram, указав аккаунт городской библиотечной
сети. Покажи пост на своем смартфоне библиотекарю
и получи сувенирный блокнотик и возможность выиграть
книгу!*

...Некоторые американские слова молодежного и радиотелевизионного жаргона он разобрал, мысленно переводя их на гражданский язык, но вовсе застопорился на ранее никогда не слышанном «зачекинься». Сколько не прикидывал так-сяк, ничего путного в голову не приходило. Даже непонятно откуда всплывшее в голове хохлацкое «почекаемо» — ни к селу, ни к городу... И почти явственно показалось, что сам оживший классик и зеркало понятно чего, чей барельеф «под бронзу» украшал на стене над дверью вход в храм муз словесности, профилем своим мудробородым на четверть метра выглянул из бронзового своего обрамления, повернул голову направо, в сторону окна с объявлением, и, что-то пришептывая обретшими подвижность губами, вчитывается в текст листка, столь заинтересовавшего писателя Бурцева. А тот и вовсе задрожал от волнительного испуга, явственно услышав голос ожившего классика (и зеркала) — а тембр того голоса Андрей Матвеевич хорошо помнил по музейным граммофонным записям (сам Эдисон аппарат классика подарил!), — о, ужас! величайший гуманист и человеколюбец четко и раздельно по слогам произнес: «На конюшню! Насчет того... распорядиться!»

«Ишь, — заухмылялся Андрей Матвеевич, — прорвалось-таки графское, генофенотипическое, дескать, выпороть губителей русского языка! Оно и правда, сызмальства не пороть — человека загубить».

В этот мистический момент, напугав и классика, мигом вернувшегося в величественную забронзовелость, и Андрея Матвеевича, который успел-таки оценить тщетность и прямую глупость библиотечного

объявления: на хрена козе баян, то есть нынешнему бронеподростку-тинейджеру блокнотик, тем более книга? — отпрянувшего с середины узенького тротуара в сторону окна с занимательным листком культуртрегерского содержания, так что лоб его оказался всего в нескольких сантиметрах от наружного стекла: по тротуарной дорожке резво промчался электросамокат. Но суть-то не в самокате, а в антураже его пассажира. Добро бы хлопчик еще половой незрелости, девица ли школьница, но уже с третьим номером, туго обтянутым майкой с англо-саксонской надписью что-то про *йоу ту лайв*, наконец, не исключены и студенты-младшекурсники — стояли на основании самоката, руками бы рулили, а на лицах выдерживали выражение превосходства над примитивными пешкодралами... Нет, напугавший классика литературы и провинциального писателя китайский самодвижущийся прибор был оседлан настолько родной видом фигурой, а сама аккумуляторная каталка и вовсе приобрела столь великорусский вид, что Андрей Матвеевич восхитился в высшей степени. Даже в голове мигом в до-минорной тональности зазвучала хулиганская песенка: «Дом высокий на Тверской — цвет столичный воровской...» Вроде как в его детстве распевали на другие слова, а эту недавно из телесериала случайно услышал, но мотивчик-то из тех славных лет!

Те же года, когда семейство младшего школьника Андрюхи Бурцева проживало в своем доме во Втором парковом переулке, где работяги с экскаватором нашли на своей горе кувшинчик с николаевскими червонцами, два из которых случайно достались пятикласснику Андрюхе, ребята — от сопливых второклассников до парней, уже сделавших первую ходку в колонию для несовершеннолетних, распевала классический блатняк: «Мурку», «Кирпичики», перемеживая его отголосками на события текущей жиз-

ни. Как раз Никита Кукурузник двинул молодежь на целинные земли; вот и отзывались шпанистые композиторы: «Едут новоселы, морды невеселы. Кто-то у кого-то стибрил чемодан...» Словом, либералы пятидесятых голов: в ближней столице стилиги на той же Тверской; в смысле на улице Горького, а у нас еще поэзия подворотен. Вспомнил же Андрей Матвеевич ностальгический Второй парковый переулок — и именно в прямой связи с оттеснившим его с тротуара впритык к стене центральной городской библиотека преобразенным китайским электросамоматом — по той причине, что через дом от семейства Бурцевых на частнособственнической их улице (впрочем, как и весь окрестный квартал, хотя бы почти в центре города) проживал с пожилыми уже родителями и сестрой, что с мужем и двумя детьми, чудаковатый Сенька.

Так его звали все ребята и взрослые. Хотя было ему уже несколько за сорок, но вел себя по-пацански, ибо являлся инвалидом по рождению — по легкой поврежденности в умственной части. Поэтому не женат, а содержится от государства инвалидной пенсией, а от местной скобяной фабрики металлоизделий зарплатой за работу надомником: из привозимых раз в две недели отштампованных на фабрике железок собирал на веранде своего дома, где стоял слесарный стол с различными приспособлениями, всякую хозяйственную утварь — что привезут: замки, приспособления для закатки жестяных крышек на банках, в которых рачительные хозяйки на зиму консервируют овощную закуску для мужиков, и все такое прочее. За труд имел два десятка похвальных грамот, которыми были заклеены обе неоконные стены веранды. В городе нашем труд надомников имеет глубокую традицию: от сборщиков и доводчиков на дому всякой стрелковой sprawy — от казенного завода, основанного еще Петром Первым.

◆Никакого особого любопытства Сенька ни у кого не вызывал, поскольку таких несколько поврежденных от рождения в городе имелось предостаточно. Видимо, от века наследственных профессий по металлообработке и неумного пьянства мастеровых: одно побуждает другое, а виновными оказываются дети.

Впрочем, чудаковатость того же Сеньки в людских толках даже не от его пенсии по инвалидности с детства (иной так просто позавидует), работы надомником — а здесь уже многие позавидуют, дескать, гни свои котёлки на веранде родного дома: ни начальства заводского над тобой, ни парторга с проформом... — даже не от бобыльства своего, что понятно: какая девка или баба захочет ославить себя, связавшись с «тронутым»! — но от увлечения всей его жизни. Дураковатость Сеньки проявлялась, скорее — ожидалась добрым нашим народом, лишь в общении его с людьми; в делах техники он мог дать фору иному мастеровому с завода, ударнику комтруда, в праздничные дни надевавшему парадный пиджак не только с боевыми, но и с трудовыми наградами. Страсть же Сеньки — почти из ничего собирать самодвижущие механизмы: от детских самокатов и великов для племянников, детей сестры, до мотоциклов. Весь исходный материал — подшипники, ободы колес, бракованные движки непонятно от каких машин и механизмов, явно военного назначения, прутки и трубки для последующего гнутья, списанные аккумуляторы, цепные передачи и пр. и пр. — Сенька в законные выходные дни выискивал на городских свалках, особенно которые при многочисленных механических и машиностроительных заводах города. Все сносил в хозяйственный сарай, что на участке его дома. В сарайчике этом он проводил все вечера будних и выходных дней, а в праздничные так и вовсе с утра до вечера: еле-еле на обед

дозовутся домашние. Особенно довольны сестра со своим мужем: дети их не шлындают во внеурочное время по улице, со шпаной малолетней не связываются, но постоянно при Сеньке в сарае: уму-разуму на практике у своего дядьки научаются!

В тот год, когда за не сданный государству клад золотых червонцев с профилем Николая Кровавого бригада работяг на отсидку угодила, а пятиклассник Андрюха нашел не замеченные никем две монеты, Сенька исполнил свою мечту: соорудил мотоцикл с коляской. Когда в жаркий июньский день он вывел из сарая стального коня, завел его и выехал через растворенные ворота с участка своего дома на немощеную улицу Второго паркового переулка и помчался по ней, то встречные пожилые люди, особенно в войну попавшие в окрестных городу (сам город героически отразил врага) селах под кратковременную оккупацию, вытаращивали глаза, а старушки боязливо крестились: мимо них несли на гитлеровском мотоцикле, правда, без пулемета на коляске, но с турельным гнездом под него, фашист в черной лаковой эсэсовской каске, коротких сапогах с заправленными в них суконными галифе, в куцей куртайке, чем-то отдаленно схожей с немецким мундирчиком. Ребяшня же с восторженными воплями мчалась вослед.

Объяснялось все обыденно просто. Кожух действительно трофейного БМВ с коляской и турелью под пулемет Сенька выменял у деда Снегирева, у которого остатки мотоцикла без дела валялись в сарае с военных лет. Выменял за литр самогона, который с большим увлечением гнал его шурык. Вот под этот-то кожух Сенька всю предшествующую зиму и подбирал движок, колеса, руль и все остальное. Сапоги, отцовы галифе военных времен и короткая черная спецовка — обычная справа мотоциклиста. Вот и померещилось старикам сходство с гитлеровским обмундированием. А каска? Покупать специ-

альный мотоциклетный шлем — пустая трата денег. У того же деда Снегирева, у которого весь сарай завален хламом чуть ли не с Империалистической, за дополнительную чекушку шуриновой самогоновки приобрел черно-лаковую (немецкая краска от времени не сползает!) эсэсовскую каску и прорезиненные перчатки-краги. Именно последние особо напугали побывавших в оккупации старушек.

...Понятно дело, что никаких водительских прав у Сеньки и быть не могло по причине его головной инвалидности, но в те времена на мотоциклистов гаишники внимания не обращали. Тем более, что их и вовсе не наблюдалось в кварталах частной застройки, на девяносто процентов составляющих весь старинный город.

Вот Андрей Матвеевич и испытал ностальгический восторг пятиклассного детства: не одетый эсэсовцем Сенька на трофейном БМВ с турелью под пулемет на крышке коляски промчался мимо него, оттеснив с тротуара к стене библиотеки, но некий дедок на китайском электросамокате, который на таковой и не походил после основательной хозяйственной переделки. Нечто мощное шугануло с тротуара почтенного писателя: тарные металлические ящики под полезный груз с базара накрепко принайтованы спереди и позади седока. Сам седок, укутанный, несмотря на жару позднего мая месяца, во что-то из шинельного сукна, с танкистским шлемом на голове (или показалось? может какая китайчатая «под кожу» шапка?) и в дорожных автомобильных очках, своей громоздкостью старинными армейскими хромовыми (для комсостава) сапогами и синими галифе превращал легкомысленный механизм для ребячьих забав в нечто основательное, мощное, завидев которое, хочется отпрянуть метра на два, а еще лучше завернуть за угол...

Все недавно и в детские годы произошедшее

вспомнил Андрей Матвеевич за единый миг, что испуганно зажмурил глаза, инстинктивно их затворил, увидев влетавшего в форточку шмеля. Вспомнив же, проклял к случаю всех этих гадаринских либералов и умозамещенных. Нет, бодро думал он, продолжимся мы еще, нас так запросто не возьмешь: того же Сеньку на восстановленном им трофейном БМВ и недавнего дедка, превратившего шутовскую поделку в надежный хозяйственный инвентарь.

...В этот день никуда Андрей Матвеевич не поехал во времени: ни на машине, ни на самокате. Ведь и нынешняя жизнь не менее занимательна! И еще подумал некстати: пусть профессор Скородумов катается туда-сюда в годах и веках, раз рекламирует личные машины времени...

НОВЕЛЛА 15. К ВОПРОСУ О ЗАПАХЕ ДЕНЕГ

Нам нужна, говорит, промышленность, промышленности у нас мало. Надо ее родить. Надо капиталы родить, значит, среднее сословие, так называемую буржуазию надо родить. А так как нет у нас капиталов, значит, надо их из-за границы привлечь.

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное
событие или пассаж в Пассаже»

Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...

Ф. М. Достоевский «Подросток»

◆ Узнав из телефонного разговора с писателем Бурцевым — после его деловой части, конечно, о странном библиотечном мероприятии под названием «Зачекинься в нашей библиотеке», профессор Скородумов посмеялся, но рекомендовал особо не задумываться. Тем более над новорусскими словами-уродцами. Зато про дедка в автомобильных очках на хозяйственно доработанном китайском электросамокате выслушал внимательно и резонировал серьезно, без смешков: «Сразу видно настоящего, профессионального писателя: в корень смотришь! Это я про хозяйственную доработку издания Сычуаньского или какого-либо Тваньканского велосипедного завода, где цеха коммунистического труда еженедельно отгружают состав железнодорожный таких электросамокатов, который и направляют к нам через речку Амур. Кстати, я сам пару схожих дедков на таких переоборудованных встречал, да как-то особо не задумывался. А как от тебя услышал, так и стройная

мысль в голове нарисовалась. Ведь сейчас Китай стал мастерской мира по части ширпотреба? У нас в особенности промышленность по этой части, да, собственно говоря, и по всем другим, смизерилась. Чем китайцы и пользуются, состав за составом — это к нам, сухогруз за сухогрузом — в остальные страны, отправляя со всем, что только спрос имеет: от гвоздей и шурупов до смартфонов и планшетов, разработанных в калифорнийской «силиконовой долине». Раз же промышленности бытовой у нас мало, так зато мастеров-самоделкиных, что старшего возраста, еще достаточно осталось от недалеких времен, когда русский мужик все сам делать умел. Если же жена слышала от мужа, что-де смеситель в ванной плохо фурочит, надо бы из ЖЭКа водопроводчика позвать, то она смотрена на супруга этак странновато, жалеючи, как обычно женщины смотрят на всяких недееспособных: сумасшедших, инвалидов, криворуких интеллигентов в шляпах и при галстукке. Ха-ха-ха! я не про нас с тобой, Матвеич, говорю, а так... в общем. Так что массовая хозяйственная переделка китайских электросамокатов — это добрый знак: жив курилка! народ наш не утратил способность к чему угодно принаравливаться».

Андрей Матвеевич, торопясь по своим делам, все же в окончании разговора подольстил профессору: «Ну-у, дорогой Игорь Васильевич, ты прямо-таки из ничем не примечательного факта цельное журналистское расследование по всем правилам жанра произвел!» На том приятели и распрощались, каждый вернувшись к своим делам. Андрей Матвеевич продолжал редактировать материалы авторов для очередного номера издаваемого им литературного журнала «Срединная Россия», а Игорь Васильевич к написанию своей книги об эволюции человека, понятно дело, заметно отличающейся от теорий Дарвина, Фридриха Энгельса и всех остальных мировых

авторитетов. Телефонный звонок от Бурцева как раз прервал окончание параграфа, где профессор Скородумов доказывал вероятный сценарий из этнографии наших далеких предков, а именно, что неандертальцы и кроманьонцы пересеклись во времена эволюции гоминоидов. Поэтому современные люди генетически унаследовали черты тех и других. Явные признаки неандертальцев присутствуют в генералах, прапорщиках, руководителях и братках «лихих девяностых» — во всех носителях грубых черт лица и сильной воли. Наследники же кроманьонской ветви — преимущественно слабосильная интеллигенция: головки тыковой, мямли, часто безденежные.

Но прежде чем он продолжил описывать характеристики потомков неандертальцев и кроманьонцев в среде современных людей, Игорь Васильевич несколько раздраженно подумал о похвале Бурцева: ты, дескать, настоящее журналистское расследование провел! Гм-м, сомнительная похвала, ибо профессор выражение *журналистское расследование* в числе ненавистных для него слов и определений ставил сразу после *проблемы*, каковой термин-американизм совершенно не выносил, встречаясь с ним печатно и изустно. Он справедливо полагал его словом-паразитом, коверкающим великорусский язык. На счет же пресловутого *журналистского расследования*, то при встрече со своими приятелями в славном заведении «Наливай-ка!», что недалеко от корпуса биофака, где Игорь Васильевич обитал в скромном своем кабинетике, после третьей стопки он нередко садился на своего излюбленного конька: «Какое-такое расследование? Работу у ментов отбивать? Ведь верно сказано, что не в свои сани не садись, а пироги должен печь пирожник, сапоги же тачать сапожник... даже если он в стельку пьян... И почему журналюгам, обычно нахрапистым, но малограмотным акулам пера, молчаливо передана «от ментовки»

привилегия вести такие «расследования»? Неужели их этому учил буквально на днях почивший, полстолетия бессменный декан журфака МГУ Ясен Засурский? Это которого (болгарское?) имя обессмертено в студенческом фольклоре журфака на мотив известной песни:

*Я спросил у Ясена:
«Где моя стипендия?»
Ясен не ответил мне,
Качая головой...*

Профессия, конечно, у них специфическая, все выведывать, выискивать, вынюхивать, да зачастую переврав, сразу тискать в печать, либо скороговоркой в радиомикрофон, брызжа слюной вдохновенье, тараторить, а уж на телеэкран, где больше всего платят, выходить, так всезнающим представляться. Но как не представляйся, выше головы не прыгнешь: для квалифицированного розыскания особая подготовка нужна, ведь не одной же фуражкой с красной окантовкой (сейчас всемирная бесформенная матерчатая шапочка с утиным козырьком) милицее-ские-полицейские отличаются от людей штатных? И учат их розыску не в один присест: как из армии дембельнулся, так на полгода в сержантскую школу; звездочки на погоны уже после училища среднего или высшего пришпиливаются. А кто пожелает серьезную карьеру сделать, то после майорской отметины в академию определяется. Здесь же диплом журналиста получил — и в розыск!

♦ Вздумай вот он, Игорь Васильевич Скородумов, предпринять, оповестив всех сослуживцев, «профессорское расследование» по теме: почему зарплата ихнего ректора есть фигура умолчания и каков реальный его месячный доход? — так на другой же день уволят из универа с волчьим билетом. И так по всем, кроме как журналистской, профессиям: «двор-

нищкое расследование» по части расходования собранной с жильцов управляющей компанией «Счастливый дом» средств, коль ему, дворнику-гастарбайтеру Джавалыму Гафуровичу Эшбоеву, самому приходится метлы из подсобных веток и прутьев вязать; или слесарное расследование, учительское, домохозяйкино (это не по части мужниной заначки), офис-менеджерское? — За 99,9 % подобных расследований всем чем угодно полатиться можно, а вот одни журналюги только купоны стригут, на гонорарии расследовательские «ауди» большевистской расцветки — ибо дураки и девки-давалки красное любят — покупают.

А может это в действительности все туфта про «журналистские расследования»? Как началось с советских игровых фильмов навроде «У озера» школы Герасимова, так и перекочевало в нынешние идиопатические сериалы, а? Ведь таковое расследование есть прямое нарушение закона: расследование правонарушений, тем более сугубо уголовных, есть прерогатива *только* соответствующих официальных органов и служб!

Потому и Игорь Васильевич не рядовой профессор, но многократно заслуженный и почетный, чтобы не проанализировать досконально любую докуку, что втемяшилась в его высокоученную голову — массивную как у неандертальца, но склонную к размышлениям, что и потомка кроманьонцев в нем выдает. Так и по журналистской части. Ладно, пусть пресловутые журналистские расследования во многом есть выдумка киношников. Хотя и поднадоевшая от частоты повторов, но успокаивающе действующая на основной состав телезрителей, то есть пожилых женщин-домохозяек и средневозрастных обитателей хрущевских пятиэтажек в окраинных спальных рабочих районах.

Однако вовсе не киношная выдумка, а реальные

государственные законы в странах всех частей света о деятельности журналистов и корреспондентов, защите и правах этой самой деятельности. И об этих законах во всех новостных выпусках прямо-таки вопиют телеведущие, дескать, опять там-то и там-то нарушили права прессы: не пустили, разогнали, оскорбили, дали по шее и пр. Особенно поражали профессора Скородумова возмущения телеведущих, особенно женского пола (на Западе возможно и трансвеститов) с их изящной жестикуляцией, трагической голосовой модуляцией и прочими театральными вывертами, когда речь идет о корреспондентах из зон военных конфликтов и бесчисленных цветных революций и гибридных войн. И здесь: полное нарушение прав прессы! героические корреспонденты и произвол... кого надо! полное неуважение к доблестным правдоискателям достоверной информации! И так далее в той же тональности.

...Как-то раз после посещения заведения «Наливай-ка!» с приятелями Николаем Андреяновичем и писателем Бурцевым, где они несколько переусердствовали с хорошей по качеству, пропущенной через серебряный фильтр водочкой производства Ленобласти, провел Игорь Васильевич ночь в прерывистых (вставал сходить на кухню выпить холодной воды) и суматошных снах. Коль скоро в веселом заведении «с подачей» зашел разговор о «журналистских расследованиях» и корреспондентах в нынешних зонах военных конфликтов, то по законам науки психологии в части подсознательного один из этих прерывистых снов как раз на журналистскую тему вышел.

Привиделся сон из времен Ивана Васильевича, который Грозный, в отличие от Ивана III, тож Васильевича. Ливонская бесконечная война, предательство князя Курбского, бежавшего в Литву, знаменитая его переписка с царем, в советское время в веселые шестидесятые-семидесятые годы породившая ку-

чу анекдотов, правда, сугубо матерных. И в эти-то годы противостояния России с западными соседями полчища литовско-польских корреспондентов одолевают верхних бояр и думных дьяков русского царя, нагло требуют интервью с самим государем, ссылаясь на западную свободу добывания информации. Не хуже их и нашенские акулы пера еще не существующих на святой Руси пакостных газетенки. И они в Варшаве, Кракове, Риге и Кёнигсберге крутятся около самых что ни на есть ясновельможных панов и гофкригсвурстшнапсратов* (это в Пруссии), с наглинкой коренных московских жителей требуют сведений о намерении панов и ливонских потомков рыцарей на очередную зимнюю кампанию супротив русского медведя, их, корреспондентов *Moscow News*, законного государя Иоанна Васильевича Рюрикова...

И руки чешутся у чертей-молодцов из Разбойного приказа похватать ливонских корреспондентов да в бочку их, в бочку с кипящей смолой, еретиков католических! Те же высокие чувства теснят под латами груди ясновельможных панов: наглых московитов из *Moscow News* на кол всех пересажать, либо в медных, полых внутри, быков посадить, разжечь костерки под быками, ай да любо, ай да добже! — Несчастный орет от боли, а голос его, усиленный хитрой механикой медного быка, орет по-звериному.**

Но увы! Руки тех и других, в Москве и в Варшаве, связаны всеевропейским договором, инициированным коварной Англичанкой: о праве народа на свободу информации, согласно которому никакая власть — от Пиренеев до завоеванных Ермаком Тимофеевичем земель сибирской Синей Орды — не вправе препятствовать работе корреспондентов всех

* См. «Войну и мир»; там Лев Толстой похожее слово по-немецки сочинил...— Прим. авт.

** Средневековая польская казнь.—Прим. авт.

мировых СМИ. Терпите, ясновельможные и которые из Разбойного приказа, да обряцете свою толику от общечеловеческих ценностей! Затем во сне декорации времен Ливонский войны заменились по странной прихоти работы подсознания на Гражданскую войну между Севером и Югом в Северо-Американских Соединенных Штатах*. Уже погибли в кровавых сражениях миллионы американцев, но в салунах прифронтовых городков в штатах Кентукки и Теннесси, как говорят сами американцы — между Луисвиллом и Мемфисом, встречаются за вечерним виски соборы газет Чикаго и Нью-Йорка и их коллеги-конфедераты. Как истинные деловые янки и не менее охочие до «мек моней» южане, они честно делятся на «нейтральной полосе» взаимointересующими новостями...

На этом эпизоде Игорь Васильевич снова проснулся: перегулявший накануне организм все требовал, умолял о холодной воде. На кухне достал из холодильника вожделенную полторашку, налил стакан, с наслаждением выпил — и почувствовал, что сон пропал. Потому поставил на огонь чайник, закурил, а про чудные видения из различных исторических эпох подумал, усмехнувшись, по-народному: Сталина на них не было тогда! Попробовали бы даже в потаенных мыслях в Сталинграде корреспондент «Правды» Алексей Каплер, а в другом квартале воюющего города посланный из Берлина репортер «Фелькишер Беобахтер»** Ганс Ферфлюхтер, подумать о свободе информации! Так оба в тот же миг, зажмурив на секунду глаза, узрели бы майора НКВД с бритой головой и в круглых роговых очках

* Так США именовались (САСШ) до первой трети XX века.— Прим. авт.

** «Народный наблюдатель» (нем) — главный печатный орган Национал-социалистической рабочей партии Германии, то есть ведущая газета Третьего рейха.— Прим. авт.

или гестаповца в черном мундире в чине оберштурмбанфюрера — каждый по своей принадлежности к воюющим сторонам. Но ведь на все эпохи, времена и государства Сталиных не найдешь! Вот и нынешние, в эпоху гибридных войн и «цветных» (это не о педермотах... хотя и о них тоже) революций, журналюги по всему обитаемому миру совсем страх потеряли. И правая рука профессора Скородумова, явно и автономно преступая выработанный многими годами девиз Игоря Васильевича «опохмелка — вторая пьянка», разгулявшись, открыла дверцу холодильника, на автомате взяла с этой дверцы початую бутылку коньяка, наполнила стопку на восемьдесят миллилитров. Профессор с интересом наблюдал за своей рукой, обретшей независимость от организма, главное — от головы, и только когда эта самостийная правая рука влила в рот содержимое мерной стопки, Игорь Васильевич... одобрил действие своей руки.

А где стопка, когда за окном только-только наметился ранний майский рассвет, там и легкая закусочка, а вот и чайник закипел — и пачка почти настоящего индийского, отдаленно вкусом похожего на «Слоника» советской эпохи Рязанской чаеразвесочной фабрики, с полки кухонного шкафчика в дело пошла. А там лимончик, сахарок, медок (уважал чак с медом-то!). И совсем весело подумал ночной мечтатель о всех этих репортерах и газетчиках: «Какая-такая свобода информации? За что платят, то и сочиняют: деньги-то не пахнут. Сейчас же и вовсе мутату несут эсмэишники: настоящее *глюкало*.

♦ Только это забавное словечко всплыло в голове Игоря Васильевича, так он, захватив рачительно стакан свежезаваренного чая... с медком и лимончиком, мигом впрыгнул в лучшую модель из гаража личных машин времени, что-то навроде «феррари», и умчался в годы своей инженерной молодости — еще до НПО «Меткость» академика Гусакова, когда по

распределению попал в только что основанное Центральной КБ агрегатостроения, понятно, как и все в их городе — сугубо оборонного профиля... но больше в наступательной части. Как молодого специалиста, будущего профессора Скородумова нещадно гоняли по командировкам: от «одним днем» в ближнюю столицу отвезти-привезти нужные бумаги, чертежи или письма, до недельных в «оружейный край», куда в войну эвакуировали все военные заводы, то есть в полосе между Волгой и Уралом (не рекой — горами); пару раз (лиха беда начало — сколько-то впереди!) уже довелось по месяцу провести на полигонах: в оренбургском Капустином Яру, Кап-Яре по-разговорному, и в казахском Донгузе.

Известное дело, командированные, отбыв дневной урок, не по театрам и местным достопримечательностям, например, бескрайним степям окрест Кап-Яра и Донгуза, прогуливаются, а в гостиничном номере, скучившись у стола с бутылками и нехитрой закуской из местного гастронома, беседуют вперемежку о сегодняшнем испытании «изделия», о смутных надеждах на повышение оклада к очередному революционному празднику, затем переходят к свежим анекдотам о руководителях партии и правительства, о Чапаеве и чукчах. Когда анекдоты исчерпаны, а про работу с души воротит говорить, переходят, как в пионерском лагере перед отбоем, к разным страшилкам и веселым басням с глубоким философским содержанием.

Вот такую философскую басню о *глюкале* тогдашний начинающий инженер Игорь (далеко еще до уважительного Игоря Васильевича...) Скородумов слышал не раз в командировках — между Волгой и Уралом, тож в Кап-Яре и Донгузе, — всякий раз оценивая народную мудрость. Заодно отметил для себя: все рассказчики были, как на подбор, суть командированные из Рязани, где очень много крупных

оборонных конструкторских бюро и военных заводов. А раз это не случайное совпадение, размышлял инженер Игорь, значит глюкало вовсе не анекдот, но некогда бывшее в скучных рязанских краях народное развлечение. Так и быть начиналась с этой самой скуки. Дескать, в каждом селе, деревне тож, что расположились на западном, высоком берегу Оки, как соберут мужики что бог подаст на урожай, подготавливают землю на зиму до следующего севооборота, инвентарь подновят — это где про сани и телегу, — в меру попьанствуют на двенадцатые, особенно Рождество Христово, а там снежком рязанские просторы укутает до самой весны. Чем заняться? Хорошо бабам — по соседям языками молотят, да девушкам с парнями — хороводы водят и женихаются в просторной избе Дашки-бобылки. Вот и придумали себе занятие на зиму основательные мужики.

Подхарчится с утра такой мужичишка, задаст хозяйке, сыновьям со снохами урок на короткий зимний день, да уйдет в сарай, где из всякого бросового материала, подгнивших горбылей, ненужных в хозяйстве обрезков досок, разлохмаченных веревочных концов, сучковатых жердин и прочего хлама что-то мастерит непонятное, громоздкое, этакое разухабистое. Идут скучно зимние дни друг за другом, потом недели, а за ними месяцы. А мужик все с утра до вечера в сарае городит невесть что. Но вот после масленицы великий пост пошел, а к ранней пасхе запахло в воздухе грядущей весной. А там ледоходом Ока забурлила, глянь — и чистая вода! Отстояли мужики со своими бабами, сыновьями и снохами всенощную, разговелись в светлое Христово воскресенье, а наутро к самому высокому утесу окского берега потянулись ото всех дворов мужики, ведя под уздцы своих лошадей, а на телегах что-то большое, облое, совершенно ни на что не похожее. «Все собрались? — кричит староста, — давай,

сталкивай поочередно, начиная от хозяина самой дальней левой избы. Давай, Ерофеич!»

И мужики в строгой очереди порядка их изб на единственной деревенской улице подводят коней к самому краю утеса, разворачивают в сторону Оки телеги и, поднатужившись, сбрасывают привезенные разлапистые зимние рукоделья, что летит с утеса, набирая ускорение по закону Ньютона, и... *глю-ю-к!* — издает громкий звук, падая в зеркальную гладь реки и тотчас исчезая в омуте воды, что обычно вымываются по утесам западных* берегов рек. К обеднишней, что означилась колоколами в ближнем к деревне селе, и пошабашили. И староста доволен мужиками, говорит, оглаживая кудрявую свою бородищу: «Славно, ребята, зимой поработали, ишь каких *глю-кал* понавыделывали! Одним словом — промышленники не хуже городских мастеровых, что по гудку на свои фабрики ходят. Но самый громкий глюк, да еще с октавой подстать дьякону Ферапонту, когда для густоты баса примет полштофа очищенной, случился сегодень у Варфоломеича. А раз так, то и горка его до следующей весны! Сейчас все на обедню в церкву мигом, а опосля выставляю обществу четверть! Гайда, мужики». Заулыбались, заухмылялись мужики, а Варфоломеич подбочился, загородился... В голове же держал, что по издавнему обычаю, соседский помещик, большой чудака, что все хлопочет о развитии в уезде культурного севооборота по заграничному образцу, потому поощряет выделывание бывшими его крепостными мужиками глюкал, как наивных первенцев отечественной промышленности, обязательно через управляющего своего передаст победителю красненькую ассигнацию. Дармовые, ко-

* Как в школе (правильно) объясняют: западные берега рек всегда высокие, подмываемые, а восточные — заливные, размываемые, что есть действие (это уже в вузе объясняют) сил Кориолиса: вращение Земли и течение реки.— Прим. авт.

нечно, деньги, за баловство дареные, размышляет Варфоломеич, но ведь они не пахнут, а хозяйству его прямой прибыток.

♦ Припомнил Игорь Васильевич из давешней были о глюкалах слова Варфоломеича о не пахнущих дармовых деньгах и тотчас помчался на своем мысленном «феррари», а может и на «ауди», из лет своей инженерной молодости по восходящей шкале времени в самое начало лихих девяностых годов. Все кто мог по убеждениям и возможностям, тот торговал родиной оптом и в розницу. В образовательной же и научной сферах в те же годы засверкало взорвавшейся сверхновой звездой имя американского миллиардера из венгерских евреев Джорджа Сороса, он же изначально Дьёрдь Шорош, он же Дьёрдь Шварц ... словом Джордж Тимодарович Сорос — это на уважительный русский манер. Тогда и сейчас многие умные люди полагают его прямым представителем Тайного мирового правительства, организующего глобализацию.

Это самое глобалистское правительство поручило Соросу на развалинах бывшей советской страны свести к ничтожеству образование детей и молодежи, переманить на Запад бывших советских же ученых и пройти ситом, выискивая научные и промышленные передовые разработки, что велись в только что уничтоженном Советском Союзе. И попутно установить контроль над всем и вся в стране. За все это Джордж Тимодарович платил долларами: по-американски скуповато, но для полностью обнищавших бывших строителей коммунизма и десятицентровая монетка — деньги! Так училкам-«соросовкам» за их согласие учить школяров по специально напечатанным учебникам с клеветой на советскую власть и дебилизацией по всем предметам единократно выплачивали «штуку», то есть тысячу долларов. Профессорам, чем-то приглянувшимся агентуре фонда

Сороса, давалось звание «соросовского профессора», а деньгами поболее чем училкам-«соросовкам». По-нятно дело, что купленные профессора эти регулярно отчитывались перед фондом, а тамошние, во-первых, вытягивали из них что только можно; во-вторых, вербовали наиболее способных студентов, аспирантов и начинающих преподавателей для работы на Западе — конечно, из числа черновой, околоначной.

Игорь Васильевич, как человек исконно русский, то есть с достаточной толикой сообразительной хитрости, не прочь был подзаработать на дармовщину долларов — желательно в пачках стодолларовых купюр, — взамен подсунув соросовским идиотам по жизни, как и все америкосы, чистую туфту. Но как? Он не училка школьная. А так как лишь недавно, в самом начале девяностых, защитил в Москве докторскую диссертацию, то научным званием профессора еще не обзавелся, без которого в соросовские профессора не брали. Как быть, ибо охота больше желанья? Ответ на вопрос решился сам собою: в один из ранних осенних дней его секретарша Оля (он только что получил докторский диплом, а с ним и должность первого зама — по науке — директора вновь создаваемого в их городе медико-биологического научно-исследовательского института) принесла почту. А в той почте заинтересовался рассылаемым по всем научным учреждениям страны, в смысле России, объявлением, что-де фонд Сороса для привлечения и поощрения чем-либо выдающихся талантов в сфере естественных и технических наук (далее шел обычный треп о заботе фонда в части научного прорыва России — страны новой демократии)... словом, кто пройдет по условиям конкурса, очень даже простым, тот получит по пятьсот долларов — и никаких отчетов: получил и умойся!

Игорь Васильевич даже не задумывался: широким ситом, ибо объявлялось, что «пять тысяч наибо-

лее достойных» будут одобрены конкурсным жюри, соросовцы за пятихатку поганных их долларов желают прочесать всю страну и составить для ЦРУ и других заинтересованных ведомств весь расклад по всей России: кто, где и чем занимается. И вопросы анкеты для заполнения соответственно составлены: хитровато, но опять же с американским тупоумием. Однако... когда зарплату месяцами не платят, а сама она за неделю вдвое обесценивается из-за гайдарномики-инфляции, то и пять сотенок гринов почти подарок судьбы: семейство его не один месяц сможет приварком к обычному харчу побаловаться... А потом деньги не пахнут, и дезинформация извечного врага — святое дело. В советское недавнее время на Лубянке целиковый отдел этим занимался: за нехилую зарплату и высокие идеалы строителей коммунизма.

Начерно ответил на вопросы анкеты: список его опубликованных статей и книг выглядел основательным; зато дал волю потному валу вдохновения, отвечая на хитроумно составленные вопросы о трудовой карьере, роде занятий и темах исследований. Сам залюбовался, но в беловом тексте постарался придать своему научному жизнеописанию более строгий характер. Опять же политкорректно выправил допущенные вольнолюбивые ремарки. Как говорится, кто заказывает музыку, тот и девушек танцует... Войдя в детективную роль двойного агента спецслужб, Игорь Васильевич, хватив для бойкости пару стопок (в лихие девяностые даже язвенники и трезвенники с утра на службе взбодрялись, чтобы отвлечься от нелепостей обыденной жизни), безбожно искажал названия предприятий, где он работал, полунамеками сообщал что ко многому причастен. Но это многое туманно облачал в секреты полишинеля, что-де черное есть черное, напротив, белое — белее снега...

Умная не по-девичьи секретарша Оля, набирая

на компьютере текст расширенной анкеты своего начальника, восхищенно посмеивалась. Ее смешок доносился из предбанника в кабинет через всегда демократично растворенную дверь и служил явным доказательством: все верно Игорь Васильевич отразил в своей научной псевдобиографии.

Отправив через институтскую почту заказным письмом анкету на соискание полуштуки «зеленых», Игорь Васильевич несколько дней похихатывал, вспоминая о забавном происшествии, но скоро напрочь забыл: и без того дел невпроворот в институте в начальный период его создания.

Но где-то в третьей декаде холодного (тогда полутайное мировое правительство еще не изобрело в своих многозначительных целях «глобальное изменение — в сторону потепления — климата»), дождливого ноября месяца все та же Оля поздравила шефа открыткой из Москвы, проштемпелеванной — ведь соросовцы закинули частый бредень сразу на пять тысяч наивных, исключая Игоря Васильевича и некоторых других умников, то есть хлопотно каждому из них отдельные тексты писать! — квадратной, во все поле открытки печатью. В графе ее были вписаны ФИО адресата, рекомендуемая дата и время приезда. А из штемпельного текста следовало, что Игорь Васильевич удостоен вожденной им долларовой пятихатки, за получением которой его ожидают такого-то числа во столько-то часов в комнате № <трехзначная цифра> здания химического факультета МГУ на Воробьевых горах, рядом со знаменитой сталинской высоткой физфака... понятно, в штемпеле имя Вождя не упоминалось, это уже мысли самого счастливого.

Вписанная в штемпельный отпечаток дата указывала на вторник следующей недели, потому Игорь Васильевич и прибыл в этот день в столицу, подгадав такую электричку по расписанию, чтобы акkurat

прибыть на химфак к назначенному часу: в такую непогоду в чужом городе тоска смертная без дела болтаться!

...Как пожаловалась Игорю Васильевичу соросовская секретарша, причислив его город по близости к столице «к своим», дескать сегодня неожиданно-негаданно привалили сразу полторы сотни *этих провинциалов* из волжских областей. «Так что, уважаемый Игорь Васильевич (прочитала по открытке), придется вам до вечера в очереди промаяться», — вроде как даже посочувствовала. Выяснил, что очереди надо ждать-перемогать в канцелярию соросовской комиссии, где оформляли всякие справки и чек на получение долларов.

Уже по-осеннему, предзимнему совершенно стемнело за окнами, когда измаявшийся от ожидания среди чуждой ему толпы богатырей с Волги, почти всех шапочно знакомых друг другу, потому время для них веселее шло, вошел в заветную дверь. Из здания химфака он вышел с чеком на конкретный банк, что располагался (в канцелярии ему дали распечатку схемы, как до него добраться) в каком-то переулке на задворках Белорусского вокзала. Словом, когда новоявленный соросовский крестник с уложенными во внутренний карман пиджака (а поверх его теплый по погоде, чешский плащ-пальто — в таком покойный Леонид Ильич щеголял) пятью зелеными бумажками с портретом еще более покойного президента Франклина и масонскими знаками добрался до Каланчовки, то едва успел на предпоследнюю восьмичасовую электричку — последняя и вовсе «в ночь шла». В начале девяностых торговля съестным и питейным, что называется с пылу-жару, еще не развернулась, так что Игорь Васильевич, голодный целый день, еще четыре часа трясся в электричке. Как вечерняя, была она «сборная», останавливалась на всех станциях и полустанках, даже кото-

рые без названия. На полуночном троллейбусе добрался до дома уже в календарно наступившем новом дне — среде.

Только набив желудок суточным харчем и выпив несколько стопок водки, что имелась у него в заначке, путешественник, в данном случае не во времени, но в расстоянии до близкой столицы, успокоился от суеты сует холодного и дождливого позднего ноябрьского дня. И даже спал спокойно, несмотря на резинново набитый желудок — единоразово и на ночь. Засыпал и проснулся поутру с навязчивой мелодией в голове, что-то на мотив из далекого пионерского детства про «детей рабочих», но с иными словами — из античной истории: «бойся данайцев, дары приносящих». Деньги, конечно, не пахнут, если перед тем как их взять, не есть прямо руками жирную атлантическую селедку пряного бочкового посола, но права и народная мудрость: бог дал, бог и отнял. Сорос, конечно, на роль бога не тянет, тем более, что Игорь Васильевич по родословной своей по православному ведомству состоит, но доллары его нечестивые, потому у Скородумова и не задержались: прогулял-профартил по своей сорокалетней второй молодости и здоровью.

НОВЕЛЛА 16. ИЗ ПУСТОГО В ПОРОЖНЕЕ

— Тогда новая жизнь,— говорит Кириллов Ставрогину,— тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут разделять на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до... (выд. Д. С. Мережковским.— А. Я.)

— До гориллы? — с холодною усмешкою подхватывает Ставрогин.

Д. С. Мережковский
«Л. Толстой и Достоевский»
(передача сцены из «Бесов»
Ф. М. Достоевского)

В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождению великого порога запретных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атмического развития.

Джеймс Джойс «Улисс».
Часть II. Эпизод 12

◆ А что же наш матерый доцент-ракетчик Николай Андреянович разленился в расслабляющем душу и тело месяце мае? В то время как друзья его, профессор Скородумов и писатель Бурцев, разъезжают по историческим эпохам на своих личных автомобилях и китайских самокатах времени, едва успевая между вояжами свои служебные дела перелопатить наскоро, встретиться в уютном заведении «Наливайка!», на худой конец острограммиться из заначенной заветной бутылочки. Или осторожничают стал уроженец Заполярья Николай Андреянович, забоялся в пенсионном возрасте езды в машине времени, что движется сквозь годы и века со скоростью света? Вряд ли... Но друзья забеспокоились: Игорь Ва-

сильевич наутро, после путешествия в «лихие девяностые» за долларовой субсидией (деньги не пахнут!) от американского миллиардера Джорджа Тимодаровича Сороса, он же Шорош, он же Шварц, обеспокоенно позвонил приятелю: дескать, дорогой Николай Андреянович, я вот только что сгонял в Москву и отхватил пятьсот баксов от акулы мирового империализма за туфтовую дезинформацию, промок в дождливом ноябре; Андрей Матвеевич тоже время даром не теряет, а ты чего в несознанке затих?

Но вовсе не затаился Николай Андреянович, а свою личную машину времени давно не выводил из виртуального гаража своей памяти по той простой причине, что увлекся чтением французских исторических романов: такую чудаковатую тематическую подборку из десятка книг он недавно обнаружил около их квартальной помойки. Аккуратной стопочкой были они уложены на камушек; даже газетка подстелена. Всю стопку книг Николай Андреянович и забрал домой, в основном по той причине, что начинал накрапывать дождик. Вот сердце и душа истинного библиофила и не выдержали, хотя бы давно в квартире все свободные горизонтальные поверхности, кроме пола, плотно уставлены книгами.

Вроде бы из снисходительности книги домой принес, спас от приведения в полную негодность действительно разразившимся плотным дождем под аккомпанемент звончатой майской грозы, однако... раскрыл наугад том Виктора Гюго, затем Ромена Роллана, а потом и вовсе увлекся. Что не успел прочитать в юные и более зрелые годы, то и восполнял сейчас.

Как раз перед звонком профессора Скородумова читал роман ранее не знакомого им писателя девятнадцатого века, а именно главу, в которой живописно рисовался быт каторжников во французской Гвиане,

или по названию главного города — Кайенне, что на атлантическом берегу ближе к северу Южной Америки. Из ранее читанного помнил Николай Андреевич, что Кайенна эта вовсе не курорт, а большая каторга, куда не одно столетие спроваживали, перевозили из Франции тяжких преступников. Место там такое, что никуда не убежишь: справа Атлантика, слева тоже Гвиана, только голландская, а с юга — необитаемая бразильская сельва. Куда ни кинь — всюду клин, не убежать! Поэтому в тюрьмах-крытках каторжан не держали, а заставляли под бичами охранников проливать пот на плантациях. Оттуда и знаменитый кайеннский перец — самый жгучий и едкий в мире. О нем Николай Андреевич много читал в книгах зарубежной классики, но пробовать на вкус не доводилось. Даже в наступившие времена «изобилия на прилавках» что-то не слышал он об этом каторжном перце.

То ли неизвестный раньше Николаем Андреевичем французский романист распустил вожжи своей фантазии, или во время оное столько каторжных сослани в Кайенну, что плантаций перца и прочего овоща для них не хватало, но читал он про ухищрения тюремщиков: как воспитательно занять подопечных монотонным трудом? Получалось, что, не желая ломать голову, французские надсмотрщики остановились на методике «таскать из пустого в порожнее», в смысле — наоборот: между двумя озерцами, отстоящими друг от друга в полукилометре (в романе расстояние указывалось по французской мере: десятая часть *лье*), выстраивали в две встречные колонны, с интервалом следования в три шага, каторжан с ведрами, в которых бедолаги в течение всего светового дня переносили воду из одного озера в другое и обратно.

Уникальность наказания несколько смутила Николая Андреевича, поэтому, оторвавшись от чте-

ния, вскочил в личную машину времени, крутанул ручку верньера на середину девятнадцатого века и очутился в Кайенне. Никаких ходоков с ведрами он не обнаружил: все каторжники трудолюбиво возделывали перечные плантации, а надсмотрщики, почти не обращая внимания на подопечных, лежали сам-двое, сам-трое на травке, курили в трубках только одними французами признаваемый черный табак — капораль. Все же Николай Андреянович решил уточнить насчет ведер с водой. Но как? В школе и институте учил немецкий. Решил поискать понимающих по-русски, подошел к плантации и крикнул: «Русские есть?» Тотчас к нему подошел каторжник и поприветствовал на родном языке. Из завязавшегося разговора Николай Андреянович узнал, что соотечественник, отрекомендовавшийся дворянином Тверской губернии Васильчиковым Петром Тимофеевичем, движимый народно-освободительными идеями, поехал в город Париж, где принял активное участие в очередной революции, за что и был приговорен к кайеннской каторге. На интересующий гостя из будущего вопрос о пустопорожном переносе ведрами воды из одного озера в другой, русский нигилист и парижский инсургент Петр Васильчиков расхохотался: «Это вы, уважаемый,— не знаю вашего чина и звания — парижских газетенок и романов начитались? Нет, здесь каторга правильная: норму по прополке перцев выполнил, так и пайку свою получи. Глупостей здесь не уважают, не в России чай? Потом и надзирателям другого дела нет, как за колоннами водоносов следить. Они и так жизнью огорченные, тоже не по своей воле здесь маются, не хуже нас, каторжных — из штрафников они. Вишь на травке лежат целый день, в карты режутся, а вечером все в стельку. Напьются маисового или бананового самогону, усядутся на лавках перед нашими бараками и родные провансальские или овернские

песни поют. Мы сразу различаем что пили: если маисовую, то веселое все выводят, а если банановку — от нее голова дуреет, — значит на похоронный лад выводят. Навроде наших каторжных сибирских».

Прощаясь с Николаем Андреяновичем, просил дворянин Васильчиков в скором июне месяце на Петров день зайти в первую попавшуюся церковь и поставить перед иконой первоапостола Христова хотя бы гривенную свечку, а второй гривенник дать дьячку с поминальной запиской для попова оглашения. В писулке же той написать: «За избавление скорбящего в железах боярина Петра от иноземного пленения и возвращения его же, многогрешного и раскаявшегося, на святую православную Русь». Закурили на печальных росстанях. Каторжанин с последней просьбой обратился: «Послушайте, уважаемый приват-доцент, тошнит меня от этого лягушачьего капорала, может твоего табачка оставишь?» С большой охотой протянул Николай Андреянович страдальцу только что початую пачку «*pall mall*», произведенного на питерской фабрике, бывшей Моисея Урицкого. Дворянин Васильчиков принял пачку с полупоклоном, но несколько удивился, увидев на ней английские надписи: «Так что у вас там в будущем в России и папиросы свои разучились свертывать, у англичанки табак за лес и пеньку берет?» Узнав же, что грядут для России такие невеселые времена, когда все табачные фабрики американцы на откуп возьмут, посочувствовал доценту, призвал крепиться духом: «Как Некрасов, с которым в петербургскую мою бытность мы комнаты от одной хозяйки снимали, писал: «Вынес достаточно русский народ, вынесет эту дорогу железную...» и куда-то там пойдет».

На том и распрощались, встретившись за тридевять земель. Николай Андреянович оседлал свою машину времени, а каторжный дворянин уныло побрел пропалывать урочную грядку кайеннского перца.

♦Вернувшись со скоростью света с кайеннской каторги в свою квартиру, Николай Андреянович с неодобрением взглянул на книжку, раскрытую на странице с лживым описанием жизни сосланных на перечные плантации Французский Гвианы, чуток подумал, вовсе захлопнул неправдоподобный роман и положил на самую высокую полку книжного шкафа. «С глаз долой, из сердца вон», — приговорил он при этом действии. А вот к давешним словам каторжного русского дворянина, соседа Николая Алексеевича Некрасова, кстати, которому в этом году исполняется двести лет, по дешевым комнатам на Гороховой, он отнесся с полным доверием. Особенно в части вредного влияния банановой самогонки, от которой голова дуреет. Он тотчас вспомнил свое далекое детство и отрочество в Кольском Заполярье. Не раз и не два слышал он из разговоров отца со знакомыми мужиками, что-де самогон можно гнать из чего угодно (в тех военных местах полный сухой закон), но только не из черники, сплошными зарослями которой покрыты все межсопочные лощины — куда ни взглянь. А потому такая «черничная» по башне сильно бьет, что в крохотных косточках коварной ягоды очень высок процент содержания цианистого калия!

Очевидно, по аналогии, хотя таковая и не приветствуется юриспруденцией на базе римского права, рассуждал Николай Андреянович, и в бананах схожая химия содержится. Вот почему сам он инстинктивно манкирует «неприлично сорта фруктом», как рассуждает купчик в рассказе Чехова...

Невольно возвращаясь в мыслях к недочитанному псевдоисторическому французскому роману, Николай Андреянович пришел к выводу: советские писатели того поколения, что плодотворно трудились в шестидесятые-семидесятые годы, а значит урожденные в конце первой трети минувшего века, действи-

тельно в молодые годы много читали. А давешний роман о кайеннской каторге с ее водоносами если и не входил в программу школьного чтения «на лето», то пользовался широким читательским интересом. Иначе откуда дважды, в «хрущевскую оттепель» и в вольнолюбивые девяностые годы, в скороспелых повестях и романах пиаристых, как сейчас говорят, ловких и быстрых на подъем, с хорошо развитым верхним чутьем, как у русской гончей, сочинителей непременно присутствовала схожая ситуация «из пустого в порожнее». Как правило, описывалось житье-бытье заключенных на строительстве Беломор-канала, где зэков заставляли встречно возить в тачках камни между пунктами А и Б. На популярность этого сюжета, прямо-таки списанного с водоносов французского романа о кайеннской каторге, применительно к «сталинским репрессиям» и ГУЛАГ'у, Николай Андреевич обратил внимание еще в школьные годы, читая несколько лет назад изданные в ту самую «оттепель» книжки. А в девяностые годы, торопясь опоздать, пиарщики даже не с французского романа, а с книг оттепельных собратьев эту сценку переписывали...

Получалось, что зэкам на Беломор-канале вовсе нечего делать было, кроме как камни туда и обратно перевозить? Ладно в двадцатые годы на Соловках, в знаменитом СЛОН'е может и случалось что-то похожее. Но опять же заимствованно из французских романов о Кайенне, ведь в руководстве лагеря было достаточное число комиссаров-чекистов и людей еще дореволюционной книжной культуры. Вот и решили воспитательный опыт позаимствовать от фантазий парижских писак девятнадцатого века. Но вот Беломор-канал явно в такие фантазии не вписывался, ибо был он серьезной, стратегической стройкой, где каждый ее участник, вольный или зэк, был на плановом учете, на строго отведенном рабочем месте, поощ-

ряемый за перевыполнение нормы досрочным освобождением — это про эков.

...А известный сочинитель многотомных историй с немалой толикой фантазий, «певец ГУЛАГ'а» так сказать, и вовсе дописался до того, что сам Беломор-канал был фикцией, никому не нужной, то есть грандиозным переносом камней из пункта А в пункт Б и обратно. Почти же намного кайеннских небылиц. Но Николай Андреянович родился и вырос во «владениях» Северного флота, в городе подводников, а отец его на том флоте полтора десятка лет прослужил, включая всю войну. Поэтому он со школьных лет знал: в довоенном генштабе, да еще с предусмотрительностью Сталина, свое дело исправно делали. Так и Беломоро-Балтийский канал имел прежде всего, да пожалуй и исключительно, важное стратегическое значение, ибо связывал в единый транспортный узел Ленинград и волжское Сормово с их крупнейшими кораблестроительными заводами и выходом на Белое море, а далее на море Баренцево, где одновременно создавался советский Северный флот. И когда Ленинград оказался в трехлетней блокаде, то именно сормовский завод единственный строил подводные лодки и надводные корабли для Северного флота (еще и для Каспийской флотилии), куда они и доставлялись по Беломор-каналу. Так что пальцем в небо попал «вермонтский отшельник»!

Но не только на Беломор-канале не «работала» легенда кайеннской каторги о пустом и порожнем. Все же вряд ли и на Соловках. Как рассказывал еще младшему школьнику Николке отец, обычно молчаливый, но разговаривавшийся под хмельком, когда его в конце тридцатых призвали во флот, то, как и положено, отправили в учебный отряд только что организованного Северного флота. А отряд этот, то есть база подготовки будущих матросов, тоже еще создавался на Соловках, где немногие местные

жители хорошо помнили достославный СЛОН, то есть Соловецкий лагерь особого назначения, имевший место быть в двадцатых годах. Из разговоров с гражданской обслугой учебки отец многое узнал о быте этого учреждения. Понятно дело, что о кайенском воспитании переносом из пустого в порожнее отец ничего от старожилов не слышал, иначе непременно бы поведал любознательному сыну... между третьей и четвертой стопками, столь редкостными в полностью «сухих» владениях Северного флота тех лет...

♦ На этом историко-литературные размышления Николая Андреевича прервали ворвавшиеся через растворенную по причине уже разогревшегося позднелетнего воздуха балконную дверь резкие тарахтящие звуки, приведшие почтенного и выдержанного доцента в несдерживаемое бешенство... Но все по порядку и с кратким экскурсом в совсем близкую историю.

Перенесемся на десяток лет (каждый волен воспользоваться, подобно нашим приятелям, личной машиной времени) в Китай, географически точнее — в небольшой городок Чжоувэнь, что в провинции Чжэцзин и в пятистах километрах южнее Шанхая. И еще конкретнее — на градообразующее предприятие: Чжоувэньский велосипедный завод. Только что в Пекине под аплодисменты десятитысячного делегатского зала и пения «Интернационала» завершился съезд Коммунистической партии Китая, а по всем предприятиям страны — от крохотных сельских фабрик до гигантов промышленного и военного машиностроения — по правительственной системе связи уже рассылались конкретные плановые задания во исполнение директивных решений съезда по увеличению номенклатуры и объема выпуска продукции. И директор велосипедного завода, название которого уже давно не соответствовало разнообразию выпус-

каемых ширпотребовских изделий, собрал руководство предприятия и представителей рабочих коллективов цехов и служб.* Без долгого подхода с партийной терминологией поставил задачу: в течение трех месяцев к заводу пристроят большой цех по производству в массовом, до полумиллиона в год, объеме ручных садовых травокосилок с бензиновыми моторами. В шанхайском конструкторском бюро сельскохозяйственной техники уже готовят комплект документации, конструкторской и технологической, на сенокосилку по образцу производимой в Германии. «Так что, товарищи, решение нашей партии безусловны к исполнению. Строители цех строят, а главный технолог завода, уважаемый Лю Сые, и начальник инструментальной мастерской, наш славный Эр Цянцзы, как только из Шанхая документацию перешлют — это через пару недель, — займутся подготовкой технологической оснастки и нестандартного оборудования. Планово-экономическая служба во главе с нашей дорогой Сяо Фуцзы с завтрашнего дня приступает к анализу нужного станочного оборудования для закупки его в стране и за рубежом — с ориентацией на Японию и обе Кореи. Курировать подготовку и запуск цеха буду я, поскольку в России, конечно еще советской, учился, тамошние порядки и народ знаю. Ведь вся продукция цеха целевым назначением на русский рынок!»

Вечером, поужинав в домашнем кругу — супруга, сын с женой и внуком, — директор, хотя и чув-

* Если читатель по терминологии ностальгически вспомнил советские времена, то едко заметит: а где же партийное руководство завода на этом совещании? Поясним: уже не один десяток лет представители правящей партии отстранены от непосредственного участия в хозяйственных делах. И парткомы вынесены за пределы предприятий. А на своих собраниях они обсуждают вопросы теории коммунистического строительства. Это же хотел сделать и Сталин... — Прим. авт.

ствовал себя в шестьдесят лет совершенно бодрым даже после насыщенного трудового дня, но поддерживаемый супругой уют в квартире на большую семью, уже в трех поколениях, все же расслаблял. Так полностью и не перейдя в домашности на интернет, над чем безобидно посмеивались сын со снохой, даже улыбался и шестилетний внучок, он по старинке посмотрел пекинские и провинциальные чжэцзинские новости по телевизору, после чего удалился в свою комнатку-кабинет. Усевшись в кресло, вспомнил давешнее деловое совещание и свою несколько неслужебную реплику об учебе в Советском Союзе, на факультете сельскохозяйственного машиностроения в Брянске, в Технологическом институте в семидесятых годах прошлого века. Вроде и много лет улетело с тех пор, жизнь на родине давно у него наладилась, карьера успешно завершается директорством на крупном по провинциальным меркам заводе... а все же — самые светлые воспоминания о том пятилетнем пребывании в небольшом русском городе, населенном хотя внешне суровыми и неулыбчивыми людьми, но такими душевными и незлобивыми в общении!

Но особо ностальгически, до мимического напряжения лицевых мышц, вспоминалось студенческое общежитское братство: в комнате на четырех, трое русских, в смысле советских — один из них поволжский мариец, и он, Сянцзы, Мудрое институтское руководство специально так расселяло студентов-иностранцев, для языковой практики. Потому и сейчас, три с половиной десятка лет спустя, при необходимости может понимать русскую речь, а напруги голову, и в общем-то сносно говорить. Хотя в девяностых годах пришлось выучить английский: на нем вся зарубежная документация. И со специалистами, приезжающими из-за рубежа, уже не по-русски как раньше, а на ду-ю-спик-инглиш приходится разговаривать.

Откинувшись на спинку кресла, Сянцзы прикрыл глаза и воссоздал картину былого: зимний вечер, их комната, за столом Василий и Сашок, а напротив Сянцзы мариец Андрюша. Все с одного курса, зачетная неделя перед зимней сессией — а сегодня все четверо успешно сдали зачет по деталям машин. Поэтому и ужинают не всухую: на покрытом клеенкой столе бутылка «московской» за два восемьдесят семь, порезанный черный рижский хлеб с тмином — за двенадцать копеек; домашнее сало от родителей Сашка, недалеко от Брянска в районном городке проживающих. Но главное лакомство готовит Андрюша: аккуратно разделяет крупную атлантическую селедку, что исходит прозрачным жирком и сама просится в рот. Стопка водочки, а на закус тминная черняшечка с парой кусочков селедки... Сянцзы, убаюканный воспоминаниями о русской студенческой юности, даже слегка задремавший в покойном кресле, тихонько застонал с вкусовым сладострастием, сглотнул обильно набежавшую на язык слюну... Ах, молодость, увлекательная учеба, вокруг все дружелюбные лица, порой и удивительно красивые девушки посматривают на высокого и стройного китайского парня Сянцзы с сельхозмашфакультета. Но все же самое памятное, ощущаемое желудком, языком, обонянием — это общежитейская вечеря: водочка, с которой ни в какое сравнение не идут шанхайская и пекинская бейдзю*, а на закуску тминная черняшка с атлантической малосольной селедочкой.

Выйдя из сладостной ностальгической полудремы, директор Сянцзы включил кабинетный телевизор, подключенный к интернету, нашел по меню недавно снятый по китайскому заказу на Украине семнадцатисерийный фильм «Как закалялась сталь», включил первую серию. Чем-то исполнитель роли Павки Кор-

* Бейдзю — водка (кит.). — Прим. авт.

чагина напоминал одновременно давних однокашников Василия, Сашка и мари́ца Андриюшу...

Новый цех Чжоувэньского велосипедного завода вступил в строй точно по графику, день в день после того совещания у директора Сянцзы, а через три недели бригада коммунистического труда товарища Фун Шэо рапортовала о выпуске пробной партии садовых травокосилок. Минула в трудовом энтузиазме коллектива цеха еще пара месяцев, а первый товарный вагон этих изделий, упакованных в картонные коробки-пеналы, отправился через Шанхай и Пекин, далее по амурскому мосту российскому заказчику: спешно зарегистрированной фирме ООО «Сельхозмашиндустрия». К концу года уже целый эшелон травокосилок пересек реку Амур. Фирма занималась сложными траншами в трех валютах: долларах, рублях и юанях.

◆ Николай Андреянович вполне здраво полагал, что в России ручные садовые травокосилки если и потребны, то в числе пары-тройки тысяч: в имениях новорусских воротил английские парки выравнивать, да в столицах и «университетских центрах» газоны перед административными зданиями подстригать. Например, перед праздниками. Но чтобы эшелонами через реку Амур, да все пристроить к делу, чтобы и китайцам платить и себя — откат от «братьев навек» в юанях и в рублях от продажной сверхприбыли — не обидеть? Но на то и «Сельхозмашиндустрия», зарегистрированная спешно, но задуманная еще до закладки нового цеха на Чжоувэньском велосипедном заводе. И уставной капитал ООО складывался опять-таки из долларов, рублей и юаней. Словом, все тщательно было продумано по переводному — с американского — учебнику «Экономикс», дополненного русской природной смекалистостью и китайской конфуцианской изворотливостью. Опять-таки новая посредническая фирма имела мощную

столичную «крышу», а множество лоббистов самого различного уровня и искать не надо: сами с избытком набежали на лакомый бакшиш.

...Эта простая истина дошла до Николая Андреяновича десять лет назад, когда по всему городу (и умножьте на число городов в России — от уездных до столичных и «университетских центров») ранней весной, едва сошли снег и робко зазеленела вершковой высоты редкая травка в местах, свободных от построек и дорожно-тротуарного асфальта, внезапно, словно из-под земли выросли, во всех скверах, дворах домов, парках, даже на пустошах между кварталами и городскими районами, появились многочисленные гастарбайтеры, числящиеся за ЖЭКа́ми дворниками и разнорабочими. Опять же любитель художественного и исторического чтения, Николай Андреянович сразу после появления в девяностых годах в городе среднеазиатских рабочих четко уловил: таджики подражались, все как один, на стройки, а узбеки сплошь шли в дворники и на другие жэковские работы. И приятелям своим, профессору Скородумову и писателю Андрею Матвеевичу Бурцеву, он, как дважды два, разъяснил такую национальную предпочтительность в труде. Таджики — дети гор, поэтому, как те же армяне в Закавказье, истари работают с камнем, ибо больше не из чего дома и иные постройки, дороги тоже, сооружать. Дело долгое и трудное, вот в генах их и закрепи́лась основная историческая профессия строителя.

Узбеки же совсем иного склада люди; и опять же от исторического рода занятий: хлебопашцы*, ого-

* Именно хлебопашцы, поскольку рис начали выращивать только с конца XIX века, а для обучения рисоводству царское правительство, по соглашению с Кореей, переселило в Среднюю Азию корейцев. С той же целью и Сталин их переселял с Дальнего Востока. Их потомки — нынешние российские корейцы. — Прим. авт.

родники, садоводы и грабари-землекопы на устройстве арыков и вообще оросительных водоводов на этой жаркой равнинной земле. Отсюда, как и у русских крестьян, размеренность, неторопливая осмотрительность во всех делах, что невольно подвигает к философскому складу размышлений. Не зря же эта земля в древности, во времена халифата, в котором Самарканд, Хорезм и Коканд являлись не последними центрами мудрости и знания, дала миру мыслителей высокого ранга: Ибн-Сину, Аль-Фараби, Улугбека, многих поэтов...

Не только на собственных умозаключениях основывался Николай Андреевич. Как-то еще в молодости, уже захваченный страстью библиофильства и собирания книжных раритетов, купил он в городской «Буккниге» учебник географии для гимназий 1887-го года издания. Там прочитал, что население недавно присоединенной к Российской империи Сыр-Дарьинской области, то есть сарты, стало быть нынешние узбеки, есть народ сообразительный, основательный, при случае обнаруживает и торговую жилку. Кому-кому, а царского времени учебникам Николай Андреевич верил безоговорочно. Оно и советские школьные наставления основательны, без лабуды, были, не на деньги Сороса сочиненные, но в них как-то слишком все сдвинуто было на «линию партии и правительства». Понятно, все для правильного воспитания строителей коммунизма, но вот по исторической науке слишком явный перехлест. Получалось, что разбойники Стенька Разин и самозванец Емельян Пугачев являлись прямыми предшественниками ВКП(б), а потом КПСС...

Но бог с ней, с историей-то! Кому правду знать ведомо, тот своим умом и чтением правильных книг до истины дойдет. Как он сам дознался до предпочтительного рода занятий гастарбайтеров из узбеков. Главное, такой исторически воспитанный характер

выработал привычку к монотонному, однообразному труду. Метет размеренно метлой (пластмассовой, тож китайской фабрикации) ихнего дома дворник Кизим тротуар, а на лице этакая умственная напряженность выступила. Должно быть думает, как за пару-тройку лет заработать на чужбине денег на учебу сестры в мединституте (сам он пединститут в Фергане окончил) и достройку просторного — для большой семьи — дома в родном кишлаке. То есть размеренная и монотонная работа выполняется совершенно отдельно, автономно от головы, которая в это время много чего может обдумать, сравнить и принять решение.

...Вот потому-то работа с ручной китайской травокосилкой так пришлась, как по маслу, по нраву гастарбайтерам из сыр-дарьинских и ферганских кишлаков и городов. И пошло и поехало. Понятие дворов, скверов, парков, даже окраинных пустошей, плотно заросших веселой зеленой травкой, радующей глаза и легкие, в городе Николая Андреяновича десять лет назад вышло из обыкновения. С утра до заката солнца по всему городу, исторически раскинувшемуся по холмам и низинам на немалом числе квадратных десятин, неся слитный, как на пасеке, громкий, механически-дребезжащий треск сотен, а может и тысяч травокосилок. Всякая низкорослая растительность трудолюбиво выкашивалась до черноты земли. Если ночью после покоса проливал хороший дождь, а наутро проклевывались сантиметровой длины зелена, то во второй половине дня косильщицы без промедления выходили вновь в полном своем составе. Если случалось жаркое, аномальное, как сейчас с телеэкрана народ запугивают, лето, когда за июнь-июль ни единой капли с неба не проливается, то косцы все одно не реже раза в неделю для проформы проходились по выжженной палящим солнцем, скошенной жухлой траве, вернее уже сену.

Озабоченный хроническим уничтожением низовой городской растительности (деревья спиливали и обкорначивали другие люди — из городского «Зеленстроя»), Николай Андреевич даже не поленился сходить в свой ЖЭК, ныне переименованный в управляющую компанию с оптимистичным названием «Новый век». Хлыщеватый управляющий был на совещании в городских *верхах*, а заместительница, дородная Инна Анатольевна, что-то пробормотала, дескать, от пострига травка гуще в рост идет. Но поскольку проживала она в соседнем с Николаем Андреевичем доме, при встречах на улице здоровались, то объяснила, как шапочному знакомому, что «так велено *сверху*; выделили им десять травокосилок и по две каждый год будут добавлять: взамен вышедших из строя и для расширения фронта работ». И еще Инна Анатольевна, у которой сын учился на том же факультете, где преподавал пришедший доцент, человек приличный, добавила: «Сама не совсем понимаю, но сверху постоянно требуют графики скашивания: от недельного до квартального — с указанием окашиваемых площадей. И арбайтеры эти довольны: нравится им такая работа, и оплата аккордная, по площадям. Скашивать же велено от первой весенней зелени до первого снега. Вот так-то, уважаемый Николай Андреевич. Как мой-то учится? Не ленится?..»

Вошедши в азарт, звонил и писал Николай Андреевич во все инстанции, включая звонки на «телефон доверия губернатора», что перед выборами в избирательной агитации указывают. Но везде либо отмалчивались, или же ссылались на школьную ботанику: дескать, расти гуще будет. Знакомые уже стали посмеиваться над ним, поскольку сами уже попривыкли к летнему пейзажу: между домами и под дворовыми деревьями сплошняком чернела от весны до зимы голая земля.

Заинтересовался только давний его знакомый, ныне профессор на кафедре экологии. Скоренько доказал, что деревья в их индустриальном городе с обилием кислотных дождей минеральную подкормку получают не из земли, лишенной естественного травяного покрова, а в режиме «внекорневого питания», то есть листьями из дождей. Сделал доклад на ежегодной конференции по экологии, проводимой администрацией, который привел всех в восторг. А опубликовав на тему внекорневого питания деревьев статью в американском журнале, тотчас получил предложение прочитать цикл лекций в университете штата Индиана. Много долларов заработал! А еще говорят, что из пустого в порожнее...

НОВЕЛЛА 17. И СНОВА БОГУ БОГОВО, А КЕСАРЮ КЕСАРЕВО

Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то (выд. Ф. М. Достоевским.— А. Я.) говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу.

Ф. М. Достоевский «Идиот»
(Князь Мышкин говорит
Парфену Рогожину)

В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры.

Ф. М. Достоевский
«Братья Карамазовы»

◆...И сейчас, десять лет спустя, вспоминая свой энтузиазм в борьбе с пустопорожним «плановым» выкашиванием травки, только-только потянувшейся под майским солнцем из долгой зимней спячки под землей их корешков, Николай Андреянович нет-нет, да гневно вздрагивал, слыша доносившийся со двора мерзейший вой травокосилки. Немного поуспокоился, уловив сквозь это завывание приятное пение косца Гафура, что из одного кишлака с их давним дворником Кизимом. Вроде как даже в троюродном родстве состоят. У Гафура приятный баритон, а узбекская речь мягка и песня мелодична, наверное, поет парень на далекой чужбине о девушке своей, что ждет его на побывку в родной кишлак. Вот Гафур выключил свою железную шарманку, дозаправляет бензином из трехлитровой банки, что в теньке под огромным кон-

ским каштаном, который посреди двора. Снова продолжает бесконечную песню. Вот интонация в ней помягчала, видно словами и мелодией передает Гафур ответные слова далекой девушки. А в песенной мольбе-мечте заглядывает она в недалекое будущее: вот заработал Гафур за два-три года достаточно русских денег, обменял их на американские, вернулся в родной кишлак, достроил просторный дом, в который ввел ее, молодую свою жену. Все как положено: мулла благословил брак, а в администрации кишлака выдали им свидетельство.

Подобрил Николай Андреянович от песни Гафура, даже вновь застрекотавшую его травокосилку пощадил: не охарактеризовал тихими матерными словами. Затем и вовсе вернулся к чтению французского романа. Прочитал пару глав, а здесь и вовсе благодать: Гафур dokonчил на их дворе и ушел, как винтовку после боя закинув травокосилку на плечо и поддерживая правой рукой. Осталось ему докосить на ничейной территории меж соседними дворами. И в резко наступившей тишине, как то обычно бывает, слух Николая Андреяновича до такой чувствительности обострился, что уловил обеднишний колокольный звон со стороны храма Св. Алексия, что в двух кварталах, да еще через вечно шумный проспект. Неожиданно для самого себя Николай Андреянович перекрестился двуеперстно, как потомок старообрядцев.

Неловко усмехнувшись своему атавизму, он вызвал в голове облик этого храма-новодела, что был сооружен недавно на территории артиллерийского училища: видно приказ такой вышел от воинского верховного начальства. Под небольшую церковку из территории училища, по-военному занимавшего строгий квадрат квартала, выделили в правом углу с выходящей на проспект стороны квартала тоже квадрат метров пятнадцать на столько же. По скорой постройке решетчатая церковная ограда обозначила два

входа: военный — со стороны училища и гражданский — от тротуара вдоль проспекта имени Владимира Ильича. На военном входе в дневное время дежурил курсант-младшекурсник с красной повязкой на рукаве, а на ночь оба входа запирались.

Путь Николая Анедрияновича из родного его корпуса с военными инженерными специальностями в сторону главного корпуса — когда нужда заставляла по бумажно-отчетным делам там бывать, но чаще всего в соседний с ним корпус биологического факультета, где имел ставку его друг профессор Игорь Васильевич Скородумов — когда, созвонившись, встречались для дружеских посиделок, обычно с тоlikой почти неподдельного дагестанского... так вот, путь лежал по тротуару левой стороны, то есть с нечетными номерами домов, мимо фасадной стороны училищного квартала, значит и вдоль церковной ограды. И невольно присматривался к посетителям богоугодного заведения. Со стороны училищной территории виднелся лишь скучающий у входа дневальный курсант-первогодок. А со стороны гражданских разтворенных ворот в оградку по-одной, по-двое входили с озабоченными лицами женщины среднестаршего и пожилого возрастов. Очень редко и мужчины входили, но какой-то непонятной наружности и возраста. По его прикидкам, а глаз у инженера-ракетчика, совсем недавно ставшего доцентом, как ватерпас! выходило, что на уставные, то есть по церковному календарю по дням и часам службы собиралось не более двух, от силы трех, десятков явно окрестных жителей, в смысле жительниц. «Негусто, негусто,— качал он головой в такт невольным размышлениям, сворачивая на траверсе церкви направо, к переходу через проспект,— а ведь как сейчас реставрация старых церквей и повсеместное скороспелое строительство новых, малоразмерных, по стандартным проектам, развернулось? Получается, что не в коня корм?»

Как любитель исторического чтения, тотчас припомнил, что после революции девятьсот пятого года царь Николай по настойчивым просьбам Синода и ярых монархистов навроде Шульгина, Столыпина и Пуришкевича объявил государственную программу строительства по всей империи ста тысяч новых церквей — для поддержания православного благочиния «за веру, царя и отечество» и отвлечения народа, в первую очередь сельского и населения малых и средних городов, от революционной заразы и сглаживания, выражаясь нынешним языком, «коллизий социального неравенства». Мол, Христос терпел и нам велел. Опять же богу богово, а кесарю кесарево — это в части самодержавия, как единственно приемлемой для России формы власти.

Когда же друзья профессор Скородумов и писатель Андрей Матвеевич Бурцев начинали сомневаться в правоте слов Николая Андреевича, дескать, ишь куда Николашка хватил? — сто тысяч церквей выложь да подай за полтора десятка лет! Не-ет, Андрееныч, это ты видно в какой-то брошюрке девяностых годов, когда чего только не напридумали досужие сочинители (при этих словах Бурцев компариотски чуть поморщился), прочитал, а?

Если беседа приятелей шла в заведении «Наливай-ка!», то Николай Андреевич усмехался, услышав подобную филиппику, дожидаясь пока разольют по новой и введут содержимое стопок в организм, закусывая в охотку, после чего приводил следующий контрдовод: «Правильно, пятнадцать лет было отведено под эту церковно-строительную программу. Но по-стахановски уже к началу Империалистической, менее чем за десять лет если не все сто, даже не восемьдесят, но где-то под семьдесят тысяч храмов освятили и ввели в религиозный оборот. Народ, исключая революционеров и им сочувствующих, в общем-то положительно относился к вновь возводимым

церквям, особенно в провинциальных городах, да и в губернских тоже. Но наиболее приветствовали церковно-строительную кампанию священники и артельные сообщества, что профессионально расписывали новые храмы. Первые, ввиду увеличения приема в семинарии, уже не беспокоились за судьбу своих детей обоего пола: сыновья без духовного сана и прихода не останутся, а девкам будет за кого замуж выйти и стать попадьями, а не просто поповнами. Артельные же живописцы не без основания полагали себя на десяток-полтора лет обеспеченными хорошо оплачиваемой работой; не надо всякими полумалярными случайными заработками с хлеба на квас перебиваться...»

Когда друзья невежливо перебивали разговорившегося после третьей знатока церковной истории — это все общие слова; ты на конкретном примере нам покажи! — то Николай Андреянович торжественно выкладывал козырного туза: «Церковь напротив администрации, что телевизионщики по-американски упорно именуют «белым домом», разумеется, знаете. Мимо будете проходить, так полюбопытствуйте: на фронте, или как там он у церковных называется? дата рельефно изображена: «1909». Опять же, если придется на девятом номере трамвая в Косолучье ехать, так обратите внимание на церковь перед трампарком, справа впрыток к рельсам. Так вот, эту церковь освятили только в девяностые — начале двухтысячных годов, а почему? Ее не успели строители сдать к революционному семнадцатому году, а к колокольне и вовсе не приступали. Как знакомый отдаленно краевед мне говорил, еще пара тех лет постройки храмов в городе имела, да не уцелели, так сказать, в созидательных буднях; тем более, что по уверению этого знакомого, тоже остались недостроенными. Но главное, если сравните церкви напротив администрации и на въезде в Косолучье, то

мигом смекнете: по одному проекту сооружены. И Никита Евсеич, который краевед-любитель, из отставников по интендантству, достоверно говорил, старые открытки разных городов показывал: оказывается, для скорости исполнения царева указа о строительстве ста тысяч храмов, да чтобы и себе головы не забивать, государственные и синодальные чиновники дали отмашку: строить по одному проекту! Главное, проект выбрали никудышный: храмы, как под копирку, получились мрачными от кладки стен темно-коричневым кирпичом, какими-то «осевшими» на землю, без намеков на устремленность к небесам... Видать, за абрисную основу взяли питерский Исаакий, но с заменой мрамора и гранита на кирпич... и, конечно, архитектурного таланта на инкубаторскую мастеровщину. Ну что, доказал?»

Профессор Скородумов и литератор Бурцев полностью согласились с доводами приятеля. Разлили по четвертой.

...Николай Андреевич, вспомнив и прокрутив в голове этот эпизод с царской программой очеркования России, вновь вернулся в окружающую действительность. Гафур вдали пел свое бесконечное, любовно-лирическое, докашивая последний островок чуть проклюнувшейся зелени меж дворами. А доцент-ракетчик с нахлынувшей тоской, дослушав последний дальний колокольный перебор, подумал, что осиротел несколько лет тому назад храм Св. Алексия: упразднили одно из старейших артиллерийских училищ в России, ибо армия в эпоху гибридных войн нужна компактная и высококомобильная. Бить врага не числом, но умением. Хозяина на освободившийся квартал училищных построек как-то не нашлось до сих пор. Злокозненный добрый наш народ не зря поговаривает, что-де намечавшегося хозяина из столицы, для которого и ликвидировали училище по сложной схеме деловых взаимосвязей и

взаимозачетов, как раз к освобождению училищного квартала от людей в мундирах сам попал под опальную раздачу. Новый же претендент еще не нарисовался: вяло тянущийся уже второе десятилетие мировой кризис да насланная человечеству за его грехи планетарная пандемия. Опасно во что-либо кровно наворованные деньги вкладывать! А может проклятия опасаются толстосумы? — От бурной молодости штурма и натиска на народное добро с ее настоящими войнами — взрывами и стрельбой веером — стали они к солидному возрасту суеверными, почти что богобоязненными, порой на храмы-новоделы жертвуют. Над бывшим же военным владением явно тяготит что-то мстительное за обиду, нанесенную воинской славе бывшей кузнице офицерских кадров, начиная с царевых еще артиллерийских курсов при оружейных мастерских. Иначе как объяснить случившееся с губернатором, в правление которого училище и ликвидировали. Главное, был он сам выпускником «артухи» — и ни словом, ни делом не воспрепятствовал закрытию *alma mater*, на что надеялся весь город, привыкший видеть молодых дочерей и сестер своих граждан, прогуливающих вечерами с молодежаватыми курсантами. Промолчал — и судьба наказала за предательство ничегонеделаньем губернатора: только-только опустел квартал училища и осиротел город, как главу области по взяточному делу на десять лет отправили в отсидку. Хотя вроде бы и невредный мужик, из давно обрусевших хохлов. Николай Андреянович и профессор Скородумов прекрасно его знали: во время их работы в НПО «Меткость» академика Гусакова будущий губернатор-выдвиженец там же служил в военной приемке в звании подполковника.

Еще большее суеверие в народе возбуждала неприятная аналогия. При церквях исстари образовывались кладбища: не только в селах, но порой и в го-

родах. И неважно, что возникало поначалу — церковь или кладбище, но суть в их соседской близости, что накрепко засело в семижды семи поколениях русских людей.

Вот и главный, епархиальный, или по-другому кафедральный, храм их города, хотя и в центре, но с восемнадцатого века его постройки обширное кладбище при нем, поболее микрорайона иного. От храма этого до квартала бывшего артучилища по прямой верста с небольшим. И чудится досужему пешеходу, шагающему по тротуару проспекта левой его стороной: вот миновал хорошо просматриваемый в боковой улочке епархиальный храм с кладбищем внушительного размера, а вот впереди маленькая церковка Св. Алексия завиднелась, а при ней, в общей ограде... опустевший, объятый молчанием («как на кладбище» — присказка сама собой в голове выскакивает) квартал с необитаемыми постройками. Вот тебе и аналогия и ассоциация к ней впридачу.

Покачал головой погрузневший Николай Андреевич. Обладая хорошей стихотворной памятью, вспомнил — к случаю или опять в ассоциацию? — строки стихов, явно не из школьной программы, но в ученические годы запавшие в цепкую детскую память: как некогда поэт, горлопан и главарь, скандировал в переполненном восторженной молодой публикой главном зале Политехнического музея:

*Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!»**

♦ И это «Со святыми упокой!», забухавшее колокольным звоном, но не от церковки Св. Алексия в

* Окончание поэмы В. В. Маяковского «Человек». — Прим. авт.

квартале бывшего артучилища еле доносящимся, а возникшее в голове из ниоткуда, заторопило Николая Андреяновича в путь. Тотчас крутанул ручку верньера машины памяти в далекое детство, но на миг задумался: а на чем ехать-то? На «машине марки Форда», как пелось в старой хулиганской песне, даже если на архивинтажной советской «копейке» — не так поймут в калужской деревне хрущевских времен, мол, расшиковался гость из далекого будущего! И совсем не поймут явившегося на китайском электросамокате, за чертенка сочтут, что разъезжает на ведьмовском помеле своей бабки. Ба! На велике надо ехать — самый что ни есть деревенский транспорт для всех: ребят от мала до велика, мужиков, что на работу в соседнее село ездят, и баб-молодух с фермы. Почтальонша, загрузившись в узле связи все в том же селе, на казенном велосипеде объезжает окрестные деревни, радуя или огорчая добрый народ письмами, повестками в райсуд и военкомат. Словом, кто не начальство или немошен по возрасту или инвалидности, — все на велосипедах за деревенскую околицу выезжают. А на чем еще? Конные выезды еще при сталинской коллективизации из обихода вышли. Своя легковая машина? — да и мысли такой в заводе у колхозников не водится. Только демобилизовавшиеся из армии парни с презрением на велики посматривают, все подсчитывают: устроиться в МТС* или на ферму по обслуживанию тамошней техники — взойдет ли он через год-другой мотоцикл завести? Конечно, поначалу скромную ковровскую «макаку», затем посolidнее — мотоцикл ирбитского завода... да-а, мечту о чешской «яве» придется оставить: выйдет пора жениться, детишки пойдут, хозяйство опять же, а для этого только солидный

* Машинно-тракторная станция (устарелое, из советского прошлого).— Прим. авт.

«ижак» с коляской подойдет. Служившие же в ГСВГ, в Германии, знали: этот мотоцикл с немецкого БМВ «срисован», а цеха для его производства после войны перевезены в счет репараций из неметчины в удмуртский Ижевск. Машина, что ни говори, сверхнадежная, войной проверенная. Как в кино, что в сельском клубе крутят: катят фрицы на этих БМВ по русскому бездорожью и ничего им не делается. Вот и докатились до ижевского завода...

Итак — на велосипеде времени отбыл Николай Андреянович в калужскую деревню своего детства, отцову деревню, куда каждое лето на месяц-полтора семейство Андреяна приезжало из промозглого, туманного и штормового Кольского Заполярья. В деревню на высоком берегу довольно полноводной реки, что километров через тридцать-сорок впадает в Оку. И деревня эта староверческая. Или старообрядческая, как чаще говорят. Третьеклассник Николка не разбирался в этих тонкостях, но отец называл их, то есть и себя значит, староверами-поповцами. Мол, не скитники, не сектанты, а попов своих имеют, в Калуге и Боровске ихние церкви стоят и благовестят колокольным звоном. Даже архиерей есть, что вроде как в Брянской области, в районном городке резиденцию имеет. Кажется в Новозыбкове? — припоминал отец.

Катится на велосипеде, конечно, на китайском, своих у нас давно уже не делают, только магазины по их продаже имеют вывески «Русский велосипед», Николай Андреянович в глубь времен, с интересом наблюдая окрест меняющийся с отсчетом годов 2021, 2020, 2019, ... вот уже и прошедший век зашелкал цифрами, как счетчик таксомотора, только в сторону уменьшения, пейзаж. Катит он по районным шоссе-кам и деревенским проселкам, объезжая города большие и малые. Нечерноземье, центр России разительно меняет свои виды по мере обратного отсчета времени. Заброшенные поля двухтысячных, девя-

ностей годов, до самого горизонта уходящие, усеянные только нарытыми кротами холмиками, неухоженные леса, наступающие березовой порослью на прежние пажити, заброшенные деревушки, а в живописных приречных местах уставленные двух- и трехэтажными дворцами-виллами, обнесенными квадратом сто на сто метров двухметровыми заборами кирпичной кладки, постепенно уступают место уже вспаханым полям. Месяц май — сев яровых, и озимые густо зеленою пошли, к солнцу потянулись. Как видения дурного, затянувшегося до позднего утра сна растаяли в дымке покинутого «светлого будущего» нелепые в среднерусской равнине двух- и трехэтажные виллы-коттеджи. Вновь заселившиеся села и деревни в многочисленных новостройках — одноэтажных, но добротных, под железными крышами: у кого оцинковкой солнечные лучи отсвечивают, у других краснеют свежей покраской. Тракторный гул стоит над полями. Многолюдно, но весь народ сельский при делах. На дворе семидесятые годы, «золотые брежневские» — для всей великой страны, а для села — впервые расцвет, мощные вливания в сельское хозяйство. Вся многочисленная техника на селе, трактора гусеничные и колесные, комбайны (попутно Николай Андреевич отметил: для комбайнов всей страны жатки делает ихнего города огромный завод), всякие сеялки-веялки, грузовики и все, все железное — только своего, советского изготовления.

Но вот пошли годы шестидесятые, а прежний, «будущностный» Николай Андреевич уже превратился в мальчика Николку, и велосипед под ним уже подростковый, малоразмерный. А вокруг еще народа прибавилось, техники много, но еще не тех моделей, которые видел, проезжая восьмидесятые-семидесятые года: их только конструкторы на кульманах вычерчивают...

Вот и подкатил на школьном велике третьеклассник Николка по лесной пешеходной дороге-тропе, что пару километров петляет между соснами от районного села к отцовской деревне, к опушке, с которой и начинается порядок изб, первая из которых, ближняя к лесу, и есть тетки Настасьи, сестры отца, к которой на лето приезжают они из Заполярья. Но как объяснить наличие велосипеда? — И исчез он, а Николка побежал к избе.

♦ Нет, конечно, велик не испарился. Иначе как Николке возвращаться назад — в будущее время? Он просто-напросто припрятал его на краю леса в густом малиннике: ягоды только в завязи, никто сюда сейчас не пойдет.

— Николка! — кричит ему вышедшая во двор мать, — ты где это блукаешь, в лесу заблудиться захотелось? Иди быстро рубаху белую надень, шаровары на брюки поменяй и ботинки на ноги. Сейчас с Настасьей, Инкой (ее почти взрослая дочь) и соседскими бабами на *ихнее* старообрядческое кладбище пойдем, что в лесу. Сегодня праздник церковный, поп *ихний* из Боровска приехал на поминанье похороненных там. У Настасьи-то муж похоронен: пришел с войны израненный, девять лет всего прожил, оставил ее с тремя ребятами. И отца дед-бабка там же...

— Папка тоже пойдет?

— Где там! Говорит, двенадцать лет на флотской службе все в партею зазывали — не пошел. А попы те же партийные, только по другому ведомству. Я-де лучше с мужиками в чайной новоскаковской помяну своих родичей. Охальники мужики все! А тебя он велел взять с собой. Говорит — для воспитания.

Тем временем из избы вышли Настасья с Инкой, потянулись от других домов бабы, все в белых платочках, одетые не в будничное. И пара пожилых мужиков: в пиджаках глаженных, под которыми тож

белые рубахи, застегнутые на верхние пуговицы. От такой парадности чувствовали они себя не совсем уверенно, крутили головами от туго застегнутых подшейей воротников. Собрались все — и двинулись вразноброд к ближнему лесу; вступив на плохо еще протоптанную с зимы тропинку меж сосен, пошли цепочкой. Мужики и Николка в замыкающих.

Тропа — не та, по которой Николка только что катил со стороны районного, то есть райцентровского, села, а углублялась в сплошной лес мощных, высоких сосен почти в противоположную сторону, в самую глушь, даже немного под горку. Как всякий новый путь, дорога показалась долгой. А шедший по расширившейся тропе соседский дед Архип объяснил Николке: кладбище потому вдали и в лесу, что хоронят там упокойников из нескольких старообрядческих деревень, что примыкают к лесу. «Чтобы, значит, по совести было, всем равно одинаково до кладбища итить».

Вот и кладбище, занявшее большую, размером с половину их деревни поляну. Тот же Архип пояснил, что кладбище очень старое, видно, в веках деревья подрубали, расширяли погост. «Что-что, но могилы в числе их растут намного быстрее, чем избы в деревне!»

Николка и сам сообразил, что место это очень старое — по окраинам поляны уже и крестов нет, попадали и погнили, только всхолмия могильные еще виднелись в березовых зарослях, правда, невысоких и скукороженных, как у них в Заполярье: смыкающиеся сверху кроны высоких сосен не пропускают солнечный свет, а в вечной тени березы лишь кустятся. Но с одной стороны кладбища, где могилы поновее, некоторые еще с неодряхлевшими крестами, скупился народ, человек тридцать или сорок. Подошли к ним, смешались. Старенький, седой как лунь, старичок в церковной долгополой одежде, что раньше Николка видел только в кино, в фильмах из до-

революционной жизни, ходил, сопровождаемый народом от могилы к могиле, надтреснутым голосом пел не очень понятное. Стоявший рядом с матерью и Настасьей Николка услышал, как тетка говорил тихим голосом, обращаясь к матери:

— ...Священник этот, Маркелом звать, под восемьдесятков ему, всех нас крестил еще молодым попом, только-только в сан его произвели: меня и сестер еще при царской власти, а Андреяна твоего, последыша, через несколько дней после свержения. Тогда здесь часовенка была, в ней и крестили и отпевали. В войну немцы зачем-то ее взорвали, мол, не положено в лесу ничего строить! Так народ говорит. А вот у нас в деревне немцы ничего не зорили, врачи стояли. В нашей избе, да еще две большие брезентовые палатки поставили, госпиталь временный устроили. Нас вот с Толькой и Инкой даже из избы не выселяли, оставили в сенях, осень теплая была, не мерзли и не голодали. За картоху, что успели собрать и в яму на сохран зимний снести, ихний повар хлеб белый — немцы черный не едят — давал, иногда и банку-другую тушенки...

Но здесь внимание Николки отвлеклось. Священник, которого отец в своих рассказах именoval попом Маркелом, все ходил, сопровождаемый меняющимся народом, от могилы к могиле, пел свои песни, похожие словами на русские, качая в руке тройную цепочку с кадилом (Николка знал название этого церковного прибора), от которого шел приятный дымок: точь-в-точь как пахнут в жаркую солнечную погоду сосны в лесу, а запах от растопленной золотистой смолы, что течет в трещинах коры. Иногда песню подхватывал нестарый еще спутник Маркела, тоже в церковной одежде, крепкий и широкий в плечах, с густой бородой. Пел он громко, порой с рыком. Звали его отцом дьяконом. Но более всего Николку заинтересовал третий из круга Маркела: пожилой, худощавый, в простой черной одеж-

де, тоже до пят, и черной шапочке. Он не ходил вослед священнику и отцу дьякону, но расположился вроде как в центре той части кладбища, которую обходил Маркел с народом. Стоял он около мшастого, старой еще вырубки, пня размером с тележное колесо, а на пне том небольшой чемодан, чемоданчик, с откинутой крышкой. А в том чемодане... все дно и до трети высоты устлано деньгами, в основном зелеными трешками и синими пятирублевками.* Как только Маркел споет свою песню и помашет кадиллом у очередной могилы, так от кучки родственников похороненного кто-то подходил к чемодану и опускал в него две-три бумажки, а худощавый («Это церковный староста», — пояснила Настасья) кланялся и говорил одно и то же: «Спаси тебя Христос», — и крестился двумя вытянутыми пальцами правой руки, что называется староверческим двуеперстием, как уже знал Николка. А дед Архип, отметив любопытный взгляд его на чемодан с деньгами, наклонился к уху мальчика и тихо пояснил:

— Ты, Колька, не подумай ничего такого. Это боговы денежки. Как в писании сказано: «Богу богово, а кесарю кесарево». Кесарь — это царь, нынешнему, значит... впрочем, царей сейчас нет. И пойдут они на храм наш староверческий, что в Боровске. Храму же ремонт нужен и всякие потребные расходы. Опять же причт церковный зарплату от государства не получает, а есть им тоже надо. Так-то, малец, богу богово. Вот никонианскую** церковь

* Описываемое путешествие Николая Андреяновича во времени относится к годам до 1961-го года, то есть до «хрущевской реформы» — деноминации 1:10, после чего рубль по курсу превысил доллар... — Прим. авт.

** Так в среде староверов именуют русскую православную церковь Московской патриархии; называют безобидно — только по факту учиненного патриархом Никоном церковного раскола. — Прим. авт.

только в семнадцатом году отлучили от государственного окормления, перевели, так сказать, на самокупаемость. Наша же, старой веры, так и вовсе никогда не кормилась от властей. Давать же деньги, хотя бы малые, но от чистого сердца, на богоугодное дело и сам Христос не препятствовал. Так в евангелии написано. Вырастешь, постарайся найти и внимательно прочитай.

♦ Как скоро сообразил Николка, народ из окрестных деревень приходит, дожидается поминовения своих покойных родичей, некоторое время разговаривает со знакомыми из других мест, кто-то уходит восвояси, домой, но некоторые остаются. Судя по прохождению солнца через зенит (про это он от отца и старшего брата знал давно — когда солнце начинает опускаться, то время идет пополудни), они пришли на кладбище ближе к окончанию поминовения. Действительно, уже уставший Маркел допел и доказал у последних могил, к которым пришли родственники. Оставшийся народ встал кучно на утоптанной прогалине — месте бывшей часовни, а священник, передав кадило дьякону, уже ко всем обратился со словами, которые Николка, не совсем понимая их, детской памятью впитывал:

— Господи, уста мои отверзни, и уста моя возвестят хвалу твою!

Дьякон подпевает Маркелу, а потом один произносит:

— Время сотворити господави: владыко, благослови!

Маркел перекрестил его со словами:

— Благословен бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков.

И так некоторое время оба поочередно пели. Но вот Маркел сказал:

— И да будут милости великого бога и спаси нашего, Иисуса* Христа, со всеми вами!

И здесь кучно собравшийся народ, пожилые женщины в основном, знающие порядок службы, нестройно ответили священнику:

— И со духом твоим!

А Маркел продолжил:

— Яко ты еси освящение наше, и тебе славу воссылаем, отцу и сыну, и святому духу, ныне и присно, и во веки веков!

Николка слышал по радио всякие передачи с музыкой и пением нескольких артистов, знал, что называется это оперой. В школе на уроках пения им много чего говорили. И в кино такие представления показывают. А перед праздниками, опять же в школе, старшеклассники тоже поют под музыку хором и поодиночке. Но здесь священник Маркел и дьякон пели без музыки, но ладно так пели, стройно, то один, то другой вступал, а им коротко отвечали деревенские бабы в белых платочках. А малопонятные слова с частым упоминанием бога Иисуса Христа, к которому священник и дьякон общо и порознь обращались с просьбами о разных милостях и прощениях, поначалу настораживали его, но уже скоро укладывались в голову ровно и размеренно, слово к слову, как поленья в поленнице, что отец с Николкой и его братьями складывают в начале осени, готовясь к долгой заполярной зиме.

В деревню Николка возвращался, поотстав шагов на двадцать от остальных. Не от усталости, но тянуло на тишину леса, даже негромкий разговор деревенских баб отвлекал его... а от чего отвлекал? Он

* У староверов имя Христа пишется и произносится с одним «и»: Исус. Такое написание, наряду с двуперстным крещением и сугубой, то есть двойной, аллилуйей в окончании молитв, и есть те три разночтения в обрядах, отличающих их от никониан. — Прим. авт.

не мог связать нужные слова и ответить, сам для себя, на этот вопрос. Словно медленно выходил он из сна, странного, необычного, не похожего на все виденное им в короткой еще жизни, но что-то в нем вызывало ощущение давно знакомого, вроде забытого, подернутого похожим на заполярные туманы, что неделями не рассеиваются. И чудится тогда, что за плотной туманной завесой скрыт иной мир, невещественный, близко осязаемый, но не объясняемый словами человеческими... Совсем запутался Никола, а чуткая по детству память сохранила последние слова престарелого священника: «Да исполнятся уста наша хваления твоего, господи, яко да поем славу твою, яко сподоби еси нас причаститься святым твоим, божественным, бессмертным и животворящим тайнам, соблюди нас во твоей святости весь день поучатися правде твоей!» И кучно стоящие перед священником и дьяконом деревенские бабы сугубо отвечают: «Аллилуйя, аллилуйя!»

...Николка! Ты чего это плетешься? — окликнула его мать, но скорее для порядка, показать деревенским свою рачительность и заботу. Он же как и не слышал обращенных к нему слов. Наваждение сна наяву продолжалось: поляна посреди вековой сосновой (корабельный лес — говорил отец) рощи, кресты на могилах, мертвые под землей, живые на земле, поющий надтреснутым слабым голосом малопонятные песнопения отец Маркел, вторящий ему крепким басом дьякон — полное отъединение от привычного мира. И кажется, тоже почти наяву: сверху, через просветы в сомкнутых кронах столетних сосен всевидящим оком смотрит на это действие некто неведомый, но знающий всех людей на Земле поименно. И раба божьего Николая, конечно.

НОВЕЛЛА 18. ГОРОД НЬЮГАДАРИН И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЕ ИЗ НЕРАСЧЕЛОВЕЧЕННЫХ

Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник (выд. нами.— А. Я.), ибо потребность всемирно соединения есть третье и последнее мучение людей.

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»
(Великий инквизитор обращается к Христу)

Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать.

Ф. М. Достоевский «Бесы»

◆...Так или примерно так у наших друзей, профессора Игоря Скородумова, доцента-ракетчика Николая Андреяновича и писателя, главного редактора литературного журнала «Срединная Россия» Андрея Матвеевича Бурцева, прошелестел месяц май. Прошелестел, а не прошел, не пролетел и пр., по той технической причине, что редкий день каждый из них не совершал путешествия на личной машине времени, как правило, легковой иномарке или ставшей раритетной отечественной. При необходимости не брезговали новомодными китайскими электросамокатами и даже старинным советским великом.

Много чего вспомнили из прошлых времен, от души повеселились скособоченному идиотизму «лихих девяностых», опасливо заглядывали в недалекое будущее, но редко и неохотно: блевать тянуло. А Бурцева раздражало, что *там* «вместо Блока блоги». Впрочем, некоторую пользу от блогов признавал: как речевую активность своей разговорчивой супруги от себя отвести — порекомендовать ей блогершей заделаться. Николая Андреяновича огорчало, что уже в ближайшие годы исчезнут многие привычные профессии, дескать, окончен бал, погасли свечи. И пояснил, что когда в конце девятнадцатого века в столицах появилось электричество, то ликвидировалась лакейская должность тушителя свечей по окончании балов. Вот они и придумали эту, печальную для них притяжку.

А Игорь Васильевич саркастически отозвался об этом «светлом будущем»: «Грядет, друзья, эпоха ООО «Русский банан», как символа сиськозадастого бытия!» И оба его приятеля поняли глубокий смысл грубоватого выражения.

По установившейся традиции в последний ласковый день, завершивший благостно-теплый май, иногда и жаркий, но не до одури, финальный весенний месяц, благо для всех трех свободный от каких-либо забот, хлопот и трудов, в полудень собрались в гостеприимном заведении «Наливай-ка!», что на стыке двух основных скоплений учебных корпусов и прочих зданий университета, где служили Скородумов и Николай Андреянович.

Учитывая принадлежность двух из компании к вузовской сфере, первый тост писатель Бурцев верноподданнически, но с легкой иронией, вечной спутницей любого литератора, предложил за окончание учебного семестра, то есть поднадоевшего общения со студиями, и перехода к экзаменационной сессии, «в которую, я надеюсь, ваши воспитанники по-

кажут блестящие результаты, ибо науки юношей питают — особенно в наше динамичное, центростремительное»... здесь Андрей Матвеевич слегка запнулся, не то слово в спиче поставил, но его тотчас перебил Игорь Васильевич:

— ...Центроустремленное, как библейские гадаринские свиньи, в пропасть совершенный тупости мысли, клинической цифрофрении и дальнейшей трудоустроенности по единой базовой специальности: всю жизнь, даже дожив до нового пенсионного возраста, уныло тянуть, как те бурлаки на картине Репина, или как его сейчас братья-хохлы по языковому закону именуют — Илли Юхвимовича Рэпина, тягостную лямку безрадостной и монотонной работы — не труда! ибо труд есть творчество. С главным мерилom — суммой оплаты, впрочем, сниженной до прожиточного минимума. С горечью, дорогой наш сочинитель, но поддержку твой тост. Но пить будет не чокаясь, по-американски, за этих ребят с внедренным в их головки «мек моней».

Принялись за закуску. В это время с шумом и нахально-веселым перекотыриванием вошли группой в шесть человек студенты, очевидно, собирались отметить удачно завершенную зачетную неделю и допуск к экзаменам. Заняли дальний — по отношению к нашим приятелям — столик, тесно сдвинув стулья, подозвали официантку Машу. Хохочут, явно над глупыми преподами, которых обвести, что два пальца об асфальт, все одновременно говорят, как в женской компании, разливают по первой — разгонной.

— Однако, герр профессор,— усмехнулся Бурцев,— столь усердно хоронимые вами студиязусы в высшем градусе веселья?

— Так я их жалею с нашей позиции,— ответил Игорь Васильевич,— то есть с точки зрения еще не расчеловеченных людей, не с оцифрованным, так сказать, сознанием, тем более по натуре и образу

жизни творческих. А они,— Скородумов мотнул головой в сторону ребят,— уже другой продукт. А человек есть самое высокоадаптивное существо из всего биологического разнообразия. Так что им даже уютно в этом роботизированном, цифрофреническом, гибридном по определению мире, что нам, друзья, претит хуже неочищенного свекольного самогона... если кто в молодости его пробовал, когда в «колхоз» от учреждения или предприятия в севооборотные месяцы непременно на пару-тройку недель, а то и целый месяц посылали. Ладно, господь с ними — и их мечтой насчет «свалить из этой рашки» и все того же неизбежного «мек моней». Жаль, что они в телевизор совсем не смотрят; подивились бы, какой им виртуальный образ извне агитпром лепит: они и гвардейцы, и армейцы, и движенцы всякие, надежда отечества и его светлое будущее... как у нас на главном корпусе, когда универу дали категорию опорного, плакат повесили: «Наш университет опорный, в учебе упорный». Жаль, что не *упертый*, с точки зрения теории стихосложения более грамотная рифма. Все есть фальшь и административно-бюрократический ремиз, как говаривали в позапрошлом веке наши литературные классики. Прав я, Андрей Матвеевич?

— Прав, конечно прав, Игорь Васильевич. Кому как не заслуженному профессору быть правым. Однако, друзья, разговорились мы с вами на вольнолюбивые темы, а не время ли нам последовать словам небезызвестного героя гайдаевских фильмов: «Не пора ли нам сделать остановку, кондуктор, нажми на тормоза». Это я к тому, что языки-то они без костей, а водка стынет!

Друзья охотно поддержали, Студенты также во второй разлили. Явно не гвардейцы, армейцы и многоликие движенцы.

◆ — Кстати, наш дорогой профессор — на то он и профессор, повторяюсь — слишком диалектически

рассуждает, сравнивая времена прошлые, настоящие и пугающие своей зловещей неопределенностью будущие. То есть научно-методологически истина за Игорем Васильевичем. Но вот я, как рассуждающий под вдохновением опекающих меня литературных муз, осмелюсь предположить несколько иное видение. И не на пустом месте это видение образовалось. Открою вам свою проделку с машиной времени, что недавно сотворил, а именно: отталкиваясь все от тех же слов, которых, как говорится, из песни не выкинешь, про «не пора ли нам сделать остановку», свободным вечером следующий кунштюк выкинул, подтвердивший мою давнюю догадку: жизнь есть закольцованный сон, в котором все эти очеловечивания и расчеловечивания, оразумления и умозамещения, капитализмы и социализмы, империализмы и глобализмы, революции и контрреволюции... уфф! и так далее вплоть до содержания новой книги герра профессора о скорой замене человека биологического творческого биотехническим роботом — все скопом и поодиночке есть фрагменты такого закольцованного сна-жизни. Все повторяется, но каждый раз с ускорением времени и с усилением или, наоборот, ослаблением всех качеств и проявлений и...

— Во письменник наш дает! — с восторгом перебил Бурцева Игорь Васильевич, — да ты, о проныцательнейший Андрей ибн Матвеевич, прямо по диалектике Гегеля Георга Вильгельма Фридриха и Карла Маркса излагаешь. Более того, и новое слово в философии сказал: цилиндрическую диалектическую спираль повторения закольцованных циклов в качество гиперболической, как знаменитая шуховская радиобашня, перевел. Не ты, конечно, первым перевел, но зато оригинально и стихийно размышляя! Поздравляю. Но где же только что анонсированный кунштюк с машиной времени и «пора сделать остановку»?²

— Благодарю, герр профессор, за высокую оценку моего уклона в философию. Но — к делу, к теме эксперимента с машиной времени. Сразу оговорюсь: таковой дает положительный ответ на все вопросы только у нас, у русских, про специфику которых прозорливец Достоевский сказал, как припечатал: *«Одна Россия живет не для себя, а для мысли»*. Робея перед гением, решусь добавить: даже если это мысли «пакостные» и бездельные — *a la* Илюша Обломов. Русскость, словом. Пресловутый загадочный русский характер. Итак, вспомнив ваши, дорогой Игорь Васильевич, рассуждения о возможностях встречных путешествий на машине времени, я решился последовать им. То есть сначала проехался на рубеж восьмидесятых и девяностых годов, когда бардак в стране только вырисовывался пока неясным, туманным таким абрисом. Затем, зафиксировав себя тогдашним по возрасту, мировосприятию, так сказать семейному положению, зарплате и магазинным ценам (еще до павловских пятидесяти- и сто-рублевых), уже совком, как сейчас паскудно цедят сквозь зубы, отправился в будущее, то есть выставил ручкой верньера нынешний наш год, второй пандемический...

Здесь друзья сделали гастрономический перерыв, после чего Андрей Матвеевич продолжил:

— Вы вот сейчас добродушно надо мною посмеетесь: велосипед изобрел! Дескать, мы прошедшие тридцать лет все по часам и минутам может расписать и так далее. Пальцем в небо попадете, граждане педагоги высшей школы! Я же не зря акцент сделал: явился на машине времени из эпохи близкого начала нашей, самой грандиозной в мире, цветной революции в нынешние дни; причем, во-первых, я явился не запылится в сегодняшний мир советским человеком; во-вторых, как бы не ведаю о прошедших трех десятках лет. А это совсем иное,

нежели велосипед изобретать. Итак, из огня да в пекло. Что же произошло за эти десятки лет — мне, новоприбывшему, даже в самых общих чертах и словах неведомо. Пожил я в новом для меня мире, при-смотрелся...

— И как тебе показалось, почувствовалось? — с неподдельным интересом вмешался Николай Андреевич.

— А никак. Конечно, изменилось за тридцать лет многое, почти все. Особенно люди; которые помоложе, так словно из дурдома за правильное поведение на побывку выпустили. Одеты, парни и девки, в какое-то хламидомонадное тряпье. Причем парни внешне как парни, а вот девки как из двух различных инкубаторов с конвейера сошли: одна половина тоже внешне на нормальных смахивает, в меру стройные, а вторая — толстухи со среднешкольных лет, волосья вроде как в фиолетовых чернилах выполощены, в носу кольцо продето. Но все оба пола в руках, словно чайное блюдце, держат перед губами какие-то плоские коробочки и громко разговаривают сами с собой. Точно — из Кащенко московской или калужской Бушмановки, наших обеих лечебниц тож, отпущены безутешных родственников проводить. И еще приметил: середина дня, а на улицах не протолкнуться, видно, никто уже не работает, только и ходят по магазинам, а те словно дворцы из картона, наскоро срублены, вывесками с американскими словами облеплены. Когда же обжился, стал вникать: так ведь по сути-то ничего и не изменилось! Антураж новый, а содержание прежнее. Как в советское время с утра до вечера на экранах отечественных «Стартов» и «Темпов», цветных «Электроник» про мудрую политику «партии и правительства» рассуждали, так и сейчас. Только телевизоры поменялись сплошь на импортные. Своих-то уже давно не мастерят...

— Позволь, дорогой Андрей Матвеевич, ты уж будь точен в обобщениях. Ладно про правительство, но вот насчет партий? Их ведь сейчас целых четыре, что в думе заседают. А за пару недель до выборов народ узнает о существовании еще десятка или того поболее, в том числе обязательно нескольких якобы коммунистических, так что...

— Погодь, погодь, Николай Андреянович, не гони коней ретивых, что с бубенцами и лентами, в гривы вплетенными. Аксиома историческая гласит: на Руси во все времена и при всех режимах была, есть и будет до скончания веков только одна партия: правящая. Советские коммунисты, как люди искренние, так и вовсе не лицемерили. Так и говорили: да, я член *нашей* партии! Единственное исключение в нашей истории в части многопартийности — это после революции девятьсот пятого года, когда «царь испугался, издал манифест», — ни к чему хорошему не привело: потеряли страну. Только усилиями Сталина и восстановили ее.

В разговор вступил Игорь Васильевич, доселе внимательно слушавший экспериментатора путешествий во времени:

— Правильно мыслишь, Андрей Матвеевич. Добавлю: для нашего отечества оптимальная раскладка, когда правительство и партия каждые сами по себе. Вот как в девяностых имело место быть: Ельцин по понедельникам трудолюбиво правительство меняет, а единственная реальная партия, коммунистическая, своим думским большинством по мере сил и полномочий тормозит капитализацию страны под американским патронажем и как может заботится о народе. Но все это прошло как мимолетный сон. А вот китайцы таким ходом давно пользуются, не смешивая партийные и хозяйственные дела и — на тебе! Новая сверхдержава под красным флагом! Как говорится, получи, фашист,

гранату, распишись за пулемет... Извиняюсь, продолжай, Андрей Матвеевич.

— Да и продолжать нечего. Вроде все изменилось, повернулось на сто восемьдесят градусов, оверлог, говоря по-флотски и портновски, но человек-то наш русский все тот же! Да, поглупее на порядок или более того, обленился вконец — таджики за него работают. Запуган все более плодящимися запретительными законами, разъединен двухгодичной — и конца ей не видно — эпидемией, словом, вроде как к полному ничтожеству сведен, но ... остался человеком русским! А спасение его видится в такой замечательной нашей черте, как вселенский, внеисторический *поплевизм*! Я закончил, други мои. Жизнь есть закольцованный сон.

◆ — Ты хочешь сказать, дорогой наш письменник, что национальный наш поплевизм имеет сильный иммунитет даже к глобальному расчеловечиванию, — прервал затянувшуюся паузу профессор Скородумов, — что ж, довод небезосновательный. И вывод следует стратегический: если нашим потомкам и суждено будет стать жителями города Ньюгадарина, то они придут туда последними из нерасчеловеченных. Но история обратного хода не имеет: не долго им придется со своим поплевизмом в том всемирном городе красоваться. И их сомнут, скомкают...

Студенты за дальним столиком, сгрудившись вшестером, утолили юношеский аппетит, а принятое на грудь лихорадочно веселило. Все их смешило сейчас: и ловко спихнутые молодой преподаше зачеты, и на время отступившие тягостные мысли о грядущих экзаменах, и особенно — стариканы за столиком налево от входа, по виду смахивают на тех же преподавов их универа, раз забрели в «Наливайку», незнакомых, не с их факультета. На троих соображают. Тоже, наверное, приняли зачеты и расслабляются. Что ж, и они имеют право. Как там совки до

исторического материализма пели: «Лишь мы одни имеем право, а паразиты никогда!» Вот и получили это право: водяры выпить, по сторонам оглядываясь: свои же донесут, капнут куда надо. Нет, ребята, глупость величайшая — про права всякие вякать. Ждать от кого-то дарование прав — это все одно, что надеяться даром девку красивую поиметь. Нет, права только сам себе можешь выбить. Из чего или из кого хочешь. Да, здраво рассуждая, права есть пережиток далекого прошлого. Что ты со своими правами, даже если только одно их перечисление займет в компе файл в целиковый гиг, делать-то будешь? У другого, третьего и так далее тоже есть права. А раз они у всех, то никакой кормушки для обналачки этих прав не хватит...

...Наши же приятели вовсе не о правах дискутировали. Обратились они к безудержному фантазированию, что тоже есть езда в будущее на машине времени, на тему: как остановить расчеловечивание в мире, в России в первую очередь. Николай Андреянович, как человек военно-морского воспитания, да еще из старообрядцев по родословной, а по профессии инженер-ракетчик, только недавно перешедший на преподавательскую работу, считай что приравненный к военной косточке, прямо рубанул:

— Организовать некое подобие антиглобалистского коминтерна, но без акцента на коммунизм, чтобы людей, особенно зарубежных, не спугнуть. Этот условный коминтерн создает...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Игорь Васильевич, — дальше, дорогой Николай Андреянович, можете не рассказывать: боевой центр где-нибудь на Маркизских островах, оснащенный вашими любимыми ракетами, бомбардировка генштаба Тайного мирового правительства и — мировая антиглобалистская революция. Как говорил товарищ Троцкий, главное ввязаться во всемирную бойню, а там куда кривая вы-

ведет. Вот не ожидал, Николай Андреевич, что ты троцкист до мозга костей! Шучу-шучу. Вы просто ошиблись лет этак на сто с небольшим. Да, впрочем, и тогда это всемирное правительство уже показывало свои зубы, сталкивая в смертельной схватке европейские монархии, а через двадцать лет две полярные социальные системы: нацизм Третьего рейха и интернациональный советский социализм. Сейчас же Великим глобализатором все схвачено и просчитано на десятки лет вперед. Любой «коминтерн» тотчас будет им приручен и пущен в дело на свою, глобализма, пользу. Всякие талибаны, алькаиды и игилы тому великолепный пример. Вроде и кровные враги для глобалистов-имепериалистов, а по делам их — верные и исполнительные слуги в роли пушечного мяса. Гибридные войны, гибридные страсти, словом, стопроцентно гибридная жизнь. Нет, Николай Андреевич, всячески уважаю твою военную устремленность, но все это осталось в далеком прошлом: Наполеон, Гарибальди, наши народовольцы, затем эсеры и большевики... впрочем, и в их делах тайная рука уже чувствовалась. Масоны, розенкрейцеры и прочие — все это предшественники нынешних Римского клуба, Бильдербергского тож — легальных органов тайного руководителя мира, то есть Великого глобализатора. Дадим теперь слово нашему гуманитарии. Прошу, Андрей Матвеевич!

◆ — Экое дико звучащее в наше время слово — гуманитарий! Его и не услышишь теперь, словно приравнено к матерному. Впрочем, это я так, мысли вслух. А если по определению я есть гуманитарий, то и должен гуманно ко всему подходить. Высшим же мерилом этого качества человека является толстовство с его руководящим правилом: исправление пороков человечества начни с себя, при этом не противясь злу насилием. Это у Льва Николаевича было взято из индуизма с буддизмом. У последователей

Толстого все это обратилось в слабомочную секту, а вот Ганди с непротивлением вдохновил Индию за освобождение от британской короны. Значит срабатывали на государственном уровне. А вдруг с глобализмом тоже получится?

— И как это мыслится, в железе так сказать, говоря по-инженерному? — поторопил Николай Андреевич, несколько заскучавший от общих рассуждений приятеля. Знал он за ним привычку абстрактно теоретизировать со ссылками на Толстого, Достоевского, Некрасова с Тургеневым и почему-то на Гончарова.

— А мыслится так, что уже через пяток лет, учитывая бешено, по экспоненте, как выражается Игорь Васильевич, нарастающие темпы превращения человечества в стадо, руководимое всякими гэджиками в руках, в ушах, а скоро может и в мозгах, людям это осточертеет. Особенно нашим с их неиссякаемым поплеви́змом. Побаловались и баста! Да и госвласть поневоле подключится, когда поймет: вместо граждан уроды какие-то. Вроде как в Японии уже второй десяток лет такое сдерживание практикуется, в Китае тож. Да и у нас за содержание дьявола-интернета взялись...

Андрей Матвеевич еще некоторое время в деталях разъяснял сущность толстовского самоусовершенствования в деле борьбы с глобальным расчеловечиванием. Николай Андреевич заскучал, а Игорь Васильевич с дружеским сожалением, даже с некоторой тоской, посматривал на собеседников. Общая вялость распространилась и на стол: к недопитой бутылке (а ведь и вторая в запасе имела в расчете на бурную дискуссию!) и закуске уже давненько жаждущие руки не прикладывались.

Зато шестерка студентов перешла в высший градус веселья. Как то бывает в подобных застольях молодежи, потянуло на расширение общения. По-

сколько в заведении девичьих компаний не наблюдалось, то кому-то и пришла в голову дерзкая мысль пообщаться с преподами: «Тоже ведь люди, хотя стариканы и всякую дурь на своих лекциях в голову нашей братве втюривают! Давай-ка пересядем за столик рядом с ними, а?» Остальные поддержали. С шумом, звоном посуды, отодвиганием стульев и придвиганием недостающих для компании, весельчаки расселись за соседним с нашей троицей столом, так что для общего разговора полтора метра не препятствие.

— Извиняемся, если помешали, а то за прежним столиком в нише без окон как в подвале, — с поклоном головы обратился к соседям явно заводила компании.

Бурцев, развивая новую толстовскую теорию, а тем более он оказался спиной к новоприбывшим соседям, вовсе не обратил внимания. Николай Андреянович сделал снисходительную отмашку: все в порядке, ребята. Игорь же Васильевич, не уважавший амикошонства со студиязусами, строго посмотрел мимо соседнего столика.

Студенты разлили по новой — за новоселье. И Николай Андреянович, вспомнив свои обязанности негласного тамады, наполнил стопки. Тем более, что Бурцев завершил-таки изложение своей теории, в которой симбиоз буддизма и империалистической глобализации выглядел несколько неправдоподобно. Те и другие вздрогнули, освежились. Поскольку же это почти что случайно вышло одновременно, то по неписанным, историческим воспитанным традициям русского застолья такая одномоментность выглядела заочным знакомством. А Николай Андреянович заинтересовался факультетом и специальностью новых соседей.

— С кибера мы, со специальности информационной защиты, — вежливо ответил все тот же заводила.

Здесь профессор Скородумов переменял строгость взгляда на некоторую заинтересованность, поскольку в далекие советские годы сам учился на одном из тех двух факультетов, что, слившись в новые времена, и породили факультет кибернетики, точнее по-новомодному, институт кибернетики и информатики госуниверситета.

Разговорчивость Николая Андреяновича, компатриотство Скородумова и писательский интерес ко всему для его новому Андрея Матвеевича, да еще, само собой разумеется, юношеская взбудораженность несколько подвыпивших студентов, как-то скоро и ненатянута обозначило общий разговор. Впрочем, разговор для обеих сторон необременительный: наши друзья не лезли в юные души, чем обычно грешит старшее поколение в подобных ситуациях, не попрекали чем попадая: от их приверженности к гэджикам до отсутствия высоких общественных идеалов. В свою очередь, студенты не допытывались о личных данных старших собеседников, так сказать по-анкетному: чем занимались до революции и не служили ли в белых армиях и у батьки Махно. Были такие анкеты в советской истории.

◆ — ...Интернет, молодые люди, не в один миг на пустом месте возник, — где-то ближе к окончанию гостеванья в «Наливайке» разохотился в просвещении молодежи Игорь Васильевич, благо и вторая бутылочка «запасной» уже опустела наполовину, — началось все неприятно и даже несколько сиротски с объединения в рамках отдельного предприятия или организации нескольких компьютеров: хорошо вам известные по курсу информатики локальные вычислительные сети. Дальше же все пошло и поехало и добежало до интернета. Вроде как само собой, рост научно-технического прогресса и прочее. Все тихой сапой и почти как для пользы человека и человечества в целом. Для удобства — лежа на печи.

— А разве нет?

Игорь Васильевич снисходительно посмотрел на задавшего вопрос студента, не ответил и продолжил:

— Еще занимательнее сценарий возникновения мобильной, то есть сотовой связи. Поначалу, в конце восьмидесятых годов, о сотовой связи, то есть еще не мобильной, что в кармане, а по принципу сотового расположения радиотелефонных станций, заговорили как об оптимальной для редконаселенных территорий со сложным ландшафтом, где обычная проводная связь не окупает себя, либо вообще нереализуема, например, в озерной и болотистой местности. Уверенно называли такой район: Скандинавия и Финляндия...

— Извините, профессор, а разве Финляндия не входит в Скандинавию?

— Нет, уважаемый, скандинавскими именуются Норвегия, Швеция, Дания и Исландия; на всякий случай: не перепутайте Исландию с Ирландией. С вашего разрешения продолжу о своем, девичьем. Не зря же одно из первых, возможно и первое, в мире производств сотовой связи было создано в той самой, сомнительной по своей «скандинавности», Финляндии, а именно фирма *Nokia* со своим стандартом частоты, где-то под половину гигагерца... гига по-вашему, пацанскому. И опять-таки скоренько дело пошло. Как говорят психологи: *сдвиг мотива на цель*. Или по русской пословице: коготок увяз, всей птичке пропасть. В нашем случае — в пропасть глобализма. И снова для удобства — лежа на печи. А чтобы вот тот любознательный юноша в ермолке с козырьком — вроде как *у вас* она бейсболкой называется? — снова не спросил: «А разве нет?» поясню. В современном толковании слова «удобство» лично я наблюдаю действие специального, так сказать, вируса. Очень коварного, против которого в обозримом будущем не сыщется противоядия, то

есть социальной же вакцины. В том-то и великое искусство, в ранг которого глобализмом введены эти коварные социальные вирусы, этого всеобъемлющего «удобства», что воздействует он стопроцентно на всех людей. Кто же, отринув эволюционно присущую человеку лень, то есть разумную экономию своей энергии, откажется от удобства, а? Да никто. И вирус этот начинает свое разрушительное действие с завлекающих мелочей — вот коготок и увяз. Через некоторое же время как в телерекламе: удобно по смартфону-телефону, планшету-ноутбуку — и что там еще американцы в Силиконовой долине разрабатывают, а китайцы стомиллионными тиражами отштамповуют? — все дела свои сделать, не выходя из квартиры», «не поднимаясь с дивана»... и так далее вплоть до невставания с фаянсового прибора в привычном месте... Грубовато (студенты искренне расхохотались), но точно в цель.

И не следует думать даже самому отчаянному скептику, так сказать социальному цинику, что, расчеловечивая всех и вся своими вирусами, Великий глобализатор не задумывается и о самосохранении. Ведь без людей, даже в обличье биотехнического робота, он сам себя лишает поля деятельности. Так с интернетом. Создавая этот мощнейший инструмент расчеловечивания, он заложил в нем и средство этого самосохранения. Ведь биоэволюция земная очень даже хрупкая, даже на единицы процентов не застрахована от глобальных катаклизмов: от «внутренней» ядерной войны с ее коллапсом для человечества, его цивилизации и всего прочего до космической катастрофы, что уже было в давние геологические эпохи с «попаданием» в нашу планету здоровущих астероидов. Извержения супервулканов тоже не исключаются. Как же быть — ставить точку на человечестве? И начинать заново эволюцию? Но даже если крохотная часть земного населения сохранится,

то ей потребуется десять-сто тысяч лет, чтобы вернуться к сегодняшнему состоянию, ведь будет утрачено главное: накопленное человечеством знание. Вот здесь-то сократить срок с десяти-ста тысяч лет до приемлемых сотен лет и призван сделать интернет. Оцифрованное знание и технологии можно скоро восстановить по сохранившимся при катаклизме записям в памяти компьютеров, тем более доменных хранилищ. Что-то и где-то на океанических островах, в горных долинах из них останется. В одном компе, как вы выражаетесь, записано *A*, в другом *B*, и так далее до *W*, последней буквы латинского алфавита. Я, понятно, условно называю буквы. В целом же по разбросанным клочкам и наверстывается все нынешнее знание, главное — технологии... чтобы вновь создать ядерное оружие и опять же до глобальной катастрофы доиграться! Зато Великий глобализатор раз в десять тысяч лет, а это длительность «стандартной» эпохи цивилизации и культуры, будет торжествовать, как вещий Феникс из пепла всякий раз восставая. А еще, ребята...

* * *

В один из начальных дней жаркого июня наши друзья совершенно случайно встретились. Действительно случайно. Склонный, в числе прочего, к математическим упражнениям Игорь Васильевич даже прикинул вероятность этого события: где-то сотая доля процента. Действительно, как иначе, если не статистической случайностью, можно назвать встречу трех человек в 12 часов 37 минут на правом углу дома № 19 по улице *N*-ской. Случайность усиливалась совершенно различными маршрутами конфиденстов нашего внимания. Игорь Васильевич Скородумов следовал из своего факультетского корпуса в единственный сохранившийся в более чем полумиллионном

городе книжный магазин; остальные, как нерентабельные, были выкуплены или арендованы под различные торговые точки: от секонд-хэндов и интим-магазинов до частных медико-диагностических миниклиник и фирменных колбасных лавок.

Склонный к дисциплинированному хозяйствованию Николай Андреянович был послан супругой на рынок «Южный» за атлантической селедкой бочоночного пряного посола и воронежским, соленым же, салом в три-четыре пальца толщиной. Наиболее замысловатым маршрутом двигался писатель Андрей Матвеевич Бурцев: вышел он из маленькой типографии, естественно частной, где приценивался к тарифам, имея в виду печатание своего журнала «Средняя Россия». Огорченный картельным сговором городских печатников с нехилыми ценами, Андрей Матвеевич взял курс на свой дом, но на полпути решил сделать крюк вправо, в сторону маленькой распивочной: хлопнуть сотку, заиграть обиду на печатников.

Но вот и свела их судьба на углу дома № 19 по N-ской улице. Несколько остолбенело посмотрев друг на друга, с пару секунд помолчав, одновременно произнесли одни и те же слова: «А знаете, мне весь май снились странные сны!» Из дальнейшего выяснилось: всем троим привиделись многосерийные, с продолжением из ночи в ночь, сны о путешествиях на машинах, велосипедах и китайских электросамокатах во времени. Прямо наваждение какое-то!

Помолчали. Игорь Васильевич резюмировал: «Да, друзья мои, ведь и вся жизнь человеческая есть сон». С ним согласились.

ЭПИЛОГ: НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ, А СЕВШИ — ПОД ГОРУ КАТИСЬ

*Нет, кажется, и вправду уже грядет час,
и ныне есть, когда здравый разум будет не в
состоянии усматривать во всем совершающемся
хотя малейшую странность.*

Н. С. Лесков* «Соборяне»

♦ Русский фольклор, как иносказания исконно верующего, православного народа, пестрит путешествиями своих персонажей: для любимого героя Емели дурака, что два пальца об... нет, асфальта тогда не было, значит о брусчатку соборной городской площади, за тридевять земель скататься, желательно с печи не слезая. Но это все географические перемещения. А вот о поездках на «саниях-телегах времени» даже сами Даль и Афанасьев умалчивают. Это при том, что Владимир Иванович, как потомок немцев и датчан, очень скрупулезно и дисциплинированно отыскивал жемчужные зерна стихийной народной мудрости; одно удовольствие в наше суконно-цинковое время лицемерных запретов на все и вся читать целую колонку его словаря о вине; дескать, «меняй хлеб на вино, веселей проживешь» и пр.

Но почему на саниях-то, на печке с неостывшими щами тож, в сказках и присказках русского народа

* В завершении книги мы единожды «изменили» Ф. М. Достоевскому, нашему путеводителю — в эпиграфах — по всем кругам ада глобализации и расчеловечивания, дав слово Николаю Семеновичу Лескову: слишком точно и метко в этой фразе он выразился. (Заметим, что Достоевский и Лесков более чем холодно относились друг к другу; проживая в Петербурге, ни разу не встречались, а о произведениях *vis-a-vis* почти всегда ругательно отзывались... но, как истинные таланты, отыскивали и удачное на их взгляд).— Прим. авт.

во времени никто не разъезжал? Если «славны бубны за горами», то неужто не привлекали времена прошедшие, когда вода мокрее была и сахар слаще, тем более, будущее — явно с молочными реками и кисельными берегами? (Заодно поясним, что старинные кисели творили из овса, густые). Опять-таки вернемся к истовому русскому православию. Именно оно внушало народу, еще не испорченному городским мещанством, тем более фуражечным чиновничеством и столичным парле ву франсе, с одной стороны, и нигилистами в мягких шляпах и пледах с другой, если о прошлом далеком думать, так не успеешь яровые с озимями посеять и сжать, а мечтать о будущем и вовсе грех великий. Ибо живи свою жизнь смиренно, трудолюбиво и доброхотно, а в будущем, где будет только второе пришествие со всеобщим воскрешением и судом «по делам его и воздастся». И как бы ни был прилежен в труде, послушании помещику, добродетелен в семье и в своей общине, в исполнении всех наставлений его приходского попа, но подспудно крестьянин побаивался грядущего воскрешения и судебного — на небеси — присутствия. Ведь без малого греха даже и неразумный скот на дворе не проживет; про почти очеловеченных собаку и кота вовсе говорить неча.

Словом, творец фольклора, православный русский мужик (в северных губерниях, Архангелогородской и Олонецкой — это где Гаврила Державин губернаторствовал, — в основном сказительницы этим занимались) страшился в своих санях времени устремляться в будущее — не судите, да несудимы будете, а чего Емеле в прошедшем-то делать? Его туда и маковым калачом не заманишь. Ведь позади только неурожайные голодные годы, битье розгами за шалости детства и отрочества, выкорчевывание леса под пашни — тяжелее работы на свете нет... а

в дальнем прошлом и того хуже: «незванный гость хуже татарина» (это о татарине ордынском), опричнина, разор Семибоярщины и Смутного времени с его самозванцами. А вся тягота такой развеселой жизни на крестьянский хребет ложится. Не-е-т, барин, избавь нас от любопытства насчет «славного прошлого» и «светлого будущего»! Не в свои сани, которые сани времени, не садись, а уж коли сел спьяну, так и катись под горку времени прямо к мамеу разору, а на горку и не покатишься: сам потащишь санки к Страшному суду.

Сейчас страна наша иная, не православными крестьянами с прослойкой мещан, купцов, попов и административных чинов населена. А впрочем... за исключением православных крестьян, все теми же. Да чего здесь объяснять: оглянись округ себя! Да еще вместо саней и телег личные автомобили отечественной отверточной сборки, все более китайской фабрики. Как и все остальное, что в обиходе нынешнего русского человека, опять же переkreщенного в *россиянина*. Говорят — так в эпоху глобализации и надо; мол, мастерская мира для него же весь ширпотреб гнет-тачает, штампует, кует. А для себя — космические корабли, атомные подводные лодки и тоже все остальное, потребное новой сверхдержаве, возможно, будущей единственной в подлунном мире. И на Луне с Марсом впридачу.

...А в стране той, равно как и во всем, так называемом цивилизованном, мире, то есть «без африк и азий», но и они скоро примкнут к нему, хотя давно из саней в автомобили в пластмассовых лаковых кожухах пересели, но все так же стараются не путешествовать в прошлое и будущее. И здесь не христианские догмы, как в санный век, не русское православие, европейские католицизм и лютеранство с кальвинизмом причиной. С их всеобщим воскресени-

ем, Страшным судом, а позади — торговля индульгенциями, темные Средние века и пришествие капитализма с его волчьей идеологией, мол, *homo homine lupus est*. Нет, конечно, ибо ныне Христова мораль, равно как и другие, имеющие место быть на белом свете, стала всего лишь артефактом прошлого. А где внешняя атрибутика того же христианства сохраняется, то это рабочий инструмент империализма-глобализма, именуемый *моралью по вызову*. Аналогия понятна.

Нечто иное отвращает современного жителя глобального человејника, полного аналога пчельника, муравейника, термитника и пр., остерегает его от путешествий во время оно и в будущее. Что же именно? — Об этом речь пойдет ниже.

♦ У Ивана Бунина есть гениальные по своей простоте, но и немыслимой глубине, строки: «*Но для женщины прошлого нет, разлюбила, и стал ей чужой*» (по памяти пишем, надеемся, не ошибаемся в грамматике). Точно так же американский философ и публицист Фукуяма в последней трети прошлого века, возвестив «городу и миру» (как в папских энцикликах) о наступлении постиндустриальной эпохи, соотнес ее и с эпохой *постисторической*. То есть *после истории* этимологически, а значит и с потерей коллективной памяти об истории, ставшей современному человеку ненужной, как Ивану, родства не помнящему...

И все же семантика этого слова намного обширнее простой потери памяти о своем прошлом, о всей истории 10000-летней эпохи цивилизации и культуры. Историческая память суть «социальный геном» человечества. Как биологический геном ДНК любой живой твари, от предживого еще вируса до вершины творения биоэволюции, человека, содержит в себе гены всех предшествовавших в трехмиллиардной

эволюции видов живого (от момента расхождения флоры и фауны), так в каждом человеке осознанно или подспудно живет вся предшествующая история социальной эволюции человечества. Выдающийся русский философ Н. Ф. Федоров в своем трактате «Философия общего дела» назвал это качество человека *памятью отцов*. Вернее и основательнее не скажешь!

Именно отправляясь от этой памяти, генофенотипической и книжной, поколенной и личного жизненного опыта, человек и формируется как субъект социальный, то есть входящий своей особой, как папиллярный рисунок кончика пальца, индивидуальностью, особенно творческой, в социум, коллектив самостных людей: именно коллектив, но не глобалистский человеиник. Таким был до недавних, по историческим меркам, времен человек *биологический разумный*, причем разум его тянулся к творчеству — широко понимаемому: от красиво, без брака выточенной на токарном станке детали до свершений технического и научного гения и всевозможных искусств. Вся его разумная деятельность зижделась на обобщенной *памяти отцов*, которая не прерывалась, а только обогащалась при переходе от поколения к новому поколению, как *равнозвенная цепь*, тянущаяся из прошлого в будущее через настоящее.

Именно поэтому происходящий у нас на глазах разрыв этой цепи — а кто в этом усомнится? — есть отрицание исторической памяти, памяти отцов. Ибо таковая вовсе без потребности новому, нарождающемуся виду *hoto: человеку биотехническому*, подключенному к глобальным телекоммуникационным сетям, мыслящему не творчески, аналогово, но с цифровым («компьютерным», клиповым и пр.), утилитарным суррогатом такового. Словом, как в телевизоре: «в гостях у цифры», «от слова к цифре» и

пр. Это процесс *расчеловечивания*, одиночество гайки-винтика в мега-машине Великого глобализатора. Такое одиночество еще три четверти века назад литературно охарактеризовали Джордж Оруэлл в знаменитом романе «1984» и Ханс Фаллада в не менее пронзительном «Каждый умирает в одиночку»*. А Станислав Лем в «Сумме технологии» подвел «теоретическую базу»; правда, по прошествии полувека, эта база требует существенного пересмотра и дополнения.**

Расчеловеченному же бывшему *homo sapiens*, влачащему дни своей жизни в таком глобальном человеко-концлагере (как Берлин в годы войны у Фаллады, а еще вернее сравнить с персонажами Кафки), память отцов вне всякой надобности. Социумная память востребована, во-первых, в коллективной организации; во-вторых, в условиях самоидентификации личности. Расчеловеченный же есть индивидуум, отгороженный от первого и второго. Поэтому езда на машине времени в прошлое (это, как и социумная память, образный эквивалент памяти отцов) для индивидуума человеко-концлагерца даже и непредставима: какое-такое прошлое? Его не было; нас только вчера в капустных грядках нашли! Осторожный же винтик глобальной мегамашины решив, что «не буди лихо, пока оно тихо», поостережется даже на детских саночках с горки времени на малое число лет съехать, полюбопытствовать: а что там такое бы-

* Фаллада Ханс. Один в Берлине (Каждый умирает в одиночку): Пер. с нем.— М.: Синдбад, 2021.— 672 с. (Обратим внимание читателя: именно в этом, недавнем издании впервые в истории публикаций романа использован аутентичный авторский текст).— Прим. авт.

** См. нашу 18-томную (на сегодняшний день) серию «Живая материя и феноменология ноосферы» (на различных сайтах по поисковику).— Прим. авт.

ло... до того, как меня в капусте нашли. Ибо осторожность, она же запуганность всем и вся, есть поведенческая норма жизни винтика глобализма. Значит, не в свои сани не садись. И странность такого исторического нелюбопытства пресловутый винтик уже не состоянии усматривать... Таким изобразил на чертеже, на компьютере, конечно, в программе *MatCad*, Конструктор глобального технологического процесса, и согласно чертежу винтик этот на *three dimensional* (сейчас обезьяннически, на американо-нижегородском макароническом* наречии, именуемом 3D), то есть объемной, в переводе на русский язык, штампующей машине с программным управлением отковали. И вставили, ввинтили в нужное резьбовое гнездо биотехнической мегамашины. На том и аминь!

♦ В иудейской древности — извиняемся за повтор в этой книге — знаменитый врач и философ Маймонид в отношении к лечению заболевших обратил ветхозаветный закон шабада «человек для субботы» на «субботу для человека», чем вызвал гнев и преследование синедриона иудаистской ортодоксальной верхушки. А вот в эпоху глобализации в части <широко понимаемого, не только юридически> закона произошло обратное Маймониду; утвердилось: человек для закона, а не закон для человека (формулировка наша).

* От слов «макароническая поэзия» (от итал. *maccheroni* — макароны) — вида шуточной поэзии, в которой стихотворный текст нарочито пересыпан иностранными словами; возник жанр в Италии в эпоху Возрождения. То есть пародия на испорченную латынь. В России «классика» этого жанра — поэма И. П. Мятлева (1796—1844) «Сенсация и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (в 3-х тт., 1840—44), язвительно высмеивающая увлечение иностранщиной — хронической русской болезнью...— Прим. авт.

Это к «езде в будущее» человека глобализованного, которого по традиции поименуем по латыни: *homo globalicum* (не сочтите за «макароническую поэзию» — биология, как наука, исторически описательная и требует классификации). А раз человек сейчас становится субъектом действия законов глобализованного мира, писанных не для человека, но для «смазки» деталей и узлов глобальной мегамашины, чтобы исправно работала, не истиралась в местах фрикционных сопряжений и не заклинивала в зубчатых передачах, то нет искушения и желания в этот будущий мир заглядывать даже наездом на авто времени. Тем более, что совсем скоро — по историческим меркам — эти авто станут «беспилотными». Что делать тогда путешественнику во времени? — Пустую, без него, машину на автопилоте в будущее посылать? ... Это как в русской литературной классике девятнадцатого века: исправнику вовсе и не надо трястись по разбитым дорогам, ехать в дальнюю деревню для наведения строгости и порядка. Достаточно послать с нарочным урядником свою фуражку с красным околышком. Делов-то.

Такая поездка *хомо глобаликум* в несветлое будущее все одно, что белке в колесе бежать: для нее нет будущего, только бессмысленный и бесконечный бег. Но для нее-то, хвостатой, хоть есть время обеда и сна, когда хозяин вынимает зверька из изуверской машины. А кто же выпустит, хотя бы на малое <историческое> время, винтик из глобалистской мегамашины? Это только у Чехова в «Злоумышленнике» простоватый мужичонка, что сворачивал для рыболовных грузил гайки с рельсовой укладки, полагал: дорога длинная, гаек в колее предостаточно, от одной-другой-третьей не развалится «чугунка»... В оцифрованной (цифрофренической) же мегамашине каждый миллионный, миллиардный винтик-гайка уч-

тены и цифирью же обозначены. Как в лагерной зоне; во всяком случае в концлагерях Третьего Рейха. Справедливости для — и у нас таким «бухучетом» пользовались. Дядька мой, Лазарь Федорович (Лазарь — потому что из старообрядцев, по святцам наречен), к окончанию войны ставший полковником НКВД и сам попавший* — по статье за превышение власти — в сибирскую зону, говорил, что и теперь засыпает и просыпается с видением своего лагерного буквенно-циферного номера...

Нет и не может быть по определению прошлого и будущего для участника глобального челове́йника, для расчеловеченного в своей биотехнической оболочке: от телепередачи «В гостях у цифры» до полного цифрового рабства, занумерованного #01100010110... Вот в такой-то ипостаси жизнь подлинно, безо всякого красного словца и аллегорий, становится сном: без начала и конца, зацикленным и сумрачным.

Все сказанное выше отражается, как в зеркале (ведь литература есть зеркало жизни? Как Владимир Ильич Льва Толстого обозначил не просто «зеркалом русской революции»...), в текущей литературе. И коль скоро пишутся художественные произведения, как настоящая книга — сага о путешествиях на личных машинах времени, то и они по неумолимым законам диалектики и психологии творчества отражают процесс все более крепнущей глобализации и расчеловечивания. Поэтому слишком категорично говорить, что литературное творчество уже сейчас

* Подробно см. в предыдущей нашей книге: Алексей Яшин. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы. — М.: «Новые Витражи», 2021. — 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). — В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru. — Прим. авт.

убито Великим глобализатором. Нет, теплится еще, сопротивляется глухо, подпольно, родимая. «Жив курилка!» как оптимистически воскликнул Ромен Роллан в «Коле Брюньоне».

Но это уже другая по определению литература (речь идет о русской словесности), как скажет человек, воспитанный на отечественной и зарубежной классике девятнадцатого века, советской литературе в ее лучших, не «датских» и не «номенклатурных», именах и произведениях, опять же на зарубежной классике и новаторстве (Кафка, Джойс, Стриндберг, Пруст и др.) двадцатого века. Современная литература ... как бы это образно сказать? — есть масштабно уменьшенный в разы, в порядки слепок с литературы предшествующих «великих творческих эпох» (опять же берем у Романа Роллана). И не будет обидным для нынешней русской литературы, если мы дадим ее определение как *современная литература есть салонный вид творчества*. Почему салонный? — далее подробно объясним и обоснуем. Пока же начнем, для завязки и «плавности» изложения, издаека, со времен Пушкина. И именно Пушкина как организатора русского литературного процесса, писавшего в 1825 году П. А. Вяземскому о своей мечте: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется...»

♦ Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки эту заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во все-российский литературный процесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее —

и в особенности! — через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Заметим, что в конце XIX вв. этот феномен русской литературы повторила литература норвежская... конечно, в меньших творческих масштабах. Но — это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература — с «обслуживающей» ее критикой и литературоведением — в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при непременном условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. ...Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним давно и очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью соорганизованности. Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма захлеб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГ'и с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? — Все сотни книг «с направлениями» — слева; а справа? — Многоцветье антиинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножках» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского — а это уже степень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что де-

лать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы — первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившегося грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобальном мире еще топчется на пороге, опасаясь переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человекиника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Выше уже назвали это знаковым словом: *цифрофрения*.

Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (не развала! — это либерализованный эвфемизм) СССР в Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне с искусственным возрождением артефакта частнособствен-

ничества — и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ...Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий — не только социал-революционер, но и блестящий публицист — *«мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»*. И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никак быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежечасно слышим с самых высоких трибун — через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр. и пр. — это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человеку без всякой нужды — и наоборот, вредна для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто. — Тула, 2016. — 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику). — Прим. авт.

для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чем ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие — самая яркая окраска бурной глобализации.

♦Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма, — стремительное возвращение к тому, с чего начали: к *салонному* разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых все более и более становятся «толстые» литературные журналы и... региональные отделения писательских организаций — их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадают новые, диковинные названия. На полном безденежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владычицы умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с *условно своими* областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодетельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50...100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сей-

час, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» — в силу творческой инерции, как машинист паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях semaфор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? — это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время оно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономить на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два-три родственника или знакомого прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались на собственный кошт многочисленные романы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше говорили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембе, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовлению «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных репутации хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы — только тайно!

...И самому мне доводилось читать такие романы, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и

вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на свою областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

Осталось нам «пройтись» по журналам — вроде как, на первый взгляд, по определению (см. строки из письма Пушкина) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия — два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором — «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора — могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы... а впрочем, заодно и русской классики. *Rach Americana*, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уважения к героизму издателей нынешних *журналов* мы это слово не закавычиваем, но лишь отличающе от журналов выделяем курсивом. Избави, бог, подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам таковой редактирую уже шестнадцать лет, а в свой колодезь плевать как-то некомильфо. Или демонстративно вызывающе. Нынешние журналы — тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Глав-

ное, они уравниены во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и — дай, бог, если таковые имеются! — читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравниали в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее *status quo* устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнительной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул развития мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства — трудолюбивого бесталанства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать — были бы деньги, <якобы> творческих союзов много и вступить в них что в баню сходить...), превращается в губернские салоны — аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембеке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

♦ А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? — Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча — писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать,

весь он, многомиллионный, в интернете. ...Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается по части литературно-художественной. Но вот получаю как-то номер журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя — это лишь версия или?» И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового — самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале — про книги было уже сказано выше — не в расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Еще раз напомним: так по всему миру... если там и не хуже.

...Явно превышая допустимый объем для эпилога книги, все же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие устроения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и во все прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Ради-

щевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: *«Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует»*. Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: *«От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПб <дата>. Цензор <духовное звание, имя>»*. После революции 1905-го года цензуру смягчили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: *«Дозволено военной цензурой <дата>»*. В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, *самоцензуре* авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть позволяла — раз литератор без нее обойтись не может — злободневную, конструктивную критику, но не выше должности завгоркомхоза (бесмертный товарищ Саахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное — «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

...Все сказанное, также уклончиво, к тому, что

литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее — не в интернете, но в «бумаге» — обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайтесь!» — И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

*А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты...*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог: путешествие на машине времени во сне и наяву.....</i>	<i>3</i>
Новелла 1. Полонез Огинского.....	21
Новелла 2. Город благонравных дежа вю.....	39
Новелла 3. Надомники.....	59
Новелла 4. Статский генерал, или стоп-машина времени! Осколки прошлого в настоящем.....	79
Новелла 5. Откуда насыпалось, туда же и просыпалось.....	97
Новелла 6. Кесарево кесарю — и не шалить!	117
Новелла 7. Кажимость в лилейно-карамельном тумане.....	135
Новелла 8. Мухослонопревращение: ничто не ново под луной.....	155
Новелла 9. «Езда в остров любви», или бюджетненькие сосиски «баварушки».....	175
Новелла 10. Мать Тереза нашего околотка... и отец Терезий.....	195
Новелла 11. Живая память, или у больного здоровья не просят.....	215
Новелла 12. Некоторые заметки к истории книгопечатания в городе N.....	237
Новелла 13. «Не нужен мне берег турецкий». Или тунисский?	255
Новелла 14. Гадаринские либерасты, или тотальное умозамещение.....	273
Новелла 15. К вопросу о запахе денег.....	291
Новелла 16. Из пустого в порожнее.....	309
Новелла 17. И снова богу богово, а кесарю кесарево.....	227
Новелла 18. Город Ньюгадарин и его окрестности, или последние из нерасчеловеченных.....	345
<i>Эпилог: не в свои сани не садись, а севши — под гору катись.....</i>	<i>363</i>

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

**ЖИЗНЬ КАК СОН:
ВСТРЕЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ**

18+

ISBN 978-5-6047770-1-5

Редактирование и корректура автора
Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета
С. В. Никитин

Издатель: Академия российской литературы
Издательство «Новые Витражи»
105062, Москва, ул. Покровка, 45, корп. 4, к.10
E-mail: dauria-vl@yandex.ru; тел. +7-926-850-36-05

Подписано в печать 01.03.2022
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 18,0

Печать офсетная. Бумага офсетная

Гарнитура «Akademy»

Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Аквариус»

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел./факс +7(472)49-73-73

E-mail: aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru

<http://www.grif-tula.ru>